

Олег Николаевич Верещагин

Чужая земля

Мир вашему дому! – 1



«Олег Верещагин. Чужая земля»: «Ленинградское издательство»; СПб.; 2009
ISBN 978-5-9942-0458-0

Аннотация

Мир будущего — как он есть. Мир, в котором почетным руководителем пионерской организации является Его Величество Император. Мир, в котором дворяне руководят Империей, где строй очень похож на коммунизм. Мир, в котором нет преступности, но снова и снова гремят войны. Мир, в котором мечтой любого мальчишки вновь становится мечта о космосе — но отнюдь не мирном. «Полдень. XXII век»? Нет. Новый мир будущего.

Олег Верещагин

Чужая земля

На наших танках, входивших в 2000 году в Грозный, было написано: "Мир вашему дому!" Мне кажется, писавшие это солдаты сами верили в то, что написали.

Воспоминание очевидца.

Тем, кто сражался, сражается и будет сражаться за Россию — посвящается! Держитесь, мужики!!!

Автор.

Глава 1

Игорь Муромцев и другие

*Веселись, юноша
В юности своей.
Экклезиаст.*

1

25 июня кончались школьные экзамены.

Я всей душой ненавидел это число. Если бы я рассказал кому-то о своей ненависти, меня сочли бы сумасшедшим, наверняка. Любой мальчишка — от шести до пятнадцати лет — твердо знает, что нет ничего лучше этого числа, потому что этот день означает завершение девятимесячной каторги и обещает долгих три месяца самого лучшего времени года — каникул. Иные мнения не рассматриваются.

Сам я так тоже думал. Еще каких-то три года назад...

...У нас очень хорошая школа. Это даже не школа, а Императорский Лицей — одно из тех заведений, которые патронирует не Министерство Образования, а лично Его Величество. В таких лицеях — это все знают — готовят военную, политическую и экономическую элиту Империи. Ну, вы видели, в половине всех приключенческих стерео если нужен не совершеннолетний герой, то он обязательно учащийся или выпускник одного из Лицеев. Конечно, в стерео наворочено много всякой, ерунды, а кое-какая правда даже не упоминается, но это понятно. А в целом — все верно, у нас девять лет готовят из отборного материала отборных людей, за которых еще до окончания школы начинают тихо драться все имперские министерства и службы. И наши выпускники без работы не сидят, еще и выбирать могут, в профессиях, как в сору, роются.

Смешное выражение... Когда мне исполнилось семь лет и я окончил начальную школу, отец подарил мне диск со старинными мультиками — моно, нарисованными от руки (!) еще до Третьей Мировой, а теперь восстановленными. Там был мультфильм про волшебное кольцо, где царица вот так говорила — "как в сору, роюсь"... Диск цел до сих пор. Только я его не смотрю. Не могу.

Ну так вот. Наш лицей — Селенжинский — один из самых старых. По неофициальной легенде — даже самый старый. Точно известно, что его построили еще до Галактической Эры, в годы Безвременья, там, где в Байкал впадает река Селенга. И был он тогда никакой не Императорский Лицей, а просто школа-интернат для сирот, который основал бывший генерал федеральной армии Белосельский. Ну, вы знаете историю. И про войну, и про то, какая, была ядерная зима, и как вымерли, целые страны, и как все развалилось, и про банды, и как уцелевшие стягивались в Сибирь и Канаду, и про эпидемии, и сколько было сирот — вообще все это в школах проходят, и хороший художественно-документальный сериал "Хроники Безвременья" вы смотрели, конечно... Это уже потом он стал лицеем, когда его выпускники помогли — ну, его и других таких интернатов, которых объединило движение «РА» — Петру Романову в Серых Войнах, когда он восстанавливал нашу страну. И это уже потом сюда стали принимать отборных. Таких, как я.

Я никогда не задираю нос, что я — «отборный». Но вот уже больше двухсот лет — все с того же Безвременья — Муромцевы получили дворянство и служили в армии. Первым, кто стал дворянином, был Игорь Борисович Муромцев (меня называли в честь него!), который пять лет оборонял от банд Владивосток и сберег там часть океанского флота. Там он и погиб, не дожидаясь подхода подмоги, и Петр Романов посмертно присвоил ему наследственное дворянство, а его сына и дочь послал учиться в лицей...

У нас дома есть Портретная Галерея, где висят портреты — настоящие, красками, не

голографии — всех мужчин нашей семьи. Четверть из них — в оранжево-черных «георгиевских» рамках. В знак того, что эти люди погибли за Россию.

Еще три года назад я думал, как это здорово. Я гордился этим.

Я и сейчас горжусь. Но я только...

...В нашем лицее очень интересно учиться. Но я всегда ждал с нетерпением экзаменов и каникул, потому что пять лет подряд я проводил их с родителями. Это было как закон. Чаще всего — с мамой, но три раза отцу удалось так подгадать свой отпуск, что и он оказывался с нами, и это было интересней и веселее всего.

Мы отправлялись в походы по тайге. Мы были на берегу Московского Моря, навсегда скрывшего от людских глаз руины древней столицы. Отец жалел, что его опередили — не он научил меня стрелять и охотиться. Мы ездили в Петроград и в сам Великий Новгород. Были в Англо-Саксонской Империи. Путешествовали по заповедникам Южной Америки, Африки и Азии. И конечно, летали в космос. Трижды. Первый раз, когда я был еще совсем мелким, отец лечился на курортах Зеленого Шара — я тогда был в восторге и даже не знал, что отца ранили; там я первый раз увидел живых инопланетян — и Вассалов, и Союзников, и Нейтралов, и даже Чужих.

И фоморов среди последних. Но тогда — тогда я ничего еще не мог знать...

...Потом мы были на Океаниде, где жил дядя Женя и где я познакомился с Пашкой. Оттуда я вернулся загорелым до цвета черного кофе и переполненным впечатлениями. Я еще побывали на Брэссудзе — планете шэни, одной из нейтральных рас, где поразительно красивое небо и прозрачные башни парящих над лесами городов. Диски со снимками и фильмами я иногда смотрю до сих пор.

Тогда — три года назад — мы тоже должны были лететь в космос. Я так и не узнал — куда. Мне, дураку, вдруг показалось, что я уже не маленький — мотаться с родителями. Наш класс летел в Амазонию, и я сказал в разговоре по видеотектору, что полечу с ребятами.

Если бы я знал... Если бы только знал — я бы все бросил, я бы помчался домой, я бы вцепился руками, ногами... чтобы вместе. Пусть до какого угодно конца. Но вместе. А я отказался.

В Амазонии было весело, здорово. В начале сентября я вернулся в лицей, чтобы собраться и оставшиеся три с небольшим недели провести с мамой — меня немного покусывало изнутри, что я не захотел в этот раз лететь с ней, а с отцом вообще не поговорил.

Вот тогда я все и узнал. Сразу...

...Когда 202 года назад люди вышли в Галактику, то на целых четверть века началась череда войн. Оказалось, что в космосе довольно тесно, как это ни смешно. Выходили соперничающие империи — наша, Русская — и Англо-Саксонская, но про соперничество тут же пришлось забыть, потому что на людей набросилась сразу восемь рас, каждая из которых владела собственной империей — но уже звездной.

Мы победили. С тех пор за землянами установилась негласная слава самого драчливого, отважного и сплоченного звездного народа. За два века мы, русские, освоили шесть планет с собственной разумной жизнью (такие называли Вассалами), восемнадцать — пригодных для жизни, но без собственных цивилизаций и еще двести тридцать семь Лун — планет, на которых добывались полезные ископаемые, а атмосферы либо не было, либо она была ядовитой. У англосаксов те же показатели составляли четырнадцать, шестнадцать и двести три соответственно. Семь мощных звездных рас числили себя Союзниками человечества. Пять — либо слишком слабые, либо достаточно сильные, либо себе на уме — оставались нейтральны. В принципе, Галактика была достаточно велика, чтобы без особой нужды не сталкиваться в конфликтах, и наш выход на звездную сцену — с грохотом и взрывами, эффектный — даже уменьшил количество конфликтов между расами.

Но были еще и Чужие.

Были нэйкельцы и джаго — доминировавшие в прошлом, они не могли простить землянам потери лидерства и оставались достаточно сильными, чтобы временами щупать нас на прочность.

Были поразительно внешне похожие на нас, землян, сторки — жестокие, надменные, таящие на нас злобу за разрушение их рабовладельческой системы и за борьбу с пиратством, которым они промышляли.

Были дайрисы — совершенно непонятные, с нечеловеческой логикой существа, не признававшие — или не понимавшие — дипломатии, недоступные в своих чувствах и побуждениях нашим лучшим ксенологам. Неясно было даже, чем мы их задели, но нападали они регулярно.

И были фоморы.

Они появились не так давно — лет десять назад. "Черт побери, это же натуральные фоморы!" — успел передать офицер с исследовательского судна «Квест» Англо-Саксонской Империи, первым вступившего в контакт с новой расой. Офицер имел в виду одноглазых существ из древних легенд Британских Островов. А название «Квест» стало для землян символом мщения. Корабль захватили, уничтожив экипаж с варварской жестокостью, развернули его в сторону наших миров на автопилоте. Так раньше, говорят, отсылали головы послов тем, с кем не может быть мира.

Война получилась короткой, хотя и тяжелой. Я плохо ее помню — мне ещё и шести не исполнилось. Фоморы упрямо прорываюсь к обитаемым планетам. Казалось, они поставили себе целью не уничтожение вражеских кораблей, а истребление как можно большего количества людей — не важно, военных или гражданских. Они высаживали десанты, не считаясь с потерями — десанты из каких-то своих то ли союзников, то ли рабов, мы даже сейчас этого точно не знали. Помню, что мама запретила смотреть репортажи с одной из отбитых после короткой оккупации планет, но я посмотрел тайком и потом долго боялся спать по ночам.

После первой короткой растерянности за оружие взялось население пограничных планет. Вражеским десантникам пришлось воевать не только с регулярными частями гарнизонов, но и с решительным и многочисленным ополчением. А самое главное — наш флот оказался лучше подготовлен к войне. Специалисты решили позже, что фоморы, наверное, уже долго не встречали хотя бы приблизительно равного по силам врага и «растренировались», так сказать.

В 192 году Г.Э. в сражении у Веги фоморы потерпели страшное поражение. Наш адмирал, Бакланов заманил их армаду в ловушку и почти полностью уничтожил, а затем последовательно и безжалостно стер в пыль две десантные эскадры. Потом в космос бросили сеть из крейсеров и методично вылавливая спасшиеся корабли врага. Было взято множество пленных и, хотя даже командиры кораблей почти все требовали истребить их, адмирал сказал, что не позволит нарушать правила и законы войны. Фоморам дали несколько грузовиков и проводили под конвоем до границы.

Но фоморы не успокоились. Она не только заблокировали очень перспективное направление нашей экспансии, но и то и дело организовывали налеты и провокации, снюхивались с Чужими — все такое прочее. Вот и тем летом, когда я пел песни у костров в Амазонии и продирался через джунгли...

Отец уже два года командовал своим кораблем — корветом «Буря». В том году у них с мамой не совпали отпуска, и, когда я отказался от поездки, мама улетела к отцу. Говорят, на базе шутили, что женщина на корабле — к несчастью, была когда-то такая примета, ещё во времена древних парусных флотов.

Если бы я согласился лететь, с ней — она бы не оказалась на той базе. Мне сказали, чтобы я не смел об этом думать, но мысль эта проползает сквозь блокировку, как змея.

Не оказалась бы.

Рейдер сторков напал на рудовоз одной из союзных рас. Отцовская «Буря» и еще два корвета ушли на помощь. На базе остались только полдюжины истребителей. Что они могли

сделать против линкора фоморов?

База продержалась шестнадцать часов. Этого времени хватило корветам, чтобы разобраться — их просто выманили подальше. Они даже успели вернуться.

Вот только база была уже почти полностью разгерметизирована и почти вся горела.

Линкор не успел уйти просто так. Корветы бросились на него, как бросаются на огромного хищнике маленькие зверьки, отчаянно защищающие свое гнездо. Был бой. Все три корвета получили тяжелейшие повреждения. Но и те подонки на своем разбойничьем корыте еле убрались за границу.

Мой отец, капитан-лейтенант Императорского Военно-Космического Флота Вячеслав Андреевич Муромцев, пал смертью храбрых на боевом посту. Ракета попала прямо в боевую рубку. Там ничего не осталось. И никого.

Маму не нашли. Уцелевшие рассказали, что она была в скафандре, но отдала его раненому стажеру-кадету — у того скафандр распоролось в нескольких местах — а себе взяла простую кислородную маску для внутренних работ по кораблю и комбинезон.

Что такое маска и комбинезон, когда со скрежетом лопаются борт, визжит рвущийся наружу воздух, и внутрь вваливается абсолютный ноль с искрами звезд? Что такое маска и комбинезон, когда, хлюпая, текут расплавленные адским жаром переборки? Что такое маска и комбинезон, когда почти в упор, как в планетарном бою, избивают борта станции импульсаторы фоморов?

Тот кадет — на четыре-пять лет старше меня тогдашнего — прилетел ко мне сам и все рассказал.

Помню, как я прошёл мимо него. Вышел в коридор. А там было никак.

Первый раз в жизни я потерял сознание.

Это было три года назад.

2

Поставив пятки на край скамьи и обхватив колени руками, я сидел на самой окраине Парка Памяти, недалеко от берега Байкала.

Огромное багровое солнце вставало над озером, над отрогами Приморского хребта. Ровный сильный ветер — знаменитый баргузин, — казалось, раздувает солнце, как уголь, чтобы оно поскорей засияло вовсю, чтобы поскорей настал настоящий день...

...Вот так я остался сиротой.

Конечно, я не один такой был в нашем лицее. Почти у четверти не было отцов, человек у десяти матерей, а двое или трое, как говорится, вообще круглые сироты. Да и «сирота» в наши дни — это не то, что в древние времена. Ясно было, что меня не бросят ни лицей (а значит, — сам Его Величество!), ни Флот, да и вообще... Тут же начались телезиты сперва нашей родни, потом — полужнакомых и вовсе незнакомых людей, которые предлагали опеку, помощь, просто сочувствовали. Пашка с Океаниды прорвался и сообщил, что его родители готовы оформить опеку, он уговорил... Ребята — и одноклассники, и из других классов — подходили с чем-то похожим — я, если честно, толком не помню, кто... Конечно, опеку оформил лицей и для меня в жизни, казалось, ничего не изменилось... кроме одного.

С тех пор после 25 июня мне некуда стадо собираться. И не к кому.

Понимаете? Нет?

Хорошо, что нет.

Сперва я хотел покончить, с собой. Такое право есть у любого человека. Если вдруг почему-то он понимает, что жить больше не имеет смысла — его никто не осудит. Это бывает. Редко, но бывает... Но в школе меня научили разбираться в себе и анализировать свои поступки и их причины. Я понял, что это просто растерянная тоска — и остался жить.

Но я словно бы замерз изнутри. Нет, я не сидел, сложа руки на коленях и уставившись взглядом в никуда, как человек, побывавший в плену у джаго, которому стерли память и которого надо собирать по кусочкам, как расколотую вазу. Я продолжал учиться, занимался спортом, ходил на факультативы, играл в лицейском театре, разговаривал и даже иногда смеялся. Но я чувствовал — внутри меня сидит острый ледяной кристалл. Временами мне казалось, что я сам постепенно превращаюсь в такой кристалл — как расхотевший жить дайрис. Папа видел их пленных и рассказывал, что у них так бывает.

Так я прожил год.

Помню, что утром 25-го я проснулся в солнечном настроении, потому что сегодня...

Так было всего одну секунду. Потом я все вспомнил.

Я встал, привел себя в порядок. Собрался. Предупредил всех, что уезжаю на каникулы. Меня проводили до станции — и я уехал в Верный, где вот уже два века стоял наш родовой особняк.

В Портретной Галерее я увидел портрет отца, заключенный в георгиевскую рамку.

Я повернулся к Василию Андреевичу, нашему управляющему. Я хотел закричать, чтобы он не смел, чтобы он снял немедленно, чтобы... А вместо этого шагнул к нему, уткнулся в его мундир — и захлебнулся слезами. Первый раз с шести лет, когда меня увозили в лицей.

Я плакал навзрыд, забыв, что на мне лицейская форма, что я мужчина, что мне тринадцать лет и недавно я получил право носить оружие. А старик гладил меня по голове и шептал:

— Плачь, Игорь, плачь... Сейчас плакать не стыдно... Все воины плачут, когда уходят отец и мать... все воины плачут, когда погибает друг... все воины плачут, когда ранят в живот... плачь, мальчик, плачь...

Я плакал долго-долго. А когда затих, совсем обессилив — понял, что мне стало... легче. Словно растаял и вышел слезами тот страшный кристалл, разрывавший меня изнутри весь тот год.

Больше я дома не был. На следующих каникулах я улетел на Марс. К геологам. А следующий год был последним...

... Я спустил ноги со скамьи, нашарил туфли, но вставать не стал, а просто оглянулся. За моей спиной, среди разбросанных в кажущемся беспорядке кустов и деревьев Парка, возле хаотичных дорожек, стояли в траве люди. Неподвижные. Много...

Такой Парк есть в каждом лицее и даже в некоторых обычных школах. В нем устанавливают стабильные голограммы выпускников — или даже учеников — которые прославили себя, школу и Империю. На войне иногда, а иногда в мирное время, в науке, исследованиях, работе... Не статуи, а именно голограммы, безо всяких постаментов — так, что кажется, что просто живые люди стоят и любуются на зелень, небо, птиц...

Там есть мой пра-пра-прадед, Радослав. Его проще называть по имени, потому что он был совсем молодым, когда погиб, даже пра-прадед еще только должен был родиться. Радослав Игоревич Муромцев открыл две Луны и планету Рада. Вернее, тогда еще ее не называли Радой... Это была большая и красивая планета как раз того типа, что больше всего подходит людям. Но буквально через неделю после высадки для первичного исследования на нее — тогда еще просто номерную — опустились два рейдера сторков.

У них было в двадцать раз больше бойцов, чем на корабле пра-пра-прадеда. В таких случаях надо отступать, и сторки даже были готовы предоставить Радославу такую возможность. Но он уже поднял над планетой черно-золото-белое знамя России. И он сказал на коротких переговорах: "Никогда не будет спущен русский флаг там, где он поднят единожды."

Говорят, он не сам придумал эти слова, их сказал их первым какой-то древний адмирал еще земного, морского флота. Но разве это важно? Важно то, что, когда через две недели эскадра Флота пришла к номерной планете, флаг еще развевался над выжженной,

оплавившейся, раскуроченной посадочной площадкой, подтверждая право этой земли именоваться РУССКОЙ.

Тело пра-пра-прадеда вырезали из оплавленной земли — в обугленных доспехах, с искореженным оружием в черных руках. И похоронили его там же, недалеко от флагштока, с которого так и не спустили флаг. А планету назвали Радой...

...Когда мне было десять лет и нас впервые возили в Великий Новгород на День Поминовения, меня вдруг начал мучить один вопрос. Меня, как и остальных, заворожала печально-гордая церемония, похожая то на тихий снегопад в лесу, то на ослепительную зимнюю бурю, воющую и кружащуюся, то на январский солнечный день — в серебряном блеске... А когда Его Величество сказал — и голос громом раскатился над полем — "Так мы будем чтить наших погибших!" — я почувствовал, что у меня мокрые глаза, но это был не плач, нет, а гордость, и глаза моих товарищей тоже блестели, и глаза взрослых тоже...

Но потом — потом возник этот вопрос... ЗАЧЕМ?

Мы с отцом были на катке Медео, когда я задал ему этот вопрос.

ЗАЧЕМ? Ведь те, кто погиб, не услышат торжественных горнов, не увидят световых мечей в небе! Для них нет даже просто закатов и рассветов, росы на траве и дыхания! Какой для них-то смысл в победах и торжественных речах?! Зачем мы убиваем, например, нэйкельцев, а нэйкельцы нас? Ведь космос огромен...

Помню, что я говорил сбивчиво и нескладно, совсем не как ученик лицея. Но отец понял. Он долго молча, задумчиво глядя на меня, а потом спросил:

— Игорь, ты знаешь, почему погибла прежняя цивилизация?

— Конечно, знаю, — удивился я. — Была ядерная война.

— Нет, — покачал головой отец. — Война — это только итог. Как боль — итог ранения. Цивилизация погибла из-за того, что люди исказили смысл слов и понятий. Они, как и мы, хотели жить лучше. Но они хотели жить лучше даром. Ничего не отдавая, кроме слов. Они поверили, что хорошую жизнь можно получить голосованием. Они убедили себя в том, что обо всем и со всяким можно договориться. Они без конца придумывали законы вместо того, чтобы выполнять заветы предков. Были даже целые организации, занимавшиеся изобретением законов — и тут же существовали другие, помогавшие эти законы обходить. Их женщины занимались политикой вместо того, чтобы рожать детей. Их мужчины болтали вместо того, чтобы делать. А тех, кто не хотел жить так, называли опасными... Тогда думали одно, говорили другое, делали третье, хотели четвертого, а получалось вообще пятое — и те, кто имел власть, поощряли в людях слабость и пороки, потому что слабыми и порочными легко управлять. Вот тебе кажется естественным, что, когда ты в прошлом году заблудился в Петербурге, то просто лег на скамейку в парке и спал, пока тебя не нашли. А в те времена в твоём родном городе, например, — он тогда назывался по-другому, на одном вымершем языке "Отец яблок", но стоял там же — были целые районы, куда опасно было заходить даже взрослым. Люди кричали, что они свободны — и прятались за бронированными дверями квартир. И если бы тогда ты вздумал ночевать в парке, тебя бы украли или убили. Хотя везде говорили, что все лучшее — детям! В конце концов, — отец положил руку мне на плечо, — самые наглые и сильные потребовали, чтобы им подчинился весь мир. Они уже привыкли к тому, что им не перечат, им всегда уступают. Уступили бы и в этот раз, и мы бы сейчас жили в таком же мире, как сторки — с бессловесными рабами и жестокими рабовладельцами, в мире, где одни владеют всем, а другие даже собой не могут распоряжаться. Но у нас, в России, нашлись те, кто не захотел отступать. Они начали войну. Так отрубают когда-то пораженную гангреной конечность, чтобы выжил сам человек.

— Это называлось ампутация, — вспомнил я. Отец кивнул:

— Да, и ампутация оказалась болезненной — мы едва не погибли. Но выжили. И выздоровели. С тех пор мы живем по правилу: даром — НИЧЕГО! В принципе, человек может получить все — все, что пожелает. Если только согласен заплатить за это настоящую цену, Игорь. А цена иногда оказывается — жизнь...

— Но я об этом и спрашиваю! — помню, что я даже встал, вскочил от возбуждения. — Зачем человеку то, за что он сражался, если он мертв?! Ведь его больше нет! И не будет!

— А ты? — тихо спросил, отец. И взглянул мне прямо в глаза. Пристально и с улыбкой — не на губах, не на лице даже, а в глазах, в их глубине: — А ты, Игорь? А вы, дети? Конечно, отступить можно всегда... почти всегда. Космос ведь велик; не эта планета — так другая, пусть чуть похуже, зато без борьбы... Или просто Луна — в конце концов, можно построить на ней искусственные купола, зато не будет крови... А потом у твоих правнуков — во имя мира и согласия! — потребуют: откажитесь от колонизации вообще и заодно ограничьте рождаемость. Зато не будет крови... А к пра-правнукам придут и скажут: отдайте то, чем владели пра-прадеды, вы же все равно вымираете. За это мы позволим вам дожить спокойно. И не будет крови... А начнется все с того, что я спрошу себя: зачем мне эта победа? Зачем она мне, если ради нее придется умереть? И, когда я так спрошу, Игорь — я ограблю тебя. И твоих детей.

Я представил себе то, о чем он говорил — и у меня даже волосы на шее и руках зашевелились, так это было страшно. А отец продолжал:

— Когда наши предки вышли в космос, то потеряли в Первой Галактической Войне две трети населения. Больше миллиарда. Но я и ты есть благодаря тем погибшим... Запомни, Игорь, — он положил ладони мне на плечи, — никогда не отступай. Ты землянин. Больше того, ты — русский. А если придется умирать — умри лицом к цели. И знай, что ты своей смертью продолжаешь жизнь. Вот и вся философия...

...Я взял и перелистал лежащую рядом на скамейке книгу. Это была книга из нашей библиотеки — я забрал ее тем летом; настоящая книга, не микрофильм на диске и даже не на пластиковых листах, как лет сто пятьдесят назад, а на бумажных. Ее выпустили еще до ядерной войны и Безвременья, этот сборник стихов поэта Белянина. Отец любил эту книгу — и я полюбил тоже, хотя началось все просто с того, что я, листая ее потрепанные страницы, наткнулся на жирно обведенное кем-то, — может, и отцом — стихотворение...

Вот оно. Я отложил сборник и начал громко читать — по памяти, все равно никого не было рядом...

*Это было со мной,
но в какое-то
Давнее время,
О котором забыть —
или вспомнить —
Еще не успел.
Мне тогда не казалось звенящим
Горячее стремя,
Я не слышал поэзии.
В жалающем шелесте стрел.
Мне казалось, что меч —
Это просто оружие боя.
Я любил свой клинок,
Но беи ложного пафоса слов.
И в понятии "смерть"
Мне не чудилось что-то "такое"...
Умирать, чтобы жить —
Вот просто основа основ.
Как мы верили в жизнь!
Но никто не боялся и смерти.
Мы боялись лишь мора
И гнева суровых богов.*

*Над огнем и в огне
Нас ворочал чудовищный вертел,
И судьба нам являлась в смятеньи
Пророческих снов.
Горький дым пепелищ
И горящие гневом погони,
И ночные бои
Средь огня половецких костров...
Были кони у нас...
Ах, какие у нас были кони!
Я сейчас, как тогда,
Целовать их копыта готов.
И друзья на руках умирали,
Успев улыбнуться,
Я бессильные слезы
Текли по небритым щекам...
Я безумно хочу
В это давнее время вернуться
И пройти — по своим, может быть! —
Неостывшим следам...
Солнце встало, оторвавшись от воды.*

Я помню, как обрадовался, услышав эти стихи, как песню в стерео о той, самой древней, России — в «Побратимах». Словно привет от отца прозвучал с экрана.

"Как мы верили в жизнь! Но никто не боялся и смерти," — подумал я. Я понял в этот момент, что буду делать, дальше. Отчетливо и ясно понял.

— Игорь! — окликнули меня.

Я обернулся. По тропинке над речным берегом ко мне поспешно шагал Денис Карташов.

3

С Денисом Карташовым мы не были друзьями. У меня вообще не оказалось в лицее близких друзей — так бывает, и я не очень страдал, потому что товарищами были мы все, и это — на всю жизнь. По-другому просто не может быть. Но неделю назад, на «выживании», так получилось, что я спас Карташову жизнь. Из нашего класса — из двадцати мальчишек — двое погибли, и Денис не стал третьим только благодаря мне.

Я если честно, об этом уже и думать забыл. Но он помнил, естественно. Денис был уже, конечно, не в лицейском мундире, но и не в строгой «тройке», в каких мы гуляли на балу и какую я не успел снять. Ну да, подумал я, все, наверное, разъезжаются...

— Привет, — Денис подошел, помедлил, присел на спинку скамейки. — Вот ты где... А я спрашиваю — никто не знает...

— Едешь поступать в Гагарин? — я откинулся назад, раскинул руки по верхней планке. Денис кивнул. Он всегда мечтал стать штурманов во Флоте, и, когда в числе прочего ему предложили попробовать поступить в Академию, он тут же отмел все прочие приглашения. Мне тоже предлагали. Я тоже мечтал, только о пилотском пульте. Мечтал... три года назад. А недавно понял, что служба в космосе, где погибли отец и мама, будет для меня пыткой. Какая уж там нормальная работа... — Удачи.

— Ага, спасибо... — он сверху вниз искоса посмотрел на меня: — А ты?.. Ты согласился?

Я понял, что он имеет в виду. Позавчера со мной беседовал очень вежливый и

обстоятельный господин из Отдела Внешней Информации Военного Министерства. Проще говоря — из военной разведки. Он в самых обтекаемых фразах предложил работу у них — сперва стажером при какой-нибудь миссии, потом обучение и офицерский чин — ну и так далее. "Нам очень нужны такие," — несколько раз повторил он. Такие — это геологи, информколлекторы, полевые врачи и пилоты малых космических кораблей; именно такими были освоены мною профессии. Я попросил разрешения подумать, и человек немедленно согласился, сказав, что они могут ждать весь ближайший год, понимают, как я устал на экзаменах и вообще, поэтому пусть я отдыхаю и думаю, а когда приму решение — свяжусь с ними по коду...

— Согласился, — кивнул я, не став объяснять, что окончательно решил это какие-то минуты назад, здесь, над озерным берегом, когда читал стихи древнего поэта. И пусть фоморы поберегутся моего решения. Это не слова. Это клятва.

— Жаль, — вздохнул Денис, и я посмотрел на него удивленно, но он кивнул, подтверждая сказанное: — Я думал, ты все-таки решишь в Гагарин... тогда бы мы вместе...

— Ты же не один туда из наших, — усмехнулся я. Денис снова кивнул:

— Не один, но я хотел с тобой... Ладно, — он соскочил наземь и расстегнул куртку. — Вот... это тебе. На память, в подарок и все такое.

Я обалдел. Действительно обалдел, потому что такого не ожидал.

Два года назад, когда нам исполнилось по тринадцать лет, мы получили разрешение на оружие. Многие тут же бросились покупать первое, что попадется; я — нет. Меня вполне устраивал школьный арсенал, а свое собственное оружие выбирать нужно тщательно и тогда, когда в нем и в самом деле будет нужда. Тем более, что отец обещал помочь. А вот Денис оказался исключением. Его двоюродный брат — он был намного старше и служил в десантно-штурмовых войсках — привез Денису РАП ТБ-98. Настоящий ручной автоматический плазмомет «Тула-Баранников», тридцатизарядный, отделанный серебром и самшитом, в полированной кобуре, выложенной изнутри алой кожей. Не штучный образец, а сделанный на заказ!

И вот сейчас Денис протягивал кобур с ТБ мне. Длинный ремень из мягкой коричневой кожи покачивался у его колен.

— Ты чего... серьезно? — выдохнул я, не смея поднять рук и прикоснуться к этому чуду.

— А чего? — Денис неловко вздернул плечи. — Зачем он штурману, это же планетарное орудие... А ты... если ты будешь в ОВИ... там как раз... Ну, бери, что ли...

— Подожди! — я дернулся. — Пошли, я сейчас тебе свою полевку отдам...

У меня был отличный полевой нож, настоящий русский, с вытравленным на лезвии девизом «РА» — "РОССИЯ ИЛИ СМЕРТЬ!" И не подделка, а настоящий нож из годов Безвременья. Такими сражались с бандами «витязи» «РА». И я бы сейчас его отдал, не задумываясь, потому что внезапно понял — Денис мог бы быть мне настоящим другом... но он покачал головой:

— Не надо, Игорь... Мне для тебя ввек не отдариться... — потом неожиданно обнял меня, отстранился и пошел, оставив кобур на скамье. Я его окликнул, но он отмахнулся, а потом крикнул на ходу:

— Если буду нужен! Один визит — и я у тебя! Где бы ты ни был!

И — ушел.

Я помедлил. Поднял ТБ, осторожно повесил на плечо.

Оттянув его боевой тяжестью, кобур сурово повисла точно под правой ладонью — у бедра.

* * *

Моя комната была уже нежилой. Отдельно стоял рюкзак с упакованными личными

вещами. Отдельно — контейнер с тем, что надо было отправить домой, куда я сам не собирался заезжать. Системы жизнеобеспечения ещё работали, но робот-уборщик уже привел комнату, где я прожил девять лет, в тот стерильно-нежилой вид, который яснее ясного говорил: тут уже нет хозяина. До первого октября, когда сюда вселят тихого, слегка оглушенного первоклашку...

Привалившись плечом к косяку и приказав двери закрыться, я вдруг остро и ясно ощутил свою бездомность. Тут я уже чужой. В Верном... в Верном я никогда и не был своим, если подумать. Домом на каникулах для меня всегда были мои родители. Где они — там и хорошо. А что теперь?

— А теперь — начинается взрослая жизнь, — громко сказал я в тишину комнаты. И это было правдой. До совершеннолетия мне оставался еще год и номинально лицей сохранял надо мной опеку. Но реально у нас, «элиты», с этим было проще. В сущности, я мог идти, куда хочется и делать, что желаю.

Девять лет обучения и воспитания гарантировали, что я не сделаю глупости и не совершу преступления.

Может быть, прямо сейчас нанести визит по коду и принять предложение господина из ОВИ? Я задумался и понял, вдруг, что очень-очень устал. Нас всегда учили, что безделье — это страшный грех, что работать интересней, чем отдыхать, и я верил в это. Да и как было не верить, если Галактика была такой огромной, интересной и зовущей, жизнь — такой долгой, а сделать надо было успеть так много! Но сейчас я не годился для работы. Я знал, что такое бывает у взрослых. Человек вдруг остывает, как брошенный в росу уголек. Это не страшно. Ему просто надо отдохнуть, а там все завертится опять. Наверное, просто все сложилось так, одно к одному — мое одиночество, напряжение последних трех лет, тяжелые экзамены, сегодняшние мысли, мое решение о том, что делать дальше — что мне этот отдых требовался раньше, чем остальным. И я знал, что никто не ткнет в мою сторону пальцем, обвиняя в лодырничестве и существовании за чужой счет.

Четыре года назад преподавателю социоистории долго пришлось растолковывать нам смысл слова «бездельник» как социального явления.

Проще говоря, мне нужно было место, где никто не знает меня, я не знаю никого, где тихо и не стучатся в двери глобальные проблемы. В конце концов, этот год можно использовать, чтобы написать аспирантскую работу геологии и получить первое гражданское звание...

Эта мысль показалась привлекательной. Раньше я не задумывался об этой стороне карьеры, сосредоточив все мысли только на стезе военного. Но ведь масса военных прославились как ученые, исследователи, путешественники... Хотя бы майор Шаменков, у которого я работал на Марсе. Как майора инженерных войск его и не знает никто. А как исследователь Марса он во всех журналах по ареологии есть. Я до потолка прыгал, когда он похвалил мою заметку по аллювиальным почвам высохших рек, напечатанную в "Русском императорском вестнике планетологии". А капитан Паташов? Он же работал на Отдел Колониальной Безопасности Военного Министерства — и прославился как великий зоолог, автор книг по животному миру Сапфира; до сих пор зоологические каталоги по всем планетам так и называют «паташовские». А Белогрудов? Ему же шестнадцать лет было, когда он получил лейтенанта за "обеспечение безопасности поселений перед лицом неконтактных туземцев" — и одновременно защитил сразу кандидатскую по ксенологии. Его "Жители песков Нова-Гоби" я читал, как приключенческий роман, хотя ксенологией в жизни не интересовался за пределами программы!

Я представил себе дом на окраине инопланетного леса. Небольшая комната, настольная лампа, уютно горит экран компьютера. Вечер. Я сижу за столом, пью чай и пальцами левой руки набираю текст, записывая сделанные за день походов по местным холмам наблюдения... Здорово.

— 9-17, — сказал я в пространство, — дай-ка мне список наименее освоенных планет.

— Сделано, — раздался через миг спокойный, доброжелательный голос — и на

панорамном окне вид на море сменился столбцом из множества названий. Я впопыхах не конкретизировал, и автомат выдал не только «наши» планеты, а вообще все известные малоосвоенные, но это были пустяки. Не сводя глаз со списка, я присел на диван, положил стукнувшуюся в пол кобуру на колени. Протянул руку, дернул пальцами — из стола выдвинулась клавиатура. У нас стояли лучшие компьютеры в мире — иркутские "Финист+". Не вставая, я представил себе клавиатуру и зашевелил пальцами. Такие фокусы приводили в оторопелый восторг «обычных» ребят с которыми я встречался во время каникул. Ничего особенного, простая телекинетика. В человеке потенциально заложена такая куча возможностей, что диву даешься, почему он вообще выбрал в свое время технический путь развития, а не занялся самосовершенствованием, как некоторые известные нам расы...

Остались три «наших» планеты — Багровая и Константина — обе без собственных цивилизаций — и «союзная» Сумерла, открытая перед самой войной с фоморами, каких-то десять лет назад. Подумав, я вывел на экран данные по Сумерле. Какое-то время изучал их. Потом сказал, не сводя глаз с окна:

— 9-17, заказ... Двенадцатичасовой струнник до Новосибирска. Дальше подгоняй время. Планетолет Новосибирск — "Восток"/Луна. Лайнер — ближайший с заходом на Адамант. Планетолет Адамант — Озерный/Сумерла. Стратолет Озерный — Прибой. Экраноплан Прибой — Чернолесье.

— Заказ принят, — ответил автомат, а через полминуты добавил: — Сделано, — и из щели принтера с шелестом выскользнула в приемный лоток тонкая стопка разноцветных билетов.

Полызмей (дельта Оленя):

расстояние до Солнца — 111 парсек...

Спектральный класс K4;

радиус и масса равны солнечным.

Тепловое излучение ок. 45 тыс. Кельвин...

13 спутников...

Луны NN 233, 234...

обитаем один мир — Сумерла (4-й спутник... статус — Вассал)...

С у м е р л а:

орбитальный радиус — 1,5, величина — 1, период обращения — 432 дня...

естественный спутник — Адамант, величина — 1,8, расстояние — 1,7...

Масса планеты — 1, плотность 0,9, сила тяготения — 1,08...

Радиус — 7123 км., длина экватора — 41 327 км...

Общая площадь поверхности — 500 892 345, 23 кв. км...

Водой занято 70 % поверхности...

Среднее атмосферное давление 0,9, содержание кислорода — 22 %...

Наклон оси отсутствует. Период обращения — 24 часа...

Планетография:

Сумерла полностью геоморфна ботанически и частично — зоологически...

Один большой материк в западном полушарии планеты — Беловодье (80 % суши)...

большие острова в восточном полушарии: Жемчужная Коса, Огненный, Новый Мадагаскар (5, 4 и 2 % суши соответственно)...

на севере — архипелаг Ожерелье (3 % суши)...

Океан — Великий...

Климатические зоны отсутствуют. Средние температуры зима/лето = -15 / +20 градусов Цельсия повсеместно...

Ландшафт: лес, лесостепь по экватору, озерные цепи у полюсов...

внутренние моря Черная Чаша и Зеркальное (пресные). Крупных рек нет...

Примечательны пять горных цепей Меридианы, идущие через весь континент с севера, на юг и как бы делящие его на сегменты...

высочайшая вершина планеты — пик Силантьева (4247 м.)...

тектонически планета пассивна...

Население:

/на 200 г. Г.Э./ — 159 617 чл. (90 % русские, 5 % германцы, 4 % Союзники, 1 % англосаксы). Язык — русский...

Столица — Озерный (17 262 чл., космопорт, 3 ВУЗа). Города: Новый Магадан (Жемчужная Коса, 11 114 чл., космопорт, ВУЗ), Прибой (прибрежный, 8890 чл., ВУЗ), Вольный (8046 чл., плавающий), Новый Минск (6789 чл.), Владимир-Горный (5987 чл.) Основная масса населения — фермеры, охотники, лесозаготовители, старатели — живет на фермах, кордонах, в поселках и станицах...

Управление:

вассалитет Российской Империи...

генерал-губернаторство...

11 губерний, 5 латифундий с внутренним самоуправлением...

Уверенно контролируется 32 % планетарной суши...

Экономика:

экспортируются продукты сельского хозяйства, лесоматериалы, пластмассы, драгоценные и полудрагоценные камни, меха, морепродукты, металлы платиновой группы...

импортируются техника, оружие, часть предметов быта...

денежная единица — рубль...

средний доход на душу населения — ок.4 тыс. руб...

История:

планета открыта в 192 г. Г.Э. 102-й Звездной экспедицией (З. С.Осташко, "Целеустремленный")...

В период Фоморианской Войны в силу своего положения стала второй по значимости после Луны базой Императорского Военно-Космического Флота, каковое положение сохраняется до сих пор в силу близости границы (соглашение о демаркации)...

Попытка фоморов захватить планету десантом (май-травень 193 года) была отбита силами гарнизона и казачества...

Туземцы:

вабиска (оценочная численность на 200 г. ок. 40 млн). Человекообразные гуманоиды...

четыре конечности с двусторонней вертикальной симметрией. Средний рост ок.1,7 м. Серовато-коричневая крупнозернистая кожа, волосистой покров только на верхней части головы (т. н "хохол"), черного, реже — серебристо-серого цвета...

большие миндалевидные глаза черного, реже карего или серого цвета, лишённые видимого белка...

крупный клювообразный нос...

Уровень развития вабиска в разных частях континента колеблется от каменного века до XVIII века по времени Земли...

На планете имеются несколько туземных государственных образований...

Большинство туземных государств и значительное количество племен признают вассалитет по отношению к Империи, но некоторые занимают непримиримо-агрессивную позицию; их противостояние с властями колонии выливается в регулярные пограничные конфликты.

Серия "Планеты и Луны исследованной Вселенной." Том 116. "Сумерла".

Ярослав Ярославович Дзюба (Яр, Яркий, Я, Полковник Дэ)

Род. в 160 г. Г.Э... С 166 по 175 г.г. — Минский Императорский Лицей...

Со 175 по 179 г.г. — Рязанское Его Величества десантное училище. После окончания в звании поручика, направлен в 14-ю Собственную Его Величества Полесскую десантно-штурмовую бригаду (на должность командира ударного взвода в 41-й батальон)...

Командовал: взводом (со 179 по 183 г.г.), ротой (со 183 по 189 г. г.), батальоном (со 189 по 194 г.), начальник штаба бригады (со 194 по 200 г.г.)... Участвовал в: конфликте на Океаниде 180 г.; 2-й Дайрисской войне 183–184 г. г.; англо-нэйкельском конфликте на Хорзе 184 г. (наблюдатель); противосепаратистских операциях на Нова-Гоба 186–189 г.г.; 4-й Сторкианской войне 190 г.; 1-й Фоморианской войне 192 г.; оказании помощи шэни в реорганизации вооруженных сил 192–193 г.г.; конфликте на Сребрине 196 г.; конфликте на Хамм'с-Лиу 197 г.; англо-джаггиском конфликте на Нью Уэллс 199 г. (наблюдатель)...

Награждён орденами: Святого Георгия-Русского (184 г.); Олега Вещего с мечами (190 г.); За заслуги перед Отечеством с мечами (192 г.); Олега Вещего с мечами и цепью (197 г.)... Витязь Русского Братства «РА»... Профессор органической химии... Императорская Премия 190 г...

Автор научно-популярных трудов по вопросам синтеза белка...

В 200 г. Г.Э. вышел в отставку в звании полковника. В том же году появился на Сумерле, возглавил отряд переселенцев из 60 активных бойцов, сопровождаемых примерно вдвое большим количеством детей и женщин (среди которых были жена самого Дзюбы и его сыновья Ярослав и Мирослав, близнецы восьми лет)...

Назначенный в том году генерал-губернатором планеты С.К.Довженко-Змай принял Я.Я.Дзюбу, после чего, пополнив свой отряд местными добровольцами и доведя его численность до 340 активных бойцов, Я.Я. Дзюба двинулся от побережья Черной Чаши на запад, в направлении 3-го Меридиана. Параллельно с ним двигался отряд германских переселенцев (см.) и примерно равное количество Алых Драгун из личной охраны резиденции генерал-губернатора. 18 марта 200 г. их объединенные силы разбили у Водопадного Нагорья 25-тысячную армию Теократии Иррузай (аналог. Перевод), поддержанную примерно 100-тысячный племенным ополчением жителей лесов...

Результатом победы явилось создание цепи так или иначе подконтрольных нам земель — губернии 2-го Мередиана — латифундия С.К.Довженко-Змая — вассальное княжество (аналог, перевод) Ваббам — новообразованная Прибойная губерния (губернатор Я.Я.Дзюба) — латифундия Фелькишер Ланд — которая отсекла Теократию Иррузай от наиболее простого и безопасного пути на юг. Такое положение дел в значительной степени облегчает нашу экспансию на Сумерле...

На начало 202 г. Г.Э. население Прибойной губернии — 12 972 чл. Столица — быстро растущий город Прибой (8890 чл.) на побережье океанского залива Долгая Губа. Поселки: Водопадный (1400 чл.), станицы Черноречье (560 чл.) и Столбовая (370 чл.)... Связь — воздушная, рейсовые экранопланы... из Прибоя через Ваббам строится струнник, который должен связать губернию со столицей.

Из отчёта ОКБ ВМ РИ по Сумерле за 202 г. Г.Э.

* * *

Птицы встречали рассвет дружным, отвратительно назойливым чириканьем, которое так восхищает людей, ни разу в жизни не встававших достаточно рано, чтобы услышать этот писк во всей его красе. Около кустов крутился туман; между деревьями он уже начал

подниматься и висел в воздухе в паре метров над землей плотным ещё, но постепенно развеивающимся пологом. Подальше, где среди вековых деревьев пока стояла неподвижная ночь, угадывалось быстрое, но неслышное движение — спешили в свои логова ночные хищники, а неподалеку, возле реки, протрубил мамонт.

Неслышно раздвинув широкой грудью густые кусты, около деревьев появился серый в яблоках южноуралец. Закинув голову, раздувая розовые ноздри нежного храпа, несколько раз покивал, фыркнул.

Всадник небрежно похлопал коня по шее и выпрямился, выскользнув из-под нависших веток.

Он был еще совсем юн, этот всадник — лет 14, не больше — но во всем — в уверенной, прочной посадке, в широких плечах; в мягкой расслабленности хорошего спортсмена — сквозили спокойная сила и решимость. Почти метра восьмидесяти ростом, мальчишка весил глаз не меньше семидесяти килограмм — не за счет жира, конечно. Но заметная угловатость, курносый профиль, а главное — открытый, весёлый и немного наивный взгляд светло-серых глаз — говорили, что всаднику именно четырнадцать.

Мальчишка был одет в охотничью куртку, перетянутую широким кожаным поясом с большой витой пряжкой германской работы, на котором висели широколезвийный топор в петле, фляжка... Потертые джинсы были выпущены на мягкие казацкие сапоги, подвернутые до середины их голенищ, как в стерео "Люди выюги". Правая штанина сбоку задралась, открыв рукоять засапожного ножа, рядом с которым торчала нагайка-волкобой. Светлорусый густой чуб падал на лоб поверх вышитой цветным бисером туземной повязки.

В правой руке — за середину — всадник держал короткую охотничью рогатину с широким пером и перекладиной. Но у правого колена в чехле покачивался КПП ИжС-52 — устаревшая модель плазменного полуавтомата, давно снятая с армейского вооружения, но широко используемая охотниками, ополченцами и нерегулярными формированиями. Без такого оружия вдали от границ освоенных земель появляться было рискованно...

Впрочем, Борька Утесов знал леса Сумерлы не хуже местных вабиска. Десять из своих четырнадцати лет мальчишка прожил на Сумерле — в поселке Пять Дубов за Первым Меридианом, а последние два года — в почти такой же станице Черноречье. Отец Борьки — начальник полиции Черноречья есаул Утёсов — и мать, инженер 1-го класса Императорского Гражданского Инженерного Корпуса — всячески поощряли охотничьи экспедиции сына. Именно поэтому он заработал в пионерской организации ранг следопыта (что на лесной Сумерле было непросто), получал профессию лесничего (и астроэнергетика, кстати) и собирался стать лесничим. Старшие сестры Борьки уже окончили школу — одна училась на Земле на врача-регенератора, вторая летала стюардессой на планетолете линии Озерный-Луна 233. Но и сам Борька успел побывать во многих местах освоенной человечеством Галактики — летал на каникулах. Землю он помнил плохо и ни разу не был на прародине с тех пор, как Утесовы покинули ее... Впрочем, мальчишка самодовольно считал: Сумерла — планета геоморфная, а всякие там Кизи и Эрмитажи и по стерео неплохо выглядят...

...Сейчас Борька находился в сорока с лишним километрах от границы губернии. И двигал им не охотничий интерес, а обычное любопытство.

Зимой этого года экспедиция Войко Александра Драганова, исследовавшая леса между Голубыми Песками и 3-м Меридианом, вышла на заброшенный город. В составе экспедиции были такие знаменитости, как создатель прославленной Группы Поиска Чарли Беннет и гаргайлианец, чье имя земляне произнести были не в силах — крупнейший в известной части Галактики специалист по городам и цивилизации Рейнджеров. Именно они и определили найденное поселение, как таковой. Ничего из ряда вон выходящего в находке не было — города Рейнджеров, безвестно сгинувшей загадочной праивилизации, встречались на многих планетах. Но не заглянуть в него лично было бы надругательством над человеческой природой...

Поэтому Борька Утесов, четырнадцатилетний казачонок из станицы Черноречье, добирался туда вторые сутки.

* * *

Подняв левую руку с комбрасом — комплексным браслетом-терминалом — Борька сверился с картой. Оставалось километров семь, не больше, и мальчик похлопал коня древком рогатины по крупу:

— Давай, солнце моё, — негромко сказал он, — уже недалеко совсем, давай.

Между огромными деревьями легко мог бы пройти стандартный джип. Но густой подлесок катастрофически затруднял движение, порскала из-под копыт животная мелочь, а могло попасться и что-нибудь крупное и опасное. Во всяком случае, медведи тут были. Кроме того, эти леса славились, как вотчина диких племен, не признающих ничьей власти, но умело подогреваемых в ненависти к землянам эмиссарами Иррузая. Ненависть эта густо замешивалась на страхе, а оттого была непредсказуема и опасна. В своих охотничьих экспедициях Борьке приходилось и убивать лесовиков, и меняться с ними, и даже жить в их селениях, поэтому он хорошо себе представлял, на что они способны.

Слева за деревьями появилась хижина — приземистая, сложенная из плоских глыб камня-дикаря, проконопаченных основательно мхом, крытая камышом, уже успевшим поседеть от старости. Ее построили германские охотники, заходившие в эти места. Между Борькой и хижинкой стояла грубая прямоугольная плита из алого гранита с высеченными на ней солярными знаками и витыми готическими буквами. Плиту окружало плотное кольцо лежащих на земле черепов, на некотором из которых сохранились «хохлы». Та еще картиночка — германцы ни милосердием, ни пониманием чужих проблем не отличались, философствовать не любили, стреляли быстро и точно, пленными не интересовались, за своих убитых мстили с угрюмой сосредоточенностью, из-за чего постоянно имели неприятности с властями колонии вплоть до генерал-губернатора, что их несколько не колебало. Временами Борька их жалел и пытался представить себе Безвременье, когда погибло почти всё население Европы, а потомки уцелевших спаслись под покровительство более везучих русских и англосаксов, вот уже третий век упорно и не слишком удачно пытались восстановиться, как полноценные народы. Но германцам еще повезло, а вот француза, китайца, негра Борька видел лишь в сохранившихся старых лентах и на фотках — смешных моноплоскостных изображениях...

— Хоп, — Борька вновь подбодрил коня. Впереди за деревьями прошли, неспешно обрывая листву с деревьев, несколько длинношеев — похожие на динозавров млекопитающие, они имели жуткую внешность, но для людей и вообще живых существ опасности не представляли — разве что наступят случайно... Да и добираться сюда из южных лесостепей они почти не добирались, предпочитая тамошние места, кишасшие разнообразнейшей странной жизнью. — Хоппа, Раскидай!

Конь пошел рысью — плавной и мягкой. Борька на ходу отводил от лица древком рогатины тонкие ветви, пригибаясь под толстые.

Утоптанная звериная тропа вывернулась живой лентой под конские копыта из-под огромного раскидистого дуба. Борька выпрямился в седле, готовясь пришпорить коня каблуками (шпор он — казак и сын казака — не носил)... но короткий, утробный рык, завершившийся всхлипывающим "Иххх...", заставил его натянуть повод, и Раскидай встал, как вкопанный. По его шкуре прокатилась волна дрожи, конь захрапел.

По тропе неспешно, уверенно трусила полосатая гиена. Очень похожая на своих земных собратьев (как и все геоморфные планеты, Сумерла доводила теоретиков биологии до умоисступления — будь их воля, они бы размазали подобные планеты по космосу тонким слоем вещества и успокоились) гиена вовсе не была труслива. Больше полутора метров в холке, с клыками, легко раскалывающими кости на ноге мамонта, полосатка мало кого

боялась в лесу и сейчас, возвращаясь в свое логово, наткнулась на человека. На всадника. Людей гиена не видела никогда в жизни и не была голодна, но это существо шло по ее тропе — этого было вполне достаточно для нападения. Гиена опустила к утоптанной земле большую квадратную голову и снова зарычала.

Борька внимательно следил за ее движениями. Встреча была не из приятных. Точнее — встреча была смертельно опасной. Конечно, можно успеть развернуть Раскидая — и гиена с ее ковыляющим галопом вовек не догонит уральца. Можно выхватить "пятьдесят второй"... Но ни бегства ни стрельбы из плазмомета по зверю Борька себе не простил бы.

Он размышлял не больше секунды. Потом перехватил рогатину, левой рукой выхватил из-за голенища волкобой и, шенкелями подняв коня на дыбы, выкрикнул:

— Ну?!

Полосатка расценила выкрик человека, как вызов. Уже без рыка она — переваливаясь, но быстро — метнулась вперед, целясь в передние ноги жеребца. Тот скакнул в сторону — вперед — оскаленная мутноглазая морда оказалась вровень с коленом Борьки, и тот, обрушив между коротких ушей свистящий удар волкобой, приподнялся на стременах и метнул рогатину: сверху вниз, усиливая бросок движением подающего тела.

Раскидай снова прыгнул. Борька развернул его, раскручивая волкобой и выхватывая изогнутый длинный за сапожник... но нужды в этом уже не было.

Гиена вертелась на одном месте. Она больше не рычала — лишь недоуменно скулила. Задние лапы — мощные, короткие — волочились по утоптанной земле. Неожданная и непонятная боль, словно огромная заноза, сидела в теле, и гиена пыталась, изворачиваясь, схватить и вырвать странный предмет, качавшийся меж лопаток. Но от прикосновений к нему боль хлестала еще сильнее.

Полосатка слабела. Из пасти и ноздрей у нее лилась кровь, она больше не ощущала запаха человека, гарцевавшего совсем рядом, и почти не видела его. Она еще подняла голову и попыталась зарычать, скаля страшные клыки — но рык захлебнулся кровавым, мучительным кашлем...

...Одним ударом! Борька был в восхищении от самого себя. Гиена перестала возиться — соскочив наземь, мальчишка подошел к труп. Он бы с удовольствием увез домой голову, но не был уверен, что довезет.

Рогатина застряла в расщепленной кости — Борька смог вырвать оружие, только раскачав его и налегши в полную силу. Потом — тщательно вытер его.

И все-таки, не удержавшись, достал топор — отсечь голову.

5

Как и все города Рейнджеров, город на Сумерле словно бы не замечал окружавшего его леса. То непредставимое количество лет, которое он простоял брошенным, не оставило следов ни на улицах, ни на площадях, как будто город заключил о левом молчаливый договор о взаимном ненападении и не вмешательстве,

Но людей эти договоры не касались. Экспедиция Драганова оставила после себя очевидные следы, а после них добавили охотники, военные и просто любопытные, посещавшие город. На окраинной улочке стоял запертый модуль из корабельной брони. Тут же — под колпаками из того же материала — несколько комплексов приборов. А подальше прямо в камень, которым выкладывались улица в дни строительства города, была вплавлена невысокая стелла — в память об экспедиции. Вполне материальные следы человеческой цивилизации в данном конкретном случае Борьку раздражали — он приехал сюда за экзотикой. И эта экзотика располагалась дальше, глубже в город.

Борька убрал в петлю рогатину и, достав плазмомет, положил его на плечо стволом. Шутки шутками, но не все шутки смешные...

...Высокие деревья с раскидистыми ветвями — такие Рейнджеры сажали возле всех своих городов — давным-давно высохли, превратившись в отполированные временем белесые скелеты. Они были единственным печальным мазком в картине казавшегося спящим города. словно знаки ушедшей жизни, поднимались они над живой, веселой местной зеленью, заполонившей широкий, когда-то выложенный алыми и серыми гранитными плитками бульвар. Белые дома с открытыми верандами, крыши которых поддерживали колонны, смотрелись сквозь зелень как-то браво и дружелюбно. Но были и следы разрушений — Борька, сын своего счастливого, но беспокойного времени, легко узнал следы воздушных ударов — раны, которые городу не помогло залечить даже время. Война — существо, которое старше, чем человеческий род...

Где-то в этом городе, конечно же, скрывались тайны и загадки — то, ради чего надо жить. Недаром Драганов собирается вновь явиться сюда в середине лета уже с долговременной экспедицией. А что может четырнадцатилетний подросток?

Ну, кое-что может, конечно. И даже не так уж мало — сколько открытий сделано подростками по всей Галактике? Почему бы не сделать еще одно — здесь и сейчас? Так — довольно самонадеянно — думал Борька, с любопытством осматриваясь по сторонам и начиная жалеть, что не взял камеру — комбрасом много не наснимаешь, да и не удобно. Ну, мы тут не последний раз уж это точно...

На фронтонах домов часто встречались трехлучевая звезда и Огненный Цветок — символы прародины Рейнджеров, пока так и не найденной экспедициями, а, может, и не существующей уже планеты. Красивые барельефы, иногда сливавшиеся в бесконечные ленты, перемежались стоявшими в нишах бюстами — гордые, тонкие лица с нечеловечески правильными чертами спокойно и бесстрастно наблюдали за верховым, медленно едущим по улице. Правители города? Какие-то герои? Письмо Рейнджеров так и не было пока расшифровано, хотя надписи встречались очень часто. И ни надписи, ни барельефы, ни бюсты, ни гулкая, солнечная пустота брошенного города не навели мальчишку на мысли о бренности всего земного, сик транзит gloria мунди¹ и так далее. Он просто смотрел вокруг с живым интересом.

Рейнджеры были очень похожи на людей Земли. Их, наверное, можно было бы спутать с землянами "при жизни" — как путают сторков или петти. Не Борька отвлекся от этой мысли, посмотрев вверх.

Над городом ажурной паутинкой перекрещивались два гигантских моста, начинавшихся где-то на окраинах. Они были целы и серебристо поблескивали в свете Полызмея, словно никелированная сталь — на головокружительной, километровой, не меньше, высоте. Мосты походили на перекрестье наведенного в небо гигантского прицела, и Борька представил, как с окраин бьют лучи, сходятся в фокусе этого «прицела» — и новый, мощный, ослепительный луч уходит в небо. Как в хрониках и фильмах, где показывают оружия линкоров для подавления планетарной обороны — чудовищные устройства, легко размазывающие целую Луну... И вот звездолет неведомого врага — где-то на орбите — взрывается, распадаясь облаком полной дезинтеграции... Может, так оно и было, и эти мосты — вправду прицел невиданного оружия Рейнджеров?

Серебристый смех и быстрые, уверенные шаги послышались Борьке. Он невольно огляделся, вертясь в седле... словно бы кто-то прошел мимо него, он мог бы поклясться, что видел промельк какой-то тени. Мальчишке стало не по себе. Потом впереди, во дворе одного из домов, послышался невнятный голос, словно бы что-то напористо говоривший — слова не различались. Город шутил с человеком — и в одиночку шутить в ответ не следовало. Но Борька упрямо выдвинул подбородок (чуть не прикусив себе язык) и поехал дальше,

¹ Так проходит земная слава (лат.).

стараясь не обращать внимания на множасьи звуки — город словно оживал.

На небольшой площади, куда выводила улица, в центре ее, в кольце высохших деревьев, стояла статуя, повторявшая распространенный у Рейнджеров сюжет — держа в правой руке острием вниз длинный меч, воин закрывался от неба большим треугольным щитом. Около его ног, стоя на коленях, женщина прижимала к себе маленького ребенка; на ее лице читались страх и надежда.

Осторожный стук конских копыт внезапно заполнил площадь от края и до края. Борька остановил коня — зауми остались и затихли только через полминуты. Не постепенно, а как-то сразу.

— Шуточки, — тихо оказал мальчишка, и странные отзвуки несколько раз повторили его голос. Но произносил он совсем не «шуточки», а непонятное, нерусское слово.

Стараясь не прислушиваться ко вновь возникшему дикому эху, Борька выехал в другую улицу и, остановившись, прыгнул наземь, держа полуавтомат в руке.

— Подожди тут, Раскидай, — сказал он и, не глядя, коснулся пальцами нежного конского храпа. Уралец фыркнул — от этого простого звука мальчишка почувствовал себя спокойней. И неожиданно понял — очень ясно — что город пуст. Пуст уже сотни тысяч лет, и эхо той жизни, которая была в нем когда-то, уже никому не повредит. Стало вдруг грустно. Борька по-новому взглянул вокруг, показавшись самому себе самовлюбленным дураком, явившимся на кладбище, как в музей...

Борька вздохнул, уже по-новому оглядываясь по сторонам. И вдруг увидел далеко-далеко, за лесами, пронзительные вспышки плазменных выстрелов.

6

Длинноногие, короткотелые — нескладные, но быстрые — вабискианские гуххи наметом понесли прочь, подбадриваемые ударами и воплями, их бурая шерсть быстро сливалась с проламываемым подлеском. Выбежавшие на прогалину шесть или семь германцев, остановившись, стреляли вслед; двое всадников, скакавших позади, вздымая руки, полетели в траву обугленными ошметками. Появившийся следом джип с картечницей открыл вслед исчезнувшему вабиска ураганный огонь — роторы выли, проворачивая два двенадцатиствольных блока, извергавших вольфрамовую картечь со скоростью почти две тысячи метров в секунду.

Германцы — в армейской форме с элементами брони, серых кепи — один за другим опускали оружие, лишь картечница продолжала грохотать и реветь. Левее, у деревьев, драка еще продолжалась — четверо пеших вабиска в бронзовых нагрудниках поверх серо-зеленых мундиров и касках с пернатыми гребнями, отбивались ятаганами от тяжелых скрамасаксов троих хеерманнов.

— Кончайте с ними! — раздраженно крикнул высокий рыжебородый мужчина, морщины на обветренном лице которого походили на шрамы. — Мне что, самому спускаться к вам?! — он в ярости оскалил крепкие белые зубы, обернулся к поднявшемуся по склону холма хеерманну, который на ходу закрывал контейнер с алым крестом. В ответ на молчаливый вопрос медик так же молча покачал головой. Бородач зарычал, покачиваясь на месте, словно собирался упасть; двое тут же подскочили к нему, готовые подхватить, но он отстранил их и вполне членораздельно сказал: — Без карт мы ничего не сможем сделать.

Подошел совсем юный, лет пятнадцати, боец. Перекосив загорелое лицо, он пальцами сжимал края широкой рубленой раны на левом предплечье — кровь текла сквозь них.

— Помоги, — коротко приказал бородач медику. Мальчишка, синие глаза которого брызгали гневом и отчаяньем, закричал, не обращая внимания на ленточный шиватель, который медик прилаживал на рану:

— Они нас предали! Она нас подставили! Русские свиньи, проклятые псы! Фриди убит, а эти опять ушли!

Тяжёлый удар кулака сшиб мальчишку с ног — он покатился по траве" заливаясь кровью уже из носа.

— Херцог! — гневно крикнул медик.

— Молчать!!! — взревел бородач. — И ты молчи, недоделок! — это уже мальчишке. — У русских тоже нет карт!.. Связист? Кому я там говорил об этом — соединяй снова!

* * *

— Не жрет, гадина.

В голосе Катьки Островой слышалось напряжение. Весь личный состав биостанции школы станицы Чернореченокая выстроился у бассейна и, перегнувшись через бортик, с напряженным вниманием наблюдал за плавающим по сложной траектории озерным щуренком — метровым острорылым поленом. Кусок специального корма медленно уходил на дно.

— Я говорил, что он только у Борьки берет — сказал белобрысый тонколицый мальчишка лет одиннадцати. — Когда его кольцевали, он мне чуть пальцы не оттяпал, а Борька залез в бассейн и закольцевал.

— Где твой Борька?! — сердито спросил парень в полной пионерской форме. — Умотал в леса и развлекается, а у нас эта скотина скоро подохнет!

— Я визитировала, у них дома никого нет, — сообщила Катька, отводя с висков рыжие волосы.

— Вот он всегда так. — буркнул тот, что в пионерском. — Пошлет все, а за него доделывай...

— Ну и зря говорить. — флегматично оспорил скуластый, чуть раскосый черноволосый парнишка; он один не повис на заграждении, а стоял, прислонившись к столбу навеса и работал над экраном комбраса. — Много ты доделывал, когда подкинул идейку о комарах, а потом все бросил и удрал на стрелковые соревнования в Озерный. А Борис двое суток над этим делом сидел...

...Биостанция — с лабораториями, вольерами и садом — располагалась, как и все станции, около станичной школы. В школе училось почти двести ребят и девчонок — и, несмотря на каникулы, наступившие три дня назад, большинство из них проводили свое свободное время здесь... ну, или в лесу. Кое-кто улетел на каникулы в столицу колонии или вообще на другие планеты, но не многие. Ближайший молодежный центр был во Владимире-Горном — в Прибое только строился...

Ребята и девчонки на станции занимались в основном изучением природы Сумерлы и генетическими опытами, иногда выполняя мелкие поручения разных организаций; подобное положение дел было одной из основ земной адхократии — создание не структур, а людей, способных при нужде быстро формировать эти структуры на пустом месте, а по исполнении задания — так же быстро расформировывать их, не давая возникнуть мощной бюрократии. Станция, пионерский отряд, лес и традиционная возможность быстрого перемещения в пределах освоенной части планеты позволяли с недоумением воспринимать слово "скука".

Несчастливого щуренка предполагалось выпустить осенью в цепь рек и озер, чтобы проследить точно пути миграции по установленному кольцу-маяку. Но рыбина и в самом деле ела только из рук Борьки Утесова — а тот третьи сутки пропадал в лесах на юге-западе.

Биологи еще какое-то время вполне бессмысленно изучали щуренка. Потом Катька вздохнула:

— Пойду еще визит кину. Вдруг он приехал?

* * *

Голову гиены Борька упрятал в подвальный морозильник и поднялся к себе, на второй этаж. Следом мчался плоский робот-уборщик — очевидно, сапоги мальчишки оставляли какие-то следы грязи на субатомном уровне.

В ящичке телепортатора лежала посылка — судя по коду, от одного их приятелей с Вольного, плавающего города, куда Борька ездил полгода назад, на соревнования по акватлону. Внутри оказалось обещанное — раковины золотых мидий.

— Доброе утро, Борис, — энергично сообщил автомат.

— День, — поправил Борька, рассматривая ажурное плетение сверкающих нитей. — Для меня с утра есть сообщения?

— Дважды наносила визиты Екатерина Острова. Просила передать, что она на биостанции. Наносил визит Андрей Литвиненко. Просил передать, что улетает на дирижабле, а ты должен сдохнуть от зависти. Наносил визит Вальфрид Брахтер. Просил ответно визитировать по оставленному номеру.

— Кто такой Вальфрид Брахтер? — пробормотал Борька удивленно. И тут же забыл про неизвестного. Катька его искала... "Катька," — повторил он про себя и задохнулся от сладкого ощущения, охватившего его при одном воспоминании её имени. Они с Катькой познакомились во время перехода в эти места, когда было трудно, и подростки работали зачастую за взрослых, потому что тем приходилось отбивать нападения. Шли пешком, по колено то в снегу, то в ледяной зимней грязи, брели рядом с медленно ползущими фургонами, впрягаясь вместе с лошадьми... Пионерский отряд станицы сформировался именно тогда. «Катька», — подумал он и повторил вслух:

— Катька, — задумчиво улыбнулся и начал раздеваться, собираясь идти в душ.

7

Экраноплан оказался списанный и переделанный «ДЭК» компании Рей ТрансРус. Игорь хмыкнул, увидев его уютнообразный силуэт, с откинутыми аппарелями, по которым вместо штурмовиков преспокойно ходили пассажиры.

Нижний ярус занимали не люди, а грузы и несколько лошадей — экраноплан бил полугрузовым, и Игорь крепко заподозрил, что добираться до места будет долго. На носу и корме верхнего, пассажирского этажа в шарнирах были установлены роторные картечницы, возле которых сидели егеря из Алых Драгун, лично из гвардии генерал-губернатора.

Салон заполняла самая разная публика. Обоёго пола, разных возрастов и родов занятий, почти все — с оружием. Игорь устроился по левому борту, рядом с молодым мужчиной — наверное, гражданским офицером какого-нибудь Корпуса или министерского отдела. Он спокойно читал что-то с экрана комбраса, а между ног — без претензий — стоял длинноствольный ИПП "Тула-Дроботов, гражданский образец с надетой на ствол широкополой шляпой. Через проход сипел, поставив ноги в высоких ботинках на рюкзак, еще один — постарше — гражданский офицер, с бакенбардами, какие носят в некоторых гвардейских частях.

Подозрения Игоря оправдались. Экраноплан шел не прямо в Чернолесье, а заходил в столицу вассального княжества Ваббам и чуть ли не на все фермы и кордоны по пути. А это значило, что на место Игорь прибудет хорошо если ночью; вероятней — к утру. Но с другой стороны — это позволяло поближе посмотреть планету, где он проведет ближайший год.

Мальчик переоделся еще в планетолете, доставлявшем пассажиров с борта лайнера, приземлившегося на Адаманте, в Озерный. Сейчас он тоже скорее выглядел начинающим чиновником администрации — в куртке и мешковатых штанах цвета хаки, высоких ботинках и широкополой шляпе, плазмомёт в кобуре он надел через левое плечо, чтобы тот пришелся точно под правую руку.

В столице Ваббама Иппе предстояло стоять час — разгружались какие-то контейнеры,

сопровожаемые егерями, с которыми был по-туземному одетый офицер миссии при княжеском дворе. Оставив рюкзак в экраноплане, Игорь отправился осматривать город.

Иппа походила на все города на родов, внезапно познакомившихся о более высоким уровнем цивилизации и жадно хватающих все ее блага — как реальные, так и сомнительные. Памятники древнего зодчества — изумительно прекрасные фонтаны, выложенные изразцовой плиткой, чьи струи образовывали сияющее кружево — соседствовали с недавно проложенными линиями городского струнника, а шумный и бестолковый рынок — с мальчишками-разносчиками, которые, весело голоса, распродавали свежий выпуск местной газеты. Улицы кишели народом — в основном, местными жителями, но встречались земляне, а пару раз Игорь видел представителей других рас.

Иппа была красивым городом. Игорь знал, что всего три года назад тут шли бои — восставшие горожане при поддержке отрядов Довженко-Змая, тогда еще не бывшего генерал-губернатором, сражались с оккупационными войсками Иррузая. Но следов тех боев не сохранилось — по крайней мере, мальчишка не заметил ничего, напоминавшего о боях. Игорь, конечно же, явился на рынок, с трудом удерживаясь от покупок, сувениров. Иногда он поднимал камеру и делал снимки — в один из таких моментов Игорь и столкнулся со своим «бакенбардистым» соседом.

— Извините, сударь, — опустив камеру, мальчик наклонил голову. Мужчина посмотрел на него вполне благосклонно:

— Ничего, ничего... Развлекаетесь на каникулах? Или уже окончили лицей?

— Окончил, — кивнул Игорь, отметив, что мужчина легко опознал в нем выпускника лицея. — Но и развлекаюсь тоже. Здесь красиво...

— Да, красиво, — согласился мужчина и, прищелкнув каблуками, представился: — Дзюба, Ярослав Ярославович, губернатор Прибойной губернии.

— Вы — Дзюба?! — не сдержал изумления Игорь. — Простите, сударь, — пожимая протянутую руку, он представился в ответ:

— Муромцев... Игорь Вячеславович. Выпускник Селенжинского...

— Я оканчивал Минский, — Дзюба оценивающе оглядел мальчика. — Так вы тут как турист?

— Вроде того, — протянул Игорь. — Я еду в Чернолесье.

— На самую границу моей губернии? Позвольте спросить — зачем?

— Ну... видите ли, я геолог. Хочу собрать материал для работы на аспиранта, — Игорь скрыл причину, первоначально побудившую его забраться в глухой угол. — Хочу исследовать Третий Меридиан и прилегающие земли... У меня есть рекомендации министерства геологии с визой отдела Сумерлы.

— Собираетесь ходить в экспедиции? — во взгляде Дзюбы появился какой-то не вполне понятный, но явственный интерес, который он даже не пытался скрыть.

— Если будет возможность... В Чернолесье, наверное, есть магазины, где можно купить хорошее снаряжение?

— Есть фактория Русской Колониальной Компании, там можно найти все, что угодно... А позвольте полюбопытствовать, какие еще у вас профессии?

— Полевой врач. Пилот малого космического корабля, — он это выговорил с усилием, вспомнив, как во время полета на лайнере избегал даже появляться на смотровой палубе. — В пионерском отряде занимался видеосистемами и военной инженерией... Еще я информколлектор.

Дзюба какое-то время неопределенно молчал. Потом остановился около лавки с местными тканями. Не обращая внимания на суетливую угодливость хозяина, мельтешившего за прилавком вместе с несколькими молчаливыми крепкими приказчиками, развернул угол серого рулона странно поблескивающей материи. Потянул, спросил:

— Знаете, что это такое?

Игорь провел ладонью:

— Шёлк?

— Ни к черту! — в голосе губернатора прорвалось непонятное раздражение. — Эта ткань делается из паутины какого-то паука, живущего у экватора. Не мнется. Не рвется. Почти не горит. А что за паук, где живет точно, как добывают паутину, как из неё делают ткань — черт его знает, и не спросишь... Не скажут. Соврут. За четыреста километров от границы ни один землянин не бывал.

Они пошли дальше, теперь уже твердо держа путь обратно на вокзал.

— Две недели назад, — заговорил Дзюба вновь, — погнались мои соседи, германцы с латифундии Фелкишер Ланд, за отрядом вабиска из Иррузая. И потеряли его в лесу. Хороших карт нет...

— Но позвольте, сударь, — больше чтобы поддержать разговор, чем из настоящего любопытства, сказал Игорь, — но разве генерал-губернатор не финансирует экспедиции? А отделы министерств?

— Отчего же — финансируют, — кивнул Дзюба и большим пальцем распушил бакенбарды. — Но у них — целая неосвоенная планета. А у меня — только моя губерния. О ней и думаю, и мысли... — он поморщился. — Так себе мысли, скорее — мыслишки.

После этого он умолк и молчал до тех пор, пока Иппа не растаяла за хвостом несущегося по просекам и над речками экраноплана.

— Послушайте, Муромцев, — сказал он неожиданно — так, что задумавшийся о своем Игорь вздрогнул — Дзюба наклонился к нему через проход. — Послушайте, Муромцев, ну зачем вам год сидеть в Чернолесье за компьютером? Вы молодой и знающий парень, выпускник лица — я знаю, что это такое... Вам же написать и защитить работу на аспиранта — это месяц, два — много, верно?

— Согласен, сударь, — Игорь невольно улыбнулся и одновременно ощутил интерес. У него возникло совершенно определенное ощущение, что губернатор что-то хочет ему предложить.

— Совершенно верно, — ответил Дзюба на его мысль. — Я хочу предложить вам опасную и плохо оплачиваемую работу.

— Именно — опасную и плохо оплачиваемую? — серьезно спросил Игорь. — Я уточняю, потому что на другую я в любом случае не соглашусь, ее везде хватает.

— Именно опасную и плохо оплачиваемую, — подтвердил Дзюба. — Я хочу вам предложить заняться дальней разведкой. В Прибое у меня находятся три дирижабля Императорского Юношеского Добровольческого Авиакорпуса. Я добьюсь подчинения одного вам лично, Муромцев. Позволю вам пользоваться техникой со складов Народного Ополчения. Разрешу привлекать любых людей, как во время военного положения. В ответ прошу только одного — через девять месяцев дать мне карты земель между моим округом и Третьим Меридианом.

Игорь откинулся на мягкую спинку сиденья.

Предложение было заманчивым, и он оценивал свои возможности. Это будет классный задел на будущее для карьеры где угодно, в том числе и в спецслужбах. Да, он хотел отдыхать... но что значит — отдыхать? Проводить время так, как это тебе нравится. Так в чем же дело?.. Но, взявшись за эту работу, нужно будет сделать ее от и до с максимальной отдачей. Для Империи, которая дала ему, Игорю Муромцеву, все. Он не обманывался насчет своих умений и дворянства — это тоже был дар России, на который он имел право, пока оправдывал его. "Отец, — подумал он, прикрыв глаза, — ты бы согласился. Ты всегда вызывался туда, где трудно и где ты нужен..."

— Должен предупредить, что дело опасное, — сказал Дзюба, внимательно следившей за мальчиком. В среде дворян считалось недопустимым проникать в мысли и чувства собеседника, если только это не было обусловлено какой-то крайней необходимостью — например, для спасения жизни. Но Дзюба не мог не видеть, что его юный собеседник раздумывает. — Вабиски Иррузая достаточно высокоразвиты. А сам Иррузай — жестко централизованное теократическое государство, население заражено религиозным фанатизмом, уровень которого очень высок. Наши спецслужбы там почти не работают, мало

агентуры, а местные союзники слабее Иррузая по своему развитию — до нашего появления он доминировал на планете... — Дзюба помолчал и вдруг признался: — Я боюсь нашествия. Как во время Фоморианской войны, мне рассказывали... У меня в губернии всего 12 тысяч человек, разбросанных на территории размером с Камчатку.

— Ну, я бы считал не так, — вежливо перебил его Игорь, открывая глаза. — У нас нет вшей, а у них, наверняка, по тысяче на единицу — пусть сидят на месте.

Губернатор коротко, отрывисто хохотнул. Заметил:

— А вы молодец, Муромцев... Но если серьезно?

— Ваше предложение для меня новость, — медленно, взвешивая каждое слово, заговорил Игорь. — Я не стану скрывать. У меня... у меня личная трагедия, — он поморщился, ощутив книжность своих слов, но решительно продолжал: — Я не задумывался ни над чем подобным даже в шутку. Я летел прятаться от прошлого. Писать работу, это правда... но и прятаться. Но я согласен, сударь. Я дам вам карты.

— Вы согласны?! — искренне и открыто обрадовался Дзюба, но тут же взял себя в руки. — В таком случае, — он легко перешел на древнюю латынь, — я перешлю вам дискету с информацией о Сумерле... и такой информации вы не найдете нигде. Она будет вам полезна. Еще вы получите кредитную карточку Русского Колониального Банка. Там хранятся средства губернии. Обналичить ее, правда, можно только в Прибое — во всей губернии, кроме столицы, подключения пока нет. Сорока тысяч вам хватит?

— Вполне, — Игорь кивнул. — У меня с собой моя карточка — Императорского Петроградского, на ней десять тысяч — в Прибое ее можно обналичить?

— Конечно, — сказал Дзюба. Игорь вздохнул:

— Еще... Мне понадобится золото. Червонцы. Для расчетов с туземцами.

— Ого. — Дзюба посмотрел на мальчика с новым интересом. — За прошедшие четверть века в лицах не стали учить хуже... Тысячи хватит?

— Очень хорошо, — Игорь улыбнулся. — Когда устроюсь — заберу... Сударь, — он вернулся к русскому, — а от Чернолесья до Прибоя километров триста?

— Триста шестнадцать, — ответил Дзюба. — Не очень много.

— Угу... К кому мне обратиться на месте?

— Остановиться можно в комнатах над трактиром "Баран и вертел", — обстоятельно начал рисовать обстановку губернатор. — Волостной атаман — Александр Степанович Теньков. Его заместитель — мой тезка, Ярослав, Очуров Ярослав Павлович. Начальник полиции — есаул Утесов Евгений Олегович. Командир заставы ополченцев — есаул Андрей Сергеевич Андреев. Мировой судья — Хоркин Дмитрий Петрович. Командир отряда пожарного десанта — брандмайстер Вислоусов Олег Валентинович. Местный гражданский транспорт на офицере 2-го класса Горнове Борисе Викторовиче. Строительством руководит инженер 3-го класса Лидия Павловна Одинцова. Медициной — мастер-врач Юлия Юрьевна Гриднева. По лесам старший — капитан Одинцов Петр Владимирович, муж командира строителей. Геологи, кстати, там тоже работают, у них старшим экспедиции — полковник Лиманский...

— Зикмунт Викентьевич Лиманский?! — не сдержался, ахнул Игорь.

— Он... Знаете?

— Еще бы...

— Так... На связи — техник 3-го класса Майская Вероника Михайловна. Инженерами руководит инженер 1-го класса Утесова Светлана Григорьевна, жена начальника полиции. Начальник штаба пионерского отряда — Димка Андреев. Наконец, там базируется экспедиция Драганова. они тоже помогут, если что... А вообще-то Чернолесье — типичная казачья станица, там в помощи и добровольцах недостатка не будет. Подальше на северо-запад — латифундия Фелькишер Ланд, германский анклав, херцог — Карл Вальффрид фон Брахтер цу Фельк, упрямая скотина, фанатик германского возрождения и националист — отличный человек...

Игорь кивал запоминая сказанное. Потом осторожно спросил:

— В школах сейчас каникулы... К кому из пионеров я могу обратиться как к лучшему следопыту?

Дзюба поднял руку с комбрасом. Что-то набрал:

— Борис Утесов. Перешел в 9 класс средней школы.

— Так... А какие регулярные части есть в вашей губернии?

— Алые Драгуны: батальон егерей, 1-й, 4-й, 7-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й кавалерийские эскадроны, батарея огневой поддержки. И пара рот туземцев с нашими офицерами.

— Немало, — заметил Игорь.

— Капля в море, — оспорил Дзюба. — А главное, — и он понизил голос, — что-то вокруг всего этого вертится, Муромцев.

— Фоморы? — так же тихо и очень спокойно спросил Игорь.

Губернатор промолчал.

* * *

На пейнтбольную схватку приехала команда Водопадного — 20 человек. Чернолесье в денный момент могло выставить только восемь — соответственно, команда станицы оказалась обороняющейся стороной,

Команду Водопадного возглавлял Генка Новик — личность в некотором роде легендарная практически среди всех мальчишек-землян, так как он был участником обороны Михайловской Базы.² Почти все подростки на Сумерле так или иначе участвовали в боях, но это были бои с туземцами, а не настоящее участие в настоящей войне с настоящим противником. Впрочем, Генка не загордился ни тем, что позировал для картины Фердыщева, придворного художника Его Величества, ни снятым приключенческим фильмом, а на все жадный вопросы "как это?!" отвечал честно и просто: "Да страшно." Гораздо больше он гордился тем, что писал вполне посредственные стихи, а пионеры с удовольствием их распевали в строю и на привалах в походах. (Между прочим, Генка знал, что стихи у него так себе, но втайне сравнивал себя с прославленным штабс-капитаном Бурцевым, героем Первой Галактической, который тоже писал не очень хорошие стихи и страшно этим гордился.)

Однако у Борьки и его лучшего друга, флегматичного на четверть бурята Женьки Вислоусова, с Генкой Новиком были старые счёты — насколько к подросткам вообще применимо это не очень хорошее выражение. Полгода назад, перед поездкой на Вольный, Генка на соревнованиях по рукопашному бою на приз губернатора поочередно уложил обоих друзей, причем Женька сломал себе левую руку в двух местах. Борька обошелся без переломов, но предпочел бы сломать обе руки, только бы не видеть, как Генка на правах победителя приглашает в кафе Катьку. Короче, победить сегодня было делом чести. Девчонки организовали "уходящим в бой" овацию, обещая немислимые блага в случае победы и позор с поношением в случае поражения.

Противник ждал на лесной опушке. Обе команды были одеты одинаково — в маскхалатах, которые носят бойцы из охраны латифундий, и в масках. Единственное отличие

² 11 июня 200 года десантники нэйкельцев высадились на территории Михайловской Базы Центра прикладных микробиологических исследований (Луна 200). Налёт проводился с целью овладения новейших разработками в области микробиологии человека. Персонал и охрана базы были немногочисленны, но за день до нападения на Луну 200 прибыла группа из шестидесяти подростков, победителей одного из имперских конкурсов. До 17 июня персонал базы, охрана и школьники героически защищали ее от превосходящего в численности и вооружении врага, пока не прибыла помощь. Из числа экскурсантов погибли тридцать шесть человек, однако нэйкельцам так и не удалось получить результаты работ ученых.

Пятнадцатилетнему на момент происходящих событий Генке Новикю тогда было чуть больше тринадцати лет. Как и все участники обороны — живые и мертвые — он был награжден высшей наградой Российской Империи: Русским Крестом.

— белый клапан на правом плече с гербом отряда: прыгающий вперед волк чернолесских «волколаков» и скрещенные дисковая пила и топор отряда имени Успенского из Водопадного. Вооружены все были одинаково — пейнтбольными копиями древних пистолет-пулеметов ППШ, которыми воевали советские русские во Второй мировой.

Конечно, ни о какой настоящей вражде между пионерами двух отрядов не могло быть и речи, если исключить дух соперничества и обыкновенную мальчишескую задиристость. Поэтому с обеих сторон тут же посыпались шутки и подколки, сводившиеся, в основном, к обещаниям "надрать задницу" — не оригинально, но на оригинальность никто и не претендовал; главное — весело.

Четыре легких открытых джипа ждали всю компанию на дороге, ведущей в сторону Фелькишер Ланд. Мальчишки попрыгали в них через борта и заскользили над вырубкой — мимо голых пока еще мачтовых опор, мимо закрытых станционных комплексов, со скоростью почти полтора-два километра в час. Сидя на бортах (на сиденья опускаться было ниже их достоинства). Все двадцать восемь парней во все горло орали старую "Взвейтесь, кострами!"

Дорога к германцам еще далеко не была закончена — даже вырубку не завершили. Лагерь строителей располагался на сотом километре. Ребята там бывали и восхищались могучей техникой, прокладывавшей просеку через тысячетлетние чащи с такой же легкостью, с какой человек идет сквозь густую высокую траву. Но сейчас им хотелось дикого леса, тишины, спокойствия, которое можно нарушить самостоятельно, поэтому они остановились на отметке 45-го километра, согнав джипы на обочину.

Мальчишки попрыгали в траву, натягивая маски и щелкая предохранителями ППШ.

— Разбегаемся? — спросил Димка Андреев, кладя оружие стволom на плечо.

— У вас десять минут. — кивнул Генка, щуря на Полызмей большие серые глаза с золотыми точками.

— Чтобы спрятаться. — добавил один из его парней, подкидывая и ловко перехватывая за рукоять саперный тесак.

— Через десять минут добро пожаловать в лес, — Борька сделал широкий жест и шаркнул ногой в мягком сапоге. — Обещаю, что тоже дам каждому время спрятаться, когда начнем вас гонять по кустам.

Обмен любезностями закончился, и отряд Андреева затрусил в лес цепочкой. Пионерам к лесу было не привыкать — то же можно было сказать и об отряде Новика, так что, отойдя метров на триста, Димка движением руки скомандовал поворот налево. В лесу надо молчать. Особенно когда воюешь — пусть даже и в шутку. Поэтому так же молча три человека во главе с Борькой продолжали двигаться прямо — Женька Вислоусов и Тошка Одинцов...

...Генка не спешил. Он хорошо знал тактику малой войны (и собирался стать профессиональным военным), поэтому выдвинул по три человека в авангард, арьергард и фланговые дозоры, а основную группу выстроил латинскую W «рогами» вперед — и прочесывал лес, как гребнем, чтобы случайно не сбиться со следа. В крайнем случае, Димку можно будет прижать на ночлеге...

Из головного дозора прибежал парень, и Генка пошел с ним. Командир авангарда, Колька Винников, сын профессионального охотника, встретил командира широкой улыбкой.

— Они разделились, — весело сказал Колька, похлопывая себя оружием по ноге, по голенищу сапога-мокасины. — Трое пошли дальше, остальные свернули вон туда, — он указал рукой. — И они уже далеко. Слышишь?

— Слышу, — кивнул Генка. Он в самом деле слышал вокруг нормальные звуки леса, значит — людей поблизости нет, только его отряд. — Это Борька Утесов. Только вот какой группой этот реваншист командует?

Второй парень из дозора хохотнул. Колька спросил:

— Почему реваншист?

— Была у нас история с рукопашкой... Ты тогда на Землю летал, по обмену.

— Не знаю, что там у вас было, — задумчиво сказал Колька, оглядываясь, — но я бы не стал с ним шутить. Борька отличный лесовик.
— Но ты-то лучше? — спросил Генка. Колька пожал плечами:
— Не уверен...

* * *

Вабиска сидел на пне совершенно неподвижно и тихо, словно странный гриб-нарост. Сходство усиливали длинные спутанные волосы «хохла» и одежда, состоявшая, как казалось, из несвязанных меж собой кусочков. Он не пошевелился даже когда русские подошли вплотную. Лицо вабиски было одутловатым, глаза — темные, безжизненные — смотрели безмятежно и странно на окружающий мир, частью которого были для него и рослые парни в мешковатых камуфляжах, остановившиеся рядом.

— Даун, — брезгливо сказал Тошка, морща веснушчатый нос. Борька и Женька с отвращением подались назад, меряя вабиску полными удивления взглядами. Физически абсолютно здоровые, мальчишки, подобно всем землянам, испытывали к умственно отсталым биологическое отвращение. На Земле все еще рождавшиеся — хотя и крайне редко последний век — дети с неподдающимися коррекции формами умственных отклонений немедленно эвтаназировались. Из школьной программы мальчишки хорошо знали, как во второй половине XX века жалостливая травоядность в этом вопросе и отрицание евгеники привели к чудовищному росту числа людей с патологиями развития — были моменты, когда их численность достигала 1/10 от населения «развитых» стран и продолжала расти при попустительстве называвших себя «демократическими» правительств; кое-где умственно отсталым даже давали право голоса! И только Третья Мировая, Безвременье и Серые Войны, а затем принятые евгенические программы позволили надежно и беспощадно очистить мир от жуткого балласта — в сочетании с поголовным уничтожением немногочисленных выживших из этих "людей".

— В Иррузае их считают святыми, — заметил Женька. Борька положил руку на топор. — Да ты что, оставь, нам дальше надо идти...

Безумец смотрел сквозь мальчишек. Тошка засмеялся:

— Этим даже звери побрезгуют... Пошли, Борьк, пора поворачивать.

Мальчишки свернули в кусты. Вабиска, повернув голову, посмотрел им вслед, и взгляд его черных глаз вдруг стал режуще-остры, как вздернутый из невзрачных ножен сверкающий клинок.

— Умрете, — сказал он на иррузайском наречии. — Умрете огнем и мечом! — и, порывисто начертив в воздухе священный символ, вскочил на ноги и бесшумно канул в кусты — в противоположном направлении.

9

— Приятно иметь с ним дело, — прошептал Димка, рассматривая бесшумно движущихся между деревьев стрелков Генки. — Фланговый дозор. Генка — умница.

Спорить с этим было трудно — отряд Новика шел по следу, как ищейка. Только вот сейчас он, похоже, влез в засаду — Димка круто свернул и вышел во фланг противнику по классической схеме. Правда, фланговый дозор осложнял дело.

Димка поднял ко рту ладонь и прокричал лесной птицей. Тут же донесся ответ. Дозорные остановились, но, прислушавшись, зашагали дальше...

...Женька вытянул вперед руку. Борька развел в стороны руки с растопыренными пальцами — Женька ушел вправо. Тошка — влево. Впереди передвигались отчетливо

видимые спины в маскахалатах.

— Огонь! — выкрикнул Борька, нажимая спуск. Отрывистые, негромкие хлопки газовых выстрелов послышались в лесной тишине, разрушая ее — такие же звуки возникли дальше и левее. Атака из засады началась.

Капсулы с алой краской разрывались, как в кино. Двое видимых упали, третий прыжком сместился в сторону и открыл бешеный ответный огонь.

— Промазал! — заорал Тошка, бросаясь вперед. Но почти тут же ответные выстрелы послышались еще из четырех мест, и Тошка, закрутившись на месте, Грохнулся с воплем: — Меня подстрелили! — его маска была залита краской, что производило жутковатое впечатление.

— Это арьергард! — завопил Женька, падая за огромный корень, чтобы спастись от густых очередей. — Это не основные силы, мы напоролись!

Действительно, по ним двоим вели огонь пять ППШ противника, Борька проклял себя — как он мог упустить из виду железную дисциплину, которая царила у Генки! Его арьергард двигался на точном уставном расстоянии от ядра отряда и с честью выполнил свою роль амортизатора при атаке. Скорее всего, головной дозор сейчас окружает Димку, воюющего с одним из фланговых и частью основных сил, а второй фланговый — окружает его, Борьку! С досады мальчишка тихо и зло заскулил, понимая, что надо как можно скорее выходить из боя, пока не поздно... но в этом случае конкретно зажмут Димку!

Уходили секунды, драгоценные, как червонцы. Уходили, словно через дырявый карман...

* * *

Двенадцатью часами позже и на полтора километра северо-западнее над лесами лежала беззвучная, тревожная предгрозовая ночь. Черные тучи скрыли Адамант, и под густыми кронами безраздельно господствовал мрак.

Безлюдно было на прогалине, ведущей к одной из многочисленных лесных молелен, поставленных вабиска во славу своих богов вдали от обитаемых мест. Черной тенью в черноте туч призрачно висел высоко вознесенный резной силуэт священной птицы, когда-то поднявшей из кипящего океана первую землю.

Всадники, один за другим выезжавшие на прогалину через кусты, были бесшумны и черны, словно они сами — беззвучные ночные птицы или призраки тех, кто осужден вечно скитаться после смерти за совершенные при жизни злодеяния. Нечеловеческие лица-морды выдавались вперед, на вытянутых вверх головах колыхались странные волосы. Молчали всадники, молчали их кони...

Да, именно кони! И, если присмотреться, наваждение исчезало. Не души, лишённые покоя, а кавалеристы на рослых жеребцах бесшумно рысили по прогалине к молельне. Морды оборачивались масками ноктовизоров, странные головы — легкими шлемами, украшенными султанами из конского волоса, лучше всего прочего выдававшими охрану с латифундий Довженко-Змая. Впрочем, для тех, кто, по сообщениям службы безопасности латифундии, заночевал в молельне, такие ночные гости были хуже всяких злых духов.

Повинуясь бесшумным командам старшего — он сидел в седле, похожий чем-то на большого ловчего сокола — обнажив длинные, мерцавшие тусклым собственным светом шашки, кавалеристы окружили молельню. Двое спешили и, достав из седельных сумок короткие трубы реактивных гранат, встали на колено. В правой руке старшего изогнутый сполохом сверкнуло лезвие.

— Огонь! — в полный голос скомандовал он. Трубы на плечах спешившихся длинно харкнули пламенем, озаряя грозным алым светом все вокруг; предназначенные для борьбы с техникой, оснащенной защитными экранами, гранаты были, похоже, переснаряжены старинным напалмом. Крыша молельни подскочила, просела и исчезла во взвихрённом

смерче огня. Послышался резкий, гортанный крик; топча вылетевшую дверь, наружу выскочила отплясывающая горящая фигура, рухнула ничком; пламя на ее спине весело затанцевало, как живое. Еще двое выскочили в окна притвора. Один покатился по земле, сбивая с себя огонь, вскочил, но тут же снова повалился, неловко взмахнув отлетающей рукой — выстрел плазмомета угодил точно в грудь. Второй метнулся наискось к лесу, замер, попятился, доставая короткий широкий клинок, отскочил, уклоняясь от размашистого удара шашкой в голову, но второй кавалерист, бросив коня вперед, срубил его сверху в плечо.

Старший нападавших соскочил наземь. В его левой руке, словно живая, зашипела и щелкнула по голенищу сапога недлинная тугая нагайка. Из-под мохнатой папахи выбивался густой чуб с посверкивавшей сединой; такое же серебро посверкивало и в коротких офицерских усах. Глаз видно не было, огненные тени лежали у рта и на высоких скулах. Мягко, упруго ступая, он подошел к убитым. Нагнулся, поднял выпавший из руки зарубленного клинок..

— Что... — голос его осекся, он поднес оружие ближе к лицу — широкий одноострый клинок длиной в пол-руки, витая рукоять почти без гарды... Отбросил оружие, сильным движением перевернул убитого — свет пожара упал на правильное лицо, которое никак не могло принадлежать вабиска — перекошенный рот, светлые волосы, посыпанные алыми искрами отсветов. — Что... Что это такое?! — неожиданная растерянность в его голосе смешалась с отчетливым ужасом. Он метнулся, уронив папаху, к останкам второго убитого, даже не нагибаясь, увидел маскхалат, перетянутый широкими ремнями, полувыскользнувший из кобуры офицерский плазмомёт... — Что же мы наделали, бараны?! — он схватил под уздцы двух ближайших коней, зажал так, что они затанцевали, всхрапывая. — Это же германцы! — ужас в его голосе сменился больные бессилием. — Мы же своих перебили... — он выпустил уздечки, подобрал папаху, отряхнул ее о колено механически. Вернулся к первому убитому, вгляделся в лицо — лицо подростка лет 14. — Сканеры у них не сработали... на нас... — проговорил он, еще раз обводя глазами кольцо потупившихся всадников — тишину можно стало рубить шашкой. — Ай, молодец, — почти весело, ни к кому не обращаясь, для себя, сказал он, и нагайка с визгом рассекла воздух. — Ах, как они нас... здорово... — он засмеялся, и этот смех дико прозвучал на поляне. — Не удивлюсь, если завтра они нас отправят штурмовать Прибой вместо их пограничной крепости... У-у... — прорвалось у него, и в этом звуке прозвучало что-то такое, от чего мороз пробежал по коже дата у самых храбрых. — Так... — он почти пробежал вдоль строя, глядя в лица своих людей. — Так, кто? Кто, кто? Кто сообщил? Кто навел?

— Отшельник, — сказал кто-то.

— Так. Отшельника взять. Привезти на латифундию. Допросить. Узнать все. Кто. Когда, где дал ему сведения. Всё!!! — заорал он вдруг, снова полоснув воздух нагайкой. — Подгоните джип. Трупы грузите. И потушите вы... это!

— Напалм, — буркнул другой голос. — Чем его тушить?

— Нечем, нечем... — пробормотал седоусый. — Теперь долго тушить придется...

10

Газетных принтеров тут, судя по всему, еще не установили, поэтому Игорь был благодарен Дзюбе, когда тот перед тем, как уйти, дал ему свежий выпуск "Факела Прибоя". У губернатора были и несколько центральных газет, но они очень мало интересовали мальчика — тек же мало, как и транслировавшийся по установленному в носу экраноплана стерео матч по футболу из Озерного.

"Факел Прибоя" оказался типичной колониальной газетой — слегка наивной, но с максимумом информации, чем подобные газеты в лучшую сторону отличались от центральных, поставлявших в основном рекламу, голографические репортажи и сплетни.

На второй уже странице, в начале статьи какого-то офицера, была опубликована

большая карта полушарий, на которой приводились цифры о ресурсах планеты согласно данным космической разведки. На общем синем фоне розовым цветом выделялись подконтрольные России земли. И выглядели они маловнушительно... Игорь прочел статью. Как он и ожидал — в конце ставился вопрос о дальнейшем развитии колонии...

...Экраноплан в самом деле заходил на все фермы и кордоны по пути. За окнами давно началась ночь, в салоне погасили освещение, и те, кто не хотел спать, а занимался какими-то своими делами, включили лампы направленного света на гибких шнурах, выдвигавшиеся из спинок сидений. Салон постепенно пустел — выходило больше людей, чем входило.

Сосед Игоря тоже вывел, и мальчишка переместился к окну. А уже на следующей остановке его освободившееся место занял германский мальчишка — чуть младше самого Игоря, в армейской куртке, перетянутой ремнем, на котором висел скрамасакс, мешковатых серо-зеленых штанах, забранных в высокие ботинки с гетрами и кепи на длинных светлых волосах. Садясь, германец нарочито пренебрежительно положил на сиденье открытую кожаную кобуру, из которой торчал РПП³ ТМ-94 и, покосившись на Игоря, вздернул прямой красивый нос. Игорь дружелюбно улыбнулся, ощутив волну неприязни, исходившую от соседа.

Около двух ночи экраноплан остановился возле одной из ферм, пристройка к которой была ярко освещена, и бегущая строка извещал, что «здесь располагается семейная харчевня "Три пескаря"». Водитель по связи объявил, что стоянка час, Игорь, выбравшись со своего места, вышел наружу — он решил навестить заведение с таким чудным названием. Еще несколько человек последовали его примеру, но большинство пассажиров остались дремать, читать, разговаривать или смотреть стерео.

Ночь оказалась теплой, спокойной, хотя лес неподалеку жил своей жизнью — весьма бурной и вполне привычной, За фермой вяло побреживали собаки. Недавно началось 6-е кресня — одного из двадцати здешних месяцев, следующего за июнем — эта мысль позабавила, хотя Игорь знал, конечно, что счет времени на многих планетах отличается от стандартного; Сумерле хотя бы с днем — 24-часовым, как на Земле — повезло...

Внутри пристройка была отделана под старину — голые бревна со шпаклевкой, широкие столы из досок, могучие лавки, светильники-"светцы" и даже потрескивающее в очаге здорово иное полено, хотя очаг исполнял скорее роль чистой декорации — подальше виднелась приоткрытая дверь на кухню. За стойкой между огромными — уже не декоративными — бочками стоял мужчина лет сорока, хозяин, наверное. Он неспешно разговаривал с облокотившимся на стойку и вооруженным кружкой с пивом, офицером ополчения. Стены на уровне человеческой головы украшал пояс "лесных трофеев" — головы, рога и шкуры.

Странно, но в заведении сидели, несмотря на поздний час, посетители. Около входа — трое военных, кавалеристы Алых Драгун. Под портретом Его Величества обосновалась компания фермерского вида. Наконец — самое удивительное, что в дальнем углу сидели трое нэрионов — большеглазые, с лисьими лицами, острыми, заложенными назад ушами, широкоплечие, но очень тонкие в кости, Союзники держали в трехпалых ладонях самые обычные кружки. Правда, с пивом ли — неизвестно. Похоже, это были охотники — тут же стояло их оружие, пороховое, непривычных, но понятных очертаний.

Но внимание Игоря, вошедшего в зал, привлек лишь один человек. Он сидел около большого окна, положив ногу на ногу — молодой мужчина лет 20, одетый в охотничью куртку, армейские брюки и высокие ботинки. В вырезе куртки скрещивались концы легкого шарфа, на столе лежали тонкие перчатки.

³ Ручной полуавтоматический плазмомёт — личное оружие офицерского состава, широко поступающее в свободную продажу.

Юноша поднял голову — загорелое лицо было не по годам суровым, между бровей вразлет прочно залегла складка. Рыжеватые волосы и странное выражение бледно-серых глаз были скорее англосаксонскими, чем русскими, если Игорь правильно учил этнографию.

Игорь, подойдя к стойке, взял кружку пива и порцию солянки. Когда же он вновь повернулся к залу, то увидел, как юноша делает приглашающий жест.

Имелись совсем свободные столики. Но отказаться от столь однозначного предложения было бы просто невежливо — Игорь, пройдя к столику, наклонил голову, опускаясь на широкую скамью.

— Добрая ночь, — поздоровался он первым.

— Добрая ночь, — ответил юноша. Вблизи его лицо казалось и моложе — и строже, а задумчивый взгляд стал слегка пугающим. — Вы с рейсового «ДЭК» а?

— Да, — кивнул Игорь, принимаясь за еду. Юнона неспешно отпил пива — у него в кружке был черный ирландский портер; рядом с ней на досках столе лежала широкополая панама. — Я вас не знаю, — он поставил кружку. — Вы новичок на планете?

— Я с Земли, — коротко ответил Игорь, чувствуя, как шевелится в нем раздражение: что еще за допрос?!

— Давно прилетели?

— На днях, — терпеливо отозвался Игорь.

— Намереваетесь задержаться в Чернолесье?

Игорь отложил вилку и прямо взглянул в серые глаза юноши. Спокойно, взвешивая каждое слово, сказал:

— Послушайте, я не знаю, кто вы. Вы не соизволили представиться — пусть так, это ваше дело, но в этом случае не следует затевать разговор и, тем более, задавать вопросы личного характера.

— Если я задаю вопросы — значит, я имею на это право, — так же спокойно и вежливо ответил юноша.

— Если вы представитель власти, и я вас заинтересовал в профессиональном отношении, я попрошу вас предъявить ваши полномочия. И лишь потом задавать вопросы, — отрезал Игорь.

— Хотите ссоры? — улыбнулся юноша.

— Нет. Но готов к ней — когда, где и как вам будет угодно.

— Отвечайте, — голос юноши стал ощутимо повелительным, и Игорь почувствовал физическое давление биополя. — Я Довженко-Змай, генерал-губернатор Сумерлы.

Это была правда. Мгновенно прокрутив в памяти галерею портретов действующих генерал-губернаторов, Игорь увидел это лицо, как на голографии — и ругнул себя за то, что сразу его не вспомнил.

— Простите, сударь, — поспешно сказал мальчик. — Мне стыдно, но я не узнал вас... Игорь Вячеславович Муромцев, разрешите представиться...

— Выпускник Селенжинского Императорского Лицея этого года, — уточнил генерал-губернатор и перевел на английский: — Говорите на этом языке?

— Да, сударь, — кивнул Игорь. — Вы кого-то опасаетесь?

— Нет, просто английский — мой второй родной язык. Моя мать англичанка. Не следите за Готским Альманахом?⁴ Мне просто приятно говорись на этом языке.

— Вы... как вы здесь оказались? — быстро спросил Игорь. — Вы меня ждали?

— Догадались, — Довженко-Змай легко рассмеялся. — Это делает вам честь. Мой вертолет тут, на площадке. Полковник Дэ говорил о вас со мной пару часов назад.

— Полковник Дэ — это?.. — уточнил Игорь, снова принимаясь за солянку.

— Одно из прозвищ Дзюбы. Он сообщил мне о вашем согласии.

⁴ Ежегодно публикуемый список дворянских фамилий и связей между ними.

— Я думал, что это его инициатива, — заметил Игорь.

— Его, — подтвердил генерал-губернатор. — У меня огромный континент со всю Евразию и Африку размером. Тысячи километров границ и мало людей, способных самостоятельно руководить масштабными операциями. Полковник Дэ — один из них, именно поэтому я дал ему картбланш, когда он появился. Кстати, вы знаете, на чем я пришел к власти? На идее экспансии. И только когда я занял место генерал-губернатора, я понял, что это не так легко. Север континента — очень небезопасное место. Когда я освободил от иррузайцев Ваббам, а потом переселенцы создали Прибойную губернию и латифундию Феелькишер Ланд, мы приблизились непосредственно к границам Иррузая. А когда год назад полковник Бедряга повел людей на север по восточному побережью, и мы создали опорные пункты на нем — то оказались почти у границ Союза Аллогун — единственного организованного союзника, который остался у Иррузая. Мы отбили у вабиска контроль над множеством племен юга и разрушили торговые и политические связи между Иррузаем и обитателями южных лесов и лесостепей... Я хорошо знаю вабиска, их веру и обычаи — я даже писал об этом статьи для журналов по религии и этнографии... — он улыбнулся, словно извиняясь за недостойную политика слабость. — Ну так вот. Они жестоки, упорны и фанатичны. Они тысячи лет владели этой планетой безраздельно. Всей нашей мощи они себе не могут даже представить. Мы для них просто удачливый соперник — с океанских островов, потому что идея космических перелетов для них недоступна — и, между прочим, фоморы во время своей высадки тоже представлялись пришельцами откуда-то с просторов океана... Вабиска Иррузая достаточно развиты, чтобы не считать нас богами — и недостаточно развиты, чтобы осознать, насколько мы сильнее. Именно поэтому они очень опасны. А мы не можем наступать, потому что нет подробных сведений о возможном театре военных действий. Вам же известно, что настоящих карт не даст никакая аэрофотосъемка — только старая добрая работа по маршрутке, шаг за шагом, внимательно к аккуратности... — Игорь кивнул. — А если я начну боевые действия и они затянутся — мы рискуем получить долгую партизанскую войну. Желаящих насытить вабиска оружием найдутся масса — чтобы создать нам лишние проблемы и полюбоваться на это со стороны. Те же сторки. Или фоморы...

— Меня не надо агитировать, — покачал головой Игорь. — Я сказал Ярославу Ярославовичу, что возьмусь за эту работу — и я возьмусь.

— Дело в том, что я не агитирую... — генерал-губернатор поморщился. — Послушайте, давайте на «ты» и по имени. Сергей.

— Игорь.

— Ну так вот, дело не в агитации. Я хочу тебе пояснить необходимость осторожности. Вабиска достаточно умны, чтобы понять, какую опасность представляет картографирование. Тогда они попытаются тебя убить. Как несколько лет назад убили моего отца, — Игорь удивленно посмотрел на генерал-губернатора, а тот продолжал спокойно перечислять: — Как полгода назад убили капитана Императорского Гражданского Инженерного Корпуса Хворостова. Как два месяца назад убили офицеров Императорского Гражданского Корпуса Лесничих лейтенантов Травченко и Максудова. Наконец, как неделю назад предположительно уничтожили у восточных отрогов Третьего Меридиана экспедицию во главе с профессором Российской Императорской Академии Наук Дороховым и одним из моих личных капитанов Рутковским.

— Я их не боюсь, — ответил Игорь спокойно. — Я землянин, русский и дворянин.

— Сергей Кириллович, — это оказался подошедший хозяин заведения, — вас визируют, — и протянул выносную трубку аудиосвязи.

— Спасибо, — кивнул генерал-губернатор и взял трубку. Некоторое время слушал с непроницаемым лицом, потом обронил: "Да," — и обратился к Игорю. — Вот, пожалуйста. На северо-западной границе Чернолесского уезда горят леса.

Любое поражение деморализует. Даже в игре. Когда Борька и Денька соединились с основным отрядом — у Димки остались два человека. Судя по всему, Генка потерял в перестрелке четверых, но для него потери составляли пятую часть отряда, а для Димки — больше трети.

Борька был готов к тому, что Димка спустит на него всех собак. Что ни говори, а именно он атаковал противника, толком не разобравшись, кто перед ним. Но Димка только буркнул: "Ладно, чего там," — и распорядился готовиться на ночлег.

Димка и пришедшие с ним ребята насквозь вымокли — уходя от погони, они переплыли речушку и долго сидели в камышах. Но огонь разжечь было нельзя — ограничились тем, что изо всех сил выкрутили маскхалата и улеглись теснее под здоровенный выворотень.

Все очень устали, но именно перенапряжение не давало уснуть. Пятеро мальчишек прислушивались к ночи, лежавшей вокруг их убежища, и молчали. Они могли заставить себя уснуть при помощи несложных приемов аутотренинга, которым их обучили с детства... но что-то словно подталкивало, заставляло изо всех сил вслушиваться.

— Что-то гудит, — вдруг сказал Женька.

Ему никто не возразил — все прислуживались, отчетливо ощущая, как безотчетное до этого напряжение обретает форму и плоть. Борька тоже слышал гул — странный, свистящий и постоянный.

— Слышите? — настойчиво и тревожно опросил Женька.

— Да, — отозвался за всех Димка. — Что это?..

— Тихо, — прервал его Борька, встав на колено и выглядывая наружу.

Ночь оживала. Вокруг мелькали, спеша, какие-то тени, посверкивали огоньки глаз. Несколько огромных серых волков плавно перескочили через выворотень, не задержались ни на секунду. Левее промчалось два или три мамонта, их жалобный рев расколол ожившую ночь. Поток животных становился все плотнее — вместе бежали хищники и травоядные, мелкие и крупные. На людей никто не обращал внимания. В верхушках деревьев истошно кричали птицы, слышался шум тысяч крыльев; одна из птиц мягко упала рядом с борькиной ногой — она была разбита ударом о дерево.

Странный, тягучий, древний ужас овладел мальчишками. Что-то темное, клубящееся страхом, поднималось из глубин подсознания, накачивая кровь, мышцы, мозг одним слепым желанием — сорваться с места и бежать, бежать без оглядки, без остановки...

— Лесной пожар, — сказал Борька. — Ребята, лес горит.

Он различал в темноте белые, помертвевшие лица своих друзей. В лесах Сумерлы лесной пожар был страшным бедствием. Его мог остановить только землянин, поддержанный техникой. Но и землянину в лесу грозила смерть, если пожар застигнет его вот так...

И все-таки ребята подумали не о себе. В лесу были кордоны. Были другие люди. Наконец — огонь шел к Чернолесью? Конечно, пожар уже засекли со спутников, но...

Поток животных начал иссякать. А где-то за деревьями возник зловещий багровый свет — предвестник идущего огня. Ровный гул стал громче и яростней, в нем слышались свист и рев. Мощный ветер дул в сторону надвигающегося бедствия, засасываемый туда, как в топку.

— Ген?! — это крикнул Димка, и Борис увидел, как тот включил комбрас.

— Мы видим, — сказал с экрана Новик. — Я послал Кешку на дорогу, к нашим... покойничкам у джипов. Там связь мощнее, сообщат дорожникам и в вашу станицу, а потом придут к нам.

— Идем навстречу? — деловито спросил Димка. — Я даю пеленг, бери. И спешите.

— Будем сейчас, — Генка выключился.

— Это поджог, — зло сказал Борька. — Недавно были дожди, лес не мог загореться

сам...

— Об этом потом, — прервал его Борька — он внимательно вглядывался в ширящееся зарево. — Ребята, пожар низовой, нам повезло. Надо чистить подлесок полосой. Слева река, справа дорога, через них не перепрыгнет.

— В цепь, пятьдесят шагов друг от друга — начали! — заорал Димка...

...Борька плохо запомнил, как и что он делал. Он вырубал кусты экономными ударами топора, не думая ни о чем, кроме того, чтобы успеть расчистить как можно большее пространство. Потом обнаружилось, что рядом с ним ожесточенно работают ребята из Водопадного и "убитые".

А еще потом пришел огонь.

Этот огонь был... живой. Борька мог бы поклясться в этом. Живой и злобный. Вот он замер на миг перед вырубленной полосой... и разбежался вдоль нее — мгновенно, в обе стороны, тычась острыми щупальцами, стараясь найти место, где можно перескочить на другую сторону. Большого труда стоило просто отвести взгляд от этого пламени... и Борьке на миг показалось, что вдали, среди занимающихся деревьев, медленно и грузно движутся огненные тени, имеющие форму и жизнь.

— Не смотреть в пламя! — крикнул кто-то, и Борька, вздрогнув, опомнился, снова бросаясь в бой. Но Борька мог бы поклясться, что слышит в гуле, вое и свистящем треске пламени хохот, невнятные угрозы и проклятья. Мальчишка не сомневался, что огонь направлен — направлен чьей-то волей, которая заодно пытается раздавить ментально группу подростков, так некстати оказавшихся на пути пожара.

Пекло стало невыносимым, и мальчишки, не защищенные ничем, кроме маскхалатов, вынуждены были отступать дальше, закрываясь руками от нестерпимого жара. Стена огня замерла у прогалины... но еще ничего не было кончено.

— Фланг! Загибайте правый фланг! — истошно заорал, как в бою, Димка откуда-то сбоку.

Двадцать восемь человек с тесками и топорами на несколько километров пожара, постоянно расширяющего свой фронт — это все равно был заведомый проигрыш. Ребят ждало только одно — окружение и гибель в сжимающемся кольце огня.

Но именно в этот момент со стороны дороги проломился облепленный рабочими лесоход. Он тут же начал прокладывать широченную просеку, а люди, прыгавшие с него и вооруженные уже не только топорами, умело разворачивались в цепь.

— Мам! — на секунду разогнувшись, Борька помахал рукой высокой женщине, решительно распоряжавшейся своими людьми. Она в ответ погрозила кулаком. А еще через несколько минут над деревьями появился вертолет, завис — и с него по тросам соскользнули бойцы пожарного десанта, закованные в огнеупорные латы, с коробками пенообразователей — их возглавлял лично бранмайстер Вислоусов. Десантники врубились в огонь, как окованный сталью таран в крепостные ворота.

Но огонь отнюдь не был побежден. Взбираясь по стволам деревьев, он перепрыгивал полосу по веткам — и все приходилось начинать сначала, начало светать, когда подошла колонна с добровольцами из Чернолесья. Теперь плотной стене огня противостояла почти столь же плотная, ошетилившаяся инструментами, техникой и решимостью стена людей. Перекликаясь, они ни на миг не прекращали своей работы.

Борька уже давно работал в одних трусах и сапогах — маскхалат он сжег, сбивая им перекинувшееся на кусты пламя. Все тело горело, руки ломило, глаза, казалось, закипают в глазницах от слишком близкого огня. Совсем рядом упавшее дерево переломило позвоночник Кольке Винникову и, пока его высвобождали, мальчишка успел получить ожоги груди. Совершенно неожиданно оказалось, что уже работает полевой медпункт, и Кольку унесли, а вместо него появилась Катька — на ней были два патронташа с гранатами-огнетушителями. Вертолет таскал и таскал от реки подвесные емкости с водой, но чуть ли не единственной пользой от нее было то, что люди, прикрываясь руками, охотно подставлялись

под этот водопад с неба, приносивший хоть какое-то облегчение в раскаленном аду пожара.

Потом небо вдруг перечеркнули две крылатые тени, и железный голос резко закричал:

— Внимание! Всем отойти на сто метров от линии пожара! Через минуту начинаем газовую атаку!

— Самолеты из Прибоя! — завопил кто-то весело. Тени пошли на второй заход — это оказались две ширококрылые машины, украшенные эмблемами службы пожаротушения.

Самолеты, разойдясь, как на параде 17 августа,⁵ пошли над линией огня, с них сыпались небольшие цилиндры, бесшумно разрывавшиеся облаками белого дыма.

— Теперь все, — сказал сосед Утесовых, работавший возле мальчишки, опуская топор. Борис, найдя взглядом отца — он стоял рядом с есаулом Андреевым, помогая тому накладывать пневмобандаж на левую кисть — крикнул:

— Па, это поджог!

Начальник полиции повернул черное лицо:

— Димка мне уже сказал. И про вабиска, которого вы встретили, рассказал,

— Вопрос только в том — зачем подожгли, — сказал Андреев. — Просто нагадили — или что-то прикрыли? Почти все мои люди здесь...

Они еще что-то говорили, но Борька уже не слушал. Ему вдруг стало очень плохо, все заболело разом, засадили ссадины, вспыхнули огнем какие-то мелкие ожоги... Взгляд на дымящееся пепелище переполнял нудной тоской. Люди ходили вокруг, переговаривались, кто-то смеялся, кто-то что-то искал... Борька отошел чуть в сторону и сел тяжело на свежий пенек. Посмотрел на руки и скривился — месиво...

— Дай сюда.

Мальчишка поднял голову. Рядом стояла Катька, держа пару регенерационных перчаток. Девчонка была такая же грязная, всклокоченная и замотанная, как остальные. Их взгляды встретились, и Катька, отчего-то смутившись, повторила требовательно:

— Руки давай, говорю.

Борька протянул их, и Катька ловко надвинула перчатки, тут же обволокшие изуродованные кисти плотной и надежной оболочкой. Боль почти сразу прекратилась.

— Ну как? — Катька склонила голову к плечу. Борис мотнул головой, сказал негромко:

— Да нормально... спасибо...

Она почему-то засмеялась. Оперлась о ствол сосны, пачкая ладонь в теплой смоле, выступившей от жара.

— Ты почему меня не позвал, когда ездил в город Рейнджеров?

— А ты бы поехала? — смутился Борька.

— А я не знаю, — заявила она. — Может, и поехала бы... — ода вытерла ладонь о штанину, поморщилась и заключила через плечо, уже уходя: — А может, и нет.

"Почему я ощущаю себя рядом с ней таким идиотом?!"

Глава 2

Компания и Игорь

*И как в войну, мы продолжали
В жизнь играть...*

О.Митяев

⁵ 17 августа — День Защитников Русского Неба. В этот день 20... года несколько десятков русских истребителей отчаянной атакой предотвратили коварную бомбардировку Петрограда (Санкт-Петербурга) многосотенной воздушной армадой Североатлантического Альянса с баз Прибалтики и Польши. Почти все пилоты погибли.

Чернолесье пустовало.

Игорь знал, что так и должно быть, раз в лесу пожар, но такая практически полная пустота его даже испугала — казалось, на пожар умчались все, вплоть до грудных детей.

Станица была невелика — сотня или около того домов, сгруппировавшихся в несколько улиц и окруженных кольцом большого парка. Парк от леса отделяло полкилометра санационной зоны, и Игорь наметанным глазом определил — управляемые минные поля, положенные до времени наземь щиты легкой брони, в случае чего образующие стену, законсервированные огневые точки... На холмах неподалеку размеренно крутились ветряки — очевидно, обеспечивавшие энергией общественные здания, где не устанавливались вихревые генераторы. А вот сами дома сильно отличались от привычных Игорю «конструкторов». Это были прочные, солидные, как правило — двухэтажные здания из настоящих бревен, крытые черепицей и поднятые на высокие — фактически, образующие еще один этаж — фундаменты из глыб местного камня. Каждый такой дом, очевидно, представлял собой блокгауз.

Германский мальчишка сошел тут же. Держа руку на рукояти скрамасакса, он поправил ремни, покосился на Игоря и пробормотал по-немецки:

— Смотрит так, будто это его поместье...

В лицее в обязательную программу входило изучение многих языков, в их числе — и немецкого, тем более, что германцы составляли значительную прослойку населения в Русской и еще более значительную — в Англо-Саксонской империях. Поэтому, улыбнувшись, Игорь ответил на родном языке юного нахала:

— В этом мы с тобой похожи, парень, — и, вскинув на плечо рюкзак, зашагал по улице, оставив юного германца в легком обалдении. Но не удивился, услышав за спиной drobный топот ботинок. Не уже ли хочет драться? Сам Игорь не хотел — германец ему чем-то понравился.

— Из какого ты рода?! — выпалил тот, забегая вперед и бурно дыша от волнения — наверное, принял Игоря за своего, хотя это и было странно при смуглой коже и почти черных волосах мальчишки.

— Я не германец, — улыбнулся Игорь. — Я русский.

— А-а... — разочарование мальчишки было слишком явным, он смерил Игоря недоверчивым взглядом, пожал плечами. — Русский...

— Унтерменш, — поддержал Игорь разочарованный тон. — Так?

— Ну, — вдруг улыбнулся германец.

— А почему так не сказал, если подумал?

— Ты бы обиделся, — он пожал плечами снова. — Зачем?

Германец говорил с той отрывистостью, которая отличает людей, учившихся в школе национальных меньшинств — они хорошо знают доминирующий язык, но тщательность в подборе слов и отрывистость почти всегда выдают, даже если нет акцента.

"А если не понимаешь — значит, можно обижать?" — удержал Игорь сердитые слова. И вместо этого спросил:

— Ты в Фелькишер Ланд?

— Да, буду ждать вертолет, — кивнул германец. — Теперь долго... Лес горит... Слышал?

— Слышал... Ты не знаешь, где тут школа? — поинтересовался Игорь.

— Пойдем, я покажу, — пригласил германец и зашагал первым. Игорь догнал его. — Тебя как зовут?

— Игорь. Игорь Муромцев.

— Зигфрид Отто фон Брахтер цу Фельк, — полностью представился германец — даже с некоторой церемонностью. — Ты турист? После школы прилетел?

— После школы. Только я... работу ищу, — Игорь еще не определился, как ему держать себя, поэтому помалкивал о нюансах.

— В семье надоело? — спросил германец понимающе. Ему, привязанному к роду всеми мыслимыми и немыслимыми узами такая причина казалась странной но не невозможной.

— Вроде того... Это школа?

— Да. А там, за школой — станции, — показал германец. — Только и там сейчас пусто.

Сама школа была закрыта. Но движущаяся дорожка веселой струйкой убегала за угол здания, и указатели гласили, что именно там располагаются станции и пионерский отряд. А над входом в школу, хоть и закрытым, была вделана репродукция с картины ван Хесселя. На фоне космического истребителя стояли хорошо знакомые мальчишке молодые парни в старой — времен Галактической Войны — пилотской форме Объединенного Флота Земли. Лейтенанты Астахов и Дронкерс⁶.

— Они разве местные? — удивился Игорь. — Как же это?

— Да нет, не местные, конечно, — покачал головой германец. — Просто тут один парень эту репродукцию написал. По-моему, хорошо получилось.

Игорь кивнул, вновь посмотрев на картину. Пилот и бортстрелок улыбались из невероятно далекого времени, когда Земля приняла вызов восьми звездных рас и победила в чудовищно тяжелой борьбе, отставая по численности войск, по техническому развитию, по опыту космических сражений — за счет свирепой решимости победить, за счет безоглядной отваги и какой-то непредставимой для остальных готовности погибать, унося с собой врага. Восемь звездных рас отступили перед этим полубезумным натиском...

— И тогда мы поняли, что не можем воевать с безумцами, не понимающими слова «смерть»... — прошептал Игорь слова из официального документа одной из враждовавших тогда с землянами рас. Тряхнул головой, прогоняя наваждение. — А еще, извини. Ты не знаешь, где тут трактир "Баран и вертел"?

— Знаю, — не удивился Зигфрид. — Остановиться хочешь? Идем, я покажу.

* * *

Двухэтажное здание трактира стояло недалеко от школы, в небольшом тупичке-переулке — двухэтажное и Е-образное, слишком большое для станицы. Поразмыслив, Игорь понял, что это правильно — наверняка, как и везде на границе, тут живет масса всякого заезжего народа.

Саш трактир занимал не очень большой зальчик перед "средней перекладной буквы Е" — а в самой этой перекладной, скорее всего, жили хозяин и его семья. Трактир походил на "Три пескаря", но по стенам висели оружие и снаряжение вабиска, военные голографии, а слева за дверью под надписью "бюро обслуживания" виднелись несколько стульев и стойка с электроникой — все в деловом стиле, отличавшемся от тяжеловесной «деревенскости» собственно трактира. На хозяйском месте лежал придавленный пивной кружкой листок блокнота, на которой было написано быстро и четко: "На пожаре. Пиво из 3-й бочки, продукты в холодильнике на кухне. Извините."

Игорь хмыкнул. Такой подход к делу ему понравился.

— Остаешься? — весело спросил он у германца.

— Нет, ты извини. Пойду на аэродром. Может быть, герр Горнов найдет транспорт, —

⁶ Экипаж истребителя с авианосца "Звездный Удар", воевавший в последние годы Галактической Войны. Сбил 154 истребителя врагов. В сражении около Гаммы Центавра, решившем исход войны, таранили вражеский флагман, вызвав его подрыв и фактически лишив флот противников руководства. Виктор Астахов погиб, Зикмар Дронкерс был позже подобран спасателями, но умер в госпитале.

Зигфрид протянул руку.

"Горнов — командир здешнего гражданского транспорта," — отметил Игорь, пожимая ладонь Зигфрида.

— Ну, счастливо улететь.

— Да, — кивнул германец. Но задержался, помедлил секунду и сказал: — Извини еще, что я так. Понимаешь, у меня был старший брат, Фриди... Фредерик. Его убили вабиска. Недавно. И ушли от нас. У нас не было карт, чтобы догнать их.

* * *

Возвращение населения в станицу носило эпический характер — мотоколонну было слышно издалека, гудки, рев моторов и голоса людей наплывали на улицы, разливались по ним и наполняли их жизнью. Игорь успел уже соскучиться — он просидел в трактире почти четыре часа.

Внутрь ввалилась целая компания — разновозрастная, разнополая, но одинаково возбужденная и грязная. Часть столпилась у "3-й бочки" и через какое-то время рассосалась за столы с кружками в руках — это, очевидно, были посетители. Часть исчезла где-то в недрах дома — это, должно быть, семья и часть постояльцев спешили привести себя в порядок. Трактир тут же наполнился активной жизнью, появилась пачка местной газеты — «Отклик», всего на двух листах, его разобрали тут же.

— Ты ко мне? — весело спросил, как-то оказавшись рядом, свежeweымытый атлетического сложения немолодой мужчина в фартуке из клеенки поверх белой рубахи с подсученными на могучих ручищах рукавами.

— Да, господин Носков, — Игорь поднялся. — Видите ли, я хочу у вас остановиться...

— Сколько угодно, — широким жестом хозяин указал на потолок, словно предлагал мальчишке немедленно обосноваться прямо там.

— У вас есть номера-офисы? — спросил Игорь. Носков поднял брови:

— Офисы? Вообще-то два есть... Один занят господином Драгановым, хотя он там почти не живет. Второй свободен, но он стоит довольно дорого, — в голосе хозяина послышались извиняющиеся нотки.

— Я хочу заплатить сразу за год, — оказал Игорь, доставая из кармана пачку «жуков» и "катенек"⁷ а потом — чековую книжку, заверенную лицеем. — Вы предпочитаете наличные или чеки Петроградского?..

2

Номер содержался очень аккуратно, хотя, судя по всему, им не пользовались с момента открытия трактира. Коридорчик. Зал. Спальня. Небольшие кухонька и столовая. Ванная. Туалет. И кабинет-офис, обставленный по последнему слову техники. Были в номере и центральные подключения, но многие из них еще не работала. Тяжеловесный — все тот же «деревенский» — стиль не вполне соотносился с начинкой кабинета.

Игорь внимательно огляделся. Новый дом пришелся ему по дуге. Но сейчас, если честно, просто хотелось лечь спать. Он очень устал за последние дни — устал все время куда-то ехать, лететь, идти... Сейчас мальчишка добрался до места, из которого никуда не нужно было торопиться. Конечно, легко можно было заставить себя сбросить усталость... но этого не хотелось. Сама мысль о том, что сейчас можно будет разложить вещи, принять душ

⁷ На 50-рублевой банкноте Российской империи изображен Г.К. Жуков, на 100-рублевой — Екатерина II Великая.

и улечься в постель, выглядела настолько соблазнительной, что Игорь решил не сопротивляться.

Но, укладываясь в постель, он примостил на столике рядом с кроватью плазмомет без кобуры.

* * *

Принтер один за другим выдавал листки с распечатанным с диска текстом. Игорь, широко расставив ноги, сидел за клавиатурой, набирая сообщение. Рукой он прижимал к левому плечу трубку визитера.

— Да... Просто объявление на первую полосу, образец я пришлю... И расклейка по поселку двух десятков небольших афиш... Да, наличными... Игорь Муромцев, меблированные комнаты трактира "Баран и вертел"... И ещё, простите! У вас ведь есть связи с печатными органами других населенных пунктов губернии?... Да, и туда тоже... Большое спасибо. Через полчаса я передам образцы факсом... До свиданья.

Игорь бросил трубку в гнездо и придиричиво посмотрел на страницу объявления, обретающую плоть на экране. Правой рукой он включил режим рисования.

"Приглашаются для собеседования с возможным последующим наймом на временную рискованную и интересную работу люди, хорошо знающие местность за пределами колонии."левой он вновь взял трубку.

— Штаб пионерского отряда "Волколак"?.. Игорь Муромцев... Привет. Ты не можешь соединить меня с Димкой Андреевым?... Угу, подожду... — теперь что-нибудь в стиле агитационных плакатов военного времени, но местным колоритом. Как там... ага... — Андреев?... Это Муромцев Игорь. Ярослав Ярославович сообщал тебе?... Нет, не надо — просто Игорь... Ты не мог бы сегодня зайти вечером, или мне самому... Конечно. И, если можно, пусть с тобой придет Борис Утесов. Жду. Все. Пока.

Игорь покосился на принтер. Листки продолжали выскакивать. Придется истратить ночь на чтение. Но это не огорчало, скорей — возбуждало и бодрило, как адреналин в бою. Задача, поставленная перед Игорем, была вызовом — высшим наслаждением для человека 3-го века Галактической Эры. И сейчас он осуществлял великий принцип делократии — создание действующих структур не пустом месте из разнопрофильно подготовленных и умеющих отвечать за дело людей.

Штаб лучше всего разместить в пионерском отряде. И найти среди тех, кто откликнется по объявлениям, нескольких специалистов по управлению... Уже к концу недели должны быть первые результаты.

В дверь постучали — твердо, уверенно. Подросток, по делу — это Игорь хорошо ощутил и крикнул, поворачиваясь на стуле:

— Входи давай!

Хлопнула дверь, по коридорчику простучали шаги — и в офис вошел парнишка. Немного моложе Игоря, кажется, но выше и шире в плечах, одетый в бежевые кожанку и бриджи с коричневыми сапогами. На сгибе левой руки посетитель держал фуражку с брошенными в нее крагами, шею обвивал белый шарф. Смерив Игоря коротким взглядом, вошедший отчетливо прищелкнул каблуками и представился:

— Старший кадет Ревякин. Командир второго дирижабля станции Сумерла Императорского Юношеского Добровольческого Авиационного Корпуса. Направлен в ваше распоряжение по личному приказу генерал-губернатора.

— Садись, — Игорь ткнул в соседний стул. — Есть хочешь?

— Нет, — Ревякин расслабился. — Делать-то мне что?

— Сколько у тебя человек?

— Десять, считая меня, — деловито ответил парень.

— А дирижабль вооружен? Какое оружие?

— Роторы. По одному в носовом, кормовом и бортовых блистерах. Катапульты для сброса бомб — две, побортно.

— Носовой ротор демонтируйте, — сказал Игорь. — Установите вместо него оборудования для картографирования. Твой дирижабль может базироваться прямо на Чернолесье?

— Пф! — издал кадет веселый и пренебрежительный звук. — Смонтируем мачту, там и делать нечего... А разместимся в школе... Я хочу спросить? Можно? — Игорь наклонил голову. — Как далеко мы будем лежать?

— По всему северу континента, — Игорь следил за реакцией кадета.

— Хорошо, — лицо Ревякине осталось непроницаемым — отлично! — В таком случае, я прикажу привести дирижабль в полную походную готовность.

— Мы сработаемся, — отметил Игорь с улыбкой. И кадет улыбнулся ему в ответ.

* * *

С первого взгляда Игорь Муромцев Борьке понравился — гибкий, смуглый, черноволосый, хотя и с ярко-синими глазами, быстрый в движениях и решительный. Настоящий лидер. Когда они с Димкой вошли в номер, где обосновался приезжий, Игорь сидел верхом на стуле спиной к работающему компьютеру и разговаривал в переноску:

— Да, госпожа Майская... Нет, мои полномочия на этом не заканчиваются... Да, госпожа Майская, и я прошу вас дать мне постоянный канал связи с господином губернатором... Всего хорошего, госпожа Майская.

Он положил трубку и, пружинисто поднявшись, протянул руку мальчишкам, которые поочередно пожали ее, представляясь.

— Может, пойдем куда-нибудь? — предложил Игорь. — Я за сегодняшний день страшно устал — в основном, от сиденья на месте. Где тут можно отдохнуть?

— Можно пойти в школу, там танцы сегодня, — предложил Димка. Игорь поморщился:

— Опять шум...

— Тогда возьмемся за руки и погуляем по парку.

— Годится, — кивнул Игорь.

Вечерняя улица отнюдь не была пуста. Из окон сквозь черное кружево ветвей падал свет. Прогуливались люди, то и дело здороваясь друг с другом — в станице все были знакомы. Но в парке, кольцом окружавшем Чернолесье, царила пустота.

— Тут обычно полно младших, — пояснил Димка, — но они сейчас все около школы крутятся.

— У вас большой пионерский отряд? — спросил Игорь, срывая листок черемухи и растирая его в пальцах.

— Полторы сотни человек, девчонки и мальчишки вместе, — ответил Димка. — Ребята проверенные, — добавил он, и Игорь прочел в его глазах невысказанное: "Для нас будет дело?"

Комбарс, на который был переключен канал связи из номера, подал сигнал вызова, и на экран появился Дзюба.

— Секунду, ребята, — извинился Игорь и наклонился к браслету. — Добрый вечер, Ярослав Ярославович.

— Игорь, — губернатор смотрел тяжело, — я не пойму, зачем тебе понадобился канал прямой связи?

— Госпожа Майская оперативно нажаловалась, — приятно улыбнулся Игорь. — А, Ярослав Ярославович?

— Ты что, собираешься застолбить себе латифундию? — прямо и серьезно спросил Дзюба.

— Я подрядился не на это, сударь, — неожиданно холодно ответил Игорь, и Димка, посмотрев на Борьку, вскинул бровь: "Во!" — Если я не буду иметь возможности оперативно принимать и передавать вам информацию — вся затея теряет смысл. Мне предстоит воевать с Иррузаем, и я не могу воевать еще и с дикими амбициями суверенных князей от гражданской службы. Или у меня есть канал — или я сажусь отдыхать и писать свою работу. А вы ищите кого-нибудь другого. Уверен, что найдете без труда.

— Хорошо, — наклонял голову Дзюба. — Канал будет. Но если не получится — я сниму с тебя голову... без скидок на возраст, Игорь Вячеславович.

— Минуту, Ярослав Ярославович! — встрепнулся Игорь, до того кивавший с благостной улыбкой, словно губернатор нахваливал его. — Очень удачно, что вы связались со мной. Я благодарю вас за дирижабль...

— Это все, что ты хотел сказать? — подозрительно осведомился Дзюба.

— О сударь, как вы догадливы... — проворковал мальчишка. — Мне не помешала бы небольшая группа спецназа... я не претендую на армейский спецназ — одного из гражданских корпусов, ни больше...

Лицо губернатора не выражало никаких эмоций.

— Неплохо, — оценил он. — Ты собрался брать штурмом Сааск?

— О нет, Ярослав Ярославович, — любезно пояснил Игорь. — Просто не хочу, чтобы мои люди оставались без помощи в экстремальных ситуациях; мысль о том, что в любом случае прилетят и вытащат, очень стимулирует и бодрит... Пусть базируются на Чернолесье. Борис Викторович сказал, что на аэродроме места хватит.

— Я, наверное, старею, — после недолгого молчания оценил Дзюба. — Забыл, как умеет работать молодежь... Тебе не хватит есаула Андреева?

— Ну, у него же всего несколько человек, линейные... и они все время заняты...

— Хорошо. В городе базируется 56-я отдельная группа биодесанта. Гражданский Корпус Лесничих. Утром они вылетят к тебе, десять человек. Тебе этого хватит?

— Какой у них транспорт?

— Конвертоплан, старый, но надежный.

— Вооружен?

— Да.

— Годится. Благодарю вас, Ярослав Ярославович.

— Игорь, — вдруг сказал Дзюба, — я позвонил вам, чтобы отчитать. А вместо этого даю вам канал связи, десант и конвертоплан. Хотите получить место начальника отдела Министерства Колоний по Сумерле? По достижении совершеннолетия, разумеется... и если не сломаете голову на картографировании. Генерал-губернатор не будет против.

— Лестно — но благодарю вас, нет, — покачал головой Игорь.

— Тогда — до свидания, пока ты не попросил у меня космокатер.

— До связи, Ярослав Ярославович, — Игорь опустил руку с комбрасом и подмигнул мальчишкам. — Оргвопрос решен... Мне говорили, что ты, Борис, лучший следопыт из всех здешних пионеров.

— Колька Винников не хуже меня, — возразил Борька, все это время с уважением прислушивавшийся к разговору. — Но он сейчас в госпитале.

— Значит, все равно, лучший — ты... Видишь ли, довольно скоро я запущу всю эту машину на автопилоте, в дальнейшем мне останется лишь систематизировать информацию... То есть, возникает опасность сдохнуть от скуки... — мальчишки сдержанно посмеялись. — Мне нужен человек, который познакомит меня с окрестностями. В такой степени, чтобы потом — осенью, зимой, весной — я в поводыре не нуждался и мог сам развлекаться.

— Это я с удовольствием, — кивнул Борька.

— Что до вашего отряда, — Игорь кивнул Димке, — то я его обязательно использую по назначению — как пионеров. Кроме того, я намереваюсь развернуть в вашей школе штаб операции. Подготовьте все необходимое к завтрашнему вечеру.

— Сделаем, — Димка отсалютовал. — Полевой штаб стандартного типа?

— Да. Понимаешь в этом?

— Я готовлюсь на специалиста полевого планирования, — пояснил Димка. — Хотел бы стать капитаном, но — сам понимаешь... — он не договорил.

— Почему, можно и не кончая лица, — возразил Игорь. — Только очень трудно... Пережогин...⁸

— Пережогин гений от природы. А я обычный русский школьник.

— Уже не школьник, — поправил его Борька, — ты в этом году закончил...

— А я про это все время забываю, — грустно признался Димка. — Куда податься? С Сумерлы улетать не хочется.

— Учись в Озерном, у вас там хорошие ВУЗы, — посоветовал Игорь.

— Отец хочет, чтобы я на Земле учился. Говорит, что каждый русский должен там хоть раз побывать, а еще лучше — получить образование.

— Да ну, что там интересного, — отмахнулся Борька.

— Не скажи, — возразил Игорь. — Если русский не видел России, то он... — Игорь замялся, и Димка подсказал:

— Второго сорта?

— Да нет, — покачал головой Игорь, — просто дурак.

— Ну уж? — недоверчиво спросил Борька.

— Увидишь когда-нибудь — поймешь, — сказал Игорь спокойно. — А тут у вас не плохо. Красиво и не холодно... А зимой как?

— По-разному, — пожал плечами Димка. — До минус двадцати падает. Но редко. Снег идет, но не лежит почти. К северу сугробы бывают, а у нас ветра с залива теплые, слизывают, как языком...

— Это точно, вот там, где я раньше жил, — Борька на ходу сорвал травинку, — там тоже настоящая зима.

— У вас послушать ничего нет? — поинтересовался Игорь. — Я ничего не привез, а до библиотеки когда еще доберусь... Что-нибудь из баллад или народного...

— "Черный храм" подойдет? — тут же предложил Димка. — Прошлогодний концерт в Мурманске.

— Слышал...

— А наши местные баллады будешь слушать? — поинтересовался Борька.

— Давай.

— Ну пошли, я прямо сейчас тебе дам, — позвал Борька. — Дим, с нами?

— Вы давайте, а я в школу, — махнул рукой начальник штаба отряда. — Попробую плавно перевести дискотеку в воскресник по подготовке территории... Завтра с утра прибегу, ладно?

— Конечно, — кивнул Игорь. — У меня открыто.

— Не боишься? — засмеялся Димка, пятясь спиной по аллее. Игорь сделал, быстрое, неуловимое движение рукой — и в ней возник маленький плоский пистолет.

— Пороховой?! — восхитился Борька. — Покажи!

— Пороховой, но пули термитные, — пояснил Игорь, передавая ему оружие. — Всегда ношу с собой.

3

— А где твои родители? — спросил Игорь, просовывая нос в просторную аккуратную прихожую. Борька, придерживавший во дворе собаку, откликнулся:

⁸ Пережогин, Анатолий Сергеевич — уроженец России, в возрасте 11 лет с родителями переселился на только что открытую Нова-Гоби. Увлекался ксенологией. Еще будучи подростком, регулярно исследовал неконтактных туземцев, собрав о них обширные сведения. Капитан при РИАН.

— Отец дежурит, мама уже давно на стройке, только на выходные является... Закрой дверь, мне его держать трудно.

— А ты отпусти, — спокойно откликнулся Игорь, — что ты в него так вцепился?

— Шутишь? — изумился Борька. — Это же сибирская охранная, я его потом не оттащу. Он только отца слушает беспрекословно.

— Отпусти, — вдруг резко сказал Игорь, поворачиваясь. То ли от неожиданности, то ли еще почему — Борька разжал пальцы, и огромный серый призрак молча, прыжками ринулся к крыльцу, на котором, расслабленно придерживаясь рукой за косяк, стоял Игорь. «Охранник» не рычал — они не рычат и не лают. Эту породу вывели на основе возникшей после Третьей Мировой мутации. Сибирская охранная убивает волков — за шиворот и об дерево, как щенят. Двое таких псов разорвут гризли, как беззащитную домашнюю скотину.

Игорь вытянул руку ладонью вперед, словно отталкивая — и гигантский восьмидесятикилограммовый пес, в принципе не снабженный чувством страха, сперва осел на задние лапы, а потом припал к земле и попятился, недоуменно заскулив. Оглянулся на молодого хозяина почти умоляюще — напасть на ТО, стоявшее на крыльце, он не мог.

— Как это?.. — ошарашено спросил Борька, поднимаясь с корточек и не сводя взгляда с Игоря. — Он мамонта осаживал... честное пионерское... — Игорь молча пожал плечами. — Ну — ты даешь!.. А с любым животным так можно?

— Если оно достаточно высоко организовано, — пояснил Игорь. — С вашим крокозубом не получится — тупой слишком.

— Ладно... пошли... — Борька все еще не сводил с тоненького в поясе и в кости Игоря глаз.

— Ты знаешь, кто такой Зигфрид Отто фон Брахтер цу Фельк? — спросил Игорь, когда они вошли в прихожую. Борис удивленно покосился на него:

— Да... Младший сын херцога фон Брахтера. Его отец недавно меня визитировал.

— Вот как... — взгляд Игоря упал на большой голографический портрет, висевший в зале — молодой мужчина в форме Флота. — А это кто, если не секрет?

— Младший брат отца, дядя Роман, — Борька расстегивал куртку. — Он был оператором локатора на фрегате Его Величества «Разящий» и погиб в битве у Веги. Я его не помню почти совсем...

— Мой отец командовал корветом, — Игорь посмотрел в потолок. — Его тоже убили фоморы. Три года назад. Он пытался защитить станцию с моей мамой.

Мальчишки помолчали. То, что они сейчас сказали, некоторым образом сближало их друг с другом. Протягивало между ними некую невидимую нить.

— Твоя мать... — осторожно начал Борька. Метнул быстрый взгляд. — Она...

— Она тоже погибла, — ответил Игорь.

— Значит, ты...

— Я сирота.

Борька с ужасом воззрился на Игоря. Казачонку, привыкшему к прочным семейным узам, такая судьба казалась чудовищной. Игорь вновь обвел взглядом стены:

— Это отца? — он кивнул на многочисленные охотничьи трофеи и холодное охотничье оружие, развешанные тут и там.

— Почему? — удивился Борька, выходя из ступора. — Мои, отец мало охотится... Вон мой первый болотный кабан. А вон — вон та штука — шкура ледового медведя. Еще немного — и он бы снял шкуру с меня... Ты любишь охотиться?

— Конечно, — кивнул Игорь. — Твоя комната — на втором этаже?

— Угу, пошли...

...Комната Борьки была самой обычной — не очень большой, хорошо обставленной и слегка (на взгляд Игоря) неаккуратной; он никогда бы не позволил себе вешать трусы на торчащий в мишени охотничий нож и приклеивать компьютерные распечатки скотчем к полированной дверце шкафа. Но на одной из полок стоял полный набор дисков с

микрофильмами по ветроэнергетике, а в углу наискосок от окна стояла великолепная ростовая статуя, заставившая Игоря изумленно поднять брови: статуя была не из тех вещей, которые ожидаешь увидеть в обычном доме казачьей станицы. Скорей место ей было в музее — над материалом явно поработал мастер, только Игорь, не смотря на свою «подкованность» в этом вопросе, не мог понять — какой.

Материалом для статуи послужил каменнопласт — серо-матовый, глубокого тона. Скульптор изобразил подростка одних лет с Игорем, одетого в форму времен то ли Третьей Мировой, то ли Серых Войн — это трудно было понять даже специалисту. Мальчишка стоял, подавшись вперед, в движении, как будто бросался в атаку, лицо напряжено, левое плечо вперед...

— Откуда у тебя это чудо? — удивился Игорь.

— А, это, — Борька пожал плечами. — Это с Земли привезли. А там — старая история. Мой пра-прадед увлекался археологией — так, для себя. В экспедициях работал и сам копал, по открытым листам... Это он на Кубани нашел, в отвалах, когда расчищали развалины Ставрополя. Говорят, она старинная.

— Ну, не очень, — уверенно возразил Игорь. — Такой материал появился даже уже после Галактической Войны, так что ей не больше полутора веков... На отвале, говоришь? Странно, неужели кто-то выбросил?! — Игорь еще какое-то время любовался статуей, потом заинтересовался голографией, стоявшей на столе: — А что это за девушка?

— Просто девушка, — коротко ответил Борька.

4

То, что в "Баране и вертеле" что-то не так, Игорь понял еще "на подходе", потому что через двери вылетел германец, грохнулся на дорожку и остался лежать, тяжело ворочаясь, как боксер в нокдауне. Игорь ускорил шаги и боком поднялся на крыльцо под навес.

В центре зала, среди перевернутых столов и скамеек, молча и освидрепело дрались кулаками примерно поровну — по дюжине — германцев и казаков... нет, не казаков, просто русских в форме охраны латифундии генерал-губернатора. Драка была чисто профессиональная — с выбитыми зубами, кровью и потерей сознания; не сколько человек лежали на полу среди опрокинутой мебели. Внутри Игорь решил не соваться — любой из дравшихся был тяжелее, выше и физически сильнее его. Носков с философским спокойствием созерцал драку из-за стойки. Так же меланхолично смотрели из-за угловых столиков несколько завсегдатаев из местных, в основном — пожилых.

— Из-за чего дерутся? — спросил Игорь, повысив голос. Носков ответил:

— Германцев семь человек охрана с латифундии перебила на границе. Ошиблись.

Игорь тихо присвистнул. Ничего себе «ошибка»! Он про такое и не слышал — земляне убили землян! Не один другого на дуэли, не несчастный случай, а именно так...

Прислонившись к перилам, Игорь вышел через комбрас на визитер, краем глаза заметив, что внутрь ворвались двое полицейских (неужели разнимут?!). С садистским наслаждением используя «выбитый» личный канал — подключился к приемной губернатора, и через полминуты Дзюба (в полевой форме и с плазмометом) возник на экране.

— Ярослав Ярославович, — с ходу начал Игорь, — дайте мне господина генерал-губернатора.

— Далеко пойдете, — одобрительно заметил Дзюба. — Сейчас... Игорь Вячеславович.

Пришлось ждать — и не полминуты на этот раз. Судя по всему, в Озерном Довженко-Змай отсутствовала вызов настиг его на его латифундии — там царил глубокая ночь. Генерал-губернатор не спал, но вызов ему хорошего настроения не прибавил.

— Я слушаю, — сказал он. Игорь молча показал ему комбрасом происходящее вокруг, и Сергей отпустил древнее матерное ругательство.

— Что за история? — поинтересовался Игорь.

— Читай вчерашний номер столичной "Земля и воля". А через какое-то время — центральную прессу, как у меня в колонии русские убивают немцев. Ненавижу корреспондентов!!! — с неожиданным остервенением выдохнул Довженко-Змай.

— И все-таки? — настаивал Игорь.

— Моему начальнику латифундистской службы безопасности один из агентов-вабиска подкинул дезу, что в... одном месте остановился отряд во главе с Уигши-Уого... Ты распечатки Дзюбы читал?

— Нет еще, — признался Игорь.

— Почитай скорее, там о нем... Мои ребята напали на это место. А там оказались ни черта не вабиска, а люди херцога. Спали, не поставив часового — у них были отрегулированные на вабиска сканеры... Сейчас разбираемся с тем агентом — его, похоже, тоже обвели вокруг пальца.

— Что собираешься делать?

— Уточним... — процедил генерал-губернатор. — Извини, времени нет, — и отключился.

Игорь пошел к киоску и купил "Землю и волю".

* * *

Статья оказалась прямо на первой полосе. Шапка, набранная алым, претенциозно гласила: "Возвращение Серого Призрака!"⁹ Произошедшее подавалось так, словно С.К. Довженко-Змай, малолетний садист и палач, облеченный огромной властью лишь благодаря общей глупости системы, все время своего правления положил на разжигание розни между одержимыми комплексами русскими и забытыми германцами, которых и заманил-то на Сумерлу исключительно с коварной целью потешить свою палаческую душу зрелищем их поголовного истребления. По мнению Игоря статья если и могла кого-то заинтересовать, так это суд и еще — представителя полувымершей профессии психиатра. Едва ли даже родственники погибших хоть на миг подумали о злом умысле. Статья была просто плевром — неумным, но смачным — в сторону генерал-губернатора, и Игорь невольно вспомнил когда-то читанную кавказскую притчу о злой старухе, жившей около моря. Однажды ее увидели идущей к морю с факелом и спросили, куда ее несет. "Иду море поджечь," — ответила старуха. "Опомнись, не будет оно гореть!" — начали убеждать ее люди. "Ничего знать не хочу! — сказала старуха. — Я свое злое дело сделаю — море подожгу. А будет оно гореть или нет — мне все равно. Сам Игорь никакой особенной неприязни к журналистам не испытывал и сейчас подумал лишь о самом факте ловко подброшенной дезинформации, приведшей к гибели германцев, — статья же его скорей рассмешила.

Скомкав газету, Игорь через всю комнату запустил ее в утилизатор, потянулся и встал. Пол в зале был устлан вабискианским ворсистым ковром похожим на мох, по которому было приятно ходить босиком. Игорь вывел на окно пейзаж скандинавского приморского леса и, скрестив ноги, бухнулся на диван, положив на колени толстую пачку распечатки...

...Как и все выпускники лицеев, Игорь владел умением мгновенного считывания информации — со стороны могло показаться, что он просто не очень быстро переключается на листы. Занятия мнемоникой тоже даром не прошли — информация раскладывалась по невидимым полочкам в мозгу ровно и аккуратно. Примерно через полтора часа — около часа ночи — мальчишка поднялся с дивана, потер виски, снова потянулся и, подойдя к

⁹ Сергей Бахмачев, казачий атаман с Дона. В период Третьей Мировой в условиях распада структур власти возглавил оборону Дона. Его отряды отличались крайней храбростью и жестокостью, благодаря чему «миротворцы» и наемные банды на Дон не прошли. "Серый Призрак" Бахмачев погиб в сентябре 20...года в результате удачно проведенной вражескими агентами спецоперации.

утилизатору, разом запихал в него и диск и листы.

Уигши-Уого был одновременно священником и главой Крылатого Совета коллегиального органа управления Иррузаем. Начинал с простого офицера пограничных войск. Занял место... ну, скажем, главы спецслужб Теократии. Его предшественник был казнен за то, что допустил победу прорусского восстания в Иппе, столице Ваббама, ранее считавшегося союзником Иррузая. Год назад как раз и стал главой Совета, сохранив и прежнюю должность.

Туземные агенты Отдела Колониальной Безопасности дважды пытались ликвидировать его, но безрезультатно. Люди Уигши-Уого, в свою очередь, виновны в гибели практически всех землян и инопланетян вообще, занимавшихся исследованиями севера материка. Фанатик, следующий предписаниям религии даже в мелочах. Генерал-губернатор посылал запрос о задействовании для его ликвидации человека из Черной Сотни, но ему отказали, посчитав, что это будет слишком большой честью для туземного правителя с окраинной планетки.

Похоже, что зря отказали.

Игорь налил себе холодной воды и выпил залпом. Станным образом этот стакан переключил его мысли на почти забытую статую в доме Утесовых... и что-то, связанное с этой статуей. Какую-то странность...

Мальчишка подошел к окну и уселся на подоконник, созерцая небо, усыпанное яркими, крупными звездами. Что-то такое... какая-то неувязка... несообразность... нет, не то, просто...

Игорь ударил себя по колену кулаком, злясь, что не может понять, в чем дело. Так, стоп, спокойно. Думаем.

Статуя. Ну и что? Ста-ту-я... Что-то, связанное с... с Пределами Применения... Да, с Пределами Применения.¹⁰ Протокол Оттава, самый конец Серых Войн...

Проект «Петр» академика Левашова... Он передал технологию Ван Чжоу «Мяснику», главе «армии» «триады», пытавшейся взять под контроль Дальний Восток... Ван Чжоу убили «витязи» РА. А Левашова схватили и повесили, но... но его технология...

Игорь похолодел.

Не может быть...

— Не может быть, — вслух повторил Игорь. Это подал голос человеческий атавизм, шараханье от непонятных чудес. Между тем, Галактика, успешно осваиваемая человеком, спокойно утверждала: то, что на Земле считалось «чудом», на другой планете вполне может оказаться обыденным явлением... да и вообще — нет чудес, а есть только непознанные — пока! — области знания.

Игорь в зародыше задушил атавистический визг. Нашел в справочнике визитера номер Утесовых и вызвал Борьку. Тот возник на приемной пластине — зевающий во весь рот и приглаживающий волосы.

— Ну?.. Игорь, ты, что ли?

— Борис, ты не мог бы ко мне придти прямо сейчас? — попросил Игорь.

5

Первые посетители появились в шесть утра, а с восьми пошли потоком, вполне наглядно показав Игорю и Борьке, который так и остался в номере — помогать — многопрофильность подготовки русских. Подошедший позже Димка буквально офигел,

¹⁰ Запрещение к применению научных разработок, могущих нарушить традиционность человеческой морали и привести к принципиально неконтролируемым последствиям: полная виртуальность, клонирование человека, психотехнологии порабощения личности, донорство органов, создание электронной жизни, а так же многое другое.

узнав, что его сосед, 70-летний охотник, дед Женьки Вислоусова, кроме всего прочего — еще и профессиональный картограф. А Игорь пришел в жуткий восторг, обнаружив среди прочих добровольцев дворянина откуда-то с Багровой — столь же профессионального координатора. Вообще-то указанный дворянин на Сумерле отдыхал, но, как выяснилось, очень соскучился по работе.

Короче, к двум часам через офис прошли 319 человек, после чего Игорь с удивлением и удовольствием констатировал, что оказался «владельцем» штаба из 25 отлично подготовленных специалистов и десяти отрядов по 12 человек — все горели желанием приступить к работе немедленно, можно бесплатно и со своим снаряжением. Нет, Игорь что-то подобное подозревал, но отводил на оргвопросы дня три!.. Кроме того, стол оказался завален кроками, картами и планами, выполненными с различной степенью профессионализма, дисками с видеозаписями и текстами — все это были материалы по окрестностям, собранные из интереса или для собственного пользования. Там же оказались и отчеты Очкурова, заместителя волостного атамана, бумаги, принесенные одним из геологов полковника Лиманского, и материалы, собранные экспедицией Драганова — он принес их лично и вообще предложил свой базовый лагерь под перевалочный пункт (Игорь отметил, что знаменитый исследователь не старше генерал-губернатора). Когда удалось отбиться от остальных желающих — они вели себя крайне агрессивно, потрясая документами, неоспоримо доказывающими их многочисленные достоинства — и запереть дверь, Игорь шумно выдохнул и сказал:

— Черт побери.

— А ты как думал? — задрал ноги, Димка с удовольствием плюхнулся в одно из кресел. — Тут у нас народ простой. Если не помогать друг другу — сдохнешь. По-настоящему сдохнешь, это не оборот речи.

— Черт побери, — повторил Игорь. — Можно было бы и больше набрать, но тогда штаб распухнет, а лишней аппаратуры нет все-таки... Что же, выходит, что я все сделал?

Ну, конечно, это было еще далеко не все. Нужно было всех разместить и "подтолкнуть маховик". Да и все эти сведения — и лавину тех, что еще будут поступать! — предстояло обрабатывать ему. И задания надо раздать, и развернуть сеть перевалочных пунктов... Короче, работы-то еще хватало. Но начало было положено.

Провизитировалась белокурая девчонка — кажется, ее звали Снежана. Не здороваясь, она заявила:

— Тут дирижабль прилетел. И некто Ревякин требует десять мест. Игорь, так ты их вызывал, или гнать?

— Ой, блин! — Игорь посмотрел на Димку. — Сходи размести их. Я тут еще кое-кого жду.

— О чем разговор? — Димка на ходу нахлобучил шляпу. — Увидимся.

— Конечно, — Игорь махнул ему рукой и отправился вниз, чтобы поесть. Дочь Носкова немедленно накрыла на стол, как это полагается в колониях — на троих, уверяя, что это на одного и если сударь захочет добавки, то пусть только скажет.

К счастью, Игорь уже почти наелся, когда в трактир вошел офицер Императорского Гражданского Корпуса Лесничих и, подойдя к столику, отдал честь:

— Командир 56-й отдельной группы биодесанта поручик Евгеньев. Прибыл в... — он отчетливо и рассчитано запнулся, — ...ваше распоряжение.

Чуть двинулся уголок губы, но Игорь только улыбнулся в ответ:

— Садитесь, поешьте.

— Благодарю, сударь, но мои люди на аэродроме, и я хотел бы сначала разместить их. Где это можно сделать?

— Офицер 2-го класса Горнов сейчас на аэродроме. Он разместит вас, ваших людей и конвертоплан.

Поручик Евгеньев снова козырнул и вышел, демонстрируя отличную военную выправку. Игорь ощутил его недовольство и напряжение — ну еще бы, работать на 15-

летнего сопляка...

Обед Игорь сумел закончить в спокойной обстановке, после чего направил свои стопы к дому Борьки. Старый знакомый — пес — встретил мальчика, виляя хвостом. Игорь, мимоходом потрепав его по могучей холке, поднялся наверх. В доме было пусто — по крайней мере, на первый взгляд. Но Борька оказался на месте — сидел и слушал Ипатьева, соло для скрипки. Одновременно он что-то изучал на экране компьютера и увлекся до такой степени, что Игорь после безуспешных покашливаний просто треснул его в спину кулаком.

Борька повернулся. Вид у него был обалделый и счастливый, как у человека, получившего неожиданный подарок.

— Ну что? — Игорь без церемоний плюхнулся на кровать, извлек замеченную под столом бутылку с колой и отпил из нее. — Как результаты?

Вместо ответа Борька конфисковал бутылку и надолго присосался к ней. Когда уровень жидкости здорово понизился, он кивнул:

— Никакой это не каменнопласт. Ты даже не поверишь, что это такое. Я сам не поверил, у одного парня из Вольного консультировался. Это знаешь что? Это органика.

— Я знаю, — кивнул Игорь. — Просто хотел, чтобы ты проверил.

— Но как это может быть-то?! — Борька обеими руками взъерошил волосы. — Не бывает же так, это чушь просто — органика с плотностью гранита. Такого материала просто не существует, да и кому он нужен?

— Ты про Пределы Применения в школе учил? — спросил Игорь. Борька кивнул:

— Учил, конечно, а при чем тут это?

— При том... А ты знаешь, как устроен станнер?

— Да что ты ерунду какую-то спрашиваешь? — удивился Борька. — Знаю, конечно... Зарядная батарея и кристаллический преобразователь на карналлите, заключенные в герметический кожух с усиливающей длиннофокусной линзой на выходе... линза из берилла...

— Гелиодора, — поправил Игорь. — Правильно. А функции станнера?

— Иммобилизация биологических объектов весом до тонны... избирательная иммобилизация, правда, не некоторых не действует. Профессор Ховард погиб на Оукен Шильде, когда пытался уложить джампера.

— В Безвременье, — Игорь откинулся к стене, — жил некто Левашов Виктор Данилович. Себя он величал академиком, звания этого ему никто не присваивал, но знания у него в самом деле были академические. Плюс — полное нежелание иметь хоть какие-то моральные устои. Сторонник "чистой науки", чтоб его... Так вот он, разработал проект, который назвал «Петр» — на древнегреческом «камень» — и создал установку "Каменный Гость", которую продал китайской «триаде». Странно, но золото и тогда имело цену, а «триада» на грабеже оставшихся без власти земель Востока нажила огромные богатства.

— Если я помни правильно, — Борька наморщил лоб, — «триаду» ведь уничтожили во время Серых Войн?

— Уничтожили, — кивнул Игорь. — И сам Левашов попался, после чего Петр Романов приказал его повесить за измену Родине. Но установку его успели наделать в довольно большом количестве и много раз применяли, пока все образцы не удалось изъять и уничтожить. В сущности, это тоже был станнер. Только не стазисный. Он не «замораживал» нервные центры. Он мгновенно перестраивал структуру человеческого организма, превращая его в... ну, такую структуру, плотностью и другими свойствами напоминавшую камень. Средства от него тогда не нашли... Боюсь, что твой предок, Борь, наткнулся на выброшенное из могилы тело человека, подвергнувшегося воздействию "Каменного Гостя".

Несколько секунд Борька в немом изумлении таращился на Игоря. Но затем заорал:

— Так ОН: что... живой?!

— А что вообще можно сделать? — Борька сидел на станке, привалившись к стене. — Я читал, что при поражении станнером, если нужно побыстрее привести животное в себя, впрыскивают сердечные стимуляторы...

— Угу. Только сначала надо сделать дырку перфоратором, — кивнул Игорь. Борька передернулся:

— Да ну тебя...

— А ты не предлагай глупостей. Как его уколоть?

— Да, никак... — признал Борька. — Слушай, а, может, все это ерунда? Просто незнакомый материал...

— Ты себе веришь? — поинтересовался Игорь. — Какой материал — органика с плотностью камня? Дохлый дайрис? Нет, это «Проект «Петр», я тебе точно говорю... Может, его и вообще нельзя в нормальное состояние привести... но я точно помню, что во всех документах "Каменный Гость" фигурировал именно как «станнер», а станнер по определению не убивает...

— Может, электричеством тряхнуть? — предложил Борька. — У нас усиленные генераторы, от них «ДЭК» заряжать можно.

— Давай попробуем, — поразмыслив, согласился Игорь. — Вообще-то тогда люди не дураки были, не может быть, чтобы и они не додумались... но мы полное дадим.

Мальчишки уложили статую на стенд (Игорь отметил, что она весит гораздо меньше, чем такая же каменная должна была бы). Борька деловито закрепил клеммы на твердых матово-серых кистях и бестрепетно опустил реостат на включение и полную мощность.

С коротким треском мастерская погрузилась во тьму. Борька констатировал:

— Предохранители не держат. Пойду чинить.

— Давай... — без особой эмоции отозвался Игорь. Он видел, что даже в местах соприкосновения клемм с материалом никаких изменений не произошло. Ему, собственно, свет не был нужен, но Борька вернулся с переносной музолой, на ходу включая ее:

— Под музыку думается лучше, — пояснил он. На диске оказались записи песен Третьей Мировой в оригинальном исполнении — девичий голос с надлежащим надрывом грянул:

*А мне лишь пятнадцать!
Я дочь бизнесмена...
Налеты, засады,
До света подъем...
Со взрослыми вровень
Мы — "юная смена"!
Привет, партизанский
свободный район!*

— Неразрешимость этой задачи оскорбляет мой гениальный мозг, — глубокомысленно высказался Игорь. Соскочил с передка старого джипа, стоявшего тут же с вывернутыми внутренностями и заблокированным генератором, решительно подошел к стенду и вытянул над статуей руки. Жест был шутливым, Борька уже открыл рот, чтобы отпустить словечко-другое... и осекся, притих, увидев золотистое свечение, формирующееся в середине ладоней Игоря и стекающее с них тяжелыми каплями. Лицо иного дворянина стало похоже на камень само, только на лбу выступил пот, а зрачки дико расширились, сияние обволокло лежащий предмет сверкающим коконом. Игорь видел фокусы дворян с биоэнергетикой, но такого — никогда.

Музола щелкнула, перегорая. Свет мигнул, погас, загорелся снова, но дрожжа и неуверенно. Отключилась блокировка; генератор начал свою методичную работу — в джипе заработала часть приборов. Борька ощутил, как волосы по всему телу встают дыбом, а на

голове — отчетливо потрескивают.

— Не сработало, — Игорь, опустив руки, отошел в сторону, вытирая локтем мокрое лицо. — Ну и...

— И...к...рь... — довольно странно окликнул его Борька.

— А? — Игорь оглянулся. И приоткрыл рот.

Статуи не было. На стенде слабо возился живой человек. Живой парнишка, одетый в форму. Его грудь шевелилась тоже — он дышал. Потом, не открывая глаз, перевалился на бок и, прежде чем оцепеневшие мальчишки успели его подхватить, упал на пол и остался лежать.

— Умер? — пискляво, но одновременно хрипло спросил Борька. Игорь заметил, что рука лежащего мальчишки ползет вдоль бедра к рукояти ножа на поясе, тоже ставшего "настоящим".

— Нет, не ум... — начал Игорь и осекся. Мальчишка стремительно крутнулся на полу, одним движением сразу переворачиваясь, вскакивая, выхватывая нож и отпрыгивая к стене. Там он застыл, глядя вокруг ничего не понимающими, огромными от этого непонимания серыми глазами, поводя ножом ("полевкой", почти такой же, как у Игоря). Сейчас было хорошо видно то, что нельзя заметить на статуе — худоба мальчишки, ввевшаяся в кожу грязь на руках и лице...

— Не подходить, — негромко, но резко сказал мальчишка по-русски.

6

Степке Рошину было всего три года, когда началась Третья Мировая. Его родители погибли при бомбежках Ставрополя, но мальчишке повезло. Он остался в живых и попал не в руки новоявленных рабовладельцев, сектантов, людоедов или просто безумцев, которых тогда было полным-полно. Сперва его подобрали казаки, потом — передали ребенка на воспитание в один из интернатов движения «РА», худо-бедно объединявшего остатки лежащей в руинах России, ставшей полем бесконечных битв банд, отрядов самообороны, похожих на те же банды, дружин новоявленных феодалов — короче, всех со всеми, под низким серым небом, откуда сеялись радиоактивные дожди, переходившие в снег, среди брошенных городов и остановившейся техники. Противникам России досталось куда больше — в который раз русские просторы спасли страну и народ.

Степка, впрочем, над этим не задумывался. Он не помнил другого мира и научился стрелять раньше, чем читать, а в десять лет впервые убил человека... если только можно назвать человеком члена людоедствующей банды, рассматривавшей интернат как источник пищи. С двенадцати лет мальчишка со своими друзьями и сверстниками регулярно принимал участие в операциях «РА» по умиротворению и наведению хотя бы подобия порядка на впавших в дикость землях. Как и все остальные, он очень смутно представлял себе будущее, за которое сражался и жил настоящим — войной, холодом, вечным недоеданием, смертями, короткими перерывами на отдых в относительно безопасных местах, где можно было поспать раздевшись и в кровати, есть с тарелки и даже мыться. Вряд ли он понимал и свою роль в становлении мира Игоря и Борьки, потому что просто не задумывался об этом, когда ночевал в снегу у костра или преследовал человеколовов в калмыцких степях, где приходилось пить конские кровь и мочу.

То, что изменило его судьбу, случилось зимой. Ничего более точного Степка сказать не мог — он не помнил счета "от Рождества Христова", существовавшего до Третьей Мировой и, конечно, ничего не знал о Галактической Эре. Но он сказал, что ему недавно исполнилось пятнадцать, и Игорь грубо подсчитал, что, если Третья Мировая в своей активной фазе шла примерно полтора года, прежде чем рухнули основные сражавшиеся государства, то это была зима 12-го года Безвременья, когда Петр Романов только-только начал объединять вокруг себя разрозненные здоровые силы России.

Итак, той зимой отряд из десяти кадетов на двух старых ГАЗ66 — чудовищах, работавших на бензиновом топливе! — вывозил боеприпасы с обнаруженного в Ставрополе забытого склада. Развалины города считались местом относительно безопасным — там давным-давно вымерло почти все живое, а то, что осталось, не могло представлять особой опасности для ребят, которые были хорошо вооружены, подготовлены и безжалостны.

Степка не смог толком объяснить, кто напал на них. Для него это были просто «бандосы» — так он называл бандитов — причем тоже неплохо вооруженные, а главное — многочисленные. Вражда между «витязями» «РА» и любыми бандами была зоологической, пощады тут никто не давал — и не ждал. Этот случай не был исключением. Кадеты попытались прорваться. Бандиты подбили из самодельных гранатометов оба грузовика, вынудив ребят спасаться на территории развалин. Трое были убиты сразу, один тяжело ранен в ноги. Вскоре у раненого началась гангрена, ампутация (кинжалами, под истошные вопли несчастного) уже не помогла. Сразу после нее парень впал в бессознательное состояние и так и умер, даже не понимая, что вокруг друзья, пытающиеся хоть чем-то ему помочь... хотя помочь они могли лишь одним: не бросать его и оставаться рядом до самого конца несмотря на то, что умирающий был обузой.

В течение двух недель бандиты гонялись по развалинам за тающим крохотным отрядом. Потери банды перевалили за сотню — кадеты куда лучше умели драться, их спаивали дисциплина и дружба. Но в конце концов погибли еще четверо, а пятого взяли в плен и замучили с тупой, страшной жестокостью, характерной для того дикого, похожего на ночной кошмар, времени.

Мальчишки остались вдвоем — Степка и Олег Роменски, македонец по национальности. Почти без патронов, голодные, они прятались в городе еще четверо суток, продолжая нападать на маленькие группки врагов, пока не попали в засаду. Олег был ранен двумя пулями в спину, и Степан утащил его на себе от погони, но это не помогло — на следующее утро Олег умер. Прожил целую ночь, задыхаясь и выплевывая кровь... а потом — умер, и Степан остался один. Он совсем не боялся смерти, но приходил в отчаянье от того, что ему почти нечем драться...

Потом был "Каменный Гость". По крайней мере, так можно было догадаться, хотя сам Степка пожимал плечами — он просто... ну, так, наверное, чувствует себя завязшая в янтаре муха, утонувшая целиком, но еще живая. Он не видел, не слышал, не чувствовал, однако жил какой-то частичкой сознания и испытывал ужас — постоянный и давящий. Сколько так было — кто знает... а потом он просто понял, что лежит на какой-то штуке, похоже и на разделочный лоток на бойне (он видел такие вещи, и знал, что с ним могут сделать). Ну и повел себя соответственно.

Все это Степка Роцин рассказывал, сидя в углу на полу — замедленно, как говорят люди, испытавшие сильнейшее потрясение. Временами он умолкал, начинал дико озирается, щипал себя за руки и щеки и вообще вел, как ненормальный.

А когда договорил — вдруг начал плакать, сжавшись в комок и накрыв голову руками.

Игорь и Борька, конечно, были поражены «оживлением», но их шок быстро прошел — они жили в мире, где происходили еще и не такие чудеса, причем делал их человек. А вот этот плач... Ни тот, ни другой никогда еще не видели плачущим своего сверстника. Но, если Борька просто смешался, то Игорь подошел, встал рядом на колени и положил ладони на виски Степки.

Почти сразу тот затих и, последний раз удивленно всхлипнув, оторвал лицо от колен, огляделся вокруг мокрыми глазами.

— Не надо плакать, — тихо, но твердо сказал Игорь. — Мы русские. Ты русский. Вокруг Россия. А она на все века одна. Не пропадешь.

— И потом, — вмешался Борька, — ты прости, но... но у тебя и там никого... как бы... не было.

— Были, — возразил Степка. — Были друзья. Такое бывает редко — чтоб настоящие друзья...

Борька и Игорь переглянулись. Настоящие друзья — редко? Заговаривается, бедняга...

— Но они уже умерли, — сказал Борька. — Почти три века назад, или даже больше.

— Но для меня-то — совсем недавно! — вскрикнул Степка. — Месяца же не прошло... Боже, три века! — он вдруг издал странный звук — то ли хихикнул, то ли кашлянул.

Возразить ему было нечего, даже и не придумаешь... Но Степка встал и подошел к окну. Посмотрел на улицу, отпрянул.

— Что это? — быстро спросил он.

— Где? — подошел Борька. — Вот это? Это НПЛ. Ну, летающая машина такая.

— А крылья где? Вввинт... моторы...

— Там реактивный двигатель с изменяемым вектором тяги, — пояснил Борис.

— Вектором?.. — с сомнением повторил Степка. — Это как на "сушках"?

— Точно, — подтвердил Игорь, тоже становясь рядом.

— Значит, это другая планета? — Степан внимательно оглядывался. — Как, вы говорите, она называется?

— Сумерла, — сказал Борька.

— А давно вы сюда пришли?

— Больше десяти лет, — ответил Борька. — Я тут почти всю жизнь живу, а Игорь недавно с Земли.

— А в космос давно люди летают?

— Так это... — Борька посмотрел на Игоря. — По-моему, еще до Третьей Мировой полетели.

— Нет, это я знаю — Гагарин, — помотал головой Степан. — Я имею в виду — далеко... на другие планеты.

— Уже больше двухсот лет.

— Наши первыми полетели?

— Нет, англосаксы. Экипаж Уиллерсона.

— Жа-аль... И что — вся эта планета наша?

— Ну... да вообще-то. И еще много планет.

— Значит, Россия цела?

— Конечно, что с ней случится?

— Мы все-таки победили в войне?

— В какой?.. А, в Серых Войнах? Да, победили. И еще в нескольких.

— С кем? — удивился Степка. — С американца... ну, с англосаксами опять?!

Борька в замешательстве оглянулся на улыбающегося Игоря. Ответил:

— Н-нет... не совсем, хотя и с ними мы... Нет, там была еще большая война в космосе, и еще много помельче... и тогда мы воссоздали Русскую Империю...

— Воссоздали? — непонимающе спросил Степан, морща лоб. — Но она же была уже при мне... у нас был император, Его Величество Петр Четвертый Романов... не из прежних Романовых, просто так совпало... Мы же победили в нашей войне, и в этой... в космосе, так чего же воссоздавать?

Борька умолк. Игорь двинулся ему на выручку:

— Ты историю хоть немного учил?

— Немного, — кивнул Степан.

— Ну вот представь себе, что в ваш интернат сваливается твой ровесник тоже из времен Петра, но Первого. Барабанщик какой-нибудь. Ты ему сможешь сразу все объяснить, когда он спросит, чем это вы там занимаетесь?

Степан на секунду задумался.

— Нет.

— Вот. А ты учти, что хоть между твоими временами и временем Петра Первого — и твоими временами и нашими хоть примерно одинаково лет прошло, но по насыщенности событиями ты свои три века спокойно можешь за шесть считать.

— У вас закурить есть? — убито спросил Степка.

— Ну, можно купить. Но у нас мало курят, — предупредил Борька.

— Что же мне делать-то? — спросил Степан, и лицо у него стало таким измученным, что Борька прерывисто вздохнул и спросил Игоря:

— Может его это... в РИАН?

— В Академию Наук? — Игорь покачал головой. — А что они сделают? В прошлое его все равно не вернешь, только измучают разной ерундой...

— Борис! — раздалось за дверью, и, постучавшись, вошел отец Борьки, есаул Утесов. Он затягивал ремень.

— Здравствуйте, Евгений Олегович, — поздоровался Игорь, вежливо наклонив голову.

— Здравствуйте, — есаул смерил взглядом Степана. — Борька, я ухожу. Если мать появится — скажи, что уехал кордоны объезжать.

— Осторожней, па, — напутствовал его Борька уже в спину.

— Твой отец казачий офицер? — уточнил Степан. — Форма мало изменилась. Я первое, что в жизни помню — казачья форма.

— Вот что! — Игорь хлопнул мальчишку из прошлого по плечу. — Я живу тут недалеко в меблированных комнатах. Там можно взвод разместить. Сейчас пойдем туда. Вымоешься. Потом ляжешь и выспишься как следует — я помогу...

— Пусть сейчас, у меня вымоется, — возразил Борька. — Ты, Степ, не обижайся, но на тебе грязи — как будто ты правда шесть веков не мылся.

— Три месяца, — буркнул Степан. — Только вот что, пацаны... — мальчишки недоуменно переглянулись. — У меня ни копейки нет, а есть очень хочется. Мы там последние две недели крыс — и то редко видели. У вас тут как — пайки какие-нибудь... ну или что...

— Да пошли поедим, какие проблемы? — пожал плечами Борька. — Ты вообще как — что делать собираешься?

— Я не знаю, — признался Степка. — У вас тут как... безопасно?

— В станице — да, — ответил Борька, — а вообще — не очень. Нас многие местные недолюбливают.

— Уже лучше, — буркнул Степан. — Тогда вот что... я «калаш» свой бросил, когда сматывался, патроны кончились, остался вон только с режиком... неплохо бы ствол получить.

— Один ствол? — удивился Борька. — И все?

— Давай два, если богатый, — хмыкнул Степка. Борис оглянулся на Игоря, который покатывался в беззвучном хохоте:

— На каком языке он говорит?

— На русском, — Игорь покачал головой. — Это вкрапления древнего молодежного сленга... Ему нужно оружие, а не один ствол.

— Я так и сказал, — заметил Степан. — У вас тут на него никакие разрешения не нужны?.. И переодеться бы мне, а то оборачиваться будут... Напрягаю я вас, да?

— У нас похоже одеваются, — заверил Игорь. — А оружие тут все таскают. В России — там, конечно, строже.

— Пошли, пошли, — поторопил Борька. — Уже сколько времени, а мне надо на биостанцию...

— Черт, а мне в штаб! — вспомнил Игорь. — Правда, пошли скорей!..

...Борька открыл оружейный шкаф, но Степан не спешил восхищаться или хватать то, что на него смотрит. Он со странным лицом оглядел полтора десятка штук и спросил:

— А что они какие-то... странные? Даже не совсем на оружие похоже...

— А на что же? — с обиженным ядом отозвался Борька. — Холодильник у меня в другом месте, а это наш с отцом арсенал.

— А «калаша» у тебя нету? — тоскливо спросил Степан. — Или...

— Степ, у нас давно не производят порохового оружия, — Игорь понял, что к чему. —

Только на заказ для коллекционеров. В основном у нас плазмометы. Вот, — он снял со стеллажа один из образцов. — Это ИПП — индивидуальный полуавтоматический плазмомет ИжС-52. Модель устаревшая, но надежная. Вот зарядный блок — это защелка — на сорок выстрелов. Вот предохранитель — включен — выключен... Дальность устанавливать не надо, потому что нет отдачи. Заряд опасен на расстоянии до километра... Прицел — четырехкратный, вот переключение на ночной режим, вот счетчик дальности до цели, на которую наводишь оружие... Это крепление для штыка...

— Для штыка?! — изумился Степан. — Дай-ка... Легкая штука.

— Два килограмма. В армейском варианте сюда крепился еще подствольник с термобарическими зарядами.

— На кой? — Степка приложился. — Если это плазма, то она же все сжигает...

Борька фыркнул:

— А ты нэйкельца или сторка видел? Он что, в одной куртке на тебя пойдет? Доспехи же на них, они излучение поглощают... А техника вообще экранами прикрывается. Вот и приходится полагаться на механические средства — от них нужны экраны из брони, настоящей, металлической, а это тяжело...

— А чего? — на лице Степана появилась немного хулиганская улыбка, он покачал плазмомет на руке. — Я возьму?.. — Борька кивнул, пожал плечами: — А пистолет? У меня был ТТ, старый, но надежный...

— Вот, — Борька перебросил ему РПП. — Тоже тульский, но Кострова-Замятина, ТКЗ-70. Берешь?

— Тоже плазменный? — Степан подкинул в руке оружие. — Беру. Только как мне за все это рассчитаться?

— У вас что, за оружие платили? — уточнил Игорь. Степан помотал головой:

— Нет, но я там служил... — он запнулся и свел брови: — Вам нужна служба? Я готов.

— Потом обсудим, — прервал его Игорь. Степан добавил:

— За мной не заржавеет. Так-то у вас еще говорят?

7

Вертолет вел бывший пилот императорской авиации, служивший в армейских частях пятнадцать лет. Кажется, ему доставляло искреннее удовольствие вспоминать те времена — по крайней мере, всю дорогу он пел, переходя от знаменитого марша "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью..." к "Хлопнем, парень, по стакану — и послушай: без обману..."

На складе Игорь вооружился все тем же «ижем», но к своему-таки отыскал и подствольник «печка» с зарядами. Сейчас, поставив полуавтомат между ног, мальчишка с интересом рассматривал открывающуюся ему панораму Фелькишер Ланд с ее столицей Нойе Аахен. Рядом с ним сидел Димка, которого Игорь взял в полет, как гида. Он бы взял Борьку, но тот и вправду страшно торопился на биостанцию, заявив, что, прежде чем окончательно поступить в распоряжение Игоря, он просто обязан завершить один важный эксперимент, иначе ребята его распнут на дверях. Степан же — не без помощи Игоря — мирно дремал в номере.

Германцы были верны себе. Для поселения они выбрали огромное — шестьдесят на восемьдесят километров — ополье с рощицами и речушками, которое успешно обживали. Тут и там паслись стада отличных коров, стояли на высотах ровные ряды ветряков, зеленели поля... А почти в центре этого немного неровного прямоугольника располагался Нойе Аахен — крепость, образованная внешними глухими стенами сомкнутых в кольцо одноэтажных домов, над которой поднимались четыре соединенных боевыми галереями башни с вертолетными площадками на верхушках.

Слева появился вертолет — тоже Ка262бис, как и тот, на котором летел Игорь, но не серебристый, а маскировочный, с черным орлом на белом щите, украшавшем борт. В дверях

стояли роторы, смотревшие вниз. За одним сидел хеерманн — ветер трепал его куртку, выбившиеся из-под кепи светлые волосы, оттаскивал в сторону свешенные ноги.

— Встречают, — сказал Димка со странной интонацией.

— Не любишь их? — осведомился Игорь, махнув рукой в ответ на взмах руки германца.

— Да нет, почему... Просто они странные, не такие, как мы... Эти еще ничего, а вот где скандинавы живут — мне ребята рассказывали — вообще край.

Вертолет начал садиться на вершину одной из башен. Снизу "давали ветер". Несколько человек, пригнувшись и придерживая ладонями кепи, стояли у зубцов.

— Прилетели, — сообщил Игорь, перекидывая плазмомет на плечо.

* * *

Игорь вернулся в "Баран и вертел" около десяти вечера. Степка не спал — сидел у стола и слетал за работающим уборщиком так внимательно, что не сразу понял, что Игорь вернулся.

— Давно проснулся? — прыгая на одной ноге. Игорь начал расшнуровывать ботинки.

— Часа три, — отозвался пришелец из прошлого.

— Чем занимался?

— Смотрел эту штуку, — Степан кивнул на стерео.

— Разобрался, как включать? — Игорь обратился к перебору визитов за время отсутствия.

— Там просто... — Степка поднял совершенно пьяные глаза. — Ну и мир... Вы когда-нибудь воевать перестаете?

— Воевать? — Игорь пожал плечами. — Да нет, почти все время где-то воюют... Всегда. А что, в твоё время было не так?

— Мы-то не воевать не могли... А что такое закон о сопляках?

— Да так, проект, который оппозиция хочет протащить через Императорский Совет, — отмахнулся Игорь. — Уже полвека... Запрет несовершеннолетним участвовать в военных конфликтах малой и средней интенсивности — не угрожающих существованию Империи... Чушь, короче.

— А проект "Хартлэнд"?

— О, вот это интересно! — оживился Игорь, повернувшись к Степке. — Это англосаксы уже второй год делают. У них есть Луна 7. Солидная такая глыбка — побольше нашей Луны, земной. Они на ней установили искусственные гравитаторы, чтобы силу тяжести поднять. Монтируют мощнейшие фотонные флаинг-моторы, реверс-моторы новейшей конструкции — и прыжковый двигатель, конечно. Потом зажигают искусственное солнце по системе академика Лаврова, пускают его по наклонной эллиптической орбите, чтобы смена времен года, как положено все... Дальше работает проект «Атмосфера», как перед самым началом Галактической Эры на лунах планет-гигантов в Солнечной Системе. И лет через 10 у них есть такая небольшая Земля — и в то же время космический корабль. Потом заселяют туда миллионов пять-десять добровольцев — и вперед по Вселенной... Да проект-то уже не новый, только раньше искусственная гравитация была не отработана, а без нее атмосфера улетучится быстро...

— Пять миллионов добровольцев на такое дело? — недоверчиво спросил Степан. — А...

— А что? Семьями летят. Да и потом — интересно же. Там пол-их империи будет желающих, да еще и от наших заявки пойдут, только они никого не возьмут. Вредный народ... — поделился Игорь обидой.

— Куда, — согласился Степан. — Я думал, что их вообще не осталось. Американцев.

— Да это не американцы, — пояснил Игорь. — Это канадцы, англичане, которые

успели из Англии в Канаду перебраться... Ну и американцев тоже было сколько-то, и австралийцы, и новозеландцы — они все туда собирались, ну, как наши за Урал. Вот так и получились наша империя — и Англо-Саксонская. Нас около семисот миллионов, из них миллионов пятьсот русских, а у них полмиллиарда, и англосаксов — четыре пятых. Мы сначала даже воевали немного, пока Первая Галактическая не началась. Они нас обвиняли, что мы Третью Мировую начали, а мы их — что из-за их обалделости так получилось. Ну и сейчас косо друг на друга посматриваем...

— А что, разных других стран так и нет? — поинтересовался Степан. Игорь покачал головой:

— Самоуправляющиеся общины разные есть, много, а так — только мы.

— Игорь, — Степан откинулся на спинку кресла и вытянул ноги, — а вот ты — ты кто? В смысле, я не понял, что ты делаешь. Я вижу, что ты чем-то важным занят, а чем — не знаю.

Игорь посмотрел в окно — там еще горела полоска заката над лесами.

— Мне пятнадцать, — сказал он в окно и повернулся к Степану, — по нашим законам я еще несовершеннолетний. Совсем недавно закончил лицей — такое особое учебное заведение. Приехал сюда писать научную работу и отдыхать — и...

... —И тебе это доверили?

— Понимаешь, Степ, — Игорь усмехнулся и вздохнул, — у нас на Земле каждый занимает то место, для которого он предназначен. Не то, какое он хочет. Не то, на какое его поставят. А то, для которого предназначен. Мы много десятилетий добивались, чтобы «предназначен», «хочет» и «поставили» — совпадали. В 99 случаях из 100. Если можешь — делай. И не важно, сколько тебе лет. Если не можешь — не берись. И не ссылайся на возраст и прошлые заслуги.

— Игорь, — Степан вдруг встал, одергивая свою куртку, и в его глазах Игорь прочел отчаянье и надежду, — возьми меня к себе. Я стрелять умею. Драться, верхом ездить, следы читать, охотиться... ну, наверное, это мало, но я быстро научусь, чему скажешь. Возьмешь?

— Возьму, — негромко отозвался Игорь.

* * *

Стоя около бассейна, Борька наблюдал, как щуренок нарежает круги вдоль бортика. Неподалеку слышались боевые вопли — полуночники разминались на площадке для рукопашных сходов с кадетами из экипажа дирижабля.

— Я для нее — пустое место, — сообщил Борька щуренку и, вздохнув, поставил ногу на перекладину ограждения. — Не, я понимаю, что я не шедевр и все такое, но не пустое же место, а? Не, ну я сам виноват, я при ней как будто немею... На кой черт ей немой парень?.. Вот и я думаю, что не нужен... Эх, ты, рыба. Что ты можешь понять в человеческих чувствах?

— Ты чего здесь стоишь? — голос Катьки гулко разнесся над поверхностью разделенного барьерами на ячейки бассейна. Девчонка стояла напротив, у двери. Борька не услышал, как она вошла.

— Скоро пойду домой, — ответил мальчишка, ощущая, как горло пересохло, ладони наоборот — взмокли. — А ты чего?

— А я тебя искала, — Катька пошла вокруг бассейна, шаги ее сапог звонко щелкали в зале. — Ту будешь водить в лес этого молодого дворянина, приезжего?

— Да, буду, — кивнул Борька. Катька остановилась в нескольких шагах, легко оперлась локтем на перила.

— Это очень опасно, — она мотнула головой, отбрасывая волосы. Следовало ответить ей что-то непоколебимое и очень мужественным тоном. Вместо этого Борька пожал

плечами. — Я знаю, что это нужно, но все равно боюсь.

— Ты боишься?! — искренне удивился Борька. — Чего?!

Катька посмотрела на него, и Борька почувствовал, как странная теплая волна поднимается откуда-то, как говорят, "из самых глубин его существа", а проще — от пяток.

— Я за тебя боюсь, — сказала Катька Островая. И Борька Утесов ответил, как всегда в таких случаях, невпопад, но обрадовано:

— Здорово!!!

Глава 3

Враги ворвались ко мне с войной

*Враги ворвались ко мне с войной -
И стал я драться — за право жить...
Дж. Р.Киплинг.*

1

Через два дня после встречи у бассейна в меблированных комнатах над "Бараном и вертелом" впервые собрался в полном составе личный отряд Игоря Муромцева, дворянина и несовершеннолетнего.

Лично Игорь устроился, скрестив ноги, в большом мягком кресле. Второе такое же оккупировал Борька Утесов — туда же к нему втиснулись Катька Островая. Из третьего кресла торчали ноги Степки Рощина. Женька Вислоусов сидел на широком диване, раскинув одну руку по его спинке, а второй — обнимая Лизу Одинцову. Зигфрид фон Брахтер, положив скрамасакс на колено, устроился на стуле возле бара.

Семь человек. Игорь не стал набирать двенадцать. Машина была им запущена. Он выпался и уже ознакомился с первыми результатами в штабе. Трупов пока не имелось, но стычки с вабиска — уже происходили. Довольно суматошные — похоже, враг не представлял себе масштабов и истинных целей начавшейся операции, но ощущал инстинктивно ее опасность. Кроме того, позавчера генерал-губернатор лично возглавил начавшееся наступление на север, в направлении Кухлона, столицы Союза Аллогун. Это значило, что события на Сумерле пустились вскачь...

...Игорь: геолог, информколлектор, полевой врач, пилот малого космического корабля, оператор видеосистем, военный инженер.

Борька: лесничий, астроэнергетик, следопыт.

Катька: генетик, кулинар, голограф.

Степка: кадет времен Безвременья — что тут добавить?

Женька: зоопсихолог, лесотехник, вертолетчик.

Лизка: полевой врач, картограф, снайпер.

Зигфрид: оператор сельхозмашин, инструктор боя холодным оружием, водитель наземного транспорта.

Вот такая подобралась компания — частично усилиями Игоря, частично — сама собой, и Муромцев и вздохнуть не успел, как оказался знаком с двумя симпатичными девчонками и скуластым черноволосым парнишкой с чуть раскосыми серыми глазами — раньше он их знать не знал, сейчас Борька ему их отрекомендовал как "очень надежных людей, для нашего дела — самое то". Похоже было, что это и в самом деле так. Вся эта компания активно обживала офис, помогала (и даже не очень мешала) работать, таскала туда-сюда кучи

снаряжения, купленного за свои деньги или вытасченного из запасников, относилась к происходящему, как к очень интересному дополнению к каникулам и временами заставляла Игоря усомниться в здравости собственного рассудка: на каком свете он живет — на этом или в выпусках "Библиотеки приключений для юношества"? Те походы, в которых Игорь участвовал в лицее, выглядели по-другому и не рождали такого чувства ответственности.

Первый рейд был назначен на завтра. Предполагалось использовать дирижабль и забраться подальше на север — Игорю было интересно своими глазами взглянуть на земли вабиска и на то, как там живут. Планы их городов имелись — довольно подробные, кстати, так что полет был продиктован обычным любопытством. Что, впрочем, с точки зрения человека было вполне обычной и весомой причиной.

— Никогда не летал на дирижаблях, — немного нервно сказал Степка. — У меня при слове «дирижабль» сразу «Гинденбург» вспоминается, я про него в книжке читал.

— Какой гинденбург? — удивился Женька.

— Гинденбург — это германский полководец и государственный деятель начала XX века от Рождества Христова, — уверенно сказал Игорь. — Он разбил наших в 1914 году при Гумбинене и был рейхсканцлером Германии до Гитлера... А при чем тут Гинденбург? — так же удивленно спросил он Степана.

Степан посмотрел на них дико:

— Ну... как же... Такой дирижабль был, он взорвался при посадке в 30-х годах... — мальчишка подумал и добавил, — от Рождества Христова. Водород в баллонах долбанул.

— Во-до-ро-о-од? — протянул Женька. — Да все дирижабли сейчас на негорючих наполнителях...

— А ты здорово знаешь историю, — уважительно сказала Лизка. — Наверное, хочешь поступать куда-нибудь на исторический факультет?

— М... да, наверное... — кивнул Степан. Никто, кроме Игоря и Борьки не знал кто он такой. А о том, что он пишет с ужасающими ошибками — знал вообще только Игорь, который представил Степана, как своего приятеля, прилетевшего следом, сына дворецкого, друга детства.

— Сейчас дирижабли не взрываются, — авторитетно сообщил Борька. — У них мало того, что наполнитель инертный, они же еще заряжаются от мягких батарей, тканевых. Весь верх дирижабля ими выложен. Летит и заряжается от местного солнца. Фактически — вечный двигатель.

— Так ты что, никогда дирижабля не видел? — удивилась Катька.

— Говорю же, боюсь я их, — пояснил Степан.

— Позанимался историей! — фыркнула девчонка. — Мы тут на них на экскурсии летаем!

— У отца есть... была, а теперь у меня есть, — поправился Игорь спокойно, — аэрояхта. Это в самом деле классная вещь, Стёп. Сам убедишься. Конечно, военный дирижабль — это совсем не то, там все для дела...

— Гитару кто-нибудь с собой берет? — спросил Борька. Зигфрид поднял два пальца. Игорь кивнул:

— Ну вот и отлично... Сейчас можно разойтись, завтра в четыре утра соберемся.

* * *

Лежа поверх разобранной постели, Игорь читал с комбраса микрофильм приключенческого романа, не вполне понимая, что именно читает. Он находился сейчас в странном, «промежуточном», состоянии, когда все решено и ты сидишь, так сказать, "на чемоданах" — все ясно, карты получены, сроки оговорены, маршрут подписан, предположительный рапорт сдан и дело только за временем, а оно ползет, как сороконожка из сказки: раздумывает, какую ногу сначала переставить.

Теперь — даже если он погибнет в первом же рейде, завтра — запущенную машину не остановить всеми силами Иррузая. С его союзниками вкупе. С ним кончено. К середине весны на стол генерал-губернатору лягут карты самых глухи мест севера между Вторым и Третьим Меридианами — и уже летом Довженко-Змай начнет планомерное наступление, взламывая лесные крепости, берегущие границы надменного теократического болота, мешающего развитию своего собственного народа. Глупцы, пленники ограниченного высокомерия... Их не спасут ни фанатизм, ни знание местности, потому что он, Игорь Вячеславович Муромцев, пятнадцати лет, выпускник Селенжинского Императорского Лицея, сделал свое дело. ВСЕ. И он ощутил странную жестокую гордость, представив себе ту бездушную и могучую силу, которую привел в движение — силу Империи, перемалывающую, превращающую в пыль все, что встанет на ее пути. И себя — часть этой Империи. Непредставимо крохотную часть — и в то же время достаточно значимую, чтобы «запустить» в действие эту Силу. "Моя Сила — Сила всех людей Империи," — вспомнил Игорь. Он забыл, чьи это слова, но они были точны...

— Ты бы гордился мной, отец, — тихо сказал он в пустоту комнаты.

В холле мягко шлепали шаги — Степан не спал, ходил, похоже, из угла в угол. Трудно парню. Легко сказать — Империя одна на все времена, Россия вечна. Она-то одна, да люди разные...

— Ты не спишь? Можно к тебе?

Степка стоял в дверях, опираясь рукой на косяк — босиком, в своих грубых пятнистых штанах, которые не захотел менять на современные камуфляжи. Он курил — все-таки купил в фактории пачку «Беломорканала» и дымил с явным удовольствием, вызывая недоумение и восторг девчонок.

— Заходи, — Игорь отложил комбрас. — Только выбрось свою погань. Заработаешь рак легких, смотри.

— У вас его все равно лечат, — Степка вошел, сел в кресло.

— У нас его просто не бывает, — уточнил Игорь. — Только как результат несчастных случаев с облучением, а это довольно часто... У отца лучевая болезнь была дважды.

— Отец был военным? — тихо спросил Степан.

— Офицером Флота... Он погиб три года назад.

Степан кивнул, но как-то так, словно и не слышал. Потом вдруг закрыл глаза и сказал:

— Страшно мне что-то. И очень. Что мне потом-то делать?

— Дурак ты, Степ, — легко ответил Игорь. — У нас целая Вселенная в кармане, как завалившийся мусор, так неужели ты себе дело по душе не найдешь? Не здесь, так еще где?

— Я иногда мечтал машинистом стать, — вдруг заявил Степан. — Все думал: вот кончится вся наша война — пойду учиться...

— Становись, — не удивился Игорь. — Императорский Гражданский Инженерный Корпус. ВУЗ даже тут, в столице, есть, а «РуссоДор» на Сумерле струнники еще лет сто будет строить, для тебя работы до старости хватит.

— Сейчас ведь не электровозы... и не паровозы, а я только паровоз и видел. Даже ездил однажды.

— Хотеть — это мочь, Степ, — серьезно пояснил Игорь. — Ты не дурак, не лентяй, не больной. Если чего не знаешь — научишься. А если не научишься — никого не вини, кроме себя.

Степан ничего не ответил, и Игорь тоже не стал продолжать разговор. Он вдруг подумал о маме, о том, что никогда ее не увидит... и эта мысль причинила неожиданно острую боль — Игорь даже дыхание задержал, чтобы переждать ее.

О чем думал Степан — неизвестно. Но и его мысли, судя по всему, не относились к разряду веселых.

— Степ, я спрошу, — вырвалось у Игоря — неожиданно для него самого, пожалуй, даже против его воли. Степан медленно покивал, как бы не вполне понимая, что это к нему обращаются. — Как это... когда бомбят... и все такое?

— Ужасно, — признался Степан спокойно. — Кажется, что... — он сморщился, повел рукой, — что небо на тебя падает. Упадет, прихлопнет... Целые кварталы валятся, стены падают, как картонки... Дым, пыль, грохот, трупы... Вы же все время воюете, оружие вон какое, неужели ты не знаешь?

— Мы давно не воюем на Земле, — пояснил Игорь. — Она слишком маленькая для наших войн. А так — я видел только хроники... Да брось же ты смолить! Ты что, там, у себя, не соображал, что прокуренного унюхают за километр?!

Степан сделал стойку и внимательно посмотрел на сигарету:

— Правда, что ль?

— Доказано, — кивнул Игорь,

— Жа-аль... — протянул Степан. Провел ладонью по столику, потом спросил вдруг: — Хочешь, спою? У меня, правда, голос так себе. Но мы эту песню очень любили...

Он еще раз провел по столу ладонью, убрал со лба волосы и негромким, слегка сбивающимся голосом запел — правда, довольно приятно:

*Не секрет,
Что друзья в облака обожают
Уноситься на крыльях и без,
Но бросаются к нам,
Если нас обижают,
К нам на помощь бросаются
Даже с небес... ¹¹*

Игорь удивленно сел на кровати и в следующий миг поддержал Степана хорошо поставленным на уроках музыки дискантом:

*— Не секрет,
Что друзья не растут в огороде,
Не продашь и не купишь друзей...*

— У вас ее тоже поют? — удивился Степан. — Ёк, приятная неожиданность...

— Давай допоем, что ты? — улыбнулся Игорь и, встав, подошел к столу. Присев на край, Степка помедлил и кивнул:

*— Не секрет,
Что друзья убегают вприпрыжку,
Не хотят на цепочке сидеть!
Их заставить нельзя
Ни за какую коврижку
От безделья и скуки
Балдеть!
Не секрет,
Что друзья — это Честь и Отвага,
Это — Верность, Отвага и Честь!
А отвага и честь —
Это рыцаря шпага,
Всем глотателям шпаг
Никогда их не съест...*

¹¹ Стихи Ю.Мориц.

— А где сейчас остальные... — Степка запнулся, но решительно закончил, — наши?
— Остальные? — Игорь задумался. — Ну... Женька сейчас гоняет на НЛО по холмам вокруг станицы, а, может, и по всему уезду... Сзади у него сидит Лизка, обняла его за талию и прижалась щекой к куртке на спине. Борька с Катькой, наверное, устроились у себя на станции, слушают музыку и молчат, им и без разговора хорошо. Зигфрид оккупировал тир внизу и упражняется в стрельбе. Короче, никто не спит.
— И мы не спим, — засмеялся Степка. — Знаешь, я хочу есть. Спустимся вниз?
— Одеваться неохота, — поморщился Игорь. — Давай закажем сюда.

* * *

Этой ночью Алые Драгуны и ополченцы под командой генерал-губернатора закончили операцию по захвату Кухлона.

2

Все увидели, что дирижабль все-таки испугал и — даже больше — поразил Степку. Он резко побледнел, на висках выступили капли пота.

А между тем, это был самый обычный армейский «Облако-500». Не очень даже и большой, особенно если сравнивать с непредставимо огромными транспортом «Слон» или даже пассажирскими «Полет-Т». Серо-стальной, с трехъярусной гондолой, казавшейся маленькой в сравнении с тушей баллона, на котором были нанесены огромные опознавательные знаки и надпись стилизованно-славянским шрифтом:

ПОКОРИТЕЛЬ РАССВЕТА

Дирижабль слегка «водило» у решетчатой причальной мачты, лифт стоял внизу, и около него замер Ревякин...

...В эту ночь все-таки удалось поспать — по крайней мере, Игорь поспал, часа три, а, когда проснулся, Степка тряс его за плечо со словами:

— Пойдем кофе попьем. Четвертый час.

— Ты приготовь, а я сейчас оденусь, — Игорь поднялся на локте...

...Когда они выходили, было еще темно, сыро и туманно. Белесые клочья плавали на пустой улице. Около киоска, завернувшись в куртку, стоял и отчаянно зевал Зигфрид — вид у него был тоже не очень выспавшийся, но поприветствовал остальных он с энтузиазмом, который тут же объяснил:

— Устал ждать. Где остальные?

— Будут, — буркнул Степка. — Вы, я погляжу, за последние три века так и не изменились ни фига...

— Почему за три века? — проявил неподдельный интерес Зигфрид, но щекотливая тема была пресечена в начале развития появлением Бориса и Катки. Последние несколько дней они вообще были неразлучны, и Игорь сильно подозревал, что Борька все-таки прояснил свои отношения с девчонкой (правда, он не знал, что произошло это объяснение у рыбного садка на биостанции, а единственный свидетель — щуренок — в данный момент уже плыл где-то по рекам материка). Во всяком случае, эта парочка старалась находиться как можно ближе друг к другу и прямо-таки изливала на окружающих свет, тепло и душевное единение.

— Что вы все такие грустные? — весело спросил Борька. Игорь с удовольствием

отметил, что на его личном проводнике все пригнано и сидит, как вторая кожа. Видно, что для него поход — привычное дело. Впрочем, так же — или немногим хуже — выглядели все здешние ребята и девчонки. Лесовики, чтоб их...

— Просто не очень выпались, — ответил Игорь.

— Давайте пожую, — Катька достала из набедренного кармана отпотевший изнутри пластиковый пакет. — Пирожки с мясом... Кому?

— Всем, — Игорь чихнул, покрутил головой. — Когда успела?

— Не я, мама, — девчонка ловко раздавала еще горячие пирожки. — Говорит, что я все равно готовить не умею — это я-то!!! — она искренне возмутилась. — Лопайте, лопайте...

— А эти четыре? — Зигфрид подбородком указал на пакет.

— Молчи, недоразумение... — отмахнулась Катька. — А, вот они?

Женька и Лизка тоже шагали вместе, на ходу перебрасываясь, как мячом для регби, здоровенной южной дыней, какие развозили по всей Сумерле из Хрустального на Новом Мадагаскаре.

— На верхотуре съедим, — не здороваясь, пояснил Женька, и все семеро зашагали по улице в ряд...

...Ревякин был сух и официален. И Игорь заметил, что Степка смотрит на подтянутого, запаянного в форму кадета с легкой ностальгией. "Были когда-то и мы рысаками..." — всплыла в мозгу фраза, которую любил повторять отец. Из какого-то старого романа...

Вблизи дирижабль казался не просто огромным — он закрывал утреннее небо.

— Добро пожаловать на борт "Покорителя рассвета", — Ревякин отдал честь и отступил, давая проход не открытую платформу лифта.

— Если страшно — держись ближе к центру, — шепотом сказал Игорь Степке. Тот поморщился:

— Я не высоты боюсь, а дирижаблей...

Платформа плавно пошла вверх. В креплениях мачты начал посвистывать незаметный внизу ветер; станица уплывала под ноги, а лес раскидывался все дальше и дальше, до самого горизонта. В приближающихся небольших дверях стояли трое кадетов, придерживавших створки. И уже через две минуты вся группа вошла на нижнюю палубу. Экипаж, выстроенный вдоль левого борта, прокричал, вскидывая фуражки:

— Ура! Ура!! Ура-a!!!

Ревякин, заулыбавшись наконец-то, показал рукой наверх:

— Там грузовая палуба и каюта для десанта. Мы вас разместим в ней, уж не обижайтесь. Там все, что нужно, есть. Отчаливаем?

— Давайте, — кивнул Игорь, мельком взглянув на своих ребят, которые вели себя совершенно спокойно, лишь Степка переводил дыхание как-то затаенно, да напряженно осматривался. Ревякин вскинул к губам свисток, выдал прерывистую трель — и экипаж с высоким профессионализмом испарился с боевой палубы. Сам командир кивнул — и тоже исчез.

* * *

Десантная каюта была рассчитана на взвод с легким оружием. Рядом, в грузовом отсеке, стояли четыре Ка2б2дробь со сложенными лопастями. Игорь ради интереса проверил — грузовые места в самом деле были забиты под завязку, на полгода полета, не меньше.

Его группа уже расположилась, размещая вещи в ячейках, а оружие — в стойке, рядом с тесаками, хранившимися здесь постоянно. Иллюминаторов не было, горел мягкий дневной свет. Под стереозэкраном, вмонтированным так, чтобы изображение видели лежащие в гамаках, грудой лежали коробки дисков.

— Бытовые фильмы, — сообщил Борька, уже успевший сунуть туда свой нос. — Наши

и англосаксонские, а еще с Брэссудзы.

Между гамаками были подъемные — из пола — столы и стулья, приводившиеся в действие кнопками. Над стерео кто-то присобачил постер с "Русской красавицей-01" из "Нашего мира", над входом — тоже постер, но с профилем Алого Драгуна на фоне городских улиц и размашистой алой подписью "Защитим наш дом!" И, наконец, на противоположной стене белой краской было аккуратно написано:

ЛУЧШЕ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ УМЕРЕТЬ ЧЕЛОВЕКОМ, ЧЕМ ВЕЧНО ЖИТЬ СКОТОМ

ДЖЕК ЛОНДОН

Эта надпись как бы доминировала над всем остальным, в том числе — над конфетными вкладышами с экранопланами, НЛО и инопланетным зверьем, которыми кадеты густо уделали стену в изголовье гамаков.

- Пойду в рубку, посмотрю, как они, — бросил Игорь, зашвыривая в нишу рюкзак.
- Можно мне с тобой? — оторвался от своего гамака Степан. Игорь мотнул головой:
- Пошли...

...Коридор третьего этажа — с овальными дверями — был обшит планками цвета гречишного меда. В иллюминаторы заглядывало бледно-голубое утреннее небо с розовыми отблесками зари.

- Дерево? — спросил Степка, проводя на ходу ладонью по планкам.
- Полимер, — отозвался Игорь, — негорючий... Разрешите?
- Последнее относилось к решетке переговорника у двери в рубку. Изнутри отозвались:
- Да, входите.

Мальчишки вошли. Степан тихонько охнул. Для новичка тут и впрямь всё было удивительно.

Весь перед рубки — треть стены, — четверть пола и столько же потолка были сделаны из прозрачной брони, создававший эффект отсутствия. Оттуда наплывали лес и небо — только лес и небо, без конца; наплывали медленно и беззвучно, красиво и неостановимо. Слева у стены за мощной армейской станцией связи сидел кадет. Ревякин, развалившись в кресле, держал одну руку на штурвале; справа от него замер над бегущими огнями приборов штурман с совсем детским лицом.

- Скорость?
- Семьдесят.
- Давление?
- Ноль семь.
- Напряжение в системе?
- По нормали.
- Доложить по кораблю.
- Все системы работают в обычном режиме.
- Давай курс.

Игорь пересек рубку и замер около Ревякина.

- Идем на Сааск, — сказал он. Кадет кивнул:
- Есть... Расчет?
- 102 норд-норд-вест.
- Давление на единицу.
- Есть.

— Поднимаю скорость на сто пятьдесят... Курс зафиксирован. Включить автопилот, — Ревякин легко поднялся и улыбнулся: — Все. Восемнадцать часов непрерывного лёта — и мы на месте.

- Ты летал над Сааском раньше? — спросил Игорь, разглядывая экран курсографа.

— Несколько раз, — кивнул Ревякин.

— Сбить не пытались?

— Чем? — удивился кадет.

— Чем они сбили над Иппой самолет Довженко-Змая?

— Во время штурма? — Ревякин пожал плечами. — Я слышал, но слабо верится. Скорей всего, просто какие-нибудь неполадки в двигателе. Что-то вроде этого, — потом помялся и добавил: — Не верю я во все эти фокусы с биоэнергетикой, которые там, у вабиска, кто-то вроде бы может выделять.

— Может быть, — согласился Игорь и выкинул ладонь в сторону лежащего на откидном столике диска с кодами.

Диск, как НЛО, перелетел через всю рубку и мягко упал на одно из сидений. Ревякин кашлянул, помотал головой. Игорь посмотрел в сторону Степана.

Тот явно не замечал ничего кругом. Лицо русского из Безвременья выражало всего одно, зато всеобъемлющее чувство — восхищение. Он окаменел вновь, глядя вперед.

— Он что, раньше никогда не летал? — спросил Ревякин тихо. Игорь ответил:

— Тяжелое детство, — кадет удовлетворился объяснением. — Степ, ты тут останешься?

— Что?.. Да-да... — кивнул тот, не оглядываясь.

— Ему можно? — уточнял Игорь. Ревякин кивнул. — Тогда пошли, покажешь мне, где аппаратура установили...

...Аппаратура для съемки стояла, как и распорядился Игорь, в носовом блистере, куда вела лесенка. Игорь пропустил Ревякина вперед, тот ловко соскользнул вниз, не касаясь ногами ступенек. Игорь слетел вслед за ним так же умело, наклонился над «прицелом» камеры.

— А ты раньше летал на дирижаблях, — сказал Ревякин, и это был не вопрос.

— Много раз, — мельком ответил Игорь, рассматривая отличное, многократно увеличенное изображение. — Высота у нас какая?

Ревякин сверился с комбрасом, связанным с рубкой.

— Полтора километра.

— Ветер?

— Встречный, несильный.

— Ясно.

Аппарат легко поворачивался на кронштейнах, послушно приближая и показывая то кроны деревьев, то какие-то тропинки в промежутках зелени, то воду лесной речушки... Потом мелькнул всадник — рысью скакал он вдоль ручья, слившись с конем.

— Вперед, МакДафф — и будет проклят тот, кто первым крикнет "хватит, стой!" — произнес Ревякин. Он смотрел в дублирующий аппарат. Игорь поинтересовался:

— Ты английский в школе учишь?

— Да нет, — отозвался кадет. — Я два года назад был на каникулах в международном лагере на Зеленом Шаре, подружился там с одним парнем, Кейтом Линдеем. Он и учил, а потом я сам... Мы с ним долго визитами обменивались, встретиться хотели опять, а год назад... слышал про атаку сторков на Холлидей? — Игорь кивнул. — Кейт там как раз жил... Они школу обороняли, чтобы младшие успели убежать — почти без доспехов, с одними плазмометами против десантных машин... — кадет поморщился. — Я потом видел в новостях, уже когда сторков отбили — как трупы выносили и складывали. Почти все обугленные сильно, а он не очень, только правой руки с плечом нет и лицо справа обожжено, но видно, что Кейт.

Ревякин говорил без особой горечи. Он был хоть и мальчишка, но военный мальчишка, сам не раз видел смерть и убивал и воспринимал ее, как нечто вполне естественное, плату за хорошую жизнь. Вот жил хороший парень, англосакс Кейт Линдей. Сторки напали на его родную планету, Кейт, как и было положено, взялся за оружие и защищал тех, кто слабее.

Потом его убили. Жалко. Но ничего необычного и сверхъестественного. И Ревякин был понятен Игорю — разве не погибли на экзаменах его одноклассники, доказывая свое право стать лидерами? Каждый сам выбирает. Сам решает. Сам делает. Сам побеждает или умирает. И некого тут винить, и плакать нечего.

— Ладно, поедem, — Игорь легко подскочил, подтянулся и выметнул себя наверх. — Хорошо место обустроили... Ты там Степку не гони, пусть посмотрит.

— Станный он, — признался Ревякин. — Никогда не летал на дирижаблях — это что, шутка?

— Да вот не доводилось ему. Но, по-моему, понравилось.

— По-моему, тоже...

3

Степка, судя по всему, продолжал торчать в рубке. Остальные дрыхли в гамаках, добирая свое за ночной недосып. Секунду Игорь боролся со вполне идиотским желанием заорать какую-нибудь чушь вроде "подъем!", вздохнул и отказался от соблазнительной мысли.

Ему самому тоже хотелось спать, но не настолько, чтобы просто завалиться и удряхнуть. Тем более, что Игорь ненавидел гамаки и, если честно, предпочел бы просто спальник на полу. Но за спальником надо было лезть в ячейку — он пристегнут под клапаном рюкзака — и Игорь, покопавшись в дисках, выбрав несколько с микрофильмами книг и влез в гамак.

Странно, но первый диск оказался антологией поэзии, причем самодельной антологией — кто-то просто надергал отовсюду любимые стихи, не позаботившись даже чаще всего указать авторов. Игорь «полистал» его — и наткнулся на одно стихотворение, заставившее его задержаться. Он прочел стихи раз и другой... а потом по своей привычке начал негромко читать вслух...

— Кто посмел тосковать о жизни? 12
Забудьте думать о мелком и бренном.
Номер приказа... Слушай, Отчизна...
Всем, всем, всем, чья могила — Вселенная.
Матросы, старшины и офицеры!
В годовщину славных побед наших
Флагман приказывает задраить двери
И залатать пробоины наспех.
Вакуум стылый вселенской пучины
Подкачкой насосов гнать прямиком.
Куртки заштопать — есть причина!
Бляхи драить метеорным песком.
Ровно в полночь, с ударом четвертым
Склянок Флота, мои друзья,
Идти к Земле, равняться побортно —
Парадом командовать буду я.
И, как приказано, — в полночь
Мы поручни трапов молча хватали.
Горели мы молча. Взрывались молча.
И молча сейчас к Земле возвращались...

¹² За основу взято стихотворение В. Пикуля "Марш мертвых команд".

*В просторах Вселенной, запрокинув головы,
Распластав руки, открыв рты,
Мы возвращались из десятипарсековой —
А, может, и более — темноты.
Горнисты вскинули к звездам горны
И затрубили, не видя звезд:
Началась переключка сквозь солнц чужих волны,
Слова наши солнечный ветер нес.
— Корвет "Шквал"? — Разорвало миной...
— Ребята с крейсера "Огненный Лис"?..
— А вы, с эсминца "Орлиный"?
— Мы сгорели... Рейдер-разведчик "Сюрприз"?
— Фрегат "Удалой"? — Не вернулся на базу.
— Фрегат "Заря"? — Три ракеты — в машину...
— А нас лишь двое. И без приказа
Мы смерти своей не откроем причину...
От страха съезжились звезды
и в ужасе космос стонал,
Когда на расколотый мостик
Поднялся наш адмирал.
В парадной форме, спокойный
Пришел он — наш командир.
Горят на его погонах
Вега и Альтаир.
За ним адъютанты тяжело
Идут по ранжиру вслед —
Сияют на их фуражках
Эмблемы летящих комет...
Смерть второй шанс не подарит нам.
И нынче — считайте, что в гости.
Нам уж никогда не состариться,
Никогда не мерзнуть в космосе.
Поднявшись над палубной кровлей,
Мы, третье столетие подряд,
У планеты, нашей спасенной кровью,
Проводим привычный парад.
Отбой. Уходим назад мы.
Назад — в бездонные глубины.
Ложимся возле реакторов,
Падаем в башнях орудий.
Но если вам придется с врагом
Сойтись в час решающей мести,
Ждите нас — мы снова придем.
Мы придем с кораблями вместе.
Мы были когда-то. Нас нет.
Мы были...
МЫ — Б У Д Е М.
МЫ — Е С Т Ь.*

...Игорь отложил диск и прерывисто вздохнул. "И папа... тоже на этом параде..." — бессвязно подумал он, почувствовав, как перехватило дыхание. И мальчик поспешно взялся за другие диски. Ему попался трофейный набор — тоже любительский — сторкианского

произведения. Три года назад Игорь начал изучать язык сторков из интереса к врагам, увлекся и начал доставать литературу на нем, даже собрал аппарат для чтения распространенных у сторков аналогов земных микрофильмов, которые нельзя было читать с помощью обычной аппаратуры.

Попавшая в руки Игоря повесть тут же начала его страшно смешить. Это была чистой воды пропаганда. Мальчишка уже достаточно хорошо знал сторкианский, чтобы понимать идиомы, обороты речи и жаргонные словечки, без которых читать на иностранных языках не интересно и которые теряются при переводе, даже самом лучшем.

Речь в книге, правда, шла не о русских — главными противниками благородных и отважных героев "из лучших семей Первых Родов Сторкада" были вечно пьющие виски, надменные, трусливые, лживые и невероятно, просто как-то ликующе тупые англосаксы, фамилии и имена которых автор, ничтоже сумняшеся, брал, кажется, из литературной энциклопедии — Байрон, Киплинг, Бэдадостопочтенный (о как, в одно слово — лихо!), Шелли... Своей тупостью книга просто завораживала, от неё невозможно было оторваться. Игорь сдержанно фыркал, раскачиваясь в гамаке и в который уже раз размышлял о том, не кажутся ли Чужим столь же плоскими и глупыми их собственные образы в земной пропаганде? Хотя — вряд ли. В бесчисленных «внутренних» войнах своей истории с равными по изощренности противниками земляне отточили искусство пропаганды и накопили ее колоссальный опыт — тогда как на других планетах нигде не было такого разнообразия стран, а значит — не было и подобного земному накалу внутренней борьбы и нужды в столь развитой пропаганде. Отсюда — полная, даже какую-то жалость вызывающая наивность в вопросах информационной войны. Игорь поражался беспомощности подобных произведений. Хотя, конечно, штампы имелись и на Земле. Сторки — злобные, нетерпимые, трусоватые рабовладельцы и консерваторы... Джаго — почти что колдуны, совершенно чуждая нам пара техническая цивилизация... Фоморы...

Игорь резко опустил руку с комбрасом. К черту!

Неожиданно эта вспышка злости вызвала в его памяти образ отца Зигфрида, и мальчишка вспомнил, откуда ему показалась знакомой фамилия фон Брахтер. Точнее — штабс-капитан императорских «пластунов» — Карл фон Брахтер. Тогда, во время войны с фоморами — высадка на почти полностью оккупированную врагами Океаниду и двухмесячный марш по островам, сопровождавшийся восстаниями колонистов, взрывами, налетами, диверсиями, атаками баз и складов... Потеряв всего трех человек, штабс-капитан фон Брахтер заставил фоморов эвакуироваться со взбунтовавшийся планеты раньше, чем прибыли регулярные силы Земли... Отец Зигфрида — герой войны!.. Конечно, ему обидно терпеть поражения от вабиска...

"Надо все-таки поспать, — подумал Игорь, откладывая диски и закрывая глаза. — Потом разберемся, что и как, потом, потом..."

...Обычно Игорь спал без снов или видел плохо запоминающиеся, суматошные и веселые цветные сны — обычные сны здорового, быстро растущего мальчишки, оставляющие безадресное, но стойкое чувство счастья, иногда не рассеивавшееся по нескольку часов. Но — случалось — сны были мучительными кошмарами, всплывавшими из пучины генетической памяти, словно странные глубоководные рыбы, никогда не видевшие света дня. Хорошее знание истории позволяло наяву определять эпохи, в которых странствовал во сне его разум — пожалуй, это было бы даже интересно, но в сновидениях все переживалось, как реальность, надрывало нервы и вышибало холодный пот.

Вот и на этот раз он проснулся от какого-то — на этот раз не запомнившегося — жутика и сел в гамаке, обхватив колени руками и раскачиваясь. Диски шлепнулись бы на пол, но Игорь подхватил их на лету, еще не открывая глаз.

— Проснулся? — негромко спросила Катька, возившаяся возле полевой печки. — К обеду.

— Степка не возвращался? — спросил Игорь, оглядываясь. Зигфрид продолжал

непобедимо дрыхнуть. Борька вскрывал консервы. Женька и Лиза тоже спали.

— Торчит в рубку, — сообщила Катька. — Мы его звали, а он только мычит в ответ. Дар речи потерял.

— Ладно, не трогайте его, — Игорь выбрался на пол. — Сколько еще лету?

— Командир говорит — часов шесть, — через плечо бросил Борька. — Хорошо поспали!

— Поднимусь в рубку, — Игорь затянул шнуровку ботинок. — Я быстро, а вы будите этих... — он кивнул в сторону Женьки и Лизки...

...Степан в самом деле никуда не уходил из рубки. Он сидел перед огромным иллюминатором и не отрывал глаз от разворачивающейся перед ним величественной панорамы. Ревякин что-то объяснял ему, почти лежа животом на пульте.

Внизу по-прежнему были леса... но как бы более оживленные. Проплыл кусочек поля. Потом появилось селение, скучившееся под могучими деревьями, почти покрывшими его своими разлапистыми кронами — несколько рубленых, приземистых домов под крышами из серых пластов коры. Потянулась широкая дорога, по ней неспешно двигался обоз — штурман поворотом верньера вывел укрупненное изображение на экран и кивнул:

— Вот они, вабиска.

С искренним интересом Игорь всмотрелся, остро переживая ощущение того, что это не стерео запись, а живые существа, действительно едущие внизу, под дирижаблем. Самые разные инопланетяне были ему не в новинку, а вабиска внешне не так уж сильно отличались от людей Земли.

Они ехали на бурых, немного нескладных, длинноногих животных, чем-то похожих на земных лосей — гуххах, заседланных почти "человеческими седлами". Не очень высокие гуманоиды с неприятного на глаз оттенка и фактуры кожей носили серо-зеленую одежду, пернатые шлемы, из-под которых падали длинные волосяные хвосты, выпуклые нагрудники — металлические... У каждого на поясе висела длинная сабля, очень похожая на старинные тюркские ятаганы. Слева у седла крепился «крестострел» — двухзарядные арбалеты вабиска Игорь уже видел и даже держал в руках, а справа — короткое ружье с граненым стволом и ребристым прикладом. У тех, кто сидел на больших двухколесных повозках с запряженными гуххами другой породы — на более коротких и массивных ногах — ружья лежали на коленях вместе с короткими копьями. Некоторые из верховых смотрели вверх — оптика приблизила их странные получеловеческие лица. Для них дирижабль был сероватым пятнышком в вышине неба. Но Игорь вдруг явственно ощутил, как сразу два или три ненавидящих и изощренных разума коснулись его сознания. Степка потер висок, не отрывая взгляда от леса. Штурман поморщился. Радист взялся за лоб двумя пальцами. Ревякин скривился, спросил, повернувшись:

— Чувствуешь?

— Конечно, — кивнул Игорь. — Вот тебе и фокусы... — вабиска не могли, правда, навязать свою волю землянам, обученным началам аутотренинга с младших классов школы, но вызвать неприятные ощущения у них получалось. — Посмотрим, чего они стоят, — добавил мальчик и обрушил на подбирающиеся к его мозгу ментальные щупальца тяжелый «удар», «отсекая» и «давя» их.

Кадеты вразнобой одобрительно загомонили — двое вабиска на экране мешками повалились с седел, третий тяжело закачался в седле — ответный удар воспитанника лица оказался страшным. Игорь жестко улыбнулся:

— Твоим же добром — тебе и челом.

— Это, наверное, офицеры-пограничники, — заметил Ревякин. Игорь кивнул.

— Я выйду на галерею, подышу, — перевел он разговор. Степка оживился:

— Я с тобой, можно?..

...— Как тебе дирижабль? — спросил Игорь на ходу.

— Здорово, — тут же, без раздумий, ответил Степан. И показал большой палец.
— Это как? — удивился Игорь. — Это что?
— Где? — ответил удивлением Степка. Игорь повторил его жест. — Ну, это значит... здорово. А что, у вас этого нет?

Игорь вместо ответа сложил большой и указательный пальцы в кольцо. Добавил:

— У нас вот как.

— Это же "все нормально", а не "здорово"! — возразил Степка. Игорь пожал плечами.

Они вышли на открытую галерею, защищённую ветробойными щитами. Игорь оперся на перила, посмотрел вниз. Степан с опаской сделал то же самое. Потом спросил:

— А где готовят экипажи для дирижаблей?

— Для гражданских — в нескольких ВУЗах, я не знаю, где ближайший. А для армии — в Псковском Его Величества воздухоплавательном училище. Ежегодный прием — 800 человек, конкурс — в пределах 20 человек на место.

— А вот эти ребята? Они будут поступать в училище? — допытывался Степан. Игорь помотал головой:

— Нет, зачем? Их учат с 13 лет. Большинство пойдут унтер-офицерами в армию, а лучшие получают после двух лет стажировки в войсках офицерские звания...

— Вот они где! — возмущенно завопил Женька, появляясь на галерее. — Да мы сейчас с голоду загнемся! Вы идете есть, или нет?!

4

Игорь налил себе молока и засмеялся, глядя, как Борька и Катька пляшут английское кантри: руки Борьки на бедрах Катьки, каткины — на плечах мальчишки, корпуса наклонены друг от друга, лица совершенно неподвижны, Борька то и дело подбрасывает Катьку чуть вверх, делая при этом оборот вокруг себя. Кантри играла знаменитая группа Сумерлы — "Ясень".

— Женька, Лизок, присоединяйтесь! — крикнул Борька, не оборачиваясь.

— После обеда? Сейчас, как же, — лениво ответил Женька, перебрасывая Лизе очищенный апельсин.

— Русские и англосаксы никогда не научатся танцевать, — заметил Зигфрид.

— Только не размахивай тут скрамасаксом — тесно, а то бы я тебе показал танец с шашками, — Борька последний раз подбросил, прокрутил Катьку и они, смеясь, шлепнулись на стулья. Катька пропела:

*— Тот, кто весел — пусть смеется,
Тот, кто хочет — пусть добьется,
А тебе еще придется
Провожать меня домой!*

— и толкнула Борьку в бок. Тот в ответ обнял ее за плечи и чмокнул в уголок губ.

Из рубки пустили на экран панораму местности внизу. Она становилась все более обжитой, и ребята с интересом наблюдали за чужой и враждебной жизнью.

— Может, постреляем, раз уж залетели? — поинтересовался Ревякин, не появляясь на экране. — У меня есть бомбочки.

— Нет, — отрезал Игорь, раскладывая на столе кроки, составленные одной из его групп и полученные перед самым отлетом. — Это ведь еще не Иррузай?

— Нет, ничейные леса, — согласился Ревякин. — Но они их осваивают.

— Был здесь? — спросил Игорь у Борьки. Тот засмеялся:

— Я следопыт, а не самоубийца. Южнее — был частенько.

— Поднимись-ка за предел визуальной видимости, — приказал Игорь по-прежнему

невидимому кадету.

— Есть, — отозвался тот. Игорь покусал губу. Снова и снова всплывала в памяти история из отчетов, которые им дали. Генерал-губернатор утверждал прямо, что ОНИ в самом деле сбили один из его самолетов, остановив двигатели — тот упал на окраине Иппы. Лет пять назад один из старшекласников в лицее — позже он ушел служить куда-то в спецслужбы — показывал фокус: сознательно, усилием воли, пережигал на расстоянии любой электроприбор, даже защищенный от всех мыслимых и немыслимых воздействий...

Взгляд Игоря снова скользнул по развеселившимся под музыку товарищам. Сейчас у них, что ни говори, просто приятная, интересная прогулка. А как они проявят себя в настоящем деле? Хотелось бы знать заранее...

— Используем для разведки вертушки? — спросил он, отгоняя озабоченность и угадывая неясное желание Борьки. — Это проще всего... — он переждал шумное одобрение и предупредил: — Только не опускаться ниже полукилометра. Не хочу давать вабиска даже малейший шанс свалить хотя бы одну из наших машин.

* * *

Здание Крылатого Совета в Сааске было достроено еще в те незапамятные времена, когда вера Священной Птицы была лишь одной из десятка вер, существовавших у предков нынешних вабиска — не менее четырех тысяч лет назад. Специалистов это здание, виденное ими на голографиях разведсъемки, поражало сходством с романскими храмами древней христианской веры Земли — приземистые стены с узкими окнами-бойницами поддерживали тяжелый, мрачный купол, украшенный огромной — сотня метров в размахе крыльев — бронзовой фигурой Священной Птицы.

Широкую аллею, ведущую к главным воротам, окружали статуи праведников, мучеников, погибших от рук иноверцев в дни борьбы за истину, окончившейся победой Священной Птицы и ее смиренных слуг во всех северных землях. Посланцы Священной Птицы на земле — яшгайаны — воодушевив вабиска Севера, успешно распространяли веру на юг, в дикие племена, попирая замыслы Пещерного Змея и уничтожая его земных слуг. Уже подготавливалась священная экспедиция в просторы внешнего моря с целью поиска новых земель, новых обращенных в веру. Пали ереси, одно время раздравшие единство вабиска, ослаблявшие могущество государств Севера — очищенные огнем души еретиков вознеслись к Священной Птице, в ее гнездо. Города вабиска богатели — от Кухлона на востоке до Майтана на западе, от Шаилли на севере до Иппы на юге...

И вдруг все изменилось. Пещерный Змей обрушил на вабиска полчища своих бледноликих, надменных слуг, чьи лица были невыразительны, словно камень, сквозь чьи глаза просвечивало небо. Деловито, оскорбительно не обращая внимания на вабиска, они стали покорять земли — сначала на востоке, потом — все дальше и дальше, переваливая горные хребты, двигаясь к морю, которое называли они Черной Чашей. В лесах и степи расплозились они, словно страшная болезнь, словно мор, невероятно быстро на чудовищных машинах. Они прельстили души многих правителей и переманили их на свою сторону земными благами. Они рубили лес, строили дороги, селились везде, где ступала их нога, уничтожая тех, кто сопротивлялся, с обидной легкостью из оружия, дарованного им их господином Пещерным Змеем. Они множились и плодились, и вместо каждого убитого появлялись десять живых: таких же надменных, с таким же оружием, на таких же машинах или сильных, быстрых, злых и выносливых животных — конях. Они захватили Иппу, убили святых яшгайанов и сожгли посланный на выручку флот. Они перерезали древние торговые пути. Их корабли плыли по воздуху и бросали гром, взрывавшийся в сотни раз сильнее пороха. Наконец совсем недавно бешеный ненавистник Священной Птицы, убийца с прозрачными глазами, Йовженко-Змай, взял и сжег дотла Кухлон, поднял над ним черно-желто-белый флаг своей страны, как он сделал это несколько лет назад с Иппой.

Так думал Уигши-Уого, стоя на галерее, опоясывавшей купол, Глава Крылатого Совета был одет, как обычный офицер-пограничник — один из тех, среди кого он начинал... и кем хотел бы остаться. Но вера и земля были в опасности, и он принял на свои плечи груз забот о будущем вабиска.

Он несколько раз видел Довженко-Змая и ненавидел его. Тот убил его лучшего друга, Исабана, защищавшего Иппу. Но Друзья открыли Уигши-Уого — не от Довженко-Змая сейчас исходит основная опасность Иррузаю. И яшгайаны подтвердили это — они ближе всех общались с Друзьями и хорошо их понимали.

Уигши-Уого смотрел глазами орла всего минуту назад. Он видел свинцово-серый, медленно и бесшумно плывущий корабль. Его мучило — так велико было впитанное с молоком матери отвращение к таким вот механизмам, рожденным в кузницах Пещерного Змея силой совращенного им разума земных существ! Такие встречались и среди вабиска — сколько пришлось выкорчевывать разных «изобретателей», жаждавших разрушить порядок, данный Священной Птицей? А тут еще эти...

А потом... потом он увидел ЛИЦО. Лицо бледнолицего мальчика, смеющееся, веселое лицо... но уже отмеченное этой жестокой надменностью. Мальчишка не видел орла, не ощущал его, хотя Уигши-Уого мог бы поклясться, что тот может ощутить птицу.

Они хотят составить подробные, хорошие карты северных земель. Глава Совета прищурился. Он помнил, как тогда, в дни падения Иппы, не задолго до этого события, были захвачены бумаги Совета. И как пала Иппа, а пришельцы расселялись по всем берегам Окубоно — Черной Чаши — почти до самых границ Иррузая.

Яшгайаны могли бы остановить скверные двигатели воздушного корабля. Но они же сказали, что корабль не упадет — он наполнен газом, который поднимает вверх, дерзкое, нечистое изобретение! Лет пятнадцать назад один безумец в Аллогуне взлетел на мешке, надутым горячим воздухом. Хорошо еще, сам разбился, иначе не миновать бы ему костра...

Уигши-Уого подумал — в который раз — что много бы дал за хотя бы одного пленного белолицего. Его люди дважды приносили мертвых, но живого — ни единого. Жаль, очень жаль... Он много раз наблюдал: глазами какой-нибудь птицы жизнь этих существ в их городах и поселках — странную, но не непонятную; шумную, суетливую, пугающе-отталкивающую, но вполне естественную в желаниях, стремлениях и действиях... Похоже, у этих жутких тварей была некая общая цель — вроде служения Священной Птице для вабиска. Служение Пещерному Змею? Уигши-Уого нигде не видел его молелен, но не исключено, что они скрывались под землей — множество белолицых входили в какие-то подземелья и выходили оттуда. Временами Уигши-Уого впадал в грех любопытства — ему очень хотелось узнать, что же там, под землей? Или понять, чем занимаются все эти существа на улицах. Ничем хорошим, конечно, а все-таки интересно.

Уигши-Уого посмотрел вниз, на крыши Сааска, на узкие улицы и шестигранники площадей со свечками фонтанов. Неужели они могут придти сюда? Но как их не допустить? Что противопоставить их силе? Когда недавно он заставил их убивать друг друга, он испытал триумф. Но где они, плоды того успеха? Белолицые над Сааском. Они не перерезали друг другу глотки, не начали междоусобную войну. Они прилетели в Сааск.

На миг Уигши-Уого охватило омерзительное чувство беспомощности — ему вдруг показалось, что он по грудь провалился в ледяную трясику. Такое с ним было лет двадцать назад, когда он только-только стал офицером. На западных границах... Воспоминание было настолько отчетливым, что Уигши-Уого тяжело перевел дыхание.

Что же делать, что?!

— Над Сааском облачность. Нижняя кромка — три километра, мы над самым краем облаков, — Ревякин повел рукой так, словно: все облачное великолепие, через которое плыл

дирижабль, было его личной вотчиной. Очевидно, в каком-то смысле он так и думал. — Спускаться будем?

— На вертолетах, — тон Игоря был приказным. Все — и экипаж, и группа — собрались в рубке. — Женька летит со Степаном, Борька — со мной.

— Машин же четыре! — возмутилась Катька. Игорь вообще никак не отреагировал, и девчонка увяла — от смуглого черноволосого парнишки исходило ощущение непререкаемой власти...

...— Всем покинуть ангар, — Игорь уселся на обтянутое мягкой кожей кресло, — экипажи — по местам, — и, одной рукой задвинув дверцу, другой нахлобучил, легкую гарнитуру. — Рубка, открыть аппарат.

Послушный ловким движениям пальцев, Ка262дробь ожил, ангар наполнил свист винтов. Женька из соседней машины махал рукой и улыбался. Аппарат выдвинулась, закрывавшие ее створки разъехались влево-вправо, открыв морозную бледную пропасть без краев и дна. В разрыве облаков — словно нанесенном исполинским клинком — остро сияла одинокая звезда. Звезды днём — вот что такое высота!

— Аппарат полностью открыт, взлет разрешаю, — послышался голос Ревякина.

— Я — Игорь, взлетаю, — Игорь двинул вертолет к выходу, вывел на аппарат, поднял и двинул вперед. Дирижабль начал быстро удаляться, потом ушел вбок — Игорь начал снижаться, одновременно закладывая вираж. На мгновение мелькнул срывающийся с аппарата вертолет Женьки, увенчанный размытым серебристым кругом вращающегося несущего винта.

— Нижняя кромка облаков — сто метров, — доложил Борька.

— Выхожу из облачности, — ответил Игорь, работая шаг-газом. Тучи словно сдуло вверх и назад — и Игорь хмыкнул непонятно: внизу на несколько километров раскинулся Сааск. С первого же взгляда было видно, что город большой и богатый. Чем-то он напоминал голографии-виртуалки Теночтитлана или Куско с дисков по истории культур.

— Снимай, — отрывисто бросил Игорь. Борька склонился над установленной камерой. Игорь повел вертолет широким зигзагом, захватывая как можно большую площадь. Он не снижался, любясь великолепной панорамой.

В центре города высился большой, мрачный храм, осененный крыльями венчавшей его купол чудовищной птицы. Игорь буквально ощущал тяжелое ментальное напряжение, буквально расплывавшееся из него по всему городу. Казалось, что смотришь на клубок брачующихся змей — интересно и мерзко. И... еще что-то такое... что-то... непонятное...

— Орлы, — сказал Борька. Игорь повернул голову. Борька, оторвавшись от камеры, внимательно следил за несколькими очень большими птицами, приближавшимися с севера. — Три... четыре. Крылья по два метра в размахе каждое, гиганты из приполярных гор. Я раньше про них только слышал... Красотища!

— Игоряха, видишь?! — встревоженно ожила аппаратура. — Они под нами! Здоровенные твари! Что делать?!

— Стрелять? — спросил уже Борька, выгибаясь на сиденье, чтобы быстро перевернуться в салон, где стояла небольшой ротор.

— Подожди, им там виднее, — Игорь кашлянул. — Жень, дай по ним пару раз сверху, свернут? — он вывернул шею, глядя на второй вертолет, идущий на полкилометра выше сзади. В его дверях возникло и запульсировало острое копьё бледного пламени — беззвучно.

— Разошлись, — сообщил Борька. — Степка одного срубил, но они разошлись.

От одного из орлов и в самом деле остались только перья, медленно падающие вниз. Остальные растянули строй, продолжая двигаться на вертолет. Конечно, от них легко можно уйти... но ведь этого, похоже, кто-то и добивается — прогнать вертолеты из городского неба!

— Жень, гробь их всех! — скомандовал Игорь, делая горку со снижением — вертолет тонко запел от неожиданной перегрузки.

Степка вновь открыл огонь. На этот раз Игорь различил его самого — он нагнулся над ротором, разворачивая стволы, брызжащие пламенем. Орлы летели вниз кровавыми клочьями — один за другим, Степка рубил отлично, со сноровкой природного солдата освоив незнакомое оружие. Впрочем, кажется, в его время были похожие штуки, только пороховые, конечно...

— Прикрывайте нас и дальше, — приказал Игорь, — мы продолжаем съемку. Я снижаюсь до полутора километров.

— Прикроем, — пообещал Женька.

— Снимай, снимай, — поторопил Игорь, снижаясь. Внизу, над двойной рекой — между руслами было всего километра два — изгибались дугами красивые мосты, словно целиком отчеканенные из ажурного металла. С обеих сторон мостов высились какие-то несерьезно-красивые башни с широкими крышами, ярко сиявшими на солнце.

Крыши вдруг заволочло серым густым: дымом, ветер рвал его клочьями и разносил в стороны.

— Стреляют! — с хохотом прокричал Борька. — С крыш стреляют, смотри, Игорь, пушки на поворотниках!

Игорь склонился к экрану наблюдения и увидел фигурки в темно-синем, суетившиеся около длинных труб, установленных под углами в 45 градусов на поворотных колесах — по четыре штуки, на все стороны света.

— Против нас изобрели, — сообщил Борька. — ПВО! Смотри, как лупят! Не достанут... Давай я в ответ резану?

— Давай, — осклабился Игорь, не поворачиваясь. Борька ловко кувыркнулся назад.

И тут вырубилась винты.

Вырубилась разом. Погасли огоньки пульта. Откачнулись на ноль и замерли стрелки и уровни.

Никогда в жизни Игорь не знал, как это страшно — когда вот такая тишина туманным призраком вваливается в кабину вертолета. Молчание винтов. Шум города внизу. Стрекот винтов второго «ка» наверху. И все это — уже не для тебя. Потому что сейчас машина грохнется, как сундук, и нечего будет даже выволакивать из раздрызганных по камню площади горящих ошметков.

В лоб кабины ломилось белое небо.

Игорь обернулся.

Расширенные, невероятно огромные и остановившиеся глаза Борьки.

Белые руки на рычагах управления ротором.

Белые с синевой губы.

Слово-выдох:

— Катапультируйся...

Все решали даже не секунды. Но у Борьки не было и секунд, чтобы вновь перемахнуть к себе в кресло — в спасительное кресло с катапультной. Однако для выпускника лица время шло медленней. Самую капельку — но медленней.

Левая ладонь врезала по кнопке ротации. И падение так и не началось — вертолет полетел к земле, как планирующий лист, опираясь на выброшенные закрылки. Правой Игорь сцапал, не поворачиваясь, Борьку под мышки и, притиснув к спинке своего кресла, локтем вдавил кнопку катапульты, раздавив пластик, прикрывавший ее и крикнув:

— Держись!!!

Коротко рявкнули пиропатроны. По широкой дуге улетел прочь бумерангом обвисший винт. Крякнув, начетверо расселась крыша кабины, и кресло с двумя мальчишками швырнуло вверх на полсотни метров — прочь от вертолета, в небо, в спасение... по крайней мере — на время.

Кресло начало заваливать. Борька висел сзади гирей, и Игорь с усилием погасил боль в вывернутой, как на дыбе, руке. С треском выбросило вверх «крыло», оно раскрылось...

— Перебирайся... — процедил Игорь, выдвигая ногу, как ступеньку. — Удержу.

Рука Борьки вцепилась в куртку на груди, захватив кожу. Он перевалился на колени Игоря, и тот обнял его, притиснул к себе.

— Ребра сломаешь, — процедил Борька. У него по-прежнему было белое лицо. — Куда дальше?

— Держись за меня сам, — приказал Игорь. — Крепче держись, ну?! — прикрикнул он, и Борька вцепился в ремни на груди Муромцева, а тот задергал управляющими петлями, но парашют с двойной нагрузкой тянуло к земле, он не слушался команд.

— Жаль, мы пушки в дирижабле оставили, — сказал Борька. Он горячо дышал Игорю в висок. — Попробуй на площадь сесть, там нас и с одними эрпэпэ не сразу возьмут.

— У меня РАП, — напомнил Игорь. — И три обоймы, — мозг бешено работал, просчитывая варианты хоть какого-то выхода со скоростью компьютера.

— Они охренели! — вдруг заорал Борька. И, рискуя сорваться, замахал рукой: — Уходите, уходите!

Игорь похолодел. В полусотне метров от них сидел в «беседке» Степка. В руке он держал ремни спасательной системы. Очевидно, Женька маневрировал вертолетом — Степка медленно приближался, ветер трепал его брючины и волосы, мальчишка жмурился, но не отворачивал лица с плотно сжатыми губами.

— Прочь! — гаркнул Игорь. — Собьют к!.. На дирижабль!

Степка ответил бессмертными неприличными жестами. Потом двумя движениями соединил систему спасения с ремнями кресла.

— Собьют же, дурак! — прохрипел Игорь.

— Если собьют — то всех вместе, — Степка оседлал спинку и погасил купол резким, умелым рывком (и когда научился?!) Через секунду вся связка поползла вверх, подтягиваемая лебедкой.

Они перевалились в салон и, отстрелив кресло, долго провожали его взглядами, пока Женька, нимало не заботясь о том, что подумают вабиска о его смелости, отвесно уходил в облака, к дирижаблю.

— Снимки пропали, — сожалеюще сказал Борька.

— Веселая тут у вас жизнь, — убежденно заявил Степан.

Игорь ничего не сказал — расстегнув куртку, он рассматривал синяки на груди. Потом вынес вердикт:

— Щиплешься, как девчонка, — и, приложив ладони к синим с алым полосам, быстро убрал их.

— Я пока летать не научился, — напомнил Борька, — и не очень хотелось учиться... — потом вздохнул и добавил: — Спасибо тебе.

Игорь молча отмахнулся. Он был зол — злость пришла неожиданной и резкой волной. Фактически, вабиска безнаказанно посмеялись над ним — землянином, русским, дворянином. Ну что же: "Империя получила урок — империя благодарит!" И все-таки утешаться этим было трудно. В первой же операции он потерял вертолет. И отснятые материалы. Пусть и не очень важные — но это ЕГО материалы!!! ЕГО!!! Проклятье!!!

Ну ничего. Они поплатятся. Все.

6

— Я унижен.

Они сидели в своем отсеке вокруг стола. Сказанные Игорем слова совершенно не соотносились по смыслу с тем холодным, равнодушным тоном, которым он их произнес. Остальные запереглядывались — они росли в мире Империи и хорошо знали, что означает такой тон в устах дворянина.

— Давай гульнем, — предложил Борька. — Я ходил до их первых поселков, дорогу знаю. Наши не откажутся, ребят из Водопадного свистнем. Полсотни соберется...

— Я столько же приведу. Сразу, — вмешался Зигфрид. — Наши злые. Сильно. Пойдут с охотой.

— Ну вот — сотня! — горячо продолжил Борька. — Подойдем ночью по реке, там можно по реке... Так насует, что только мусор останется!

План не был абсурдным. На всех планетах, где местные жители были конфликтны, молодежь время от времени устраивала погромные рейды на их территории. Кое-где этих ударов туземцы боялись больше, чем ополченцев, охраны дворянских латифундий и даже регулярных войск. И власти и родители посматривали на это сквозь пальцы.

Игорь сам в таких развлечениях, разумеется, не участвовал, но какое-то время серьезно обдумывал предложение, двигая по столу ТБ и словно пересчитывая стволом заклепки в кристаллическом алюминии покрытия. Потом покачал головой:

— Нет, не сейчас. По крайней мере...

— Игорь! — это включился экран связи. Лицо Ревякина было напряженным. — Сигнал с фермы Хвостовых, десять минут лета... Атакованы бандой вабиска!

— Мать!.. — выругался Борька, вскакивая. — Говорили же им — далеко поселились...

— Отставить мат! — Игорь повернулся к экрану: — Вылетаем!.. — поворот к девчонкам: — Вы... ладно, со всеми.

* * *

К самой ферме подлетать не стали. Вабиска при виде вертушек могли разбежаться, а гоняться за ними по лесу никому не хотелось — высадились за целый километр, оставив вертолеты в лесу и уповая на одно: что ферма продержится.

У кадетов были обычные армейские ИАП ИжОН-94, эрпэпэ, оказался еще и переносной мелкокалиберный ротор «метла». Кроме того, все расхватили тесаки.

Игорь не пренебрег ни авангардом, ни арьергардом, ни фланговыми дозорами, оставшись в центре сам с девчонками и одним из кадетов. Отряд двинулся бегом, ориентируясь на посвистывание Борьки, возглавлявшего авангард...

...Ферма Хвостовых в самом деле еще держалась. Пристройки горели, частокол в нескольких местах был проломлен и тоже полыхал, из труб развороченного пороховой бомбой артезианского колодца били струи воды. Страшно кричал конь — или раненый, или сгорающий. Около разбитых — тоже бомбой — ворот лежали два собачьих трупа, все в крови. На полудороге от леса к воротам — Игорь ощутил холодок не коже, волосы на затылке зашевелились — вытянулось тело женщины с разрубленной головой. Очевидно, вабиска каким-то образом застали ферму врасплох и ворвались во двор раньше, чем по ним начали стрелять. Но жилой дом — не рубленый, как в станице, а из мощных гранитных блоков, двухэтажный, на высоком глухом фундаменте — держался. Облицовка догорала, но ни стены, ни черепичная крыша не поддались, окна перекрывали броне ставни. Из-за них — во все стороны — стреляли не меньше пяти стволов, в том числе — такой же ротор, как и спешащих на помощь кадетов.

Часть вабиска стояла у стены с внешней стороны, через проломы обстреливая дом из ружей. Толстенные бревна частокола надежно защищали и от плазмы, и от картечи ротора. Остальные, наверное, были во дворе. Скорее всего, никто из них не представлял, что двор для них превратится в ловушку.

Отряд Игоря рассыпался по дуге, готовя оружие. Борька вдруг коснулся плеча Игоря, указал на противоположную сторону вырубки. Там быстро перемещались какие-то люди — явно земляне с оружием. Можно было даже не выяснять, кто это такие — в такой ситуации они могли быть лишь союзниками.

Женька режуще, страшно засвистел по-казацки, завыл, заухал, как леший. Звук был настолько жутким и диким, что вабиска около частокола присели, озираясь. Если у них и

были подготовленные ментально бойцы — то они все равно прошляпили, крепко прошляпили, увлеченные близостью победы над ненавистными белолицыми. И в следующий миг на них обрушилась лавина огня.

— Уррраа! — заорал Игорь, чтобы дать осажденным понять — помощь пришла. С другой стороны вырубки зычный мужской голос ответил:

— Ура! Россия, вперед! — и тоже послышались выстрелы плазмометов.

— Броском к забору! — крикнул Игорь, стреляя с вытянутых рук веером. Вскочил, побежал, на бегу разрядил подствольник несколько раз, бешено дергая помповый затвор — гранаты влетали в проломы и рвались во дворе.

Рядом басовито прогудела стрела из крестострела. Игорь их видел — угодит в легкий жилет, прошьет насквозь, лучше здешней пули, а он даже без жилета... Второй раз вабиска выстрелить не успел — Степка превратил его в пылающие ошметки точным выстрелом.

Это было соревнование по бегу, и земляне его выиграли — успела к проломам раньше, чем вабиска, опомнившись, заняли их изнутри. Теперь двор фактически пристреливался во всех направлениях, спрятаться в нем было негде. Из окна второго этажа высунулся, развернулся и победно заметался в чьей-то руке имперский флаг.

Во дворе было полно трупов. Вабиска перебили всю скотину, которая то ли разнесла двери пристроек, то ли кто-то успел ее выпустить. Как раз когда Игорь заглянул во двор — провалилась в огненном вихре крыша одного из сараев.

Вабиска не начали метаться. Они отстреливались, но это уже не имело смысла. Не человеческие, но искаженные почти человеческими гримасами отчаянья и ненависти лица все реже мелькали по двору.

— Не лезть в рукопашную!.. — рявкнул Игорь, видя, как Зигфрид, перекинув за плечи ИПП, потянул из мохнатых ножен скрамасакс. — Огнем дави!

Кто-то прокричал во дворе длинногласную команду — и вабиска вдруг сбились кучкой и, отчаянным броском преодолев расстояние до частокола, полезли в проломы с улюлюкающим воем. Из-за дома выбегали люди в полувоенном, и до Игоря наконец дошло, что это один из его собственных отрядов — поисковики на бегу выхватывали тесаки и топоры.

Здоровенный — редкостно здоровенный — вабиска перепрыгнул через кучу горящих бревен, заноса ятаган. Зигфрид внезапно метнулся вперед, что-то неразборчиво выкрикнув, сверкнул его скрамасакс, и вабиска рухнул в огонь, содрагаясь всем телом — германец вмах перерезал ему горло одним неуловимым ударом. Другой, подбегая следом, замахнулся уже на Зигфрида — Игорь выстрелил поверх спины пригнувшегося германца из «ижа», вабиска вспыхнул, разлетаясь на куски. Германец откатился в сторону через плечо, третий вабиска разрядил длинный пистолет — Игорь успел уйти влево, выстрелил, припав на колено, но промахнулся, и вабиска замахнулся ятаганом. Игорь ударом ноги в горло смял гортань... Следующим к пролому подбегал уже лесовик — в лисьей шапке, с широким топором в одной и промысловым дробовиком — в другой руке, крича:

— Не зашиби, командир! — причем без насмешки.

— Игорь! Игорь! — истошно заорал Женька. — Уходит же, скот! Уходит!!!

Игорь обернулся. Женька метров за полсотни стоял, согнувшись пополам, зажимая ладонью правое плечо и выронив ИПП — а через вырубку к лесу бежала фигура в длинном коричневом одеянии. Как-то так очень резво бежала...

— Держи! — Игорь перебросил ИПП лесовику и, на бегу выхватывая из кобуры РАП, кинулся наперерез. Мельком крикнул:

— Что с тобой?!

— Беги, беги! — замотал головой Женька, к которому уже подскочила Лизка.

Игорь надал. На бегу выстрелил дважды — больше для острстки, чем надеясь попасть. Да и зачем? Он все равно догонит этого бегунка, тем более, что тот, наверное, уже дрищет на бегу от страха. Бежать для Игоря было так же привычно и легко, как и идти. Настоящий атлет, он мог без особых проблем загнать лесного зверя — оленя, например.

Но — странно! — расстояние не сокращалось, а «коричневый» почти добежал до опушки. Рисковать потерять его в лесу не стоило — Игорь, с разбегу рухнув на колени, задержал дыхание и выпустил один за другим три заряда.

Он знал, что попал. Ну, во-первых, потому что нельзя промахнуться из такой штуки, как «Тула-Баранников» с расстояния в полсотни метров. Да он бы и ни из чего не промахнулся, хоть из игровой реплики древнего кремневого пистолета... Более того, он видел, что попал — балахон окутало пламя, хозяин одеяния заспотыкался, но... но не упал, а канул в подлесок.

Изумленно-яростно взревев, Игорь десятком прыжков покрыл расстояние до кустов и еще четырежды выстрелил по мелькавшей неподалеку фигуре.

— Попал! — крикнул он, будучи на этот раз абсолютно в этом уверенным. Но «коричневый» помчался дальше. Буквально обомлев, Игорь, тем не менее, выстрелил еще раз, целясь в голову — и увидел, как капюшон вспыхнул нестерпимым сиянием разряда.

А ВАБИСКА ПРОДОЛЖАЛ БЕЖАТЬ.

* * *

Хвостовы сидели во дворе, возле принесенной женщины — ее лицо закрыли курткой. Крепкий старик с «метлой»; пожилая женщина, перевязывавшая лицо мужчине лет 40, у ног которого лежал ИПП; юноша примерно вдвое моложе с самозарядным гранатометом на коленях; близняшки лет по 14, мальчишка и девчонка, с охотничьими дробовиками; около них — совсем маленькая притихшая девочка. У мальчишки была искалечена и замотана чем-то левая рука — в ней еще торчал обломок стрелы крестострела, но парень только молча смотрел на труп женщины.

У поисковиков убитых не было, двое оказались легко ранены. У Игоря тоже поцарапало, кроме Женьки, только одного из кадетов. Все собрались во дворе, хмуро, но не потерянно осматриваясь — такие картинки для большинства были не в новинку, к сожалению.

Все, подумал Игорь ожесточенно. Я разозлился. Теперь держитесь. Разозлился я.

— Все погибло, — глухо сказал мужчина — кровь проступала на вскипающих регенерационной пеной бинтах и тут же размывалась, темнела. — Твари... Шесть коней, техника, весь скот...

Он говорил заторможенно, почему-то не упоминая о самом главном — о мертвой жене, матери своих детей... Может быть — не хотел верить.

— Мы скинемся, — сказал один из поисковиков, тот самый лесовик в шапке. Наскребем, вернешь, когда сможешь... — потом лесовик помолчал и спросил: — Или теперь уедешь? Бросишь все?

— Нет, — коротко и ожесточенно сказал мужчина, отстраняя руки матери; голубые глаза его сверкнули. — Теперь или мы — или они, Тимоха. Или они нас в эту землю положат — или мы их в нее закопаем. Но я теперь отсюда не уйду. Это моя земля, твою мать... сейчас — еще больше, чем раньше.

Игорь присел возле мальчишки, заглянул ему в глаза.

— Давай руку.

Мальчишка безучастно протянул ее — грубо проломленную толстой деревяшкой древка, с растопыренными и сведенными пальцами. Он, скорее всего не дрогнул бы, даже начини Игорь тянуть обломок «по-живому». Но тот, взявшись у запястья, ловко перекрыл нервы и, подозвав Лизу, которая уже оказала помощь Женьке и кадету, приказал:

— Давай-ка помоги, я обезболит.

Как и всякий — пусть еще и "школьного пошива" — полевой врач, Лизка способна была работать где угодно, чем угодно и с максимальной быстротой. Развернув полевой набор на колене, она через минуту уже ловко сращивала нервы, сухожилия и кровеносные сосуды,

складывала обломки костей, хладнокровно копаясь прямо в ране. Мальчишка смотрел на возню в своем теле по-прежнему отстраненно, потом повернулся к Игорю и сказал, глядя ему прямо в лицо такими, же голубыми, как у отца, глазами:

— Я видел, как маму убили. Я у ворот был. Без оружия... Отец правильно сказал — мы не уйдем. Никогда.

7

В станицу вернулись уже ближе к полуночи. К этому времени все успели высказать то, что думали об иррузайских вабиска, а Игорь в полной растерянности пересказал историю со своей короткой погоней.

— Ты промахнуться не мог? — спросил Борька. Игорь предложил:

— Давай попробуем — я тебе дам отбежать на полста метров, а потом выстрелю. Один раз, больше не понадобится.

— Да это я так, в плане рассуждения, — не обиделся Борька.

— Но странно, — признал Женька. — А ты ничего такого... — он сморщил нос, — не это? Не почувал?

— Не до этого было, — признался Игорь. — Но по виду это был — яшгайан, их жрец.

— Яшгайан, — кивнул Женька. Зигфрид тоже закивал:

— Яшгайан! Он тебе глаза отвел.

— Нельзя мне, как ты выражаешься, "глаза отвести", — вздохнул Игорь. — И ты это сам знаешь. Еще скажи, что он мой РАП заговорил... Попал я в него, это точно. И не один раз.

— Они умеют выключать боль, — сказал Зигфрид. — Ты же знаешь, как. И сам умеешь.

— Умею! — хмыкнул Игорь. — Если заряд плазмы попадает в живое существо, то оно сами знаете... Я уж не говорю, что последний раз угодил ему в голову — ее должно было в клочки разнести... Знаете, на что это похоже? — вдруг добавил он. — На то, как срабатывает защитный доспех — поглощение излучения, тепла...

— Ну, это еще умнее, чем заговор оружия, — приговорил Борька. — Защитный доспех у вабиска — да попади он к ним, они и воспользоваться не сумеют!

— Это да, — согласился Игорь и погрузился в молчание, которое можно было расценивать сколь угодно широко...

...На аэродроме пахло сухой травой и разогретым бетоном. Столбы света из прожекторов скрещивались на дирижабле, дорожками лежали на поле, в этой ослепительной яркости плавала пыль. Роботы команды обслуживания, управляемые человеком с мускулопультами на руках, занялись дирижаблем.

— Ну, мы пошли, — дружелюбно сказал Ревякин, поднося ладонь к фуражке. Кадеты тоже закозыряли. — Помоемся и спать.

Их шаги еще долго цокали по бетону. Оставшись одни, ребята начали оглядываться по сторонам, и Катюха умиротворенно вздохнула:

— Ну — дома, кажется.

— Ага, — поддержал Борька, тряхнул чубом. — Пошли, что ли, тоже?

Они вместе дошагали до начала станичной улицы. Огней почти нигде уже не было, но школа светилась половиной окон.

— Разнесут они нам учебное заведение, — без особой тревоги отметил Женька. — Мы завтра будем нужны?

— Я в случае чего вызову, отдыхайте пока, — поднял руку Игорь.

Обе парочки удалились по улице, пересмеиваясь и переговариваясь. Зигфрид, со страшным похраскиванием зевнув, объявил:

— Пойду-ка я тоже спать. Идете?

— Иди, Степ, — кивнул Игорь.

— А ты? — кадет из прошлого расстегнул две верхние пуговицы на куртке, потряс ее, охлаждая тело.

— Схожу в школу, посмотрю, как там без меня вертится.

— Так, может, с тобой? — спросил Зигфрид, но тут же снова зевнул. Игорь засмеялся:

— Идите дрыхнуть, нечего сон на народ наводить. Я через полчаса приду.

Мальчишки тоже двинулись по улице. Игорь еще какое-то время постоял, наслаждаясь тишиной и полутьмой, потом повернулся и зашагал к школе.

На обочине около сливного желоба лежал футбольный мяч. Забыли... Игорь задумчиво остановился, подбросил мяч носком ноги, несколько раз перекинул из руки в руку, прокрутил на пальце, стукнул оземь, поймал перед лицом. Аккуратно положил на место — пусть тот, кто забыл, найдет мяч утром... Давно он в футбол не играл. А хочется.

Около школы на подъездной дороге сидел конвертоплан, стояли несколько человек — Игорь узнал поручика Евгеньева. Биодесантники посмеивались и перебрасывались невнятными репликами, одна из которых потонула во взрыве смеха. Игорь, подойдя, поздоровался со всеми и поинтересовался, в чем дело — оказалось, что сегодня спецназ принял бой, выручая одну из групп, окруженную на северо-западе, около лесных озер.

— Вабиска заматались, — с удовлетворением заявил поручик. — Они в самом деле опасаются нашей работы... Мы по-тихому подлетели, высадились в лесу и атаковали их с флангов двумя группами, а в центре пустили два ротора на джипе — на нее и приняли тех, кто бежать рванул. Убитых нет, у поисковиков трое раненых...

— Очень хорошо, господин поручик, — искренне сказал Игорь. — Большое вам спасибо.

— Это наша работа... хотя и не совсем, — улыбнулся поручик. И, слегка понизив голос, добавил: — Я попрошу... короче, не держите на меня зла, сударь, хорошо? Я явился к вам надутый, как индюк... — он снова улыбнулся. — Понимаете — задело, я же на пять лет старше...

— Ерунда, — пожал плечами Игорь. — Сейчас все в порядке?

Вместо ответа поручик козырнул.

В штабе царила вкусная деловая атмосфера. В коридоре вдоль стены лежало снаряжение, на нем спали или сидели и разговаривали поисковики двух групп. Около открытого окна над расстеленной картой, на треть состоявшей из белых пятен, склонились какой-то охотник — и офицер в форме геологов. На другом подоконнике редактор «Отклика» печатал на переносном ноутбуке, по временам рывая в окно: "Ну что там?!" В ответ неслось невнятное рычание, которым редактор почему-то оставался очень доволен.

Двери классов были открыты настежь. В них стояли шум и гам, Игорь прошелся по коридору, ловя обрывки разговоров:

— ...кто?.. Пятерка?.. А, сейчас...

— Коль! Ко-оль! Давай сюда скорей!..

— ...куда ты лезешь?! Так, еще раз — карту!..

— ...переключи. Так. Ну-ка... Пошла, пошла!..

— ...Четыре, четыре, это ноль!.. Да, ноль!.. Мы на приеме...

— ...тащите кофе. А ты ложись вон туда и спи, пока можно...

— ...господи, заработал, наконец-то...

Игорь заглянул в один из классов. Столы с компьютерами были сдвинуты в угол. Налево от входа, на прислоненной к стене старинной классной доске, было написано несколько объявлений, в их числе мальчик прочел весьма интересные:

"Кто привязывает лошадь около выхода в аллею? Поймаю — заставлю чистить весь парк!!!"

"Поисковики! За проходческими лазерами заходите на склад к Одинцову! Будет говорить, что нет — не верьте, есть, я сам видел!"

"Для Вали. Радость моя, ко дню рождения не жди. Мысленно с тобой."

На мамонтовых бивнях, укрепленных под потолком, покачивалось самое разное снаряжение — от курток до полевых поясов. Какие-то дряхлые столы времен Первой Галактической были составлены крестом, и три человека, сидевшие на его концах, бодро орали в аппараты армейской связи. Четвертый, присев как-то боком, писал в блокнот.

— Где Голавлев? — спросил Игорь, останавливаясь возле столов. Тот, кто писал, не переставая этим заниматься, объяснил;

— На станции электроники. В парк, прямо, первый поворот налево.

В парке было пусто, но сквозь листву горели огоньки нескольких станций, временами откуда-то слышался шум, наводивший на мысли о работающей электростатической машине. Игорь неспешно зашагал по дорожке, поглядывая вокруг.

Поворот к нужной ему станции прозевать было невозможно — около него горела переноска, направленная на поставленный на треногу мольберт. Около мольберта сидел в глубокой задумчивости мальчишка лет тринадцати с раскрытым ящиком красок на коленях — сидел и что-то там сосредоточенно выбирал. На мольберте был чистый лист пластика, а рядом, прислоненные к бордюру, стояли три картины.

Игорь остановился. Картины были хороши. Написанные слишком ярко и резко, но настолько полные динамизма, что это искупало ученическую старательность. Игорь прикусил губу и стоял очень тихо, не сведя глаз с пластиковых прямоугольников...

...По дымящимся, оплавленным, горящим руинам карабкались сотни людей — в старинной форме, почти без брони, в неудобном снаряжении, вооруженные древними пороховыми «абаканами» и «печенегам». Сквозь затянувшие небо дымы сияло крохотное, ослепительное лиловое солнце, нависал алый распухший бок какой-то планеты. Десятки людей уже лежали на земле, падали, горели, просто разлетались в куски. Они атаковали хорошо укрепленные позиции, на которых возле боевых установок, изрыгающих огонь, суетились рослые, похожие на оборотней из сказок фигуры — скиутты. Оттуда катился вал плазмы, излучения и картечи, но люди валили вперед; ревели черные рты, безумно отблескивали глаза, и даже те, кто падал, в падении словно летели дальше... Молодой парень, горящий со спины, взбежав на гребень развалин, размахивал алым флагом с золотой свастикой — флагом Объединенной Армии Земли в Первой Галактической — лицо знаменосца дымилось, глаза кипели в глазницах, но он вскидывал знамя... Как ни странно, идущие в самоубийственную атаку люди вовсе не выглядели обреченными. Напротив — юный художник поразительно точно смог передать АТАКУ — когда нет уже ни страха смерти, ни боли, ни жизни — ничего нет, все уже не важно, кроме одного — ДОБЕЖАТЬ и бить врага наповал.

"Взятие Сельговии десантами 16-й ударной армии", прочел Игорь внизу картины и кивнул машинально. Конечно. 21-й год Галактической Эры... Сельговия обошлась Земле в 45 миллионов убитых — слишком много даже для той войны, унесшей больше миллиарда человеческих жизней. Но после падения "восьмиугольника крепостей" скиутты, имевшие раньше в Галактике непоколебимую славу непобедимых планетарных бойцов — почти двухметровые невероятной физической силы волко-гуманоиды — стели избегать ближнего боя, а через полтора года первыми перешли на сторону Земли, заявив, что предпочитают быть на стороне безумцев... Но от 16-й ударной осталось полпроцента — от собранной "по сусекам" армии, брошенной на гибель в отчаянной попытке вырвать у врага инициативу... и сделавшей это. Игорь вспомнил хроники того времени — еще моно. 20 % армии составляли женщины, 35 — подростки младше 16 лет, несовершеннолетние даже по нынешним законам, куда более либеральным к возрасту.

Игорь вздохнул и перевел взгляд на вторую картину...

...Низкий сводчатый коридор космической базы загромождали опрокинутые стеллажи, блоки, разный мусор. Горела половина плафонов, остальные были разбиты. Стоя на коленях,

мальчишка лет четырнадцати, одетый в красную ветровку, джинсы и туристские ботинки, стрелял из ИПП. Во всем — в приподнятых плечах, в задравшихся до локтей руках ветровки, даже в положении ступней — было ощутимо адское напряжение, мальчишка корпусом подался вперед, словно этим хотел придать зарядам плазмы дополнительную силу. Лица видно не было — только часть скулы и подбородок, волосы встрепаны. Рядом, за опрокинутым блоком питания, сидела девчонка, чуть постарше — она поспешно заряжала полуавтоматический гранатомет, склоненное лицо с закушенной губой выдавало напряжение не меньшее, чем у мальчишки, оранжевые штаны от модного комбинезона были прожжены на бедре, голые до плеч руки — тоже в ожогах. Чуть дальше лежал скорченный, почерневший труп человека, сожженного лучевиком. В разбитую дверь на другом конце коридора вламывались фигуры — приземистые, с тремя верхними и нижними конечностями, в угловатой броне — десантники нэйкельцев. Их нечеловеческость и вполне человеческое устремление вперед, читавшееся в каждом движении, создавали странный контраст. Передний был окутан розовой вспышкой защитного поля, двое за ним стреляли из странного, непривычного землянину вида лучевиков, от попаданий на стенах и потолке горел и капал металл... "Михайловская база. День б-й", — гласила подпись под картиной...

...На третьей картине было солдатское кладбище времен Галактической войны — поле, в котором клонил траву сильный ветер, веселые клочки облаков, несущиеся по небу... Ряды одинаковых пластиковых кубов — примерно до колена человеку, насколько хватит глаз, с отпечатанными в верхней грани данными и снимкой. На переднем плане стоял очень старый, хотя и не дряхлый человек, одетый в серый костюм-тройку. Ветер развеивал седые волосы, левая половина лица была гладкой и безмятежной — след неумелой восстановительной операции тех лет. Правой рукой старик сжигал мягкую шляпу, вместо левой был архаичный биопротез... За спиной старика, на заднем плане, за полем, вздымались сверкающие башни города, "по пояс" стоявшие в кипении парков, кружились множество модных тогда минивертолетов, взлетал огромный лайнер. По дорожке, краем кладбища, неслись трое мальчишек и девчонка на новеньких (да, они тогда только появились) электро. А четвертый мальчишка стоял совсем недалеко от старика — отлично были передано, как он затормозил с разлету, оперся, ногой о покрытие — и застыл, все еще смеющийся, но с неожиданно расширившимися, потемневшими глазами — и смотрит сюда, на могилы и седого человека.

"Последний ветеран Галактической," — было написано в нижнем углу полотна. И Игорь застыл, пораженный мыслью, что ведь это — БЫЛО. Что он — был, последний из тех, кто... и Земля, Галактика — они не вздрогнули, не закричали, когда ОН — ушёл. Может быть — даже не заметили. Откуда-то выплыли — алые на черном — строчки, и мальчик тихо, но отчетливо прочел их:

— И бессмертные гимны,
прощальные гимны¹³
над бессонной планетой
плывут величаво...
Пусть
не все герои, —
те,
кто погибли, —
павшим
Вечная слава!..
...Разве погибнуть ты нам завешала,
Родина?

¹³ Стихи Р.Рождественского.

*Жизнь
обещала,
любовь
обещала,
Родина.
Разве для смерти
рождаются дети,
Родина?
Разве хотела ты
нашей смерти,
Родина?
Пламя
ударило в небо —
ты помнишь,
Родина?
Тихо сказала:
"ВСТАВАЙТЕ НА ПОМОЩЬ..." —
Родина.
Славы
никто у тебя не выпрашивал,
Родина.
ПРОСТО БЫЛ ВЫБОР У КАЖДОГО:
Я
ИЛИ
РОДИНА...*

... — Хорошие стихи, — художник смотрел на Игоря, и тот его вспомнил — Алька Вислоусов, младший брат Женьки, такой же скуластый и слегка раскосый.
— Хорошая картина, — искренне ответил Игорь. — Все хорошие, но эта — особенно. Алька кивнул, словно не ждал ничего другого. И признался, морща нос:
— Я тут рисую по ночам. Не знаю, у меня так почему-то лучше выходит...
— А сейчас что будешь рисовать? — поинтересовался Игорь.
— А я пока не знаю... Вот посмотрю на краски, — он провел пальцами по ящику, — что-нибудь и придумаю...

8

Зигфрид и Степка спали, когда Игорь вернулся в меблированные комнаты, — на диванах в зале. В офисе на приемном столе лежали несколько факсов и телепортационных посланий, в числе прочего — факс от Дзюбы с сообщением о боевых действиях на островах Черной Чаши. Еще один был от 1-й поисковой группы — они сообщали, что вошли в контакт с некими вабиска из Иррузая, готовыми за определенное вознаграждение золотом передать купеческие карты земель между Черной Чашей и Теократией.

Вещи Игоря лежали на своих местах. Он снял и положил около кровати на столик РАП. Потянулся. Странно, но спать не очень хотелось — может быть, поддерживала мысль, что выспаться можно будет завтра. Игорь решил снова пройтись...

...В нижнем зале было почти пусто. Сам Носков, отправив, очевидно, на покой свое семейство, сидел за стойкой и читал только что вышедший выпуск «Отклика» — его принес лично главный редактор, он как раз сидел у стойки и неспешно пил пиво. Еще тут был волостной атаман Теньков — он ел беф-строганов, запивал чаем и работал на ноутбуке.

Игорь, не привлекая внимания, прошел через зал и, спустившись с крыльца, не спешно зашагал вдоль кустов.

Был третий час утра, не так уж долго оставалось до рассвета. Игорь легко побежал по тропинке — просто потому, что хотелось пробежаться, выжечь остаток неизрасходованной энергии. Иногда он казался себе аккумулятором на не вполне понятных, но мощных батареях. Возможно — вечных.

Бегом, бегом, бегом — по тропинке, за поворот, похрустывающим гравием, прыжок через скамейку, как через барьер — бегом, бегом, бегом... Игорь оказался уже на окраине поселка. При свете Адаманта посверкивали уложенные наземь бронешиты. В траншеях лежали резкие, черные тени. Лес стоял темной, монолитной стеной, оттуда доносились ночные звуки, но уже робко посвистывала какая-то птица, как бы напоминая, что утро наступает. Игорь посвистел в ответ, прислушался.

На миг ему почудилось что-то нехорошее. Да, возникло совершенно явственное ощущение пристального, жесткого взгляда. Мальчик повел плечами «прислушался» снова — нет, ничего.

Тихо. Пусто.

— Зачем я пришел сюда? — спросил он вслух удивленно. В самом деле удивленно, Игорь мог бы поклясться, что сюда он не собирался, нечего ему тут было делать; он просто хотел пробежаться по улице, а не на окраину выходить... — Интересно...

Он передернул плечами и повернулся, собираясь уходить.

К счастью, именно в эту минуту он все-таки заметил краем глаза движение — всего метрах в двадцати от себя.

Краем глаза, вот в чем дело. Даже если вы подверглись очень сильному и умелому ментальному воздействию, сами того не заметив — вы всегда можете увидеть атакующего (если он не умеет мимикрировать, что встречается крайне редко, а массово — никогда ни в одной из известных рас!), глядя не напрямую, а вкось. Так учили в лицее, и это проверялось на практике.

По этому Игорь увидел вабиска. Их было четверо, и они держали в руках готовые к удару ятаганы, а чуть дальше застыл коричневой утренней тенью высокий яшгайан.

Игорь мгновенно блокировал мозг, чтобы не дать даже заподозрить свою осведомленность об их присутствии. И да на секунду не выдал себя жестом, словом, движением или вздохом — продолжал шагать к кустам, насвистывая лицейскую песенку и теперь уже отчетливо ощущая спиной, как вабиска идут за ним, почти не скрываясь. Они даже не старались бесшумно ступать, уведенные в том, что не будут раскрыты!

Ну — ладно... Он почти обрадовался такой постановке вопроса. Пусть атакуют...

Вабиска приближались почти бегом, решив, очевидно, покончить с белолицым мальчишкой парой ударов. Игорь хладнокровно подумал, что надо узнать, кто вывел на него эту сволочь. Неужели Уигши-Уого так быстро сориентировался? Ну да это — потом...

Размашистый удар был нанесен в шею — слева наотмашь, с явным расчетом на то, чтобы снести голову Игорю начисто, как лишний предмет. И даже, наверное, получилось бы...

Игорь молниеносно присел, развернулся на левой пятке... Правая нога безжалостно выстрелила вперед и вверх, с хрустом проламывая грудину и вгоняя обломки ребер в легкие. Вабиска открыл глаза шире, разинул рот, чтобы крикнуть, но уже не смог, потоку что захлебнулся кровью — отлетел назад, в траву.

Игорь распрямился пружиной, вскидывая над головой скрещенные руки уходя влево. В ловушку рук попало запястье вабиска; через долю секунды его же собственный ятаган вошел сзади под спинную кость.

Расправа с этими двумя заняла менее секунды — и до такой степени потрясла двух оставшихся, что они окаменели. Тотчас Игорь прыгнул вперед — молча. Стоявший ближе беззвучно ахнул, перекосив рот — левый кулак Игоря обрушился на середину его груди, правый — между глаз, и вабиска рухнул бесформенной темной грудой, в которой больше не

было ни опасности, ни даже просто жизни.

Последний успел выхватить из-за спины взведенный крестострел и поднять его в руке. Игорь находился в десятке шагов от него и, встретившись глазами со взглядом мальчишки, вабиска понял вдруг, что стрела, даже если и попадет, не остановит белолицего — он преодолеет эти десять шагов и убьет.

Дико вскрикнув, вабиска уронил оружие, повернулся и побежал — как-то неуверенно, словно бы контуженный ударом в голову. Поэтому Игорь догнал его двумя прыжками и ударом кулака перебил позвоночник.

Яшгайан! Где яшгайан?! Игорь быстро повернулся влево-вправо. И на этот раз — опоздал. Может быть, потому что думал — яшгайан побежит. А он не побежал.

Боли мальчик не ощутил — услышал довольно громкий мокрый хруст, почувствовал сильный удар в левый бок и еле устоял на ногах. Инстинктивно увернулся от второй стрелы. Яшгайан, стоя совсем близко, перезаряжал крестострел какими-то неуверенными движениями. Под капюшоном его одеяния была чернота. Он по-прежнему казался тенью — но эта тень стреляла.

Игорь прикоснулся к боку — пальцы наткнулись на короткое древко стрелы. А еще через секунду стало так больно, что онемела вся левая половина тела — Игорь тяжело сел в траву, задохнувшись и подумав, что сейчас умрет. Но яшгайан уже вкладывал в желоб стрелу — с широким наконечником, и мальчик подумал, что так умирать не имеет права. Он посмотрел вниз — куртку пропитала кровь, текла по древку на траву. Двигаясь очень медленно — так ему казалось — Игорь достал карманный пистолет и, целясь по стволу, нажал спуск — раз, другой, третий.

Ослепительные вспышки термитных взрывов — оружие это было разработано почти два века назад в отчаянной попытке ученых хоть как-то повысить возможности порохового принципа в сравнении с энергетическим у врагов Земли — отшвырнули и опрокинули яшгайана. В третий раз выстрелить он не успел.

Игорь уронил пистолет. Ему казалось, что наконечник стрелы, попавшей в него, сделан из огня, смешанного с ослепительной болью. Он положил обе ладони на рану, зажав древко между пальцев. Ладоням стало горячо, и мальчик увидел, что кровь хлещет потоком, заливая пальцы.

Он сумел отсечь боль и вывести ее за пределы сознания, а потом — остановить кровотечение. Но это потребовало такого напряжения сил, что Игорь уже просто не мог двигаться — сидел, дрожа и обливаясь потом, холодным и липким, как дурной сон. Потом поднял глаза.

Яшгайан стоял на прежнем месте.

Он дымился. Балахон горел в не скольких местах, и в утреннем воздухе пахло горелым мясом. Крестострела у него не было, зато был тонкий длинный стилет с черным лезвием.

Этого не могло быть. Но — было.

То, что ощутил Игорь, был не страх — тошнотная дурнота, смешанная с дурацким удивлением.

Яшагайан что-то сказал, двигаясь вперед, как марионетка, у которой оборвали половину нитей. Игорь поднял пистолет — яшгайан то ли заскрипел, то ли засмеялся, и мальчишка отчетливо понял, что стрелять не имеет смысла. В лучшем случае — это отсрочка, этим не уничтожить надвигающийся сверхъестественный ужас.

Игорь выпустил пистолет и, заведя руку за спину, достал из мягких кожаных ножен свою старинную «полевку». Он взял нож по-испански, острием к себе, но не затем, чтобы бить, а поворачивая к врагу именно торец рукояти, в который была впечатана серебряная круглая пластинка с императорской короной и символом «РА», Солнцеворотом.

Серебро, вот что. Древнее, но признанное современной наукой средство против «черной» ментальности. А что перед ним именно «черное» — Игорь не сомневался. Им тоже показывали, как можно оживить — точнее, поднять — труп. Но предупреждали, что делать это можно лишь спасая жизни людей.

Двигаться надо было быстро. Через «больно», через "не могу"... Стилет — осторожно, осторожно...

Яшгайан прыгнул — странно, почти дико, словно большой кузнечик, и его прогоревшая накидка распахнулась, словно крылья. И нарвался на встречный удар — рукоятью в черноту под капюшоном.

Сил у Игоря хватило лишь на этот — один! — удар. Потом мальчишка пошатнулся и сел в траву, чудом не выпустив нож из руки.

Яшгайан упал, словно пустой мешок. Казалось, внутри балахона и в самом деле не осталось ничего.

Кровь снова потекла. А ведь это внутреннее кровотечение... Услышали в станице выстрелы, или нет?.. Интересно, сколько крови вытекло в брюшную полость? Но проклятье, неужели можно сдохнуть тут? И неужели Уигши-Уого в самом деле думал его убийством остановить Империю?

Он закашлялся и без удивления понял, что харкает кровью. Надо идти.

Он встал.

И пошел.

И дошел, кажется. Точно — не помнил.

Глава 4 Бойня

*Та земля, что могла быть раем,
Стала логовищем огня...*

Н.Гумилёв

1

— Узнай у матери, как он... А, уже узнавал?.. Ясно, спасибо.

Борька отошел от визитера и посмотрел на остальных ребят. Притихшие, они расселись на диванах и в креслах по всему залу, не сводя глаз с Борьки, разговаривавшего с домом Гридневой, врача станицы, где располагалась и небольшая местная больница.

— Пришел в сознание, — сообщил Борька и сел на край стола, вздохнув так, что всем показалось — пронесся порыв ветра.

Все сразу задвигались и заговорили. Лизка, покачав головой, спросила:

— Нежели он мог умереть?

— Конечно, мог! — сердито сказал Степан. — Видал я такие дырки в животе — перитонит и ау... — и он перекрестился, но на это никто не обратил внимания.

— Дня через два будет на ногах, — добавил Борька, вставая, — и пока просил зайти к нему... Стоп. Только меня. Прости, Кать.

* * *

— Серебро? — неуверенно спросил Борька. — Но это же сказки... Хотя — если ты говоришь, то так оно и есть... Закажу серебряные лезвия, какие вопросы; а серебро оплатим из кассы отряда... Значит — яшгайан?

Игорь поморщился:

— Да, но это так... кукла. А кто его управлял — не знаю. Ничего не знаю.

— Ну, ты нас и перепугал, — признался Борька.

— Знал бы ты, как перепугался я, — признался Игорь. Он, кажется, хотел что-то

добавить, но в коридоре слышались звуки, похожие на шум рукопашной схватки, и в палату вторгся губернатор Дзюба. За его спиной двигался адъютант — он вел арьергардный бой, сдерживая медсестру и саму Юлию Юрьевну Гридневу.

Борька вскочил и вытянулся. Губернатор посмотрел в его сторону и определил:

— Борис Утесов.

— Сударь! — оглушительно гаркнул мальчишка, вызвав приступ агрессии со стороны людей в белых халатах. Не оборачиваясь. Ярослав Ярославович сделал движение рукой — адъютант ловко оттеснил медиков наружу и закрыл дверь за собой.

— Подожди в коридоре, — бросил губернатор Борьке, но Игорь покачал головой:

— Простите, сударь, но Борис останется здесь. В делах станицы и моей работе — он мое альтер эго, и я прошу вас, — Игорь улыбнулся, — не переходить на латынь или древнегреческий... — Латынь я немного знаю, — вставил. Борька, большими глазами созерцая происходящее.

— Мх, — издал Дзюба неопределенный, но возмущенный звук. С размаху сел на спружинивший стул, вытянул ноги в высоких ботинках. С пояса свесился и закачался у пола РАП «энфилд-лайтнинг» в большой кобуре красного дерева. — Так. Ладно. Черт с вами. Что же вы делаете, Муромцев?! Хотите быть похороненным здесь за казенный счет?!

— Я?! — очень натурально вытаращил глаза Игорь и изумлённо посмотрел на Бориса, словно призывая его в свидетели, Борька тоже изобразил полнейшее недоумение, словно Игорь лежал не на больничной койке, а на лесном пляжике под ласковым солнышком. — Но сударь, уважаемый Ярослав Ярославович, господин губернатор, если вы соизволите отправиться в штаб, то там вы найдете массу подготовленных к передаче картографических материалов. Конечно, еще далеко не все сделано, но и масштаб огромен! Однако, уже сейчас, сударь, эти материалы могут позволить вести ограниченные боевые действия — на островах черной Чаши, например... Кроме того, сударь, есть масса «сырых», необработанных данных, ожидаются новые поступления материалов... Что же до моего недомогания — это мелочи, сударь. Право, мелочи. Немного излишне поразвлекся...

Ярослав Ярославович покачал головой и втянул воздух сквозь зубы:

— Я был в штабе, — уронил он. — Судя по всему, ты в самом деле умеешь работать. Но тебя могли убить.

— Как и любого из нас в любой момент! — весело засмеялся Игорь. Смех был совершенно искренний. — По крайней мере — до тех пор, пока мы не покончим с угрозой со стороны врага, — уже серьезно добавил он.

— Так вы и дальше собираетесь лезть в пекло? — снова перешел на «вы» губернатор. Игорь кивнул: — Хорошо... Я не могу вам этого запретить и не стану запрещать, потому что это нелепо.

— Да, сударь, — подтвердил Игорь.

— Наглей, — заметил губернатор.

— Да, сударь, — с удовольствием повторил Игорь. Глаза его смеялись.

— У меня два сына, — сказал Дзюба, — им скоро десять... Не знаю, что буду делать, если они вырастут похожими на вас.

— Гордиться? — предположил Игорь. Лицо Дзюбы побагровело, он вскочил, смерил шагами палату, грозно поглядывая на Игоря и Борьку, который сжался до минимальных наблюдаемых визуально размеров. Потом — расхохотался вдруг и, буркнув: "Выздоровливай!" — вышел наружу, все еще продолжая смеяться.

— Мне нужно добраться до визитера, — сообщил Игорь, тут же садясь в постели и спуская ноги на пол.

— Ты спятил? — вырвалось у Борьки. Игорь снова поморщился и покачал головой:

— Ничуть... Снаружи, через улицу, есть кабина. Но я голый...

— Я вижу, — не без яда заметил Борька. Игорь проигнорировал его слова:

— Раздевайся. Ляжешь и накроешься с головой. Я быстро.

— А это? — Борька мотнул головой в сторону монитора слежения.

— Они сейчас сражаются с господином губернатором, — засмеялся Игорь. — Я проскочу под шумок. И, честное слово, быстро вернусь.

— С кем хочешь говорить?

— С генерал-губернатором, — серьезно ответил Игорь. Борька кивнул.

Мальчишки были одного роста, но Борис намного плечистей и плотней, поэтому его одежда села на Игоря чуточку мешковато. Оставшись в трусах и носках, Борька влез под одеяло и накрылся с головой, а Игорь выскользнул в коридор.

Несмотря на интенсивную регенерационную терапию и на то, что он пустил в ход все ресурсы организма, двигаться ему все еще было больно. Стрелу ему показали — жуткого вида срезень с треугольным, широкой стороной вперед, пятисантиметровым наконечником. От такого подарка во внутренности мальчишка должен был немедленно потерять сознание и умереть максимум через полчаса...

В коридоре все еще шло сражение, но Игорь проскользнул мимо вполне благополучно...

... Генерал-губернатор Сумерлы стоял на фоне дымящихся развалин, вид которых можно было бы назвать живописным. Но это была не игра моделирующего стереобоевик компьютера, а реальность города Кухлон на побережье Черной Чаши. Поднятое забрало шлема открывало лицо генерал-губернатора — единственный участок тела, не закрытый броней или сверхпрочной маскировочной тканью армейского комплекта тяжелой пехоты, в которые он был одет. Слева и справа высились на развалинах несколько боевых машин и похожих на машины башенноподобных Алых Драгун.

Доклад Игоря Довженко-Змай выслушал с непроницаемым лицом. Потом в течение почти минуты что-то переваривал в себе — это чувствовалось, хотя внешне он оставался каменноподобным, страшно напомнившим Игорю изваяния со Сторкада, изображавшие культового героя тамошней мифологии Шо Арк-ден Цаха — он видел такие в документальных лентах и на голографиях в альбомах по истории искусств.

— Ты прав, серебро — самое надежное средство, — сказал он. — Одну из этих тварей я в свое время убил в подземельях Иппы именно серебром.

— Так ты имел с ними дело? — уточнил Игорь. Генерал-губернатор поморщился, словно ему напомнили что-то очень неприятное, и он даже не хотел этого скрывать:

— Отчеты запроси из нашего архива, там есть мои докладные и еще много всего...

— Утону в документах, — посоветовал Игорь. — Неужели любая мало-мальски важная должность связана с этим, Сергей?

— Абсолютно, — авторитетно и мрачно заверил генерал-губернатор с видом человека, давно и прочно понявшего Систему, после чего оба дворянина, старший и младший, весело захохотали. — Мне доложили, что ты ранен; легко?

— Да, — кивнул Игорь.

— Рад, что арбалетный срезень в живот — для тебя легко, — непроницаемо ответил генерал-губернатор. — А вот лгать человеку в моей должности — отнюдь не достоинство.

— Прости, — искренне сказал Игорь, внезапно ощутив себя младшеклассником, которому сделал выговор старший ученик — давно и прочно, казалось бы, сделал выговор старший ученик — забытое чувство.

Довженко-Змай покачал головой и улыбнулся. Ему вдруг вспомнился он сам четыре года назад, когда, потеряв отца, он взвалил на себя заботу о латифундии и месть за подлое, из-за угла, убийство. Все сделал, как надо — и заплатил за это страшную цену. Гибель любимой... Он перестал улыбаться, отчетливо вспомнив те дни. Не дай бог того же самого этому парнишке — ровеснику его тогдашнего...

Игорь терпеливо ждал, когда генерал-губернатор перестанет думать о чем-то своем. Стоять было немного больно, но Игорь терпел. Довженко-Змай пошевелился, улыбнулся печально и жестко, сказал:

*Трус кричит, когда боится -
Храбрый трусит, но молчит...
Иди отдыхать и лечиться.
Иди...*

...— Никто не заходил?

С этими словами Игорь внедрился в палату. Борька сел, перевел дыхание.

— Заглядывали, — сообщил он, — я сделал вид, что дрыхну... Давай переодеваться скорее.

— Да можете не спешить, — насмешливо заметила с порога Гриднева. — Поговорим о режиме?

2

"ДЭК", развозивший товары по лесным рекам и озерам Севера назывался "Анна Керн". Он подошел в реку около семи вечера. Переделанный из обычного десантного экраноплана Кузнецова, списанного из армии, корабль имел посадочную площадку под два легких вертолета, длину более тридцати метров и легко развивал скорость в сто сорок километров, хотя на планете было немного мест в лесах, где ее можно было показать. Шесть человек экипажа свою «Нюшку» обожали, считали родным домом и возили экспедиции, поисковиков, военных... Для самообороны на носу стоял ротор, а ближе к рубке — пусковая установка для ракет.

Именно "Анной Керн" решили воспользоваться русские для ответного удара по вабиска — проще говоря, мести за ферму Хвостовых. Станица и ее окрестности в составе ополчения формировали казачью сотню. И сейчас полусотня, собравшись по сигналу, поднялась на борт, туда же перелетели два Ка262бис, вооруженные роторами и реактивными снарядами — старыми, как мир, но эффективными. Полусотней командовал заместитель волостного атамана Ярослав Очкуров, имевший звание сотника ополчения.

Казачи были вооружены тоже старыми, но и по сей день эффективными моделями армейского оружия: ИПП ИжС-52 с «печками», несколькими ИАП ИжК-88, полудюжиной полуавтоматических гранатометов «бич», тремя "метлами", ну и различными моделями РПП, гранатами и холодным оружием — короче, имели очень неплохое вооружение даже для боя с настоящей армией. По крайней мере, десять лет назад они удачно сражались с десантами фоморианских рабов практически тем же оружием.

Помимо казаков-ополченцев, на «ДЭКе» пошли десять старших пионеров, из которых половина принадлежала к группе Игоря. Девочки остались в станице, несмотря на их писк.

Игорь только-только поднялся и, конечно же, не остался дома с девчонками — он бы счел оскорблением чести саму мысль о том, что можно пропустить такое дело.

Казачи были в своей обычной форме — заломленных фуражках, куртках армейского образца и таких же штанах, заправленных в сапоги, плюс кое-какие элементы легкой брони. Они рассаживались не верхней палубе, прислоняли оружие к бортовому ограждению... Уже вечерело, хотя было еще совсем светло, Полызмей висел над верхушками деревьев — вечер ощущался только в особой тишине и тенях, лежавших у корней деревьев.

Пионеры расположились на носу, возле ротора. Степка, сидя со скрещенными ногами (чем вызывал изумление и неуклюжие попытки подражать), так и сяк вертел разгрузку «бахтерец», перемещал магазины, гранаты, обоймы, снаряжение и наконец вынес вердикт:

— Удобная штука. У нас были не такие.

— Можно подумать, ты раньше самодельной пользовался, — лениво ответил Женька, лежавший с закинутыми за голову руками. Степан неопределенно хрюкнул и перестал возиться со снаряжением — не признаваться же ему было, что сперва он именно самодельную и носил, а потом добыл с убитого бандюги старый «лифчик» «пионер» и был

по гроб жизни счастлив...

— По-моему, ты зря решил идти, — говорил Борька Игорю, который валялся на животе и рассматривал воду за бортом. — Только ведь встал...

— Раз встал — надо идти, — весело ответил Игорь, — не стоять же на месте!.. Отправляемся, смотри.

Экраноплан в самом деле, посвистывая и подвывая ревуном, отвалил от причала и, вырулив медленно на середину реки, вдруг приподнялся выше и заскользил вперед, набирая скорость. Свист перешел в вибрирующий рев, потом стих вообще. Казаки на корме на три голоса завели под аккомпанемент гитары какую-то былинку — обычную пограничную былинку с простеньким сюжетом, несложным философским подтекстом и повторявшимся снова и снова рефреном "так оно и было — эхх!" Мальчишки, тихо сидя или лежа на носу, прислушивались, по временам вздыхали — каждый о чем-то своем. Лица у всех были задумчивые.

— Игорь, у тебя девчонка есть? — вдруг спросил Борька, поворачиваясь на живот, а лицом — к другу.

— Нет, — отрезал Игорь. Вопрос удивил его и застал врасплох. Как и большинство учеников лицеев, воспитывавшихся в куда более строгих условиях, чем обычные русские дети, да к тому же в чисто мальчишеской компании, он в самом деле не завел еще такого знакомства — что в его возрасте, да еще в колониях, выглядело очень странно — да и вообще считал, что девушки "вне зоны внимания", в жизни и без них полно интересных дел. Борька, который, конечно, не мог этого знать, посмотрел удивленно и сказал:

— Зря.

В ответ Игорь только равнодушно пожал плечами. Потом широко зевнул и спросил:

— А до этого селения далеко?

— Три часа полным ходом, — ответил Борька, — тут река везде подходящая, дойдем... Жень!

— Аюшки, — лениво отозвался Женька, выглядывая из-под шляпы.

— Ты петь не собираешься? Старшие горланят, а мы молчим.

— Пусть Димка запекает, — сообщил Женька, но сел, с явным интересом поглядывая вокруг.

Димка Андреев, качавшийся на ограждении, потянулся, опасно наклонился назад над бегущей речной гладью. Потом кивнул.

— Гитара есть — побренчать?

Гитара нашлась еще одна. Но ее перехватил Игорь, умело настроил, предложил:

— Давай я подыграю?

— Князевскую "Песнь Землян" знаешь? — поинтересовался Димка. Игорь ответил вопросом:

— А что, есть люди, которые не знают? — и начал наигрывать маршевый мотив. Димка помедлил, кивнул и угадал точно в такт:

— *Нас не сломит беда,¹⁴
Не согнет нас нужда,
Рок всевластный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда,
Мы, земляне, не будем рабами!
Пусть чужая орда
Снаряжает суда,*

¹⁴ За основу взято стихотворение В.Князева "Песня Коммуны" (В свою очередь — переделка песни "Правь, Британия!".)

*Угрожая всем нам кандалами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Мы, земляне, не будем рабами!*

Мальчишки, не стовариваясь, подхватили слова песни, ожившей в те годы, когда восемь надменных и могущественных, рас пожелали запереть Землю на задворках Галактики — не в силах даже представить себе, что ее обитатели не смирятся... Что люди так же окажутся неспособными к подчинению, как волк — к поеданию травы...

*— Враг силен? — Не беда!
Пропадет без следа,
Сгинет с жаждой господства над нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда,
Мы, земляне, не будем рабами!
Коль не хватит солдат —
Станут девушки в ряд,
Будут жены и дети бороться!
Будь же верен и смел
И возьми, что хотел!
В бой — в ком сердце отважное бьется!..*

...А "Анна—Керн" по-прежнему мчалась по реке на полной скорости, и ветер раскачивал на берегах купавшиеся в воде ветви ив...

3

Отряд Сапити ворвался в селение, когда уцелевшие дома еще вовсю полыхали. Впрочем, уцелело их не много. Большинство превратились в пылающие груды бревен или воронки, черные и страшные, возле которых лежали трупы и бродили те, кто остался в живых.

Пограничники спешили еще на скаку, бросая поводья нервно хрипящих гуххов — жуткие запахи пугали животных. Пограничники были воинами, привыкшими к боям, но воины, снятые Уигши-Уого с западной границы, никогда не видели разорения, оставляемого белолицыми. Они смотрели по сторонам с ужасом и недоумением, сняв бронзовые шлемы и растерянно сжимая в руках так и не пригодившееся оружие.

— Давайте сюда всех живых! — прокричал Сапити, чтобы вывести своих людей из ступора. — Пусть расскажут, что тут произошло!

Воины рассыпались среди развалин, окликая и подзывая людей. Сапити, держа шлем на сгибе руки, кусал щеку, кожа сползла к вискам, выдавая раздражение.

Тех, кто сопротивлялся, убивали, судя по страшным ранам, в упор из огненного оружия, но тут и там видны были трупы с хорошо знакомыми рублеными и колотыми ранами. Ни замученных, ни специально изуродованных для страха видно не было нигде, и это пугало еще больше — казалось, что тут прошла, равнодушно и методично убивая на выбор, какая-то машина смерти, выпущенная на свет Пещерным Змеем. Это оставляло даже не страх, а какое-то тягостное недоумение, перераставшее в твердое непризнание белолицых разумными существами, в отрицание их сущности.

Они не трогали никого, кто не пытался сражаться с ними — убивали только взявшихся за оружие и жгли дома. Совсем неподалеку возле обвалившегося внутрь себя дома, из которого еще тянуло жаром, лежал надвое разрубленный наискось труп рядом с охотничьим

копьем, срезанным под самым наконечником. Сапити невидяще смотрел на него.

— Взгляните, отец, — подбегавший пограничник протягивал обломок доски. — Это было воткнуто на палке там, — он указал в центр селения.

Сапити принял доску. Чем-то жирным и черным на ней было написано — без ошибок, очень правильным почерком на родном языке Сапити: "За нападение на русскую ферму, убийство человека и нанесение материального ущерба селение уничтожается. Рекомендуем более тут не селиться. Сотн. Очуров." Не все слова были понятны, но смысл — ясен. Уничтожение селения было мстью — рассчитанной и холодной. Сапити бросил доску наземь и с ожесточением наступил на нее подошвой высокого сапога, словно переламявая горло врагу.

Еще один пограничник подвел мальчишку — уже не маленького, но трясущегося так, что страшно было смотреть. Правое плечо мальчишки было обожжено.

— Набросьте на него плащ, — приказал Сапити. — Рассказывай...

...Мальчишка в самом деле рассказывал довольно связно, хотя по временам начинал трястись еще сильнее. Белолицые явились на рассвете. Скорей всего, высадились ниже по течению и перерезали охрану в лесу раньше, чем та успела что-то заметить и поднять тревогу. Потом атаковали с трех направлений, отрезав селение от лодок и с двух сторон — от леса. Они вошли в селение шеренгой, выгоняя всех из домов и тут же поджигая их. Над опушкой кружили две летающие машины. Родители мальчишки и оба старших брата погибли с оружием в руках. Он тоже сражался и получил ранение, почти потерял сознание от боли, упал — его не тронули, хотя несколько раз переступали через него...

... — Сколько их было? — спросил Сапити. Мальчишка задумался:

— Пятьдесят... наверное. Может — больше.

— Перестань трястись, — Сапити положил руку ему на плечо, — я возьму тебя к себе.

Мальчишка поспешно кивнул несколько раз, и Сапити отвернулся от него, сделав знак — позаботиться. Прикрыв глаза, начал нащупывать канал связи с ближайшим яшгайаном.

4

Игорь величественным жестом поднял пивную кружку с чаем. Кругом засмеялись.

Налет обошелся без потерь.

— Предлагаю заказать обед в номер, — сказала Катюха. — Раз уж вы подло не взяли нас с собой, то заставляйте нас готовить — верх наглости.

— Я попрошу Виктора Валентиновича, — поднялся Степан.

— Ты куда? — осведомился Женька.

— За обедом, — удивился тот.

— Внутренняя связь у тебя за спиной, — сообщил Женька.

— А? — классически оглянулся Степка. — А, конечно... Что закажем?

— Всего и побольше, — выразила общее мнение Лизка. — Заодно все расскажете подробно.

— Только не я, — ответил Игорь. — Поем — и за бумаги. А рассказывает пусть Зиг, он германец... Борь, поможешь с документами?

— Конечно, — охотно согласился тот. — Я спросить хочу — мы когда в настоящую экспедицию соберемся?

— Через пару дней, — пообещал Игорь.

— А Димка скоро улетает, — вдруг вспомнила Лизка.

— Куда? — не понял Игорь.

— Да все-таки на Землю, учиться...

— А кто начальником штаба отряда будет? — поинтересовался Борька.

— Решим на выборах... Почему бы не стать тебе?

— Кать, как ты на это смотришь? — осведомился Борька, обнимая девчонку за плечи. Та важно ответила:

— Положительно.

— Обед сейчас будет, — Степка уселся на свое место.

В самом деле — уже через пару минут киберподнос приволок Обед с большой буквы — аппарат был весь заставлен едой и напитками. Молодежь немедленно перегрузила все это на столик, выдвинутый в центр зала и навалилась со всей доступной возрасту скоростью.

— Нажираться перед работой вредно, — назидательно сказал Игорь, вставая и уже на ногах приканчивая третий бутерброд с красной рыбой. — Борьк, я тебе говорю, пошли! Кто-то помочь обещал!

— Пошли, пошли, — поднялся Борис.

— Махнем сегодня вечером в центр во Владимир-Горный? — спросил Женька. — Часов в пять — поспим и полетим...

Все выразили одобрение — дружными, хотя и нечленораздельными звуками — почему бы и не поразвлечься?

Игорь и Борька вышли в кабинет. Игорь, прислонившись плечом к стене и смерив Бориса взглядом, тихо сказал:

— Ладно, вали к Катьке, я сам справлюсь. В крайнем случае — Степку или Зигфрида привлеку.

Смуглая от загара кожа Борьки стала бурой — он покраснел.

— Но ты правда без меня?.. — вполне косноязычно выразился он.

— Правда, правда.

Борька взял Игоря за локоть, стиснул:

— Если бы ты знал, как с ней здорово... — начал он, но Игорь, улыбаясь, попросил:

— Отпусти локоть, сломаешь ведь... Не забудьте за нами вечером зайти.

Борька почти выскочил из кабинета. Игорь, по-прежнему улыбаясь, подошел к рабочему столу — он почему-то чувствовал себя гораздо старше своего проводника. И почти так же мгновенно это чувство перешло в непонятную, но болезненную досаду. Удивившись сам себе и приказав не валять дурака, Игорь уселся на место...

...Примерно через час он закончил составлять свою личную карту и придвинул распечатки отчетов генерал-губернатора о взятии Иппы — но решил выйти попить чего-нибудь.

В зале был только Степка. Он слушал какую-то музыку и любовно разбирал ИПП.

— Что слушаешь? — осведомился Игорь, пытаясь найти что-нибудь жидкое среди остатков обеда.

— Рэп, — отозвался Степка, — в фонотеке нашел.

— А, негритянский примитив начала XXI века, — равнодушно сказал Игорь, открывая пакет сока. — Жарко... Борис Моисеев, да?

— Почему, Дэкл, — удивился Степка. — Моисеев же не рэпер. И потом, он голубой, ты знаешь?

— Разве? — удивился и Игорь. — Нам говорили в курсе "Коллективное бессознательное в истории, цивилизации XX века"... А почему голубой, он вроде в таком белом выступал, я запись помню.

— А-аммх... — Степка закашлялся, удивленно меряя Игоря взглядом. — А ты что, все помнишь, чему в школе учили?

— В лицее... Конечно, иначе зачем учиться?

Игорь влил в себя не меньше половины пакета сока и, переведя дух, спросил:

— А Зиг где?

— Пошел в спортзал — боится, что драться разучится.

Игорь сделал еще один большой глоток и вдруг спросил:

— Степ, у тебя девушка была?

Степка выключил музолу. Положил ногу на ногу, поднес к глазам прицел, потом посмотрел на Игоря:

— Нет, — спокойно ответил он. — Девчонки у меня не было. Никогда.

Игорь допил сок и точным броском отправил пакет в утилизатор. Если честно, он не поверил Степке — да что там, просто почувствовал, что тот лжет. Лжет с непроницаемым лицом, очень искренне... для XXI века. Игорь, дворянин Третьего века Г.Э., легко понял — лжет. Но по этой же причине — будучи дворянином Третьего века Г.Э. — не подал виду. Расскажет, когда захочет и если захочет.

— Я пойду еще поработаю, — сказал Игорь. Степка поинтересовался:

— Помочь?

— Ты карту читаешь? — осведомился Игорь.

— Любую и сразу, — с готовностью сказал Степка.

— Тогда пошли, — кивнул Игорь.

Пришелец из прошлого уже достаточно хорошо научился разбираться с современной аппаратурой. В своем времени он приобрел навыки работы с компьютерами. Конечно, допотопные машины — Игорь видел такие в музеях — работавшие от сети с помощью механической клавиатуры, с моноплоскостным экраном, не шли ни в какое сравнение даже с простеньким «Опусом», что уж говорить о «Шлеме» или «Финисте+». Кроме того, Степка признался, что нейрокомпьютеры пугают его наличием индивидуальности — в его время (точнее, чуть раньше) было полно книг и фильмов о "бунте машин".

Какое-то время он работал молча, потом вдруг спросил:

— Игоряха, а кто такой Вадим "Кулак"?

Игорь тяжело вздохнул, отрываясь от бумаг:

— Где раскопал?

— Микрофильм попался. Так кто?

— Мой чокнутый дедуля, — с ненастоящим раздражением ответил Игорь. — Ведь сам же догадался, чего спрашивать?!

— Так он у тебя герой...

— Чокнутый он, а не герой, я же говорю, — гордо сообщил Игорь, словно говорил, что его дед — лауреат Премии Третьякова (кстати — так оно и было, в области физики за 183 год). — Сорок лет было, сыновьям — восемнадцать и шестнадцать, отец был младшим... Бросил все — и сорвался на Багровую, ее тогда только-только открыли — с дайрисами воевать, а то без него там никак — молодость вспомнил! Решил, что не навоевался, — Игорь усмехнулся. — Вот такие дела.

— Ты его хорошо помнишь? — Степка оперся подбородком на кулак.

— Нет, что ты... Мне семь лет было, когда он там же, на Багровой, погиб, да и до этого прилетал всего раза три... Помню, что, когда он хохотал, у нас парадная люстра звенела. Еще как-то привез комплект доспехов туземца с Нова-Гоби, они до сих пор целы... — Игорь улыбнулся.

— Он был, как на голографии?

— Не читал я эту книгу, я знаю, про какую ты говоришь, — досадливо ответил Игорь. — Ее по заказу писали, уже после его смерти... Но ни я, ни дядя Женья, ни отец на него не похожи. Мы все — настоящие Муромцевы, у нас все такие вот, темные и смуглые... А дед был похож на какую-то шведку, мою пра-пра в пятой степени, еще во время Первой Галактической тогдашний мой предок ее спас в бою и женился... Короче, дед был два с хвостиком метра ростом, почти центнер весом и рыжий, как огонь, начисто без седины... — Игорь вздохнул, его глаза загорелись: — Знаешь, что он сделал однажды? Он еще молодой совсем был, штабс-капитан штурмовиков... Тогда воевали со сторками на их колонии, на Сорриали... Так вот дед боевую машину опрокинул — в одиночку, голыми руками... А потом еще он гостил у нашего родственника в латифундии, на Раде. Там коляска понесла — конный экипаж прогулочный — и на людей, так дед выскочи и кулаком, — Игорь показал

крепкий небольшой кулак — в грудь коню. И наповал, кости вмялись внутрь... Страшной силы был человек. Ему еще в лице запретили спарринги с живым партнером. А на Луне-87 он однажды на спор со скиуттом, каким-то там их чемпионом по рукопашке, схватился — и того чуть живого унесли...

Игорь вошел во вкус воспоминаний. Степка с искренним интересом слушал, по временам задавая вопросы. А Игоря так и подмывало подробней расспросить приятеля о его жизни — не в интернате, где он жил и учился по мере сил, а вообще о Безвременье, о Третьей мировой и Серых войнах. Игорю и Первая Галактическая-то казалась чем-то вроде древней истории, а уж те времена... Но Игорь осознавал, что Степка может и не захотеть разговаривать — все-таки там, в его времени, остались ядерные грибы, погибшие родители, голод и многое такое, о чем не слишком приятно вспоминать. Продолжая говорить, Игорь задумался: а ведь и он тоже, если подходить непредвзято, вырос на бесконечной войне, охватившей немалый кусок Галактики — но это на нем лично никак не отразилось. И на жизнях подавляющего большинства землян — тоже... Во всяком случае, Землю никто не бомбил, не атаковал, не жег — да и не удастся никому пробиться через минные поля, плавающие вокруг Солнечной системы, через бесчисленные охранные системы и множество патрульных эскадр, берегущих покой метрополии, планеты-матери...

Может быть, Игорь все-таки решил бы спросить. Но дверь вдруг распахнулась, и вбежал Женька — так, словно все вабиска Сумерлы гнались за ним по пятам.

— Что, уже пора лететь? — весело спросил Игорь, поднимаясь на ноги. Женька с трудом проглотил что-то шипастое, комковатое, перекосил лицо и сказал голосом неисправного спикера:

— Ребята, отца Борьки убили.

5

Крокозубов было пять, и они вышли из леса совершенно неожиданно, отрезав от фермы Озерных тех, кто работал в поле. У мужчин было оружие, но охотничьи дробовики не могли свалить жутких чудищ. Одно все-таки пристрелили, но старший Озерных, его брат и тринадцатилетний сын старшего, Тимка, были разорваны в клочья. И неизвестно, что произошло бы дальше, не пояись «вертушка», в которой находились есаул Утесов и Теньков, волостной атаман. Они посадили машину на поле и огнем ротора прикрыли убегающих людей. Но раненый крокозуб смял вертолет, как человек сминает ногой консервную банку. Теньков успел выскочить, однако и он бы погиб, если бы выбежавшие с фермы люди не начали стрелять из ИПП. Они добились подранка и уложили последнее животное. Теньков в это время уже вытаскивал Евгения Олеговича из гнутых остатков вертолета...

...Когда Ка262бис с ребятами приземлился на перепаханное поле между заглушенным трактором с высоко поднятым модулем распылителя и тушей крокозуба, обугленной до состояния жаркого — есаул Утесов был жив. Теньков стоял около него на коленях, женщина с фермы что-то делала с переносным регенератором. Игорь не хотел пускать Борьку, но тот отшвырнул Игоря с такой силой, что сбил с ног — и побежал через поле. Остальные ребята бросились за ним...

...— Пожалуйста, разрешите, — Лизка отстранила женщину, — я врач... Боренька, он жив. Все будет хорошо.

Начальник полиции в рост вытянулся на земле. Очевидно, он не умер только благодаря Тенькову — волостной атаман — белый, с синими губами — покачивался, закатив глаза и, когда Игорь поспешно заменил его около раненого, ткнулся лицом во вспаханную землю, со свистом дыша. Над ним склонились люди, понесли на ферму.

— Отойдите все! — крикнула Лизка, не поднимая головы. Крикнула так, что всех просто отбросило, лишь Борька остался стоять, кусая кулаки и не сводя глаз с отца. Ноги есаула были почти оторваны в бедрах и истерзаны до костей, артерии вспороты. Живот тоже был разодран. Внутренности перемешаны с землей и порваны в десятках мест; левая рука вырвана из плеча и держалась на пучке сухожилий, горло тоже повреждено, лишь чудом уцелели коронарные артерии.

— Набор из вертушки, — жестко приказала Лизка. — Жень, бегом! — тот со всех ног кинулся к машине. — Зиг — джип! — германец рванул в сторону фермы.

— Папка, — с мучительным напряжением сказал Борька, глядя расширенными глазами на отца и почему-то не плача. — Папка, не умирай.

В раскрытых, стеклянных глазах Утесова что-то дрогнуло, они ожили. Есаул шевельнул правой ладонью, словно сжал рукоять РПП, оскалился и довольно громко сказал — в ране на горле трепетала гортань:

— Не умру. Не бойся, сынок, — и впал в забытие снова.

Борька наконец заплакал. Катька, сама шмыгая носом, обняла его.

— Господин Муромцев! Господина, Муромцева вызывают! — фермерский мальчишка подбежал к группе ребят. — Где господин Муромцев?!

— Я Муромцев, — обернулся Игорь.

— Ты... вы? — мальчишка шумно дышал. — Вас визитируют... на ферме...

...Вызывал поручик Евгеньев. С экрана несло сплошным потоком огня и брани. Командир биодесанта был перебинтован через лицо.

— Игорь! — крикнул он, увидев мальчишку. — Мы с пятой группой! Атакованы целым стадом мамонтов! Вывожу людей! Одиннадцатая тоже атакована, ее вытаскивает Андреев со своими! Девятая атакована тоже! Ты можешь...

— Да, — кивнул Игорь. — Передайте девятке, что мы идем... — он переключился на аэродром станицы. — Ревякина... Срочно на ферму Озерных... Да, вертушка занята, отправляем раненого... Скорее!!!

* * *

Девятая группа была окружена на холме. Точнее, командир группы успел вывести туда своих людей и они, заняв круговую оборону, умело отстреливались. Это выглядело бы, как обычная картинка из жизни колоний, вот только атаковали поисковиков не местные жители, а — мамонты. Огромное стадо местных волосатых слонов упрямо ломилось на холм, озверело и страшно трубя на разные голоса. Поисковики завалили уже не меньше двадцати этих гигантов, но остальные продолжали нападать с упорством, совершенно им не свойственным и яснее ясного говорившим о том, что их умело направляет чья-то воля.

— Ты можешь перехватить управление? — спросил Борька. С плотно сжатыми губами он стоял плечо в плечо с Игорем на нижней палубе у открытого люка.

— Они меня уничтожат, — покачал головой Игорь. — Их там несколько, вместе они сильнее меня. Нужно эвакуировать людей... Снижайся! — скомандовал он в комбрас Ревякину. — Приготовить систему эвакуации, — это уже Зигфриду, Степке и Женьке.

Поисковики внизу, поднимая головы, махали руками и шляпами. Кажется, они уже почти не надеялись на спасение...

— Поднимаем их, — скомандовал Игорь. Держа в руках дальнобойную крупнокалиберную ЭМВ — электромагнитную винтовку — «булат», которая использовалась в армии для уничтожения бронированных целей на больших расстояниях или обычных — за укрытиями, он укреплял ее в турели. Рядом устраивал такую же винтовку Степка. — Давайте, давайте их сюда, скорее!

Оптика приблизила беснующихся животных. Игорь прицелился, потом повел оружие

дальше, внимательно рассматривая кусты. Он был почти уверен, что... ага! За толстым стволом сосны, покрытым наплывами смолы, шевельнулось коричневое — рукав балахона. Чувство гадливого отвращения, испытанное Игорем при виде яшгайана, можно было сравнить лишь с ощущением, которое охватывало его при виде мокрицы или паука. Игорь прицелился в древесный ствол и нажал спуск.

20-миллиметровая пуля — кусок карбида вольфрама, разогнанный полями до скорости 3000 м/с и имевший дульную энергию больше 25 тысяч джоулей — прошла древесный ствол на вылет. Мягкую оболочку из сплава с нее сорвало, обнажилась собственно пуля, похожая в своей головной части на фрезу. Ее удар швырнул яшгайана в траву, вырвав ему всю грудь справа и безжалостно-справедливо прервав мерзкий путь набитой фанатизмом и тупой жестокостью твари.

Вторая — крысовато согнутая — спина мелькнула за кустами, и Игорь, ощутив полный ужаса ментальный «визг» потерявшего над собой контроль яшгайна, процедил, ловя его в перекрестье прицела:

— Не нравится?.. — но Степка опередил его — пуля, подбросив бегущего, ударила его о дерево, как пыльный мешок.

Мамонты не прекращали атаки, хотя некоторые животные прекращали трубить, недоуменно озирались и, опуская хоботы, трусили тяжелой побегой прочь, в кусты — очевидно, оставшимся в живых яшгайанам не удавалось больше плотно контролировать стадо.

Первых изыскателей уже втягивали на пандус, сбрасывая беседки, вниз снова. Мальчишки теперь стреляли по животным.

— Поднимайте их скорее! — прокричал Ревякин по внутренней связи. — У меня на сбросе бомбы с фосгеном, мы этих тварей сейчас переморим, как кротов!

Медная, ослепительная вспышка брызнула по левому борту, рядом с пандусом. Женька вскрикнул, прикрыв голову руками.

— Мортиры! — крикнул Зигфрид, поворачиваясь к Игорю всем телом. Лицо германца было в крови. — Выследите их, иначе нас подобьют, перестреляют прямо тут! У них ручные-mortиры!

Второй снаряд разорвался над пандусом. Чугунная бомба, выпускаемая из ручной mortирки, по мощности взрыва мало уступала осколочным снарядам подствольников землян, подставляться под их осколки не стоило. Слышно было, как с бортов взвыли два ротора, срубая целые деревья не хуже пилы, вскидывая землю и выдранные с корнем кусты...

Мортира больше не стреляла.

6

В этот раз засиделись не в номере, а в школе, и не в тесной компании, а всей старшей частью отряда. Следующим вечером Димка должен был вылететь в столицу, а оттуда — на Землю, учиться. С ним улетали еще одна девчонка и парень, тоже окончившие школу этим летом и собравшиеся продолжать образование в метрополии.

Пришел даже Борька. Его отец был отправлен в Прибой и находился вне опасности, так что он особо не куксился и компанию не портил.

Было понемногу всего. Разговаривали, танцевали, ели, слушали музыку. Темы разговоров тоже были самые разные, но в основном крутились возле последних событий.

Игорь говорил мало. Его не отпускало острое, неопределенное чувство приближающейся опасности. Большой. Очень большой. Он привык верить ощущениям... да и не ощущения это были, а привитое умение предвидеть события. Но что можно предпринять? Что за опасность? Откуда? Как защищаться? Он вспомнил читанный когда-то роман Кузнецова "Лесные псы". Уметь бы гадать на рунах, как тот парень, Грей Чевфи

Орд... Это ведь возможно, надо только уметь. Он — не умеет...

А не может ли этого кто из ребят? Мысль была неожиданно здоровой, и Игорь огляделся. Вокруг думали, конечно, не об этом — Игорь немного успокоился и взял бутерброд с красной икрой. Этим деликатесом тут сплошь и рядом кормили собак... Потом налил себе холодной содовой.

Да, судя по всему, больше никого особые тревоги не мучили. Большинство как раз затянули одну из отрядных песен, посвященную подвигам имперской пионерии на военном, мирном и сексуальном поприщах, в особо патетических местах из-за присутствия девчонок переходя на оптимистичное "пум-пум-пум..." вместо слов. Появились три гитары — дело пошло еще веселее.

— Неохота уезжать, — вздохнул Димка. — Именно сейчас неохота... Без меня пойдете?

— Лишний вопрос, — улыбнулся Игорь, пытаясь избавиться от неотвязного ощущения беды. — Но ты учишься там, тут работы еще невпроворот, особенно для спецов полевого планирования. Я серьезно.

— Оставался бы и ты на Сумерле, — предложил Димка, дотягиваясь до копченого окорока.

Отрезать кусок он так и не успел. Ужасающий железный вой возник неподалеку и понесся над станицей.

Казалось, воеет сказочный Железный Волк — подняв морду к луне, воеет в ожидании добычи... А через миг голосом волостного атамана заговорил динамик экстренной радиосвязи:

— Внимание всем! В данный момент границы волости Чернолесье и латифундии Фелкишер Ланд атакованы несколькими племенными ополчениями вабиска и стадами диких зверей, явно направляемых ментально. Численность нападающих точно не известна. Волость мобилизуется. Сбор по штатному расписанию на площади.

Звуки "Вставайте, люди русские!", известные всем и каждому, полились из динамиков. Две или три секунды это были единственные звуки в помещении, где собрались пионеры...

*— Вставайте, люди русские!
Вставайте, люди вольные,
За отчий дом, родимый край,
За отчий дом, родимый край!
Живым бойцам — почет и честь,
А мертвым — слава вечная...*

Голос Димки, излишне высокий от напряжения, перекрыл тревожно-торжественный перезвон:

— Открыть оружейку! Отсутствующим — сбор по боевой тревоге! Строимся на площади! Будьте готовы!

— Всегда готовы! — вразнобой, но решительно раздался отклик...

* * *

Шум переполнял станицу, как закипающая вода — котел над огнем. Гудели машины; слышались команды; бежали, поправляя оружие и снаряжение, люди; хлопали двери; продолжали выть сирены. Все дома были ярко освещены.

Пионеры выбегали на площадь, где уже строились ополченцы и вообще все, кто мог участвовать в обороне. Как и остальные, ребята неплохо вооружились — на них была даже легкая броня.

Отец Димки, есаул Андреев, разговаривал с пятью нэрионами — не было ли там и тех

троих, которых Игорь видел в ту ночь, когда встретился в "Трех пескарях" с генерал-губернатором? Союзники бурно жестикулировали, стоя вокруг русского. Один из них высоким голосом кричал по-русски, срываясь на цоканье:

— Вссца-аннцем цуутт ц вамми — ссаа вац, цуддар еццауу! Сааа вашш доо... Вы уккацицце наа меццо, мы не оццанемццаа туу, рацц вы ицци драццц...

Остальные поддерживали своего товарища решительными взмахами трехпалых рук, означавшими у нэрионов согласие.

— Какое у вас оружие? — разобравшись в ситуации, спросил Андреев. Нэрионы стали объяснять; он кивнул и крикнул: — Эй! Подберите союзникам какие ни есть броники и гранаты! — потом сказал вслед умчавшимся плавно-быстро инопланетянам: — Ну — чокнутые... прямо как мы, — и козырнул подошедшему Тенькову, за которым шли Очкуров и двое его ребят. — Сотни две соберем, Александр Степанович. Очень многие в лесах — от этого парня, Муромцева.

Игорь закусил губу. Черт! Он, выходит, оказался виновен в снижении защищенности станицы! Но реплика Тенькова в корне пресекла попытку самобичевания:

— Иррузай потому и зашевелился, что этот мальчишка взял их за глотку — сделал то, что не удалось нам с вами! — резко сказал атаман — и тут же перешел на деловую тему: — Разделите людей и технику на три отряда. Первый возглавите вы, Ярослав Павлович, и он останется здесь — на всякий случай.

— Александр Степанович... — начал Очкуров, но Теньков просто не обратил на него внимания. — Второй я поведу на запад к границе волости. Третий отряд возглавите вы, Андрей Сергеевич, — Андреев кивнул, — и вертолетами полетите на помощь германцам. К нам скоро подойдут подкрепления, отобьемся...

Игорь решительно подошел к говорившим и, откозыряв, вмешался:

— Простите, господа, но в моем распоряжении здесь — дирижабль. Предлагаю третий отряд с техникой погрузить в него.

— А, дирижабль! — Теньков с интересом посмотрел на Игоря. — Это хорошая идея, распорядитесь, Муромцев...

— Одна просьба, Александр Степанович, — это подросел Димка. — Разрешите старшим пионерам нашего отряда войти в состав этого подразделения.

— Я предполагал оставить вас здесь... — начал атаман, но Игорь вежливо и непреклонно прервал его:

— Разрешите напомнить вам, сударь, что дирижабль подчиняется лишь мне. Кроме того, я отозвал несколько групп поисковиков — это еще порядка ста бойцов, которые сейчас двинутся сюда форсированным маршем.

— У вас дар убеждать, сударь, — Теньков отвел в сторону глаза. — Начинаете погрузку, Муромцев, она на вас.

7

Пилот вернувшегося разведывательного вертолета был явно перевозбужден. Еще не добежав до сидевших на траве казаков, он выкрикнул:

— Им нет конца! Тысяч пятнадцать одних лесных вабиска — это на глаз! Они уже недалеко отсюда!

— Занять места в укреплениях, — скомандовал Андреев негромко — он и не садился, стоял, широко расставив ноги. Его разношерстное воинство зашевелилось. — Муромцев, на секунду.

Игорь, стоя ко всему происходящему спиной, рассматривал земли латифундии — линия обороны проходила по холмам, с них все было видно, как на ладони. Услышав, что к нему обращается командир, мальчишка подошел и молча отдал честь.

— Проведите короткую разведку, — приказал Андреев. — Возьмите танкетку.

— Я с тобой, Игорь, — сказал Зигфрид. Он оставался с русскими, хотя то и дело оборачивался в сторону, где занимали оборону его соотечественники и родичи.

— Борька, Степан — вы тоже, — скомандовал Игорь. — Зиг, подгони машину.

* * *

Танкетка — джип с навесной броней — легко скользила над землей. На этой машине, предназначенной для непосредственной поддержки пехоты в боевых порядках, был установлен курсовой ГАП¹⁵ ТЛ/пм-89 (повышенной мощности, с двухсотзарядным магазином), вращающийся на турели ротор, из которого можно было стрелять стоя и — побортно — два автоматических гранатомета. Машины вел Зигфрид. Игорь сидел на носу, прислонившись к броне и рукой опершись на заключенный в дырчатый кожух длинный ствол ГАПа. Степан и Борька стояли по бокам возле гранатометов, придерживаясь руками за верх бронелистов.

Линия траншей осталась позади. Холмы экранировали звук — было только слышно, как высоко в утреннем небе поет жаворонок, да шуршит пол прохладным ветерком листва. В невысокой траве конскими черепами с картины ретроромантика белели куски известняка.

— Не дают делом заниматься, — сказал Борька. — Так и каникулы пройдут. Без пользы.

Игорь не успел ничего ответить. До холмов оставалось около полукилометра, может — чуть больше — и на их гребне возникли сперва несколько джипов, а за ними — цепочка людей и техники. Цепочка без остановки, хотя и неспешно, отступала — ребята слышали непрерывный звук выстрелов. Отступающие были в полувоенном, в кепи; несколько минут все так и оставалось — холмы, отступающие вниз по склонам люди и машины. Они больше не стреляли, но держали оружие стволами вверх, словно готовились встретить... встретить что-то, наступающее из-за холмов.

Мальчишки остановили танкетку. Напряжение повисло в воздухе, как уродливый паук на невидимой нити. Германцы продолжали отступать, и было хорошо видно, что в джипах сидят и лежат полдюжины человек...

Гребень холмов зеленел, колыхался травой на фоне белого утреннего неба. И вот в этом небе — словно из-под земли — выросла фигура мамонта. Он поднял хобот и, бешено протрубив, устремился вниз по склону, мотая лобастой башкой.

Это было словно сигнал. Холмы вскипели — словно перелесился через них и потек по зеленому склону бурлящий черный кипяток. Страшный рев, нечеловеческий и грозный, донесся до ребят. Это был настоящий Голос Смерти, от которого волосы могли встать дыбом даже у очень отважного человека...

В этой жуткой толпе атакующих смешались вабиска — лесные жители из диких племён, данников Иррухая — и животные" которые в природе были смертельными врагами и вабиска и друг друга. Спаянные, скованные, объединенные и направленные какой-то злой силой, они валом катились на неспешно отступающую цепочку германцев, которые вновь начали непрерывно стрелять. Похоже было, что даром не пропадает ни один выстрел. Но еще более ясно становилось, что наступающим плевать на потери. Впрочем — это тупое, неостановимое движение трудно было назвать наступлением...

Кто-то из германцев упал. К нему тут же подъехал джип, упавшего подняли, погрузили — причем все это делалось совершенно хладнокровно, перед самым носом орды.

— Что делать? — нервно спросил Борька, мотнув чубом и поправляя повязку. — Я такое первый раз вижу...

¹⁵ Групповой автоматический плазмомет — оружие огневой поддержки, аналог ротного пулемета XX века.

Игорь, легко поднявшись, перескочил в башню и, нагнувшись над ГАПом, передвинул регулятор на автоматику, открыл прицел.

Цепочка германцев оказалась рядом. Один из них, на ходу перезаряжая ИПП, обернулся к мальчишкам и крикнул на родном языке:

— Какого черта стоите? Уходите, мы их не остановим!

— Дядя Фрей! — закричал в ответ Зигфрид. — Это я! Русские пришли?

— А это хорошо! — германец улыбнулся. — Но все равно отступайте с нами!

Игорь ощущал нестерпимую вонь надвигающейся толпы — вонь, смешанную с ментальной пустотой, такой же плотной и ощутимой для него, как запах. У атакующих не было ни мыслей, ни даже инстинктов — только пульсирующая, совершенно нечеловеческая воля — одна на всех. Он поерзал щекой на мягкой поверхности обшивки приклада и надавил клавишу спуска.

Очередь капсул, содержавших плазму — абсолютное дейтериево-тритиевое ничто температурой в миллиард Кельвин — со скоростью 800 выстрелов в минуту вырвалась из скошенного на конце ствола, полоснула по фронту орды, даже не поджигая его, как обычные ИПП либо ИАП — просто испаряя. Танкетка стала отползать задним ходом. Разведка как таковая потеряла смысл.

— Разворачиваемся и уходим, — Игорь оторвался от опустошенного плазмомета, сменил барабан. — Это всё равно что отгонять прутиком осиный рой.

Германцы на ходу запрыгивали в джипы, продолжая стрелять. Что-то звонко ударило в борт танкетки, потом — еще и еще.

— Все внутрь, это мушкетные пули, — Игорь пристегнул к краю шляпы кольчужный шарф, оставив открытыми только глаза. Борька и Степка перемахнули внутрь, подняли щиты гранатометов и прикинули к ним. В конце концов, это была война — то, к чему их всех так или иначе готовили.

— Крокозуб, — спокойно сказал Борька. Огромный черепахоящер неожиданно юрко оказался рядом с танкеткой, из-под пластинчатого панциря выскочила длинная узкая голова... Борька в упор выстрелил из ИПП в шею твари — туда, где она выходила из-под панциря — крокозуб рухнул сразу, словно чучело, из-под которого вышибли подпорки. Лапы рывком втянулись под панцирь, потом — вяло выползли и замерли. Зигфрид плавно увеличил скорость, уже по прямой мчась к траншеям, за которыми подняли два флага: черно-желто-белый имперский и белый с черным орлом — германский.

* * *

Движение перехлестнувшей холмы орды удалось ненадолго задержать управляемыми минными полями, поднимавшими на воздух куски земли вместе с наступающими — и огнем из артсистем и ракетных установок, имевшихся у германцев. Но совершенно ясно было, что вот-вот наступление возобновится.

Оборона латифундии была способна удержать практически любого противника — даже вооруженного танками прорыва и поддержанного истребителями и вертолетами. Но с теми, кто совершенно не способен воспринимать потери — сложнее. Оглядываясь, Игорь даже без бинокля видел, как к центру латифундии — поселку-крепости Нойе Аахен — по дорогам тянутся джипы. Те, кто не способен был драться, спешили укрыться за стенами, оставляя дома, вещи, скот. И мальчишке становилось невыразимо гадостно при мысли, что тупая орда разотрет, уничтожит, испоганит все, созданное за два года упорным трудом и без того несчастных, гордых людей. И если уж это ощущал он — чужой здесь человек, пятнадцатилетний мальчишка — то каково было оглядываться германцам, тоже понимавшим, что остановить врага можно разве что орбитальной атакой, после которой земли латифундии станут непригодными для проживания на долгие годы...

Пионеры станицы держались вместе, на одном участке траншей — правда, Зигфрид

ушел к своим все-таки. Германские мальчишки были рассеяны среди взрослых в качестве подносчиков, помощников, посыльных — у них, у германцев, были несколько отличные от общепринятых взгляды на участие подростков в боевых действиях.

Траншеи были не выкопаны, а вырезаны все в том же известняке, дно выстлано пластиковыми решетками, в скатах — ячейки для боеприпасов. Огневые точки — выложены из мощных гранитных блоков, вполне способных долгое время противостоять плазме. Подобная система обороны на разных планетах — земных колониях — существовала практически во всех населенных пунктах и доставляла немало неприятностей противнику в войнах. Во время Фоморианской войны на англосаксонской колонии Гринвэлл в подобном укреплении группа волонтеров продержалась больше месяца против многократно превосходящего вражеского десанта с техникой...

— Наши вертушки, — Борька поднял голову. Примерно двадцать легких машин — больше половины с германскими орлами, остальные станичные — летели двойным косым клином, вторая группа ниже первой.

— Если их артиллерия не остановила, то вертушки тем более не остановят, — скептически возразил Женька.

— Но здорово идут, — с удовольствием сказал, наблюдая ровный полет, Стёпка. — Нам бы такие в свое время... — он осекся, но на его обмолвку никто не обратил внимания. А вертолеты между тем прошли над группировавшейся ордой — и исчезли за холмами.

— Куда это они? — спросил кто-то. — На разведку, что ли?

— Кого там разведывать, — возразили ему, — вон, все, как на ладони.

Действительно, масса врагов кипела и бурлила метров за восемьсот от укреплений... но в атаку почему-то не шла. Более того, то там, то тут животные начинали метаться, вырывались из общей кучи, бежали к холмам, к лесу — или начинали убивать направо и налево. Грозный рев и вой все чаще и чаще сменялся испуганными и жалобными звуками. Вабиска тоже металась, стараясь не попасться на пути обезумевших — или пришедших в себя — животных.

— Вот и ответ, куда летели вертушки, — спокойно сообщил Игорь, проверяя снаряжение. — Теперь все будет намного проще.

Вертушки вновь вынырнули из-за холмов. Могло показаться, что они возвращаются в полном порядке — но две последних в нижнем клине летели, болтаясь, как раскрученные шаловливым ребенком елочные игрушки, то снижаясь, то рывками набирая высоту. Люди из траншей молча, затаив дыхание, следили за ними, и каждый желал лишь одного — чтобы вертушки дотянули...

Первую вдруг с негромким хлопком охватило пламя. Комком сбилось к хвосту, вытянулось оперением невиданной жар-птицы. Потом вертолет упал — камнем, и пламя окутало его весь. Яркий костер — и в то же время бледное пламя в зеленой траве... Наверное, экипаж до последнего хотел вытянуть... Над траншеями пронесся горестный стон — словно застонал большой, сильный, тяжело раненый человек.

Но главное было сделано. Вместо того, чтобы растрчивать боеприпасы на уничтожение бесчисленных толп животных и разумных врагов, вертолеты обрушили удар на, так сказать, командный пункт вабиска, уничтожив его фугасами объемного взрыва — вместе с большинством офицеров и контролировавших толпу яшгайанов.

Теперь можно были сражаться — сражаться по-настоящему, и ожидание боя превратилось в пытку.

* * *

Игорь задремал, сидя на дне траншеи, куда не доставали лучи взбирающегося все выше и выше Полызмея. А проснулся именно от того, что здешнее настырное солнышко все-таки добралось до него, когда выползло в зенит.

Почти все в траншее дрыхли — кто сидя около стены, кто лежа на настиле. Рядом торчал Женька — куртка обмотана вокруг пояса, жилет он снял и наблюдал за происходящим в бинокль.

— Ты что, загораешь? — сипло спросил Игорь, разминая ноги. Отцепил от пояса фляжку и напился — во рту стоял железистый привкус сна на солнце.

— А что? — вопросом ответил Женька, откладывая бинокль. — Все спят... Хочешь?

Он достал из кармана «Вегу» и протянул шоколадку Игорю, который, поднявшись на ноги, облокотился на край траншеи. Какое-то время мальчишки молча жевали шоколад, передавали друг другу фляжку и рассматривали бессмысленно шляющихся по полю вабиска — одиночек и группы.

— Не нравится мне, что девчонки здесь, — сказал наконец Женька, кивая на спящих подальше девиц. — Приключения — это хорошо, конечно, но воевать должны мужчины.

— А ты чего Лизку не отговорил? — спросил Игорь.

— Отговори, — предложил Женька. — Она же врач почти настоящий, и стреляет — не всякий парень так сможет.

Игорь только хотел сказать, что тогда нечего и страдать, но высокий металлический вой помешал ему хотя бы открыть рот. Полдюжины труб надсадно выли за холмами и, повинувшись этому звуку, лесовики с какой-то инстинктивной целеустремленностью закружились, словно рой пчел и начали стягиваться к холмам.

Слева в траншее звонко подал голос горн. Димка, вскочив, пинком разбудил окончательно взявшегося зевать и шуриться Ромку Редина — пионерского горниста — и тот, поднявшись, подхватил сигнал "к бою!", откинувшись назад и запрокинув к небу веснушчатое лицо. Монотонным ревом откликнулись германские круммхорны. Траншей зашевелились, прорастая отчетливой щетиной штыков, примыкаемых к плазмометам для ближнего боя, синеватыми лезвиями скрамасаксов и зеркальными полосами шашек.

На откос траншеи — на передний скат, обращенный к врагу — поднялась рослая блондинка, одетая в национальный германский костюм, в вышитой головной повязке. Раскинув руки, она запела — сперва негромко, потом — громче и громче, ее голос набирал резкую, почти угрожающую силу...

*Вставайте...
вставайте...
вставайте, братья...
вставайте, братья...
Дом за спиной.
Свет в окне.
Будьте со мной,
защитой мне.
Мать у крыльца
смотрит мне вслед.
Слава отца —
Память побед.
Черный орел
крылья простер,
тяжким быком
шествует гром.
Если паду
В жарком бою —
Помни, мой род,
Славу мою!
Вставайте! Вставайте!
Вставайте, братья!*

Слитный, металлический лязг поднялся над траншеями. Германцы с отрешенно-остервенелыми лицами били скрамасаксами по стволам оружия — быстрее, быстрее, быстрее, производя бешеный, гипнотизирующий шум. Девушка спустилась обратно в траншею...

За холмами вновь взревели, застонали трубы. Очевидно, это был сигнал, потому что толпы лесовиков вдруг застыли... и словно бы выбросили в сторону траншей черные острия.

Атака началась.

8

Ни одна нормальная армия так не атакует. Это просто невозможно — атаковать сомкнутым строем, когда навстречу стреляет все, что угодно, от артиллерийских орудий до ИПП. Но наступающие и не были армией. Весь их первый вал poleg начисто — трупами, кусками, ключьями, ошметками, а частью — просто испарившись. Но шедшие позади продолжали напирать, совершенно не соотнося происходящее с реалиями смерти. Огонь, способный остановить современную армию, не мог заставить поколебаться фанатичную, жаждущую убийства толпу.

На Игоря градом сыпались отстрелянные «стаканы» киберстрелка — ворочая башней, боевая машина, присев на расставленной треноге, методично косила наступающих картечью. Стоящий возле нее на коленях мальчишка лупил по вабиска из такого же, как у Игоря, ИПП.

Игорь сменил магазин, быстро подвыдернул из ножен тесак, проверив, как он ходит туда-сюда. Избиваемая волна лесовиков свалилась в ложбинку и вынырнула из нее в двухстах метрах от траншей. В основном наступающие были вооружены холодным оружием, но в руках у некоторых видны были ружья и пистолеты. Защитного оружия — никакого...

Игорь в бешеном темпе опустошил подствольник, выпустив все пять термобарических гранат — они разрывались клубками багрового пламени. Справа Женька стрелял из «бича» кассетными боеприпасами — разрывы разбрасывали по фронту осколочные «субы», и те, взрываясь в свою очередь, накрывали сплошняком целые участки. Из дыма и пламени вырывались вабиска, размахивающие оружием — многие бежали, поливая землю кровью из страшных, явно смертельных ран.

Сумасшедшие глаза Степки — в две трети лица, ствол его «ижа», выплевывающий плазму. Чей-то истошный крик:

— Бей через головы!!! — и еще чей-то:

— Йа-а-а-а!!!

Игорь сорвал с ремня ручную гранату, не глядя, запустил ее в наваливающуюся толпу, пахнущую резким чужим страхом и яростью. Забросил левой за спину ИПП, выхватил свой РАП, правой — тесак. Вскинул РАП, выстрелил, как показалось, в упор в голую грудь, в пятна боевой раскраски — вабиска вспыхнул, его бросило назад, под ноги набегающим следом. Игорь сунул ногу в нишу для оружия, выскочил на бруствер. Выстрел! Еще! Подбегавший слева скорчился и дико взвыл — заряд картечи из подствольника Женьки разворотил ему живот. Тиу! Тиу! Ствол РАПа подергивался. Справа раненый в ноги вабиска опрокинул казака и пытался вырвать у него ИПП, которым человек прикрывался. Катька вложила в ухо вабиска ствол своего РПП, выстрелила... повернулась, выстрелила еще, еще...

Серовато-коричневое, чем-то похожее на большую мозоль лицо, странные голубоватые зубы под вздернутой узкой губой. В руках — широкий, полумесяцем, топор. Черный полумесяц в белом небе... вонь, вонь, вонь... Удар едва не вырвал тесак из ладони — "кrrrrракк!" — и словно распорили мешок с нечистотами, пахло свежей кровью... Топор перевешивает вабиска с раскроенным черепом валится назад, так и не обрушив своего страшного оружия...

Германец лежит на спине., вабиска, пробив броню горжета, бьет и бьет в горло ножом, кровь брызжет — человек, кажется, уже не живой... сзади на спину вабиска прыгнул кто-то из пионеров, сверкнул в кулаке нож, и мальчишка завалил содрогающегося туземца вбок — из перерезанного горла била кровь... но на спину парню, между лопаток, обрушился топор, и тот рухнул поперек германца, слабо завозился, и второй удар топора пришелся в левое плечо.

Кто?!. Шашка в руке Тошки Одинцова — ззыхх! — снесла вабиска голову. Игорь уклонился от удара в упор, пристрелил еще одного. Другой обрушил ятаган, но местная сталь раскололась об уральский булат, а в следующую секунду вабиска рухнул, на колени в грудь своих кишок. На какой-то миг Игорь увидел отца Зигфрида — херцог фон Брахтер шел напролом, как танк, крутя длинный прямой цвайхандер и оставляя позади себя трупы и искалеченных...

— Помощь! Помощь! — заорал кто-то так, что перекрыл шум рукопашной. Потом в этот шум врезался звук кавалерийского горна — и напор лесовиков явно ослабел.

Отскочив чуть назад, Игорь покрутил головой и облегченно перевел дух. В километре с права, закрывшись цепочкой боевых машин, наступал строй легкой пехоты Алых Драгун. А поближе из ложины вырывались и разворачивались по фронту, колено к колену, две колонны всадников. Левая — на легких шлемах колыхались султаны — явно была из охраны латифундии Довженко-Змая. Правая — в накидках из волчьих шкур — кавалерия Алых Драгун. Впереди сдвоенной колонны скакал человек в тяжелой бурке и черной папахе; он взмахнул рукой, и над конным строем синими языками пламени вспыхнули слегка изогнутые лезвия шашек. Донесся протяжный, слитный рев-стон атакующей конницы, страшный и зовущий:

— Ы-ыр-р-р-р-а-а-а!.. а!.. а!..

Навстречу им во фланг из распадка между двух холмов вдруг выплеснулась яркая, сияющая бронзой, волна регулярной иррузайской кавалерии — над ней неслись штандарты с силуэтом летящей птицы. Земляне слитно изменили бег, столкнулись — и боевой клич сменился лязгом и ревом конной сшибки. Полминуты — вабиска были смяты, штандарты пропали, и часть землян уже преследовала бегущих, а остальные быстро и как-то плавно врубались в пешую орду.

Странно — не отступавшие перед плазмой и картечью враги начали метаться...

В траншеях трубили контратаку. Теперь можно были отпустить бегущих на сотню метров и расстреливать их без пощады; люди запрыгивали в подкатывающие из тыла джипы, выставляли стволы...

...Полызей нижним краем коснулся горизонта. Вся равнина — от траншей до холмов — была покрыта трупами, и над полем битвы стоял сплошной непрерывный стон. Те из раненых вабиска, кто мог, выбирались из груд тел, но многие умирали на месте, так и не дождавшись помощи землян, которую приказано было оказывать побежденным.

Русские и германцы разыскивали своих. Нельзя бросить ни раненого, ни убитого. Умереть может каждый — и каждый должен знать, что в этом случае его тело не останется лежать среди чужих.

Игорь впервые видел, как собирают трупы после настоящего боя. И не сказать, что увиденное ему понравилось.

Он вернулся к траншее как раз когда Тошка и Борька, непрерывно ругаясь, растаскивали трупы. Стоявшая рядом Тоня Носкова плакала, прижав к лицу смятую шляпу, тут же молча замерли еще несколько девчонок.

— Вот он, — сказал Тошка, и Борис сдавленно охнул. В четыре руки они вытянули из-под трупов вабиска... Димку. Только теперь Игорь понял, кого убил топором лесовик.

— Убит, — сказала Лизка. — Позвоночник раздроблен, легкие повреждены, ребра переломаны... и сердце лопнуло.

Тоня закричала — дико, подняв лицо к небу. Игорь подошел к ней и взялся пальцами за

виски...

Убит. Димка Андреев убит. Он должен был лететь на Землю — учиться... Игорь увидел, что подошел Андреев. Плечо офицера было перевязано, но он смотрел только на сына, вытянувшегося на земле. Потом медленно наклонился, встал на колени и погладил мертвого по волосам — так, как, наверное, никогда не делал при жизни — чтобы не расхолаживать будущего мужчину.

А теперь Димке было уже всё равно.

Игорь почувствовал, что больше не может смотреть. Нет, не на пепельно-серое, залитое кровью из рта лицо Димки, а именно на движение руки его отца — руки, тоже покрытой засохшей кровью, но чужой.

К группе землян подошел вабиска — запрокинув голову, шатаясь. Его шею и часть щеки покрывал вспухший ожог, глаза были закрыты. Очевидно, он даже не очень понимал, куда и зачем идет. Тоня вдруг коротко вскрикнула и, выхватив ТКЗ-70, вскинула его... но Лизка перехватила руку старшей девчонки, выбив оружие:

— Не смей!

— Оставь! — Тоня дернулась. — Я убью его!

— Не смей, — повторила Лизка. — Мы — не они. Мы в государстве живем, а не в племени, — и, подойдя к вабиска, силой усадила его, начала осматривать ожог...

Игорь повернулся и пошел куда глаза глядят, вдоль траншеи, стараясь думать только об одном — где ему помыть руки.

Он почти споткнулся о Женьку — тот лежал, выкинув вперед руки с ИПП, штык на котором был черным от крови. "Только и не он еще!" — подумал Игорь в ужасе, но почти тут же почувствовал, что Женька — живой. Встав на колени, Игорь начал приводить друга в чувство, и тот почти тут же очнулся. Сел, огляделся, подмигнул Игорю и сипло сказал:

— Эх, не видел ты меня в драке... Как меня били...

— Жень, — прервал его Игорь, и добавил, отвернувшись: — Димку убили.

9

"Джет" летел на северо-восток. Полулежа на пилотском месте, Игорь следил за электронной картой, тихо посвистывая сквозь зубы.

Он улетел чуть ли не с поля боя, одолжив «джет» Зигфрида и никого не взяв с собой. Ему срочно необходимо было увидеться с генерал-губернатором, по-прежнему находившимся в Кухлоне — уже в полете Игорь связался с ним и оговорил встречу, как крайне необходимую. Все-таки хорошо принадлежать к дворянскому братству...

"Джет" давно уже набрал подлую скорость и высоту, он шел среди вечных облаков в серии мгле. Игорю вспомнились прошлогодние гонки на Марсе, где он выступал за лицей — фиолетовое небо пятнадцатикилометровой высоты, в котором врасыпную шли к финишу полсотни машин. А потом почему-то вспомнился Димка. Димка, которому надо было жить.

* * *

Интерлюдия: разговор 16

— *Мамочка,*
Когда люди умирают?

— Когда им надоест
Жить.
— *Значит, мы с тобой будем
Всегда?*
— Да.
— *Правда, тебе не надоест
Никогда?*
— Никогда.
Пока...
Я буду тебе нужна.
— *Значит, всегда!*

* * *

Генерал-губернатор отделал Кухлон на полную катушку. Игорь даже заподозрил, что из какой-то личной — не вполне понятной, но веской — причины. Иначе никак нельзя было объяснить то, что значительная часть города представляла собой нерасчищенную стройплощадку.

Игорь приземлился с пике на полевой аэродром, где стояли «финисты», «хорсы», «мили» и «Ка» ополченцев. Прямо отсюда было видно, как машины гражданских строителей расчищают развалины — похоже, началась постройка нового Кухлона. Швырнув шлем на сиденье, Игорь соскочил на пружинящий настил, небрежно залитый прямо поверх развалин — и увидел генерал-губернатора.

Довженко-Змай был совершенно один. И стоял совсем недалеко — совершенно неотличимый от своих же ребят, с которыми взял Кухлон "на штык". Шлем — под мышкой, в нем — перчатки, через плечо — ИжК-88. Он издали изучал тоже одетого по-полевому Игоря. Мальчишка не знал этого, но выглядел он сейчас скорее не подростком, а офицером, прибывшим прямо с поля боя.

Да, Игорь этого не знал и, подходя к генерал-губернатору, не мог избавиться от неприятного ощущения — что попал под прицел. Ощущение усиливалось тем, что тот ничего не говорил. Игорь невольно перешел на строевой шаг и, остановившись за пару метров, отдал честь, задев свисающий край кольчужной кисеи.

— Напоминаю, мы на «ты», — Довженко-Змай сделал жест, приглашая Игоря следовать рядом. — Что у тебя такого срочного?

— Я сутки не ел, — сказал Игорь. — Ты бы не мог меня накормить?

— Конечно, — безо всякого удивления ответил генерал-губернатор. — Пошли, тут недалеко.

Больше он ничего не спрашивал. Полевая столовая Алых Драгун располагалась под легким тентом в самом деле очень близко. Над Кухлоном занималось утро, за столами никого не было, но генерал-губернатор просто указал на автомат:

— Бери, что хочешь, — и сам взял себе кофе.

Игорь взял отбивную с картошкой и луком, кофе и два бутерброда с ветчиной. Они сели за крайний стол, и Довженко-Змай и, допив свой кофе чуть ли не залпом, спокойно ожидал, пока Игорь поест.

— У нас и на границах Фелькишер Ланд — победы, — сообщил наконец Игорь, отставив пустую тарелку.

— Я знаю, — кивнул Довженко-Змай.

— А знаешь, что эти победы ничего не стоят? — в упор спросил Игорь — и сильно удивился про себя, когда генерал-губернатор снова наклонил голову.

— Знаю, — помедлил, вдруг улыбнулся и предложил: — Знаю, но ты расскажи мне.

— Все это затеяно, чтобы отвлечь моих людей от картографирования и изучения

местности, — медленно заговорил Игорь, оценивая и выверяя каждое слово, хотя еще в полете обдумал, что скажет. — Лесовиков иррузайцам не жаль, они будут их натравливать снова и снова, здесь и там. Потери наши минимальны, — Игорь сделал над собой усилие, чтобы сказать это спокойно, — но время уходит, время. Нужно обеспечить нормальные условия работы.

— Как? — спросил генерал-губернатор, и Игорь снова почувствовал себя в лицее на экзамене. Он мог бы поклясться, что собеседник отлично знает ответ. Что он тут делает вообще? Кому собрался советовать? Но отвечать было надо...

— Следует задействовать подразделения пластунов Алых Драгун. Пусть проникают на территорию врага. Дать им приказ убивать лидеров Иррузая. Нельзя убить Уигши-Уого? Пусть убивают яшгайанов и высших офицеров. Пусть сжигают, взрывают, травят, подкупают...

— Кто погиб? — вдруг спросил Довженко-Змай. — Друг? Или... девушка?

— Друг, — коротко ответил Игорь, хотя Димка не был ему другом. — Это можно сделать?

— Да... Больше того, это уже сделано. У меня образовалась уже некоторая агентура, она поможет. Продажная, конечно, но, пока платят, работать будут исправно. — Генерал-губернатор с интересом смотрел на Игоря. — Что еще?

— Еще... еще, — Игорь вздохнул. — Еще на той стороне есть фоморы.

— Знаю, — лицо генерал-губернатора не дрогнуло. — Если помнишь, о чем-то подобном мы и раньше подозревали. Но мы не знаем, чего они хотят. Мы понимаем их даже хуже, чем дайрисов.

— Уничтожить нас, чего они еще могут хотеть? — удивился Игорь. Генерал-губернатор по-мальчишески фыркнул:

— Глупости. Они уже пытались и убедились, что нас много, мы сплоченные и сильные, у нас есть союзники... Но, может быть, они собираются как-то поработить нас ментально, а здесь, на Сумерле, обкатывают, столкнувшись с Иррузаем, методики воздействия на массы.

— Похоже на то... — Игорю вспомнилась катящаяся волна вабиска и животных совершенно не обращающие внимания на огонь. Так наступают или фанатики — или в самом деле ментально обработанные... но животное не может быть фанатиком. — А с этим-то что делать?

— Не знаю, — ответил Довженко-Змай, после чего Игорь недоверчиво улыбнулся, и генерал-губернатор полусердито-полушутливо огрызнулся: — В самом деле — не знаю! Но фоморы сами по себе здесь не сила. Отвлечем вабиска — и им тоже станет не до нас.

— Еще неплохо бы организовать зоотеррор — бить их их же оружием, — продолжал Игорь. — Но... как я понимаю, это вне наших возможностей?

Впервые за весь разговор Игорь понял, что собеседник заинтересовался — сильно заинтересовался, даже налег грудью на стол.

— Ты мои отчеты читал? — спросил он. Игорь кивнул. — Значит, плохо читал. Собирайся, летим в Озерный.

— Зачем? — удивился Игорь.

— Познакомлю тебя с шефом Отдела Колониальной Безопасности по Сумерле. Он мой старый друг, мы учились в одном лицее — правда, он старше... Вместе будем думать.

В Озерный они прилетели ближе к вечеру. У Игоря ото всех этих прыжков через временные пояса начала гудеть голова, он даже не удивился тому, как ловко Довженко-Змай ведет на четырех звуках «хорс», в который они уселись.

Не удивился он и тому, что управление ОКБ располагалось в комплексе зданий, принадлежавших Российской Императорской Академии Наук под вывеской "Комитет

Ксенологии". Колониальная Безопасность обожала скрываться за такими безобидными названиям.

Генерал-губернатор чувствовал себя тут совершенно спокойно и свободно. Кивком пригласив Игоря за собой, он вошел в самую обычную контору, где, несмотря на поздний час, работали за столами вполне гражданского вида люди. Больше того — судя по голограммам и стендам на стенах, а так же обрывкам разговоров — они и правда занимались ксенологией. Однако, генерал-губернатор что-то вполголоса сказал одному из этих занятых господ — и тот, кивнув, указал подбородком на дверь в глубине помещения.

За дверью оказалась тоже вполне обычная приемная — двухдверная. Судя по табличкам, за одной, из дверей находился шеф Комитета, а за другой — его референт, некто Д.М. Дергачев.

— Подождем, — сказал Довженко-Змай и, расхаживая по комнате, начал рассматривать все те же голограммы с таким интересом, словно до этого никогда не видел вабиска. Игорь позволил себе присесть на край стола — и внезапно ощутил, насколько они с генерал-губернатором неуместны здесь в своем снаряжении.

Только об этом он и успел подумать, дверь кабинета референта бесшумно уехала в сторону, и в приемную вошел мальчишка — примерно ровесник Игоря, пониже, рыжеватый, одетый в просторную рубашку, заправленную в подпоясанные широким ремнем джинсы, кеды; подбородок мальчишки и место между бровей пересекали ямочки, левая рука — от пальцев до локтя — вошедшего была защищена титановой крагой, на которой, нахохлившись, сидел ястреб — огромный модификат, нахохлившийся и спокойный.

Держа птицу на руке перед грудью без малейшего усилия, мальчишка сместился в сторону и встал у стены, не сводя с посетителей немигающих, очень взрослых и жестоких янтарных глаз, похожих на глаза ястреба на его руке.

— Привет, Тимка, — дружелюбно сказал генерал-губернатор, переставая наконец мотаться по комнате и поворачиваясь на каблуках.

— Доброй ночи, господин генерал-губернатор, — шевелились только губы, и Игорь серьезно заподозрил, что перед ним уцелевший от последнего десятилетия перед Галактической Эрой андроид. — Дмитрий Михайлович ждет вас и господина Муромцева.

Дергачев был типичнейшим русским, классическим — высоким, стройным, плечистым, светло-русый и сероглазый, с чуть курносый носом и крупным ртом для него Игорю пришлось излагать свои соображения снова. Довженко-Змай молчал, а Игорю было неловко — ведь ясно же, что генерал-губернатор все продумал и начал действовать еще до того, как он, Игорь, явился в расстройстве чувств в Кухлон.

— Возможности ОКБ не столь узки, как вам представляется, сударь, — сказал Дергачев, когда Игорь изложил все и умолк. — Мы, конечно, не ОВИ, не ОВБ, не КГБ и не ДРУ,¹⁷ но все-таки... Вы имели когда-нибудь дело с параволками?

— Я видел их несколько раз, — осторожно ответил Игорь, — и слышал, как они разговаривают, но...

— Ясно, — кивнул Дергачев. — Тимка? — повысил он голос. — Пригласи к нам штабс-капитана Файта, — мальчишка кивнул и исчез. "Файт, англосакс? — удивился Игорь. — Почему штабс-капитан?" — Видите ли, сударь, — он снова обратился к Муромцеву, — вы и в самом деле невнимательно читали отчеты Сергея. Там как раз упоминалось, что на Сумерле наши фермеры успешно сотрудничают с местными волками — они от земных совершенно не отличаются.

— Дмитрий Михайлович, штабс-капитан Файт, — сказал, появляясь в дверях,

¹⁷ Аббревиатуры спецслужб Русской Империи: ОВИ и ОВБ — отдела Военного Министерства (Внешней Информации — разведка, и Внутренней Безопасности — контрразведка), КГБ — Комитет Государственной Безопасности, гражданская служба безопасности, ДРУ — Дипломатическое Разведывательное Управление, разведка Министерства Иностранных Дел.

мальчишка и снова отступил в сторону.

В кабинет вошел огромный серый волк.

— Штабс-капитан Файт, — сказал Дергачев, — Его Императорского Величества служба собак.

Волк фыркнул, мотнул головой. На шее у него был широкий ошейник в цвет шерсти.

— Господа Довженко-Змай и Муромцев, — представил Дергачев других людей.

— Рад, — сказал волк. Точнее... не совсем сказал. Он — да — открыл пасть, но голос шел из ошейника. Ларингофон... — Файт. Волк. Не собака, — он покосился на хозяина кабинета. Огромный волк с выпуклым лбом и жесткими, умными глазами профессионального военного.

— Файт, что ты думаешь о местных волках? — спросил Дергачев.

— Умные. Для простых.

— Можешь повести их за собой?

— Легко, — голос волка не имел интонаций, но странным образом прозвучал безапелляционно. — На Иррузай?

— Да, — кивнул Дергачев.

— Они боятся иррузайцев. Но ненавидят. Сильнее. Да. Это легко. Но лучше — пусть идет и Бельков. Тоже. Поможет.

Игорь смотрел на говорящего волка без особого интереса. Правильней сказать — он не воспринимал параволка как "говорящего волка". Это было ни в коем случае не животное, а скорее негуманоидное разумное существо, более разумное, чем многие из инопланетных рас, офицер на императорской службе.

Мальчик зевнул и смутился — на это обратил внимание генерал-губернатор и поинтересовался, обращаясь на "вы":

— Сколько ночей ты не спал?

— Сейчас третья, — признался Игорь. — Но это ничего, я могу и дольше.

— Ни к чему, — решительно заявил Довженко-Змай. — В приемной — диван — ложись и отсыпайся. Сюда никто не придет без вызова... а вызывать нам некого.

— Бельков, — напомнил Файт.

— Он поднимется лифтом, — сказал Дергачев, — можете спать спокойно, Муромцев.

— Только один вопрос, — Игорь вздохнул, — кто такой Бельков?

— Полицейский капитан, мой хороший знакомый, — объяснил генерал-губернатор.

— Полицейский? — недоуменно спросил Игорь, уже собравшийся было идти. — Зачем в этом деле гражданская полиция?

— Он не только полицейский, он еще очень хороший охотник, — ответил Довженко-Змай.

* * *

Расходиться начали около трех часов ночи, обсудив подробно контрмеры по отношению к Иррузаю. Генерал-губернатор вышел в приемную, натягивая перчатки.

Игорь спал, ровно и почти неслышно дыша. Ноги в ботинках стояли на полу, левая рука тоже свесилась с низкого дивана, правая лежала на кобуре — открытой, мальчишка всунул ее между собой и спинкой дивана. Игорь запрокинул голову на валик, под загорелой кожей шеи тяжело пульсировали артерии — похоже, ему снился кошмар, хотя смуглое лицо мальчика было спокойным.

— Борька, быстрее, — вдруг сказал он и сел, открыв глаза — словно и не спал. Спросил:

— Уже закончили?

— Да, — генерал-губернатор сунул руку в карман, достал небольшой кластерник. — Держи. Это надежней твоей карманной пушечки... и даже твоего РАПа. Бесшумен. Сорок

зарядов. Спуск легкий.

— Серебряные диски? — осведомился Игорь, принимая оружие. — Можно я слегка похулиганю?

Генерал-губернатор сделал широкий жест — и тут же Игорь нажал на спуск. Серебряная молния перечеркнула комнату. Коротко стукнул в дерево металл; Игорь сделал несколько шагов и наклонился к двери. В обшивке, войдя до половины, торчал острый серебряный диск. Игорь повернулся к генерал-губернатору. Тот откровенно скалился, даже глаза смеялись — что с ним бывало редко.

— Да, хорошая штука, — согласился Игорь.

Глава 5 Квест

*Нас, изжаждавшихся, звал горизонт,
Обещая нам сотни путей.
Мы видели их и слышали их -
Те пути на краю земли...
И вела нас Сила превыше земных.
И иначе мы не могли...*
Дж. Р. Киплинг

1

Наугад выбрав из вороха донесений, которыми был завален стол, одно, Уигши-Уого пробежал его глазами. Все то же... Волки, огромные стаи волков, нападающие даже на селения, и это летом... Взрывы, убийства. Похоже — даже измена, изъятое русское золото — и снова пожары, убийства...

Уигши-Уого отшвырнул бумагу и с трудом удержался от ругательства вслух. Последняя неделя поселила в нем чувство, которое испытывает боец, сражающийся с завязанными глазами — и боец этот в тем большей растерянности, что до этого все складывалось успешно, ему уже казалось, что он нашел, нашел противоядие от болезни, именуемой «русскими»! Но противоядие обернулось новым этапом развития болезни, с легкостью приспособившейся к лекарству и поставившей его на службу себе.

Да можно ли их вообще победить?!

Уигши-Уого прошептал короткую молитву — просьбу о прощении за сомнение. Они не могут быть сильнее. НЕ МОГУТ. Не могут быть сильнее Священной Птицы, не могут быть сильнее его, — раба Священной птицы. Они всего лишь смертные, возмнившие о себе... всего лишь смертные... Немного успокоюсь — и все.

Он снова взял одну из бумаг. Это было донесение о гибели отряда Сапити. Большой, хорошо оснащенный отряд под командой старого друга Уигши-Уого, опытного офицера-пограничника, остановился недалеко от ничейных земель, защитившись всеми мыслимыми и немыслимыми средствами — от завалов до мыслематрицы. В живых остался только мальчишка из разоренного селения, совсем недавно принятый Сапити в отряд. Он и рассказал, что лагерь атаковали на рассвете сразу с нескольких сторон — часовые тревоги не подняли, никто ничего не почувствовал. Большинство воинов были убиты сразу, раньше, чем успели проснуться. Остальные — около гуххов, где их тоже ждали. Похоже, все нападавшие обладали ночным зрением. Мальчишка сумел спрятаться между двух трупов и описал нападавших — он видел двоих в бурой одежде, с черной гладкой поверхностью вместо лиц, эти двое прошли по лагерю, добывая раненых...

— Прямо демоны, — пробормотал Уигши-Уого. "Черная гладкая поверхность" — это специальный прибор, чтобы видеть ночью. Уигши-Уого имел такой, снятый с убитого в

болотах бледнолицего. Прибор довольно быстро перестал работать и лежал просто как любопытный экспонат. Демонического в физической природе белолицых нет, это он понял давно. Кое в чем они даже уступают вабиска — не всем, конечно, но хорошо подготовленным офицерам-пограничникам — точно.

Их сила в технике — технике Пещерного Змея, которой нельзя овладеть, не продавшись Змею. Значит, должен быть еще какой-то путь...

* * *

С утра прошел короткий, бурный и теплый дождь, земля после него дышала сыростью и запахом грибов. Они — грибы — тут были такие же, как и на Земле, но меньше всего в это утро Игоря волновали загадки земноподобности некоторых планет Галактики, хотя когда-то он читал Алана МакКриммонса, крупнейшего специалиста по этим загадкам...

Они со Степкой стояли около могилы Димки. На восьмигранной гранитной плите лежали свежие цветы — их только что принесли девчонки. Они пришли на могилу всей компанией, но остальные ушли быстрее — на совет отряда, который должен был утвердить кандидатуру Борьки на должность начальника штаба. Игорь остался, и Степка остался тоже, хотя сперва Игорь не заметил этого — тот походил между могил, Игорь почувствовал его только когда он подошел и встал за плечом.

— Я не заметил, чтобы вы с ним были особыми друзьями, — тихо сказал он, когда Игорь, вздохнув, поправил цветы и отвернулся от могилы.

— Те, кто погибли в Ставрополе — все были твоими друзьями? — спросил Игорь. Степка помолчал, закурил «беломор» и только тогда задумчиво ответил:

— У них нет могил... Я бы хотел там побывать.

— Побываешь, если захочешь, — равнодушно отозвался Игорь.

Степан вынул изо рта сигарету, перекрестился на могилу...

...— Ты веришь в бога? — спросил Игорь, уже когда они вышли с кладбища и шагали по аллее, где несколько мальчишек гоняли мяч, а еще один чинил электро.

— Не знаю, — вздохнул Степан. — Я столько раз молился... и все равно. Но отказаться как-то... — он замялся, пожал плечами: — У вас тут, я гляжу, верующих нет.

— Есть, но мало, — возразил Игорь. — Зачем?

— Игорь, — вдруг необычайно серьезно сказал Степан, — а как же это?..

— Что? — уточнил Игорь, глядя, как покачивается в ветвях дуба оборвавшийся змей в яркой раскраске.

— Ну. Смерть. Что после нее?

— Ничего, — пожал плечами Игорь. — Совсем ничего.

Степан передернулся:

— Страшно.

— Да нет, не думаю, — решительно возразил Игорь. — Смотри сам. «Ничего» не может быть страшно, потому что это... ничего. Я умру и мне будет все равно, что и как. Но на самом деле важно другое.

— Что? — жадно спросил Степан, даже замедлив шаг.

— Вот ты там, в свое время, потерял родителей. Вообще все потерял. Мне такое и не снилось. Почему ты не ушел, скажем... ну, в монастырь? Монастыри, я слышал, сохранились... Не сразу, а когда подрос? Ты же драться стал. Зачем?

— Скажешь — в монастырь, — засмеялся Степка. — Они же там все голубые.

— Ну, я не знаю, — слегка озадаченно ответил Игорь. — Мне почему-то казалось, что они в черном ходят... И потом, тебе что, голубой цвет так не нравится?

— А при чем здесь цвет? — тоже озадачился Степка. — Оглянуться не успеешь, как тебя тоже голубым сделают, там это быстро.

— Постой-постой, — Игорь прищурился. — Быстро, глядя в глаза, вопрос на засыпку: что ты имеешь в виду, когда говоришь "голубые"?

— Ну... — Степка вдруг смутился. — Это...

— Случайно не гомосексуалистов? — подозрительно спросил Игорь.

— Ага, — Степка все-таки отвел глаза.

— Так вот ты про что?! — Игорь расхохотался. — Я-то голову ломаю, чем ему этот цвет не угодил! Так их в ваше время голубыми называли?! — Степка тоже заулыбался, но Игорь вновь посерьезнел: — Ладно, черт с ними. Не в монастырь. В банду. В лес, в тундру, к черту-дьяволу — не важно. Просто почему ты выбрал то, что выбрал? Кадет "РА".

— Потому что я хотел воевать, действовать... — Степка потер висок. — Я хотел, — тщательно подбирая слова, пояснил он, — сражаться за правое дело, а не жевать казенную овсянку из милости.

— Вот только это и важно, — вздохнул Игорь. — То, что мы делаем. Что после себя оставим, понимаешь? И чем больше человек делает — тем меньше он боится смерти. Мы стараемся жить так и не приписываем своих успехов господу... но и неудач на него не сваливаем... Слушай, давай пробежимся до "Барана и вертела", я устал уже просто так идти!

Степка улыбнулся:

— Давай!

2

Запущенная Игорем машина в самом деле работала без перебоев, поставляя все новую и новую информацию. Поэтому — стояла середина августа, до конца здешнего лета оставалось даже по календарю еще полтора месяца, а фактически — и того больше — Игорь начал готовить свою собственную экспедицию. С дальним прицелом на юго-запад, чтобы пройти до Третьего Меридиана. Фактически эта экспедиция была бесполезна, но Игорь собирался удовлетворить исследовательский зуд. К полному, единодушному одобрению всей его команды.

Для экспедиции был выбран лесоход «индрик». Жуткая 69-тонная глыба титаново-стале-композитной брони размером с хороший дом, сверху походившая на ромб. В носовом бустере, рядом с местом водителя, стоял проходческий лазер. На носу же были смонтированы бульдозерный нож, ковш, траншеекопатель, гигантская дисковая пила и захваты для бревен — управлялось все это хозяйство с двух мест тоже рядом с водителем. В башнях наверху стояли 1.52-миллиметровая инженерная пушка и ротор среднего калибра. На корме — под специальными крышками — в гнездах крепились Ка-117 и моторная лодка. Жилой отсек позволял легко разместить десять человек экипажа, транспортный — полугодовой запас продуктов и обеспечения для этой десятки на тот же срок, плюс лошадей или электро. Все это развивало на ровном месте пятидесятикилометровую скорость, а в густой лесной чаще — могло двигаться со скоростью в семь километров. Машина без подготовки пересекала любые водные преграды вплавь с той же скоростью, могла легко выдержать погружение на километровую глубину, абсолютный нуль и — в течение 2–3 часов — +5 тысяч С.

Подготовка к экспедиции занимала практически все время. Лесоход стоял возле штаба, вызывая всеобщий интерес — и в скором времени Игорь потерял счет перемещениям и перестановкам, которые он и его команда произвели в грузовом отсеке этого чудовища, без конца перекладывая, убирая, добавляя, утрамбовывая, раскладывая, сверяясь со списками, в которых чернил и карандаша скоро стало больше, чем бумаги. Все ругались, и никто не признавался, насколько это увлекает.

Состав экспедиции был сплошь несовершеннолетним, но родители поголовно считали, что ребятам не мешает прогуляться — а то до школы осталось всего полтора здешних месяца (пол-августа и серпень), а тут то лесной пожар, то война — некогда и отдохнуть молодежи.

Пусть разомнутся по лесам. Тем более — Муромцев с ними, а этот парень — природный лидер, недаром учился в лицее и имеет дворянство.

Игорь рассчитывал пройти около двух с половиной тысяч километров и вернуться другой дорогой, исследовав «шикарный» по выражению Борьки, кусок южных лесов, куда до них никто не совался — и, может быть, даже перевалить через Третий Меридиан. Туда не заходил даже Драганов, а карты тех мест имелись только аэрофотосъемки и космической разведки, самые общие.

* * *

Дзюба прилетел в станицу ближе к вечеру — наутро собирались отправляться. Прилетел на старом ранце-вертолете, в гордом одиночестве, сел прямо перед "Бараном и вертелом" и вошел в меблированные комнаты раньше, чем Игорь выглянул в окно — посмотреть, кто прибыл.

— Сидеть, — приказал губернатор таким голосом, что Игорь невольно плюхнулся обратно на стул. — Выйди, — это было обращено к Степке, который щелкнул каблуками и удалился, так отточено двигаясь, что губернатор невольно проводил его взглядом и, присаживаясь сам, спросил: — Где взял?

— С Земли, сын одного из наших слуг и мой друг, — ответил Игорь. — Чем обязан, сударь?

— О, — Дзюба покачал головой. — У тебя сейчас глаза, как у него — невинные и нахальные.

— У кого? — искренне удивился Игорь, вставая.

— У Его Светлости генерал-губернатора! — гаркнул Дзюба, и его породистое лицо с баками напряглось, застыв маской. — У Сергея Кирилловича Довженко-Змая, к которому вы, сударь, обращались через мою голову!

— То, что вы втрое старше меня, сударь, еще не дает вам права повышать на меня голос! — глаза Игоря опасно сверкнули, узкое смуглое лицо ожесточилось. — Если бы я знал, что вы столь щепетильны в вопросах чинопочитания, — вы бы не дождались моего согласия на ту работу, которую я сделал — да, сделал, сударь!

— Вы осмеливаетесь разговаривать со мной в таком тоне, сударь?! — загремел Дзюба.

— Да, сударь!

— Я не ослышался, сударь?!

— Ничуть, сударь! — яростно подытожил Игорь. Несколько секунд мальчишка и мужчина мерили друг друга взглядами — и воздух тихо звенел. Между металлическими ножками стула, с которого встал Игорь, проскочила с треском длинная синяя искра, и этот щелчок, заставивший вздрогнуть обоих людей, словно бы снял напряжение.

— Прошу извинить, — Дзюба как-то обмяк и, указав на стул, присел сам. — Я был у генерал-губернатора.

— Неужели он... сделал вам выговор, Ярослав Ярославович? — тихо спросил Игорь, не сядя, а опершись на стул позади себя ладонями.

— Он приказал мне передать то, что ему сообщил шеф ОКБ, — губернатор вдруг тяжело вздохнул. — Мальчик, тебя хотят убить. Ты действительно сделал то, что сделал. Уигши-Уого это знает. И, похоже, он понял, что помешать не может... но иррузайцы мстительны. Он отдал приказ убить тебя.

— Я не боюсь, — сказал Игорь, хотя, признаться, ощутил под ложечкой неприятное посасывание, но в то же время это ощущение перекрыл мальчишеский восторг — на него объявлена охота! Это казалось даже лестным, как бы признанием заслуг.

— Мне кажется, ты, мой мальчик, просто не понимаешь всего, — медленно сказал Дзюба.

— Меня уже пытались убить, — улыбнулся Игорь, — не думаю, чтобы у них

получилось, как они не старайся.

— Ты знаешь, как погиб отец генерал-губернатора, владелец латифундии Довженко-Змаев? Меня тут тогда еще не было, мне рассказали... — Дзюба задумался, глядя мимо Игоря остановившимися глазами. — Его убили в селении, где он гостил. И это было не первое покушение. Они долбили в одну точку, пока не добились своего, и даже охрана не смогла спасти господина. Тебе надо быть очень осторожным, мальчик мой. И... лучше бы отказаться от этой экспедиции.

— Что-о?! — возмутился Игорь. — Да я, можно сказать, живу мыслью об этом весь последний месяц! Да и идем мы в другую сторону от Иррузая.

— Никто толком не знает, что там, в глубине материка, — напомнил Дзюба, — я уже говорил. Не исключено, что там вабиска больше, чем здесь, на севере.

— Ярослав Ярославович, когда вы пришли сюда два года назад с женой и двумя детьми — вы не боялись, что вас всех могут убить? Вас, их, всех, кто с вами? — Дзюба помедлил, и Игорь продолжал: — Боялись, не могли не бояться. Но пришли. И добились своего — и пулей, и клинком, и волей. Я намного младше вас, сударь, но я такой же, как вы. Поэтому не надо меня отговаривать, Ярослав Ярославович.

3

Сидя в кресле с ногами на столике, Борька подыгрывал на гитаре, а Игорь негромко напевал. Не большой концерт давали все сообща самим себе вечером перед утренним отъездом, собравшись все в том же многострадальном номере. Может быть, не все и помнили, о чем говорилось в древних стихах песни, которую пел Игорь... но рваные фразы чем-то привлекали, и в комнате стояла абсолютная тишина — никто не моргал и, кажется, не дышал. Может быть, потому что Игорь умел хорошо петь — он от природы имел неплохой голос, еще и отшлифованный в лицее.

*... — Мы не ждем наград — 18
Не наемный сброд!
Лишь бы жил и креп
Наш славянский род!
Был бы мирным труд
Родных наших мест,
Плыл бы в небесах
Православный крест!
Песнею звенел
Юный хоровод,
Звёзды рассыпал
Ночью небосвод,
Колосилась рожь
И паслись стала
На Руси моей,
В Сербии — всегда!..*

Степка, не мигая, глядел на Игоря. Замерла в кресле Катька. На диване, привалившись друг к другу, застыли Женька и Лиза. Свел брови Зигфрид...

— Я друзей собрал.

*Я стволы нашел.
Темной ночью я
Терек перешел.
За детей и жен
Месть мы мстить пришли!
Ляжем — не уйдем
С дедовской земли!
В ту же ночь пошла
Чета за Дунай —
Отбивать у врага
Православный край —
И у древних могил
Закипает бой
Сербов-партизан
С вражеской ордой...*

И — странно — песня, не имевшая вроде бы никакого отношения к собравшимся ребятам (даже к Степке), пробуждала у них неясное, но настойчивое желание: схватить оружие, немедленно мчаться куда-то, спасти кого-то (а то и весь мир!) от неведомой, но грозной опасности... Может быть, в самом деле так пел Игорь...или просто было что-то ТАКОЕ в стихах древнего поэта, сгинувшего, наверное, в огне Третьей мировой или в хаосе Безвременья...

*...— Нам осталось лишь только
Пожалеть об одном:
Мы не сможем услышать
Тишину за окном.
Мы не сможем услышать,
Как проходит парад,
Как смеемся сынишка,
Как шуришит листопад.
Это будет — поверьте!
Не может не быть!
Наша смерть, ваши смерти
Зло должны победить!
Мы не умерли, стоя
На коленях, в мольбе —
Право жизни святое
Мы купили тебе.
За тебя, мать-Россия —
Или Сербия-мать! —
Нам не так уж и страшно
Было и умирать!
Ты не можешь погибнуть —
Русь иль Сербия ты...
И взойдут в поднебесье
Золотые кресты!
А от вражеской злой силы
Останется прах.
Зарастут их могилы,
Схоронясь в ковылях.
Это будет — поверьте!*

*Только так. Только так.
Будет радуга в небе.
Будет жизни размах.
Будет звонко и гордо
Над планетой греметь
Нашей речи славянской
Чеканная медь.
Черных ран пепелища
Затянут сады.
Лягут наши дороги
От звезды до звезды...*

... — Хорошая песня, — вздохнула Катька. — Только печальная. Я сразу Димку вспомнила.

Вот тогда Игорь и сказал:

— Друзья, а вы знаете, что меня собираются убить?..

... Снова в номере царило молчание, только Женька с бесстрастным лицом что-то еле слышно насвистывал сквозь зубы. Потом именно он сказал:

— Я все равно пойду. Но, может быть, мы оставим девчонок?

— Еще слово, Жень, и я с тобой точно никуда не пойду, — предупредила Лизка, — ни сейчас, ни потом.

— Почему мальчишки считают, что только они умеют дружить? — поддержала ее Катька.

— Но это в самом деле опасно, — вступил Борька, — подумай, Кать. Это для мужчин.

— Тогда и вам там делать нечего, — заявила Лизка. — Короче так: или да с нами или не вообще. Ясно?

— Куда ясней, — пожал плечами Женька. — Но последнее слово-то все равно за Игорем, он же командир.

— Тут я ничего запретить не могу, — искренне сказал Игорь. — Идем всемером... Но теперь разбегаемся, надо еще отдохнуть успеть. Сбор в шесть часов, напоминаю. Кто опоздает — уедем без него... или нее.

... Игорь спустился в зал, чтобы выпить пива. Когда он уходил, Зигфрид уже спал, а Степка, похоже, укладывался, но сейчас Игорь был не против одиночества.

— Налейте, Виктор Валентинович, — попросил Игорь Носкова, облокотившись на стойку.

— Уезжаете завтра? — хозяин наполнил большую кружку золотистой жидкостью. Игорь кивнул. — Пока вас не будет, я деньги считать не стану, — Носков оперся сильными руками на край стойки.

— Да бросьте вы, — улыбнулся Игорь, отхлебывая пиво. — Я же заранее заплатил.

— Не возьму... — покачал головой Виктор Валентинович. Сказал вдруг: — Тонька моя лететь не хочет. Они вместе с Димой Андреевым договаривались, а теперь собирается здесь остаться служить, у Саши Тенькова. Мстить хочет. Погибнет ведь... А запретить — так ей через восемь месяцев шестнадцать. Что я ей запрещаю, только рассоримся... — он вздохнул. — Хороший мальчик был Димка.

С этими словами он отошел и начал натирать краны бочек. "Вот и вся пограничная эпитафия," — подумал Игорь без насмешки или раздражения, снова отхлебывая пиво.

— Отлей, — послышался голос. Игорь покосился — рядом стоял Степка, но Степка, одетый не в свой древний камуфляж, а в охотничий костюм и мощные ботинки.

— Переоделся?! — поразился Игорь. — Ну-у... тебе идет. Надоело в старом ходить?

— изнашивается, — буркнул Степан, — да и подрал я его в той заварухе сильно...

Правда, идет? Я специально подобрал маскировочное. Там такой яркий бред был... Как у вас такое носят?

— Тут такое редко носят. А на Земле — да, почему нет?.. Ты чего не спишь?

— Я сказать хотел... — Степка дослал беломорину, но вдруг редко смял печку и, швырнув ее в утилизатор, прямо взглянул в лицо Игорю: — Помнишь, ты как-то спрашивал, была ли у меня девчонка? Была. Мы выросли вместе в интернате.

— Она погибла в Ставрополе? — уточнил Игорь, не отводя глаз. Взгляд Степки стал беспомощным, потом на миг — злым, обжигающим, словно Игорь сделал ему больно. Но еще потом он сказал:

— Да. Среди нас в том рейде она была единственной девчонкой. Это ее... взяли живьем и замучили. Ну, не сразу... сперва... по-всякому... — видно было, какого усилия стоили ему эти слова.

— Ясно, — Игорь кивнул. Степка отпил пива и спросил:

— Хочешь, я тебе расскажу про наше время?

И он начал говорить. Он рассказывал про медленный снег, шедший с серого низкого неба месяцами и месяцами. Про радиоактивные руины городов и про города, брошенные жителями, бежавшими от бескормицы и болезней. Про то, как редко проглядывало солнце — он увидел его первый раз уже когда ему исполнилось восемь, после пяти лет бесконечной, убийственной зимы. Про то, как, когда ему исполнилось одиннадцать, пришло лето, и он не понимал, что это такое, а взрослые плакали. Говорил Степка про то, как рвутся бомбы и рушатся остатки зданий. Как это — болтаться в гудящем и дребезжащем сотнями голосов чреве древней и летящей на честном слове, вертушки Ми-8. Как хоронят погибших в раскисшей земле. Как разгребают завалы и начинают отстраиваться, не зная, не разрушат ли завтра построенное бандиты или людоеды. Как хочется есть — все время, всегда хочется есть, даже после того, как пообедал в интернатской столовой. Рассказал и о жестокой бездушности обучения в интернате, имевшей целью только одно — уничтожить в воспитанниках сомнения и слабости, превратить их в бойцов, живущих лишь ненавистью к врагу и любовью к России. О жестоких наказаниях по малейшему поводу. О тирании старшеклассников, о ночных драках соперничающих группировок или поединках их лидеров, после которых младшие спешно закрывают кровь на полах и стенах. Об изнурительных тренировках. И в то же время — о настоящих друзьях, которых приобрел именно там. О том, что интернат его фактически спас. Рассказал о восторге, который охватил его, когда слетел с подоконника развалин первый убитый им — нелюдь из людоедского «племени», устраивавшего набеги на окрестности. Рассказал о Дине — той самой девчонке, погибшей на улицах мертвого Ставрополя страшной смертью. О том, что не смог ее защитить. О том, как видел медленное возвращение робкой жизни на земле России, казалось, навсегда умершей, окаменевшей под снежными покровами, где пощелкивает счетчик Гейгера; "Трр... трр... трррр"... И о том, как однажды поверил, что они все-таки не просто выживут, а победят — когда телевизор принял передачу из Новгорода, и худой, улыбающийся человек со счастливыми глазами хрипло и громко сказал: "Мы выжили. Всем, кто нас слышит. Будем пробиваться навстречу друг другу." И стрельба, и дикие крики, поднявшиеся и в интернате и в окрестных станицах, когда была принята эта передача...

Все это было очень далеко от Игоря — во времени, в пространстве и в плане отношения к миру. Для Игоря это была просто история, он воспринимал тех же англосаксов совершенно спокойно, хотя и знал, что это их предки безжалостным диктатом довели планету до ядерной войны. А о нынешних врагах Степка и не знал ничего... Но слушать было интересно — он умел рассказывать. И когда Стёпка замолк, вертя в руках кружку, Игорь заговорил в ответ — о доме в Верном, лицее, о походах, учебе, каникулах, своих увлечениях и приятелях, о Димке, подарившем ему РАП, об экзаменах и многом-многом другом, что само собой возникало в памяти и могло вызвать интерес у мальчишки из прошлого. Рассказал и о родителях — спокойно, без боли и без тоски. Может быть — потому что у Степки были понимающие глаза? Потом перешёл от рассказов о личной жизни к

рассказам о России вообще — о великолепной, прекрасной, могучей Империи, бескрайней стране в пол-Евразии, откуда каждый год десятки тысяч молодых людей срываются во все концы освоенной Галактики в поисках славы, чести, процветания для Отечества...

Короче говоря, когда она оба выговорились и замолчали — за окнами начало светать...

— Ох, елки! — схватился за подбородок Игорь. — Хороши мы будем...

— Уже утро? — Степка широко зевнул, неожиданно изящным жестом прикрыв рот ладонью. — Да ладно, в машине выспимся... — он поднялся, потянулся, потом шагнул через скамейку и направился наружу. В открытую дверь остро, бодряще потянуло утренней прохладой. Игорь вышел следом.

Полызмей еще не взошел. Игорь, сунув руки под мышки, поймал себя на том, что думает «солнце», хотя это дельта Оленя, которую с Земли не во всякий телескоп увидишь... и тот свет, который он видит сейчас, дойдет до Земли через 362 года. Не только его дети, но и его внуки успеют умереть.

Но человек умеет обгонять свет.

Черный небосклон с искрами густо рассыпанных крупных звезд над головами мальчишек вдруг расчертили на серебряные линейки десятки падающих метеоритов.

— Красотища! — восхищенно сказал Степан. — Я так редко на Земле видел чистое небо... а такого — ни разу... всеобщее... — он затих. Игорь, испытав к нему внезапно какое-то теплое доверие, пояснил:

— Наша Земля, Степ — задворки Галактики.

— А все-таки я по ней тоскую, — вздохнул Степка. — Это вам просто, у вас многие и родились-то уже не на Земле, да и для остальных она, по-моему, что-то вроде старт-площадки...

— Скорее — храм, перед которым благоговеют, но в котором не живут, — поправил Игорь. — А вообще это ты зря, честное слово. Если родился на Земле и пожил там — не можешь ее не любить... А теперь иди-ка спать, Степ.

— Пойду, пойду, — засмеялся тот. — А ты-то что делать собираешься?

— Пойду немного пофехтую, — полушутя бросил Игорь — и удивился, услышав голос, произнесший:

— Если хотите — составлю вам компанию.

Ребята обернулись. На крыльце стоял, улыбаясь, Войко Александр Драганов, начальник экспедиций, занимавшейся исследованиями в городе Рейнджеров, друг генерал-губернатора. В обеих руках он держал по длинному клинку — казачьи шашки, лезвия и острия которых были закрыты накладками.

Войко Драганову не было еще двадцати. Рослый, похожий на Игоря смуглой кожей, черными волосами и светлыми глазами, он воевал вместе с Довженко-Змаем и, говорят, хотел стать офицером Флота, пока не «заболел» Сумерлой и не занялся вплотную ее изучением. Пятый год он странствовал по материку и островам, давно был уже членом-корреспондентом РИАН. В душе Игорь хотел быть на него похожим не только внешне — быть таким же — талантливым, ироничным, собранным. Игорь сейчас почти не удивился тому, что Драганов под утро оказался на крыльце с шашками в руках именно когда Игорь сказал, что хочет фехтовать.

— Можно прямо здесь? — Игорь поймал шашку, удобно севшую в ладонь.

— Конечно, — Драганов ловко перемахнул перила, приземлился на тропку и непринужденно отдал салют. Потом встал в боковую стойку, заложив левую руку за спину.

Игорь ответил салютом и, выписав несколько восьмерок, повторил позицию. Краем глаза отметил, что Степка никуда не ушел, а наблюдает за ними, облокотясь на перила.

— Я слышал, как вы пели, — сказал Драганов. — Спасибо.

— За что? — удивился Игорь и нанес колющий удар в горло, но в последний миг вильнул кистью, и Драганов отбил удар у самого живота, пояснив:

— Сербы — мои прямые предки, а в песне было о них.

Игорь отскочил, чтобы удержаться на ногах — отбив был силен — поклонился и

ответил:

— Благодарю.

После чего вновь сделал стремительный рубящий выпад, но клинок Драганова, метнувшись навстречу, словно заключил клинок Игоря в серебряный кокон — шашка вырвалась из руки мальчишки и полетела на ступени. Игорь поднял левую руку:

— Сдаюсь. Честное слово, я думал, что хорошо фехтую.

— Просто я — лучше, — спокойно ответил тот, — и это не удивительно... Ну что, попробуем еще раз — всерьез?..

4

Проснувшись, Игорь несколько секунд не понимал, что с ним происходит, что для мальчишки было вообще-то редкостью. Он лежал на узкой кровати в небольшой комнате со стенами, облитыми изоляционными амортизаторами. Горевшая лампа освещала бронированную дверь и короткую лестницу, ведущую к люку в низком потолке. Вся эта комната плавно раскачивалась.

Но удивиться Игорь толком не успел. Отчетливо вспомнилось, как они отправлялись, как он завалился спать...

Он лежал в жилом отсеке идущего лесохода.

Игорь сел, стараясь не треснуться головой о койку второго яруса. Сlepка спал наискосок, у второй двери, ведущей в корму. Больше в отсеке никого не было. Ну конечно, все торчат наверху или на крыше.

— С началом путешествия, — негромко поздравил себя Игорь и длинно зевнул. — Интересно, мы далеко уехали?

— Чего? — сонно опросил Степка, начиная ворочаться на койке. — Приехали?

— Наоборот — едем, — Игорь сел и потянулся. Настроение было отличным, он выспался и испытывал то приятное чувство, которое появляется, если долго-долго готовишься к чему-то хорошему, а потом это хорошее начинается.

Продолжая зевать, улыбаться и потягиваться, Игорь подошел к умывальнику и, насивывая, занялся туалетом. Лесоход качало — то сильнее, то слабей, но всегда ощутимо, однако юный руководитель экспедиции не только ухитрялся сохранять равновесие, но даже не облился. Нажимной умывальник фыркал тугой струей в оцинкованную раковину.

— Ну что ты шумишь, Витек? — сонно спросил Степка, и Игорь понял, что он-таки не проснулся и пребывает где-то в своем прошлом, рядом с каким-то Витьком. — Хватит же... а то в морду...

— Пора вставать! — заявил Игорь, вытирая лицо.

— Кому пора, а кому и нет... Я недавно приехал, — и больше Степан в разговоры не вступал.

Игорь неспешно, даже со вкусом, оделся, пристроил на бедро кобуру, но потом, усмехнувшись, снял оружие и повесил возле кровати. Степка про такое говорит «понтиться». В его время это выраженье, сгинувшее в руинах мировой истории, обозначало упрямое и глупое старание казаться чем-то большим, нежели ты есть на самом деле. Расхаживать по лесоходу с РАПом на боку означало именно понтиться...

...Все пятеро бодрствующих участников экспедиции сгрудились за креслом водителя — лесоход вел Борька. Здоровенные «хлысты» сосен ложились под машину, как хворостинки под ботинок. (Жутко расточительно, конечно, но что делать?)

— Привет. Сколько прошли? — Зигфрид посторонился, и Игорь оперся локтями о спинку кресла водителя.

— Привет, сорок километров, — Борька пожал протянутую руку. — Через три часа пройдем мимо города Рейнджеров.

— А, это тот, где ты был, — вспомнил Игорь. — Девушки, если уж вы едете с нами, то не могли бы вы приготовить поесть? По-моему, пора... Кать, ты, кажется, профессиональный кулинар?

Катька и Лиза переглянулись. На лицах их было написано возмущение. Прежде чем они успели что-нибудь сказать, Зигфрид засмеялся и, пробормотав что-то по-немецки, добавил:

— Интересно, почему девчонки всегда так возмущаются, если их просят приготовить поесть?

— Это атавизм, — авторитетно сообщил Женька, — проклятое наследие феминизма XX века... Во, а историк-то наш что, спит?!

— Уже не спит, — Степка пролез в кабину, где все-таки становилось тесно, и огляделся: — Да-а, это не "Клим Ворошилов".

— При чем тут Клим Ворошилов? — осведомился Зигфрид. — И кто это?

— Танк "Клим Ворошилов", КВ, — терпеливо разъяснил Степка, любуясь видом за окнами. Зигфрид нахмурился:

— Был такой, что ли? — неуверенно посмотрел он на Игоря. Тот авторитетно ответил:

— Был, — хотя, если честно, не помнил, что было танком — "Клим Ворошилов" или "Иосиф Сталин"?¹⁹ — Так мы есть сегодня будем? Или... — он подозрительно осмотрелся, — вы уже поели?

— Идем готовить, — вздохнула Катька, — а то они до вечера будут фырчать... — и, уже направляясь к двери, грозно бросила через плечо: — Пока не позволим — не лезть!

— Отель на гусеницах, — высказался Степка, явно не услышавший реплики Катьки. Девчонки скрылись в люке, мальчишки остались впятером. Какое-то время они следили за тем, как «индрик» ломится через подлесок. Ветки обрушивали на стекла хлесткие, наотмашь, удары.

— К югу забираю, — сообщил, нарушив тишину, Борька. На экране появилась схематичная карта, снятая из космоса, по ней едва заметно — различал только Игорь, да и то с трудом — ползла алая точка. Они заранее договорились, что свернут к югу, к дельте безымянной большой реки, стекавшей с гор. В южных лесах мало кто из землян был, а о своем интересе к тем местам недвусмысленно заявляли все «спонсоры» Игорь часто думал, почему югом не займутся вплотную. И пришел к выводу, что просто нет времени — важен был агрессивный, опасный север, его и прочесывали, прошаривали изо всех сил. А юг интересовал лишь романтиков вроде него самого... или тех, кто именно с югом связывал развитие собственной экономики. Как Дзюба... А вот интересно, подумал вдруг Игорь, генерал-губернатор вообще понимает важность развития собственной экономики, или он настолько увлечен идеей уничтожения Иррузая и чисто физической экспансии, что не задумывается об этом? Поговорить, постановил себе Игорь. Сразу по возвращении — к тому времени Довженко-Змай уже должен разобраться с Кухлоном...

А вот вабиска из Иррузая понимают. Недаром они так засуетились именно тогда, когда их два года назад отсеки от рынков на юге.

— Давай, забирай! — одобрил Игорь Борьку.

— Зверей мы так не увидим, — предупредил Борька. — А в этих местах должны встречаться эндемичные экземпляры.

— Уви-и-идим, — протянул Женька. — Не все же время мы будем в этой консервной банке сидеть?.. Кстати, я предлагаю остановиться, когда есть будем и вылезти наверх... Консервы, которые едят, вместо того, чтобы их ели — это слишком смешно.

— Смотрите, крокозуб! — выкрикнул Зигфрид, и все подались вперед. Ящер застыл прямо по курсу среди деревьев, подняв окровавленную морщинистую морду от

¹⁹ Читатели, конечно, знают, что в период Великой Отечественной: существовали оба этих танка — КВ и ИС.

полусъеденной туши какого-то уже неопознаваемого зверя. Крокозуб не мог сообразить, что именно видит перед собой — и не двигался с места, лишь рассматривал лесоход.

— Слишком близко от границ колонии, — заметил Борька.

— Сейчас я... — Женька начал было пробираться к управлению проходческим лазером, но крокозуб принял решение — бросился вперед, атакуя врага.

Семьдесят тонн лесохода перевалили через что-то, напоминавшее холм.

Под гусеницами хрустнуло, чавкнуло, чмокнуло.

— Мальчишки-и-и! — пронзительный вопль прорезал дверь, как квантовый резак. — Вы чего-о-о?!

— Ни-че-го-о! — завопил в ответ Борька, срываясь с баска на дискант, и все пятеро, переглянувшись, со смехом захлопали друг друга по ладоням.

— Мелкие зверюшки, попадающие в трансмиссию, сильно затрудняют передвижение бронетехники по лесу, — процитировал Игорь одну из фраз Маршала Тарана Неунывай-Дубино, героя знаменитого юмористического сериала "Космогрызы".

Степка тоже смеялся; Игорь отметил, что менталитет русского времен Серых Войн и Безвременья неплохо совпадает с менталитетом русских Третьего Века Галактической Эры. Попавший сюда из воевавшего мира с незабитой «ценностями» конца XXI века головой парнишка быстро вписался в окружающее. Но все-таки что-то надо с ним делать. Может, правда поднатаскать его, да и определить в дорожный ВУЗ? Или «сосватать» его генерал-губернатору в охрану латифундии — сперва стажером, а там станет офицером... И ещё... Жертв "Каменного Гостя", подобных Стёпке, насколько знал Игорь, лежало по разным запасникам штук тридцать. Тридцать живых людей!!! Да что там — тридцать свидетелей того времени!!! Мальчишка задумался — как бы оформить и подать свой опыт "оживления"...

Как и все выпускники лицеев, Игорь легко мог думать о нескольких вещах сразу — и, размышляя о Стёпке, вел разговор об остановке на перекус. Решили и правда остановиться, вылезти наверх и поесть на свежем воздухе. Вот тут и впрямь следовало вооружиться — неизвестно, что в лесу упадет на голову в дерева.

Борька остановил лесоход и включил внешние динамики. В лесу было тихо-тихо, и всем стало ясно, как здорово распугал живность «индрик». Игорь включил системы связи и сказал, усаживаясь в кресло:

— Вы давайте, а я пока попробую связь.

Эфир говорил на разные голоса. Видео Игорь не включал, а до границ колонии было всего ничего, поэтому мощная аппаратура ловила чуть ли не комбрасы. Игорь с усмешкой гонял настройку туда-сюда, поймал Озерный — столица передавала музыку. Тогда, вздохнув, Игорь вышел на видеосвязь с Прибоем, отработал сеанс и, отключив все, кроме приема, полез наверх.

На плоской крыше можно было и в самом деле устроиться не хуже, чем на площадке для пикника. Девчонки мудрствовали недолго — на одноразовых тарелочках дымились толстые отбивные с жареными картошкой и грибами, лежало малиновое желе, свежий хлеб был нарезан полукруглыми ломтями, стояли стаканчики с шипучкой. Среди посуды лежали ИПП.

— Неплохо мы придумали с этой экспедицией, — торжественно сообщил Борька, поднимая свой стаканчик. — Ну — за удачу!

Интерлюдия: шутка ²⁰

Так бывает, так бывает:

*Ради шутки, на потеху
Кто-то крикнет: "Погибаю!"
"Помогите!" — вторит эхо.
А иной совсем без риска
Со смешком черкнет записку:
"Помогите человеку!"
И бутылку пустит в реку.
Но другой прочтет, поверит.
Но другой — рывком за двери!
И в бушующую полночь
Тут же бросится на помощь!
Проплывет — сто миль и тыщу
Вдаль к тревожащему звуку.
Пусть кого-то не отыщет —
Ста в пути протянет руку!
Сам хлебнет волны и соли,
По пути засеет поле,
Дружбы новые построит,
Дали новые откроет.
Человек пойдет по звездам
По горам, обвалам грозным
И тропой первопроходца
К Марсу самому пробьется.
Но по правилу седому
Раз и он вернется к дому,
Завернет к тому, кто в шутку
Так повел по первопутку.
И услышат слева, справа:
— Это ТОТ?! Какая слава!
А иной шепнет с ухмылкой:
— А пустился... за бутылкой!
Он на это не ответит
Ни побаской, ни бывалкой,
Вдруг, задумавшись, посветит
Марсианской зажигалкой...
Но потребуют ответа:
Как же он прошел все это?
Как попался на забаву —
А вошел в такую славу?
Пусть припомнит, пусть уважит —
Как торил дорогу веку?!
Усмехнется он и скажет:
— Шел на помощь Человеку.*

5

Дмитрий Михайлович Дергачев сидел на краю стола. Пол вокруг заваливали бумаги и диски — явно сброшенные туда одним широким движением руки, поспешным и резким.

Освободившееся место занимал голый мальчишка-вабиска. Он лежал с закрытыми глазами и при этом тихо ругался по-русски, потом попросил, не открывая глаз:

— Начинайте, пожалуйста. Очень же больно.

— Черт возьми, — Дмитрий Михайлович встал, порывшись в выдвинутом ящике стола, — никак не привыкну этого делать. Как вообще ты живешь в таком состоянии?..

— Великолепно, — вабиска засмеялся (и засмеялся, как человек, с людскими интонациями, отличными от смеха вабиска — похожего, но все-таки не такого). — Так, наверное, чувствует себя батарея, которую раздуло в гнезде.

— Интересное сравнение, — в руке референта шефа комитета ксенологии появился медицинский вибронож. Дергачев помедлил и коснулся им обнаженного плеча вабиска...

* * *

Над поляной горели яркие звезды. В лес возвращалась распуганная жизнь, сквозь открытые навывлет люки было слышно, как пофыркивают, переступают "у себя" кони, напевает Лиза, а Женька неразборчиво говорит и смеется.

Игорь и Степка сидели, опершись на короткий ствол инженерного орудия локтями — разглядывали небо. Игорь называл другу созвездия — совсем не те, что в небе Земли, а если и те — то "разбитые" расстоянием. Степка что-то мычал одобрительно, но потом поинтересовался вне всякой связи:

— А что ты будешь делать, когда защитишь свою работу?

— Ну, я и не начиная ее еще... — вздохнул Игорь, спускаясь с небес на землю. — Может быть, стану геологом. Буду искать руды на Лунах... — он не стал говорить о своих настоящих планах.

— Послушай, Игорь, — Степка не сводил глаз с небесного блеска, — возьми меня с собой.

— Куда? — не понял Игорь.

— Ну... вообще. Везде.

— Ты же хотел на дорожника... — начал Игорь, но Степка вздохнул:

— Да не потяну я. Не поступлю просто. Я тут книжку почитал — ну, этот ваш диск... Юницкий²¹, струнный транспорт, энергоопоры... Ни фиги не понял.

— Слушай, — замылся Игорь, — ну давай я тебя на латифундию к генерал-губернатору устрою? Честное слово, ты там будешь к месту. А я же не латифундист, у меня «своих» людей едва полдюжины, да и те — слуги в нашем доме в Верном.

— Ты же меня представил Дзюбе, как своего бойца, — напомнил Степка.

— Представил, — буркнул Игорь, кляня себя за тогдашние слова. — Ладно, посмотрим. Но ты подумай насчет латифундии. Там даже лучше, чем на госслужбе. Все по высшему разряду — тут тебе и учеба, и отпуска, и оплата высоченная...

На этот раз Степка ничего не ответил — Игорь уловил, что предложение его ничуть не заинтересовало. "Мы в ответе за тех, кого приручили," — вспомнились Игорю слова из книжки, которую они несколько лет назад читали по программе европейской литературы XX столетия. Там была масса бредятины, но эта книжка ему понравилась. — Антуан де Сент-Экзюпери, "Маленький принц", — послушно подсказала память. — Вообще, конечно, человек — не лис пусть и говорящий. Но он сам... приручился. Да и куда ему теперь деваться?

— Мальчишки, вы спать собираетесь? — снизу высунулась голова Лизки.

— Идем, — Игорь в рост встал на броне, потянулся. Справа несло сыростью. Там неподалеку тек ручей — его не было видно и слышно, но Игорь ощущал течение. Лес обнаглел окончательно. Вокруг не было разумной жизни, но кишела живность «неразумная». — Мне еще путевой журнал надо заполнить...

Степка уже слез вниз. Игорь соскочил за ним, закрыл и блокировал люк, окончательно

²¹ Изобретатель, в 70-х годах XX столетия изложивший принципы действия струнного транспорта.

отрезая ночь Сумерлы от мира внутри лесохода.

Через открытую в рубку дверь все, сидя и лежа на кроватях, смотрели новости по стерео. Англосаксы оккупировали большую часть Арк-Ходора и блокировали остатки сторков в крепостях... Восставшие туземцы К'аркка ведут бои с войсками джаго — с обеих сторон применяется тяжелое оружие... На Сребрине идет охота за десантными группами нэйкельцев, предположительно виновных в нападении на жилые зоны... Его Величество Император Англо-Саксонской Империи, Лорд-протектор Союзных и Лендлорд Вассальных планет предупреждает Сторкад о неотвратимости вторжения на Арк-Фендан и предлагает мирному населению начать эвакуацию по предоставленному коридору... Начать освоение трех новых Лун... "Закон о сопляках" провален большинством голосов... (бурные овации на койках). Столицей летних Олимпийских игр 204 г. Г.Э. окончательно утвержден Минск — на улицах города толпы ликующих людей... Вся Англо-Саксонская Империя празднует рождение полумиллиардного жителя — родители назвали девочку Инглиш... Вновь тяжело болен Виктор Анатольевич Станской, но он продолжает работу — пока виртуальную — над скульптурной композицией "Сварог и Змей Волос"... Молодые музыканты на фестивале в Коббенхавне играют и поют песни «возрождения»...²² Торговая война Русской Колониальной Компании и ёстигэнской "Кум ходон" за торговые рынки Скиутты — Совет Старшин колеблется в выборе партнера... Восхождение на высочайшую вершину Багровой команда исландской диаспоры посвящает памяти всех соотечественников, погибших в катастрофе «Рейкья-Нуклис»²³ ...Чемпионат по городкам... Парад восстановленной энтузиастами бронетехники XX века в Варшау... Имперским дворянином Андреем Раевским убит на дуэли граф Бакингом, сэр Кларенс Эттли лорд Белли-Соули, пэр Англо-Саксонской Империи, дуэль состоялась на палашах, причина — национальное оскорбление... Заложен на верфях "Суон Хантер" первый рудовоз серии X1TS с присвоением наименования «Импробэбл» — рудовозы этой серии станут крупнейшими кораблями этого класса на Земле...

...Игорь оглянулся. О черт — все спали! Он улыбнулся и совсем уж собрался лечь тоже, но вместо этого прошелся по комнатке, глядя, кто как спит и ощущая неожиданное и волнующее чувство ответственности. Да. Он — командир. Этим все сказано.

Он осторожно взял гитару, стоявшую в изголовье кровати Зигфрида. Тронул струны — тихо тронул, так, чтоб не звякнули. И полез в рубку обратно, прикрыв за собой дверь.

Он погасил весь свет, а потом плюхнулся в кресло, задрал ноги на пульт, а гитару положил на живот, на манер классических гуслей.

Снаружи придвинулся темный лес, звездное небо над ним — казалось, что сидишь в рубке космокатера... Игорь отвел глаза. Вздыхнул. Ему вспомнилась старая песня, которую исполняла его любимая группа "Рунный Меч". Тихо пощипывая струны, мальчишка замурлыкал себе под нос...

— Скажи мне, гордый рыцарь, — 24
Куда ты держишь путь?

²² Общее название произошедшего после Серых Войн возвращения национальной самоидентификации уцелевших народов, в конце XX века задавленной т. н. "общечеловеческой цивилизацией", базировавшейся на болезненно-извращенных принципах, не имевших корней в человеческой истории и чуждой истинной культуре.

²³ Катастрофическое извержение вулканов в период Третьей мировой, напрямую с ней связанное и погубившее, в частности, Исландию с большинством населения.

²⁴ Стихи Е. Бачурина.

*Ведь правды не добиться,
А смерть не обмануть.
За честь и справедливость,
За безответный спрос
Немало крови лилось.
Немало лилось слез,
Камень-гранит в поле лежит,
Выбрать дорогу камень велит:
Кого судьба помилует,
Кому поможет щит.
Вправо пойдешь — шею свернешь,
Влево пойдешь — сгубишь коня.
Прямо — спасешься сам, но убьешь меня...
Ни в селах, ни в столице
Не верят в чудеса,
От этой правды, рыцарь,
Не скроешься в леса.
Сними же с глаз повязку,
Брось меч, не мни ковыль.
Ты сплел из жизни сказку,
А мы из сказки — быль.
Принцессы лыком шиты.
Злодеям не до них.
И коль искать защиты —
Так от себя самих.
Ступай же мимо, конный!
В том нет твоей вины,
Что нам нужны драконы,
Которым мы верны.
Камень-гранит в поле лежит,
Выбрать дорогу камень велит:
Кого судьба помилует,
Кому поможет щит.
Вправо пойдешь — шею свернешь.
Влево пойдешь — сгубишь коня,
Прямо — погибнешь сам, но спасешь меня...*

Он вздохнул и, накрыв струны ладонью, закрыл глаза.

* * *

Почему так холодно?

Что за грохот?

И запах, какой мерзкий запах...

Тяжело завожившись в снегу, я перевернулся на спину. Несколько секунд смотрел, как из низкого, сумрачного неба падают снежинки, кажущиеся черными в отблесках близкого пожара. Казалось, что вокруг трепещут, рвутся на ветру десятки больших флагов. Сквозь этот слитный, почти непрерывный звук временами прорывались человеческие... да нет, скорее звериные крики, а иногда все разом перекрывало гулко-трубное "ббаумм!"

Совсем слишком кто-то истошно завопил: "А-й-я-а... не на-до-о!!!" — и захлебнулся каким-то клокотаньем. Мотая страшно тяжелой головой, я встал на четвереньки, зашарил по

снегу, испятнанному черными хлопьями гари, нашаривая что-то очень важное... ах да, автомат. Мой «калаш» с пустым магазином лежал рядом, я уцепился за него и огляделся.

Полуразрушенная улица горела. Тут и там в снегу лежали неподвижные тела — среди алых брызг и еще черт-те чего; неподалеку одно тело корчилось, со звуком "ыхх...ыхх..." пряча в разорванный живот комки внутренностей. Неподалеку перебегали под защитой стены согнутые темные Фигуры, оттуда слышались свист и завывание. Кто-то заревел, перемежая речь матом:

— Ну, суки, ну, «витьки» гребаные, ну вы попались! Бросайте оружие, а то возьмем — ух, возьмем, тогда...

Голос осекся мучительным кашлем. Я замотал головой, ошалело глядя по сторонам. "Витьки"?! Витязей РА так называли их враги... но что это?! Это как?! Откуда?!.

СОН, вдруг понял я и обмер. Сумерла, я — дворянин... чистые дома, чистое небо... Сон или видение от потери сознания. А реальность — вот она, улица какого-то разрушенного города, снег с вечернего, вечно вечернего неба... и еще ничего не решено! Я зашарил по грязному бушлату, перетянному ремнями, по пустым подсумкам, наткнулся на гранату, на рукоять пистолета, на нож... Патроны! Где патроны?!

— Игоряха, ложись, дурак! — меня тяжело сбили с ног, вмяли в снег. Тоненько свистнуло совсем рядом, еще и еще, опять; снег взлетал фонтанчиками. Я извернулся, увидел худое, грязное лицо Стёпки, бешеные глаза. — Ты чего?! — он рванул меня за плечо черными пальцами. — Ты чего, тебя контузило?! Ты чего, Игоряха?! Ты ранен, что ли?!

— П... кхатроны... — выдавил я. — Патроны кончились...

— Возьми у него! — Степка кивнул в сторону корчащегося в снегу тела. — Давай, я прикрою, Игоряха, давай, а то отрежут нас и все!.. Ползи!.. Нн-а-а, ссссуки-и!!! — ловко выставив перед собой длинный ствол пулемета, он слился с ним и резанул по черным фигурам в тени разрушенных стен, ругаясь страшно и вдохновенно. В ответ тоже понеслась ругань, загремели выстрелы.

Вспахивая снег локтями, я пополз к человеку, почти ничего не соображая и теряя создание от раздвоенности личности. Как же так, как же так... Ухватившись пальцами (они были страшно грязные, грязь не просто покрывала их, но въелась в кожу, а не левом запястье болтались тяжелые часы) за погон бушлата переставшего ворочаться человека, я перевалил его удобнее, скрываясь за ним, как за камнем, зашарил по подсумкам... Он глядел на меня стеклянными глазами, отражавшими огни пожара. То и дело попадая во что-то липкое, тягучее и горячее, я швырнул Степке один магазин, другой... и увидел, как едва в двадцати метрах от меня ползут по снегу двое. Сюда, ко мне. Я выхватил пистолет — и один из них, поднявшись на колени, швырнул в меня камнем за секунду до того, как очередь Слепки прогнала его навывлет — из спины брызнуло крошевом.

Не камень, а граната. Она лежала возле меня — серая, ребристая, дымящаяся. Совершенно без страха я взял ее и бросил обратно, упал за труп. А через две или три секунды на меня навалился второй бандит, сжимавший в руке штык.

Я перехватил его руку, а он свободной своей прижал к трупу мою с пистолетом. Совсем рядом — мальчишеское лицо, он был не старше меня, и по щекам, таким же грязным, как мои пальцы, текли слезы... но он хотел меня убить.

Человек, землянин — по-настоящему хотел убить меня.

Я ударил его головой в лицо, но на мне оказалась неуклюжая шапка, удар получился мягким. Он начал бить моим пистолетом по трупу, стараясь выбить оружие. И тогда я, подавшись вперед, вцепился ему в горло зубами и начал грызть, отплевывая мгновенно хлынувшую в рот кровь. Он выпустил мою руку, начал отталкивать — я всадил освободившиеся пальцы ему в глаза и, почти одновременно нащупав зубами и языком что-то упругое, бьющееся толчками, рванул зубами сильнее...

...Я вытащил из подсумков еще один магазин и гранату к подствольнику, подобрал пистолет. Мальчишка бился на снегу, зажимая ладонями брызжущее кровью горло, но глаза

его уже умирали, подергивались дымкой. Он тихо икнул и почти перестал возиться, руки соскользнули с шеи. Я дополз мимо, стремясь добраться до своего автомата — и стрелять.

Степка стрелял одной рукой, левая вытянулась вдоль тела — на плече дымился бушлат.

— Попали, гады! — крикнул он. — Игорь, бандосы обходят! Беги вон туда, заляжешь, прикроешь — давай!

Я метнулся в указанном направлении, добежал, крутнулся в падении, выставил ствол из-за камней, открыл огонь, Степка бежал ко мне — низко пригнувшись, петляя и неся пулемет в правой. Перескочил через меня, упал рядом, возбужденно крикнул:

— Теперь все, считай добрались, вон там наши! Беги, теперь я прикрою! Давай!

Я снова побежал. Какие-то люди перехватили меня, я замахнулся автоматом, но меня крепко выругали, кто-то сказал: "Муромцев, ты чего?!" — а через миг рядом оказался Степка.

— Угодили, — выдохнул он и закричал в сторону: — Дед, у них так человек двести! Не выйдет ничего, надо отступать!

— Заткнись, стратег сопливый! — ответил из темноты молодой голос, — Полдень скоро, а в полдень наши дадут из «смерча», тогда посмотрим...

Полдень? Как полдень? А, да... Я поймал на ладонь снежинку. Красивая и радиоактивная, как и все вокруг...

— Умойся, ты же в крови весь, — сказала мне сидевшая с поставленной между колен длинной винтовкой девчонка. — Тебя что, ранили?

— Это не моя кровь, — ответил я, посмотрел ей в лицо — и все поплыло вокруг...

6

— Что наблюдаешь? Не молчи, уснул ты там?!

— За нами — целая тропинка, — голос Женьки раздавался по аудиосвязи. — Впереди, километрах в десяти — речушка... Вижу горы — черт, высокие какие, вершины прямо как хрусталь сияют!

— Их средняя высота — семь километров, — Игорь переключился на камеру вертолета и подвинулся, чтобы все увидели эти горы на экране.

— Это и есть Третий Меридиан, — Катка накручивала на палец локон по своей всегдашней привычке (от которой Борька молча обмирал). Женька подал голос:

— Я что-то сомневаюсь, что мы через них перелезем. По крайней мере — на «индрик». Не вижу перевалов.

— Надо будет — верхом переберемся, кони пройдут, — уверенно сказал Борька.

— Так туда еще надо доехать, — напомнил Зигфрид и, нагнувшись к связи, задал вопрос: — Вабиска не видно?

— Дымки в нескольких местах, я засекаю... Елочки зеленые, ну и деревья! Одно к одному торчат!

— Да мы видим, видим, — усмехнулся Игорь. — А вот интересное место, что это?

— Дельта реки, — из поднебесья ответил Женька. — Зелень ярче, да?

— Горы ещё раз покажи, — потребовал Игорь. — Молодые, — определил он. — Чудо, если честно. Сделай там пару голографий. И спектропределитель включи.

— Давно включен, — сказал Женька, — Будет тебе материал для работы.

— Цыц! — прикрикнул Игорь. — Лучше меня самого меня понимать начали?.. И давай — хватит там кружиться, возвращайся!

— Правда, что ли?! — возмутился Женька. — Я только разлетался!.. Лизок! Ну скажи ему, что карта нужна!

— Может правда, пусть еще покрутится? — неуверенно предложила Лизка. — А то у меня только самая общая схема.

— Ладно, еще десять минут, — согласился Игорь. — Слышал? Видеосвязь не

выключай, я сам тебя поведу, хочу полюбоваться... Все по местам! — и он плюхнулся в кресло.

Поездка и правда не была чисто увеселительной прогулкой. Игорь вел машину. Девчонки работали над картой, накладывая на голую схему снимки и кроки — «скелет» обростал «плотью». Борька занимался съемками из роторной башенки, используя прицелы, как усилители — его интересовали фауна и флора. Зигфрид объяснял Степке, как пользоваться навесным оборудованием лесохода, а заодно по мере необходимости расчищал путь.

Неожиданно возник Ревякин. Кадет обиделся на Игоря — демонстративно обиделся после того, как тот решил выбрать для экспедиции не дирижабль, а «индрик» — а ему поручили возить "по вызовам" биодесантников, конвертоплан которых годился не везде и не всегда.

— "Земля и воля" начала агитационную кампанию против деятельности генерал-губернатора у реки Аллогун, — глядя в сторону, сообщил Ревякин. Потом вскинул голову и посмотрел прямо в глаза юному дворянину. — Они обвиняют Сергея Кирилловича в том, что он ради личной мести за погибшую когда-то невесту подвергает риску жизни Алых Драгун, которые не являются его личной охраной. Еще пишут, что начальник службы безопасности его латифундии — ну, тот есаул, который тогда ошибся с германцами — чуть ли не агент Ми-6.

— Англосаксонской разведки? — спросил Игорь ошарашено.

— Да... И про Дзюбу — что он негласно превратил Прибойную губернию в свою личную латифундию, одновременно пользуясь правами губернатора и латифундиста...

"Так вот в чем дело! — мысленно ахнул Игорь, вспомнив, о чем думал, когда прибыл в горящий Кухлон; ему тогда показалось, что генерал-губернатор разрушал его, как бы специально мстя за что-то. — Девушка... невеста!" А вслух спросил:

— Ты по чьему-то поручению... или просто так?

— Просто так, — признался кадет. Засопел вдруг совсем по-детски и добавил: — Дзюба вообще не велел, чтобы тебе об этом обо всем по связи сообщали, пусть, мол... — он покраснел и осекся.

— Пусть, мол, мальчик спокойно прогуляется, — добавил Игорь, чувствуя, как у него тоже начинают гореть щёки. Но если Ревякин именно покраснел, то смуглый Муромцев побурел. — Так?

— Ну... — кадет помялся. — Да. А мне кажется — ты должен знать. Ведь сейчас ты — мой командир, — и разом отключился.

Игорь тихо, но сочно выругался по-русски, потом — по-английски и по-немецки. Степка и Зигфрид повернулись к нему, как по команде — они ничего не услышали, но что-то почуяли, и Зигфрид спросил:

— Что?

— Ничего, — все так же по-немецки отозвался Игорь. — Зиг, сходи встретить Женьку, он уже возвращается. Заодно посмотрим, чему ты Степку научил.

— Иду, — проворчал Зигфрид. Игорь уловил, что германцу нравилось демонстрировать свое искусство новичку.

Едва Зигфрид скрылся в глубинах лесохода, как Игорь вызвал через станицу Прибой и потребовал губернатора голосом, не допускающим возражений. Дзюбу ему нашли на стройке струнника через залив и, судя по веселому лицу губернатора, он только что кому-то "вломил".

— А, добрый день! — поприветствовал он Игоря неофициально. И наткнулся на заданный в лоб вопрос:

— Ярослав Ярославович, чьи конкретно интересы продвигает "Земля и воля"?

Губернатор долго молчал. Действительно долго. Потом серьезно сказал:

— В средние века я бы отрубил тебе голову, мальчик. И как можно скорее, пока ты еще не переманил к себе всю губернию.

Игорь приятно — до приторности — улыбнулся. Он был очень зол и не испытывал поэтому раскаянья или неловкости. Дзюба вновь долго его изучал, потом вдруг продолжил:

— Хорошо. Если ты САМ назовешь мне причины, по которым НЕКТО выступает против генерал-губернатора — я согласен признать себя старым дураком и считать, что молодое поколение у нас получилось неплохим.

Игорь сообразил, что губернатор говорит на латыни, только когда сам начал отвечать на том же языке:

— Объединенная Космическая Компания. "Земля и воля" — это газета оппозиции, фактически филиал петербургского "Нашего дела", которую контролируют люди из "Прогрессивного Блока". Прогрессивисты тесно связаны с ОКК. А ей не досталась концессия на разработки в Голубых Песках, которую генерал-губернатор передал Русской Колониальной Компании, где у дворянства традиционные партнеры.

Дзюба вдруг захохотал. Он смеялся искренне и весело — Степка вывернулся в кресле, чтобы понять, с кем разговаривает Игорь. А тот чувствовал, как тает его злость, но подавил желание расхохотаться тоже и дождался конца веселья с каменным лицом.

— И ты собираешься заниматься геологией? — только и спросил, отсмеявшись, губернатор.

— И еще — экономическим развитием вашей военизированной колонии, — добавил Игорь, — где, кажется, забыли, что экономика — суть оружие... Ярослав Ярославович, я собираюсь сейчас же поговорить с генерал-губернатором.

Дзюба прищурился:

— Помнится, раньше, Муромцев, вы это делали, не извещая меня?

— С тех пор я сильно поумнел, — улыбнулся Игорь. — Я использую личный канал, хорошо? Все-таки я здесь не на прогулке... хотя так может показаться.

Дзюба наклонил голову. Это был жест не только согласия.

Дворянин извинялся перед дворянином за недоверие и пренебрежение...

Позже Игорь понял — именно с этого разговора Дзюба и в самом деле признал его равным...

...Генерал-губернатор оказался, как ни странно, на своей латифундии. Впрочем, Игорь понял причину этой странности, увидев в кресле на заднем плене Драганова — тот панибратски подмигнул Игорю из-за спины подошедшего к аппарату связи Довженко-Змая.

— Господин генерал-губернатор, — Игорь отсалютовал ему, получил салют в ответ и замялся. Почему-то — странно, но факт! — мальчишка робел, глядя в глаза генерал-губернатору. И дело было не в его звании и уж тем более не в возрасте — с куда более старшим Дзюбой Игорь спорил и конфликтовал, а Довженко-Змай и старше-то был на пять лет. Но вот поди ж ты!..

— Ты что-то хотел спросить? — дружески поинтересовался Довженко-Змай. Игорь кивнул:

— Да... Как развиваются боевые действия?

— Успешно, — генерал-губернатор склонил голову к плечу и добавил: — Как военные, так и диверсионные. Вабиске парализованы... Ты что, не смотришь местные новости?

— А ты? — поинтересовался Игорь. — У тебя под тронем подкоп!

— Ты о "Земле и воле"? — скривился генерал-губернатор.

— Я о тех, кто ее финансирует, — поправил Игорь. — У тебя второй фронт в тылу!

— Ты говоришь ужасные вещи, — серьезно сообщил Довженко-Змай. — Подкоп в тылу, второй фронт под тронем...

— Если ты так любишь воевать — тебе надо было стать офицером, а не генерал-губернатором, — напрямик врезал Игорь. Довженко-Змай перестал улыбаться, а Драганов оказал серьезно:

— Он тебя уел, Ангельские Глазки. Возразишь?

Прозвище генерал-губернатора — наверное, еще лицейское — прочно отложилось в

памяти мальчика.

— Ну и что ты мне предложишь? — нейтральным тоном поинтересовался генерал-губернатор. Игорь глубоко вздохнул, собрался с духом и начал:

— Выбить из-под твоих недрюгов почву подписанием указа о развитии в колонии собственной промышленности — и не только лесной и пушной, но и, например, легкой, пищевой, причем на местной базе. Думаю, Сумерла сможет дать многое, что заинтересует Галактику. Прогрессирующая экономика — самое надежное средство заткнуть рты тем, кто в экономике видит основу жизни... а?

Почти жалобный звук вырвался у Игоря непроизвольно — просто потому, что он увидел, как генерал-губернатор поднес к экрану пачку листов со строчками текста. Войко Драганов откуда-то из-за этих листов сообщил;

— Он только что подписал составленные по его приказу планы о развитии местной экономики и прекращении наступательных боевых действий за Аллогуном.

— Но диверсионная война и превентивные акции будут продолжаться, — весело добавил генерал-губернатор, убирая бумаги.

Игорю большого труда стоило не отключиться.

— Простите меня, сударь, — выдохнул он. И добавил, словно клеймо себе ставя: — Я просто самонадеянный мальчишка.

— Ярослав Ярославович сказал мне, что он предлагал тебе должность, — как ни в чем не бывало сказал Довженко-Змай, не сводя с Игоря своих странных глаз. — Я пойду дальше... Поступай, куда хотел поступить. Получишь первое звание — можешь стать моим референтом.

— Спасибо, но я не люблю кабинетной работы, — воспрянув духом, ответил Игорь.

— Ты наглец, — сообщил генерал-губернатор и отключился. Но Игорь успел заметить на его лице улыбку.

* * *

— Что ты о нем думаешь?

Войко Драганов вытянул длинные ноги и сказал с легкой высокомерностью двадцатилетнего патриарха:

— Хороший парень. Мы сами были такими.

— Не были дружище, — задумчиво и чуточку насмешливо возразил генерал-губернатор. Он повернулся к другу лицом и за спиной оперся на столик. — Не были мы такими, — повторил он уже уверенно. — У нас была совсем недавняя Фоморианская война, и мы думали только о ней. Все остальное... — он повел рукой по воздуху. — Они — немножко другие... пожалуй — лучше.

— Да, такой юноша способен взять Иппу в одиночку, — подколот Войко и, засмеявшись своей шутке, спросил: — Прилетает Светлана?

— Прилетает, — генерал-губернатор подмигнул. Драганов поднял брови: мол, что это за намеки? Но тут же подмигнул в ответ.

7

— Откуда ты это знаешь?

Степка не сводил с Игоря потемневших, требовательных и тревожных глаз. Игорь пожал плечами:

— Война она и есть война.

— Нет, — Степка покачал головой. — Я видел ваших солдат. Они всегда в перчатках. Откуда ты знаешь про то, что пальцы всегда грязные и сбитые? И что бушлаты сверху от

грязи блестят — там слой в полпальца? Игорь, где ты это видел?

Игорь, вздохнув, рассказал свой сон. Степка не перебил его ни единым словом, только потом покачал головой:

— Так не бывает.

Игорь снова вздохнул:

— Бывает... Это называется "генетическая память", Степ. Коллективная память нации... А что, все так точно?

— Точнее некуда, — подтвердил Степка. — Даже страшно, — он передернул плечами. — Правда, самого мерзкого ты не видел.

— Чего? — тихо спросил Игорь. Стёпка мотнул головой, буркнул:

— Ну, чего, чего... Например, того, что те, кому в позвоночник попали, всегда обгаженные лежат, из штанов вытекает... Или вот как я однажды двое суток без движения лежал посреди бандосовских позиций, мертвым притворялся. Сперва терпел, а потом нассал под себя. И потом опять... Или как эти гады наших пленных пацанов насиловали, потому что женщин почти нет... Да много чего... Но бой — один в один... — Стёпка вдруг сконфузился: — Ты знаешь, я себя иногда предателем чувствую. Посмотрю вокруг и думаю — попал в рай непонятно за что. А все наши остались там — сколько их погибло, не то что рая, а просто солнца и чистого неба не увидев? Если бы мог — честное слово, вернулся бы...

— Да ладно тебе, — Игорь хлопнул Стёпку по спине. — Ты только подумай лучше: отсюда до неосвоенных мест, может, доплюнуть можно!

Стёпка немедленно смачно и далеко плюнул, потом восхитился:

— Неужели вон там и начинаются?!

— Очень может быть, — не смутился Игорь. — Проверим...

...Снова лесоход полз через лес — через речушки, ручейки и пологие холмы, не замечавшиеся в лесу. Среди стеной стоявших сосен, кедров, пихт встречались дубравы, островки лип, а вдоль берегов — ивы, но возникли целые полосы могучих секвой и еще каких-то деревьев — Женька определил разновидность бука.

— В южных губерниях, — авторитетно сказал он, — леса были вообще непроходимые, а мы как раз скоро на их широту выйдем.

— Выедем, — согласился Борька, — а живности-то и не видно... Командир, мы шумим много.

Они сидели в своей «комнате» и рубали фруктовый салат, мороженое и бутерброды с копченым мясом, запивая все это соком. Вёл машину Степка, которому доверили практиковаться, и он с удовольствием ворочал управлением, одновременно тоже жуя бутерброд.

Игорь расстелил поверх еды карты — точнее, то, что должно было стать картами — и начал глубокомысленно ездить по ним бутербродом, после чего объявил:

— Отсюда стекают все эти реки и образуют эту вот — большую. Этот район надо исследовать обязательно. Лесоход пойдёт туда. Но и по сторонам надо смотреть, фигурально выражаясь... — он запихнул в рот остаток несчастного бутерброда, прожевал, проглотил и довел до остальных итог размышлений: — Послезавтра разделимся. Мы с Борькой поедем верхом на юг. Женька и... и... — Игорь вновь задумался на миг и решил: — И Степан — на запад.

— Здравствуйте, — едко возмутился Зигфрид, но Игорь пресёк попытку бунта на корню:

— Добрый день и вам в хату. Ты лучше остальных обращаешься с проходческим оборудованием. А девчонкам я ни за что не разрешу тут долго ездить по лесам верхами — это опасно. Кроме того, они составляют карту.

— Спасибо за заботу! — воинственно вздыбилась Катька. Так же невозмутимо, как и раньше, Игорь отвечивал:

— Пожалуйста... Давайте — доедаем и за работу.

Сам он, впрочем, решил совместить эти два занятия и влез в рубку, всё еще дожевывая бутерброд. Поинтересовался:

— Слышал?

— Конечно, — довольно хмуро осветил Степка. — Не скажу, что я очень рад... О чем я там буду говорить с Женькой? Он меня разоблачит.

— На фиг ты ему нужен, — отрезал Игорь. — Во-первых, то, что с тобой случилось, просто в голову никому не придет...

— Разве что....

— Не перебивай. Во-вторых — как ты вообще собираешься тут жить дальше? Если собираешься — надо вживаться. Верхом ты ведь едешь?

— С седла не падаю... Слушай, а что мы вообще тут ищем?

— Приключений, — твердо ответил Игорь. — Поиск приключений — это и есть первая и главная цель в нашей нелегкой жизни.

Степка хмыкнул и увеличил скорость.

* * *

Тело Аури-Арри привезли совсем недавно. Уигши-Уого не смог освободиться сразу и только сейчас пришел к трупам одного из вернейших своих помощников, члена Крылатого Совета. Растерянные, вокруг покрытого плащом тела стояли офицеры отряда Аури-Арри. Они молча расступились перед главой Теократии.

Уигши-Уого откинул плащ.

Горло Аури-Арри было перерезано — вместе с воротом, прошитым металлической нитью, одним страшным ударом, вмах. Секунду Уигши-Уого смотрел на мертвого, потом — дернул плащ вверх и повернулся к охране, чувствуя непередаваемый гнев.

— Куда вы смотрели? — спросил он опасно-спокойно. Офицеры замялись. — Как вы могли это допустить? Вы ответите за это... Как вообще все произошло?

Один из офицеров осмелился заговорить — наверное, именно от страха, понимая, что через миг кары посыплются на голову всех без разбора и лучше попытаться хотя бы перехватить инициативу, отвлечь могущественного главу Совета:

— Отец... убийца оказался среди нас по... по вашему повелению...

— Что ты плетешь?! — уже не сдерживаясь, взревел глава Совета. Офицер заторопился:

— Это правда, отец! Убийца — мальчишка, которого вы дали в проводники отцу Аури-Арри, тот, который уцелел после разгрома отряда Сапити!

— Го... — Уигши-Уого откашлялся и приказал: — Говори.

— Он перерезал отцу Аури-Арри горло, когда тот наклонился над картой... мы даже не поняли, чем и как... прямо посреди лагеря...

— Где он? — спросил Уигши-Уого. Офицер сглотнул:

— Кто, отец?

— Мальчишка.

— М-мы... не смогли его взять, отец.

— Где его труп?

— М-мы... — офицер даже будто бы съежился. — Он ушел. Но отец, у него оказалось оружие русских! И он невероятно метко стрелял, — офицер даже руку непроизвольно вытянул, показывая, как стрелял мальчишка. — Раз, раз, раз — троих наших наповал, в седло, и уже оттуда — раз, раз, еще двоих! И в галоп.

Уигши-Уого рванул ворот куртки так, что поотлетали, градом застучав по полу, выложенному мозаикой, точенные из изумрудных зерен пуговицы. И выбежал прочь...

...Бросившись на колени перед окном, Уигши-Уого долго молчал, глядя в небо. Потом

закричал в него — истошно и умоляюще:

— В чем мы провинились перед тобой?! Мы искоренили ереси на своей земле! Мы построили храмы! Мы смирили лесных дикарей! Мы прославляли тебя в делах и мыслях! За что ты караешь нас, Крылатая?! Почему сделанное нами обращается против нас?!

Молчало небо. Уигши-Уого тяжело поднялся с колен и отошел к столу. Перебрал бумаги, натываясь все на те же отчеты о поражениях и потерях. Станным показался лишь один — перешедшие за Аллогун и добравшиеся до болот по берегу моря, русские вдруг повернули и ушли обратно. Почему? Это обеспокоило главу Крылатого Совета едва ли не больше, чем все известия о боях. Может быть, это затишье перед бурей? Послать в Аллогун помощь? Но отряды Людей-С-Ножам войну не прекратили, их видели уже у излучины Йонуха и Балви. Раньше они туда не забирались, но теперь у них появились хорошие карты... слишком хорошие, будь они прокляты!!! С Людьми-С-Ножам — огромные волчьи стаи, которые действуют с организованностью и решимостью отличной армии. На Йонухе погибли несколько яшгайанов — непонятно, как и почему, ничего даже не успев сообщить...

Дикое, неестественное желание овладело Уигши-Уого — поскакать в Аллогун, дальше, к Кухлону, вызвать на поединок Довженко-Змая и — будь что будет! Глава Крылатого Совета вздохнул. Он уже давно это понял — убийствами вождей, как это получалось с дикарями, с белолицыми не справиться. Создавалось впечатление, что их вожди — в какой-то степени... слуги. Да, слуги, как бы дико это не звучало.

Разгромлены еще несколько торговых караванов. Агенты у лесовиков доносят о разброде, о пошатнувшейся вере. Племена и мелкие государства вблизи от границ занятых русскими земель кто тайно, а кто и явно уже везут свои товары к ним, принимают их власть... И купечество Иррузая, ходят слухи, ищет контактов с пришельцами, с этими детьми Пещерного Змея. И есть — есть вабиска, которые тайно сочувствуют врагу. Пока — тайно. А завтра?

Нет, страшно думать об этом...

Усилием воли Уигши-Уого заставил себя собраться. Нет, он еще глава Совета и офицер, что бы ни случилось! Он глава Совета и офицер. Сжав руки в кулаки, он вновь посмотрел в окно на небо. Еще не все потеряно, Крылатая. Не все, и твой смиренный раб Уигши-Уого многое может...

— Отец, — раздался голос бесшумно вошедшего в кабинет офицера, — к вам посетитель.

— Проси, — Уигши-Уого посмотрел в дверной проем. Он уже знал, кто пришел к нему под одеждой яшгайана, мелькнувшей в полумраке коридора.

8

К вечеру чернолесье исчезло окончательно. Вокруг стеной вставали переплетенные лианами кедры, секвойи, буки... Кишела довольно громкая жизнь, не смущавшаяся людей... и невидимая.

Борька на своем Раскидае ехал первым, держа ИПП прикладом в бедро. Игорь на сером жеребце из конюшен пионерского отряда станицы держался чуть позади и справа, положив оружие на колено.

Кони двигались по лесу быстрее лесохода — почти вдвое — и, конечно, практически бесшумно. Поэтому камера в комбрасе Борьки не бездействовала. Только что он заснял, что-то бормоча от восторга, целое стадо мамонтов — здоровенных и не рыжих, как северней, а черных, метра по четыре в холке. Странно похрюкивая, они вспахивали почву у корней деревьев и что-то отправляли в рот хоботами.

— Такую бы башку на стену, — вздохнул, опуская руку, Борька.

— От такой башки твоя стена рухнет, — охладил его Игорь, подталкивая каблуками серого, с которым у них установилось полное взаимопонимание — этот жеребец раньше

часто ходил под Димкой... — Ты прямо австралиец какой-то — мимо зверюшек спокойно ходить не можешь, норовишь пришибить.

— У меня знакомые австралийцы есть, — отозвался Борька, — нечего не них клепать... Смотри, для лагеря хорошее место!

Действительно, местность понижалась, лес расступался треугольником, и в центре его над ручьем, горбился небольшой холм с плоской вершиной.

— Ого, — заметил Игорь, осаживая коня, — местечко-то и впрямь как специально для лагеря... Ну-ка!..

И он погнал коня вперед — через пустошь и на холм. Борька пустился следом и догнал его как раз когда тот, свесившись с седла, рассматривал горелое пятно точно в центре плоской вершины.

— Точно, — удовлетворенно сказал Игорь. — Тут уже был лагерь.

— И не раз, — соскочивший с коня Борька копался в углях. — Не знаю даже, когда тут впервые останавливались, земля прямо в камень спеклась... А вот еще, — довольно улыбаясь, мальчишка поднял нитку или жилку с нанизанными на нее пятью крупными зелеными камнями, затерявшуюся в траве. — Смотри.

— Аквамарин, — со знанием дела определил Игорь. — Чье это украшение?

— Такие в лесных племенах носят, — определил Борька, — шугиты, мукры и мукто... По-моему, тут ночевать — на неприятности нарываться.

— Не успеем уже другое место найти, — Игорь отодвинул затвор подствольника, проверил гранату в казеннике. — Может, рискнем, заночуем?

Борька осматривался. В лесу уже начинала накапливать силы ночь — таинственная и излишне шумная, неприятно шумная.

— Да я что, я не против, — решил он и засмеялся. — Хитрый вы человек, Игорь Вячеславовна: Муромцев, дворянин Империи!

— Да, я хитрый, — Игорь соскочил наземь. — Поэтому за дровами пойдем вместе...

...Стемнело окончательно почти сразу после того, как мальчишки разожгли костер. Игорь как раз закончил устанавливать сканер, а Борька, открывая консервы, ругал сам себя, что за весь день не удосужился добыть свежатинки. Когда Игорь вернулся к костру, от вскрытых банок и наполненных стаканчиков уже шел пар, а Борька разговаривал через комбрас с Катькой. У «базы» все было в норме, Женька со Степаном тоже сообщили, что у них дела обстоят хорошо.

— Связь так себе, — заметил Игорь, разуваясь и ставя обувь с разостланными на ней носками у огня. — Картинка плывет... Может, мы зря обычную рацию не взяли?

— Пока, целую, — не обратив внимания на слова Игоря, сказал Борька и, поднеся комбрас к лицу, чмокнул воздух над экраном. Вдохнул: — Эх, и суток не прошло, а я уже соскучился!

— По дому? — не понял Игорь. — Так мы не сутки уже...

— При чем тут дом? — возмутился Борька. — По Катюхе!

— А-а... — с такой интонацией отозвался Игорь, что Борька фыркнул:

— Не понимаешь!

Игорь в самом деле не очень понимал. Он честно пытался представить себе ощущения влюбленного (в девушку, не в дело или родителей) человека, но память подсовывала то отрывки лицейских балов — высокий сверкающий зал, блеск металла и камней на открытых платьях дам и гулкий голос распорядителя, объявляющий танцы; то занятия по физиологии человека — с учебной виртуалкой, после которой снились незапоминающиеся, сладостно-мучительные сны; то чужой опыт — из книг, из стерео, красивый или ужасный, но безотносительный... Еще почему-то вспоминались слова Марселя Ашара: "Любовь — это свет. А супружество — плата за свет." Немного обидно было оплачивать негорящую лампочку, но Игорь отдавал себе отчет, что никого не любил и не любит — и не очень от этого страдал; хватало интересных дел, а в среде учеников лицеев вообще было

распространено презрительное отношение к "слабому полу". Для себя Игорь решил, что, если не встретит такую любовь, как у отца к маме была, то "оплатит счет" не раньше тридцати — выберет девушку лет на десять моложе, из хорошего рода, может быть — сестру кого-нибудь из соучеников, с Муромцевыми многие будут рады породниться. Вот и все... Он не завидовал «обычным» мальчишкам, гулявшим с подружками с десяти лет, а то и раньше. Может быть, потому что все-таки не очень хорошо представлял себе, что теряет. Или потому, что умел кучу всякого, о чем не имели представления эти мальчишки.

— Слушай, — вмешался в его мысли Борька, наматывавший на одноразовую вилку капающие соусом спагетти, — в принципе ты ведь можешь любого зверя просто так подманить — буквально на нож, да?

— А еще мы можем взять дирижабль и не стирать мягкое место седлами, — добавил Игорь, беря свою банку. Борька засмеялся:

— Да я понимаю все. Я не для охоты, а в принципе.

— В принципе — конечно могу, если животное высокоразвитое, я уже говорил.

— А вабиска?

— С лету — не могу, нужно время.

— А нашего, землянина? — допытывался Борька.

— Трудно и не со всяким получится. Да и вообще — не смогу я заставить делать то, что человек не хочет. Могу в мозгах покопаться и подтолкнуть, если сомневается, в нужном направлении. Так что я не волшебник.

— Когда тебя ранили стрелой, — вспомнил Борька и чуть смеялся, но продолжал, — в общем, ты тогда остановил смертельное кровотечение... Как это у тебя выходит? В смысле — это уже рефлекс, или ты должен усилия прилагать?

— Наверное, рефлекс, — неуверенно ответил Игорь, — я, если честно, и сам не очень понимаю... Вкусные консервы.

— Это мы голодные, — со знанием дела объяснил Борька. — Я один раз шесть дней ничего не ел. Мы тогда еще не тут жили, а на северо-востоке. Мне было... было двенадцать, ну и сорвался я на охоте со скалы, сломал ногу... Хорошо еще, ручеек был рядом. Первые три дня было совсем плохо, а потом меньше есть хотелось.

— Я тоже голодал, — вспомнил Игорь, — нас специально учили... Борь, а ты что, правда так сильно скучаешь по Кате?

Борька слегка удивленно посмотрел на друга. Задумчиво облизнул с губ мясной соус. И ответив словно бы отмеряя каждое слово:

— Понимаешь, я без нее словно бы весь наполовину. Живу, дышу, вообще... существую, а не живу. Я это понял, когда пожар тушили, ну, во время которого ты в станицу приехал.

— Ты женишься на ней? — спросил Игорь, накалывая на вилку кусочки мяса. Борька немного удивленно сказал:

— Я?.. Я не думал. Наверное, но еще не скоро. Нам просто хорошо вместе — мне с ней, ей со мной...

— А... — откликнулся Игорь. Прислушался и заметил: — Не хотел бы я сейчас оказаться в лесу. Смотри.

Действительно, в лесу буквально кишела шумная и мерцающая огоньками чьих-то глаз глазами и крупных светляков жизнь. Кони спокойно похрустывали травой у подножия холма, возле самой линии защиты, они не забеспокоились, даже когда длинная плоская тень отделилась от черной стены кустов и начала красться через открытое место, стелясь по залитой светом звезд и спутника Сумерлы траве.

— Это кто? — встав на колени, Борька ближе подтянул ИПП. — Не знаю такого...

— Пусть шляется, — Игорь, подняв уголек, ловко запустил им в сторону ночного гостя — тот мерзко завопил, шарахнулся длинным низким прыжком с места и канул в кусты, словно капля в воду. — Или ты хотел познакомиться?

— Познакомимся еще, — пообещал Борька и сел вновь. — Давай доедим — и спать, а?

— Давай, — согласился Игорь. Небольшой эпизод с ночным гостем развеселил его.

9

На семьдесят километров к северо-западу, у подножья изогнувшейся буквой «с» гранитной отвесной скалы тоже горел костер, как бы дополнительно отгораживая ночь от людей и коней, расположившихся со всеми мыслимыми удобствами на целой гряде лапника.

В отличие от своих товарищей на юго-востоке Женька и Степан затеяли грибной суп — из мясных консервов, спагетти и собранных днем белых грибов, до которых, как выяснилось, оба были большие охотники. Сейчас варево булькало, распространяя умопомрачительные запахи, а мальчишки в ожидании ужина разговаривали.

— Ты служишь у Муромцевых? — поинтересовался Женька.

— Ну... да, — кивнул Степка. — Но вообще я кадет.

— Хочешь военным стать, — понимающе кивнул Женька. — Я тоже раньше мечтал — не казаком, это понятно, а в регулярной армии. А потом решил — останусь на Сумерле. В лесу работать.

— Нет, я вообще-то хочу дороги строить и обслуживать, — возразил Степка — А кадет — это так... для общего развития.

— Стреляешь ты здорово, — согласился Женька. — И историю знаешь хорошо, я и не слышал про разные вещи, о которых ты говоришь. Этому что, тоже в кадетях учат?

— Это я сам, — ответил Степка. И добавил: — Мне иногда прямо кажется, что я в прошлом жил, понимаешь?

— Третья мировая... — задумчиво претворил Женька. — Я дату-то едва помню, а из-за чего воевали — вообще не пойму... Но вообще-то, конечно, если на твою страну нападут, тут не до выяснений, кто прав, кто виноват. Своя страна всегда права, по-другому и быть не может.

— Я тоже так думаю, — согласился Степка. — А, суп, похоже, готов.

— Ну-ка... — Женька встал на колени, пробуя варево. — Черт, как вкусно получилось, надо Катюхе рецепт рассказать!

— А рецепт простой, — Степка тоже присел у огня. — Берете все, что есть, мелко крошите и засыпаете в кипящую воду. Соль и специи по вкусу... Правда ничего.

Следующие несколько минут оба молча работали ложками, по временам кидая за линию огня внимательные взгляды и прислушиваясь. Не потому, что чего-то боялись, а просто по привычке. Наконец Степка отвалился от почти опустошенного котелка и, удовлетворенно вздохнув, заявил:

— Теперь еще закурить — и все.

— Ты вроде бросил, — напомнил Женька, доскребая остатки.

— Бросил, — согласился Степка, — но пометать-то можно?

— Кто о чем! — засмеялся Женька. Потом посерьезнел и вздохнул тоже: — Вот я знаешь о чем мечтаю? Правда, я знаю, что это только в книжках и в кино получается, а в жизни... — он поморщился. — В общем, удрать куда-нибудь, где с фоморами война будет. Они же на Сумерле высаживались, ты знаешь? Но я тогда совсем никакой был, пяти лет еще не исполнилось, и жили мы не здесь... Я только помню, как нас на «дэках» увозили — мама меня к себе прижимает, а я в окно гляжу, а там позади горит все, и наши казаки в ту сторону скачут, скачут, и отец с ними, а я не понимаю, куда все торопятся... Я бы сейчас им показал, как наши дома жечь!

— Хорошая мечта, — оценил Степка искренне. — А кто котелок пойдет мыть?

— Никто, — сообщил Женька, потягиваясь. — Тут помоем, из фляжек. Нальем, прокипятим и сполоснем.

Они так и сделали. Пока Степка, пристраивал котелок у огня и подбрасывал дров, да еще ходил поговорить с конями, Женька завалился на лапник, завернувшись в термопленку.

— Спокойной ночи, — сообщил он и, похоже, впрямь сразу уснул, потому что не сказал ни слова, когда Степка вместо того, чтобы лечь, присел вновь у огня и начал экспериментировать с комбрасом — подарком Игоря. Эта штучка ему очень нравилась и почти зачаровывала — все, что угодно, от переводчика до кинозала, на собственном предплечье! И такие вещи тут все носят! Просмотр видеодисков. Связь — тоже видео. Что-то вроде диктофона, счетная машинка, аппарат для обработки и записи данных, электронная карта с курсографом и еще куча всего, в чем он пока толком не разобрался.

Степка посмотрел в темноту — и вдруг отчетливо вспомнил друзей. Они словно бесшумной чередой проходили за костром, на миг поворачивая свои лица в его сторону. И последней шла Динка Линько — девчонка, про которую он коротко рассказал Игорю. Видение было таким ярким, что Степка едва не окликнул: "Подожди!" Только через секунду до него дошло, что это — его собственное воспоминание.

Он посидел еще, прислушиваясь — не специально, а просто так. Потом сказал вслух:
— Пора спать, — и встал...

...Ему почудился человеческий голос. Неявный, где-то далеко... или просто тихий, но это точно был человеческий голос.

Степка коснулся ладонью РПП на бедре и, помедлив, открыл кобуру. Ему вспомнилось, как он недавно читал «паташовский» каталог по планете Нью Уэлс — а там упоминалось, что на этой планете живет существо, которое умеет копировать голоса (в том числе человеческие!), заманивая жертвы в ловушку. Как знать — может, и тут есть нечто подобное?... Или ему просто кажется?..

Нет, это правда голос. И он никуда не зовет, а просто... звучит.

Степка подобрался. Ему было любопытно...

...Леса он не боялся. Но и не спешил — во-первых, пытался понять, что же это все-таки за голос там звучит, а во-вторых думал, а не разбудить ли Женьку. Раздумывая, он натянул очки ночного видения, встал, наматывая на руку ремень ИПП — так, чтобы стрелять с одной руки в случае чего.

— Посмотрю, кто там, — тихо сообщил он коням, перемахивая через костер. И сразу — в сторону, быстро, пригнувшись. На всякий случай...

Степка постоял, прислушиваясь. В лесу потрескивало и похрустывало, обычные звуки... Он пошел — тихонько — на голос.

С каждым шагом слова становились все слышнее — говоривший оставался на месте и, судя по интонации, звал. Степка прислушивался, но не понимал ни слова — язык вообще не был похож ни на что, когда-либо им слышанное. Голос — звонкий и настойчивый — повторял несколько переливчатых, как вода горного ручейка, слов.

"А почему я не удивляюсь? — неожиданно трезво подумал Степка, останавливаясь. — Лес за сотни километров от жилых мест, кто-то зовет на непонятном языке, а я не удивляюсь?"

Чувства опасности не было — вот почему. Напротив — Степка ощущал полное спокойствие, даже ИПП и РПП казались лишними.

Он вновь сдвинулся с места и зашагал быстрее. Интересно, что Степка даже не пытался себе объяснить происходящее, пока не увидел впереди, на прогалинке, невысокий тонкий силуэт. Странно — силуэт словно бы светился сам по себе! И тем не менее — это явно был человек, поэтому Степка безо всякой опаски подошел ближе и окликнул невесть как оказавшегося в этом лесу незнакомца:

— Эй, привет!

Конечно, довольно глупо, но что еще-то можно было сказать? Человек обернулся. Это оказался мальчик на пару лет младше Степки, с тонкими, благородными чертами правильного лица и золотистыми волосами, падавшими на плечи. Одет мальчишка был то ли в куртку, то ли в рубаху с широкими рукавами и квадратными расшитым воротом,

обтягивающие штаны и сапоги с подколенными отворотами.

— Здравствуй, — еще раз подал голос Степка. — Ты как тут оказался, ты кто?

Мальчик без испуга или опаски, но и без радости — скорее с удивлением, смотрел на Степку. Потом сделал плавный жест рукой и произнес несколько музыкальных слов с вопросительной интонацией.

"Корабль в лесу упал, что ли, какой, или катер космический? — подумал Степка. — Вот ведь, а я и разобраться не могу, кто он. Не англосакс, точно... Да и если бы что упало — тут бы сейчас такое было..."

Мальчишка поднял и опустил брови, смешно вздохнул и покачал головой. Он выглядел не спасшимся после катастрофы, а просто потерявшимся в парке или лесополосе недалеко от города — и не слишком этим озабоченным.

— Ты кто, ты как тут оказался? — спросил Степка, подходя вплотную.

— О-ка-зал-ся? — мелодично и словно не слыша себя, повторил мальчик — и что-то спросил тоже, потом коснулся ладонью рукава Степки, развел руками, повел ими вокруг себя и сделал удивленное лицо.

— Пойдем, ладно, — немного неуверенно предложил Степка, беря мальчишку за плечо. — Пойдем-пойдем, — и тот доверчиво пошел за Степкой. Нет, точно ни дать ни взять заблудившийся в пригородной зоне пацан, который встретил старшего — и тот теперь обязательно выведет его к людям.

Степка никогда не имел ни сестры, ни брата. Он помедлил и неожиданно для самого себя улыбнулся.

А потом понял, что... рядом с ним никого нет...

...Растерянный и — вот теперь! — удивленный Степка стоял на месте. Оказывается, он отошел недалеко и видел даже отблеск огня за деревьями. А мальчишки не было.

Степке неожиданно вспомнились слова Игоря, которые он сказал перед тем, как они разъехались. Игорь взнуздывал коня и вдруг, с улыбкой повернувшись к остальным, заявил: "А вы знаете — мы ведь в настоящем рыцарском странствии. В средние века это называла «квест». А в таком странствии все возможно!"

— Что ж, — вслух сказал Степка, — квест, так квест. Разберемся!

И зашагал к огню.

Глава 6 Зубастые горы

Таится в неизведанном святая красота

И держится по-прежнему

Земля на трёх китах:

Упорство, вера и мечта!

Р.Шмаков

1

Параволк, которого звали английским именем Файт, лежал, опустив голову на высокие ботинки капитана Белькова. Полицейский сидел, опершись спиной на могучий древесный ствол и положив на колени плазмомет Коновалова с подствольником, совершенно неподвижный и спокойный. Солнце вставало на востоке, за рекой Граничной, которую вабиска называли Балви.

— Далеко мы забрались, — негромко сказал Бельков, опуская руку и почесывая волка за ухом, — а, штабс-капитан?

— Разве это далеко? — отозвался параволк. — Я водил стаи в сам Иррузай. Это — далеко.

— Мне пора возвращаться, — лениво произнес человек. — Задержался я, а у меня и работа есть.

— Мы справимся, — заверил Файт. — Ты можешь возвращаться.

Бельков кивнул, перебирая пальцами густую шерсть. Словно бы сам с собой разговаривая, сказал:

— Иногда я думаю — прочно ли то дело, которому я служу? Или весь наш мир — снова только промельк в истории, а на смену ему вновь придет что-то ужасное? Что вы, волки, думаете по этому поводу?

Человеку показалось, что, будь параволк человеком тоже, он пожал бы плечами:

— У волков нет памяти. Они не помнят прошлого. А мы есть недавно. Нам нечего помнить. Такими нас сделали люди.

— Эх, штабс-капитан... — Бельков встал, — многого ты не понимаешь... Останешься тут?

— Да, — волк вытянул лапы и, положив на них лобастую голову, закрыл глаза

Полицейский устроил ИАП на ремне и широко, но бесшумно зашагал в чащу — без тропинки, однако уверенно...

...До места, где ждал вертолет, оставалось еще километра три — сущий пустяк для хорошего ходока. Бельков по камешкам перебрался через говорливый ручей, на берегу которого возле пирамиды из голов вабиска высилась плита с руническими символами. Ниже в камне были высечены строчки на немецком:

22 мая 202 г. Г.Э.

в бою с вабиска на этом месте пали смертью воинов люди Фелькишер Ланд

Ян Фирлинг /род.19 февраля 170 г. Г.Э./

Арендт Фох /род.11 августа 175 г. Г.Э./

НАМ НЕ ХВАТАЕТ ВАС, БРАТЬЯ!

Полицейский задержался. Отдал честь. Потом кивнул, отвечая каким-то своим мыслям и тихо добавил:

— Нет, не зря.

* * *

Лежа с полужакрытыми глазами, Борька наблюдал, как Игорь, сидя на корточках и отгоняя левой комаров, правой ловко реанимирует костер. Одновременно ухитряясь напевать на полужнакомый мотив:

— *Лыжи на старте стоят...*

Зря я без лыж побежал.

Слышится тренерский мат —

Я англосакса догнал.

Я англосаксу кричу,

Чтоб он лыжню уступил.

Хлопнул его по плечу,

Не рассчитал и... убил...

А, сволочи, как кусаются! Борь, вот почему мы между звезд летаем и даже насморк

победили — а от мелкой гнуса спасенья нет?!

— А ты откуда знаешь, что я не... а, конечно! — Борька сел, поежился. — А холодно... Коней кормил?

— Нет, — Игорь дернул плечами. — Давай ты.

— Холодно-холодно-холодно... — бормотал Борька, окончательно выбравшись на очень свежий воздух и вынимая из выюков кормовые брикеты. — Что на завтрак?

— Яичница с ветчиной. Яйца порошковые, ветчина консервированная, — доложил Игорь. — И еще воды принеси.

Борька заткнул за широкую резинку трусов свой РПП и, нагнувшись за котелком, ойкнул. Игорь засмеялся:

— Не поджарься, яичница уже есть.

— Не хотелось бы, — согласился Борька, подпернув плазмомет вверх. — Я сейчас... А росы-то нет, дождь будет к вечеру.

С этими словами он заскакал к ручью. Игорь вплотную занялся костром — и от ручья плюнул выстрел, раздалось воющее рычание, РПП выстрелил еще раз, кто-то завизжал, и с рычанием смешалась ругань Борьки.

Перескочив через только-только занявшийся костер — некогда было хватать оружие — Игорь метнулся к ручью. Перемахнул через кустарник...

Здоровенная рыжая полуобезьяна каталась по земле, держа лапы на обугленном животе. Вторая такая же — без головы — лежала в ручье. Еще две ломали Борьку; третья, размахивая корявой дубиной, скаля желтые клыки, подходила с явным намерением разmozжить мальчишке затылок. Игорь узнал раньше виденных только на голографиях орангов — обитателей леса, сомнительно разумных и очень свирепых существ, которых лесные вабиска боялись и с которыми враждовали не на жизнь, а на смерть. Но с русскими оранги почти не встречались...

— Ах ты!.. — выкрикнул Игорь уже в прыжке, ударом ноги ломая вооруженному дубиной орангу позвоночник ударом ноги и приземляясь на руки с перекатом.

— В лапы им... — прохрипел Борька, сам яростно, но явно из последних сил сопротивляясь этим лапам, не спешно откручивавшим ему голову. — Игорь... в лапы... не попадайся... о-о-ой, помоги-и!!!

Игорь уже и сам сообразил, что с длинными, перевитыми канатами мускулов лапами орангов в прямой схватке не справиться и чемпиону по армрестлингу, не то что пятнадцатилетнему мальчишке. Но позволить убить своего друга...

— Иди сюда, образина! — крикнул он, прыгая к одному из орангов. — Ты — иди сюда, вонючая мразь!

Оранг выпустил Борьку и отмахнулся лапой, намереваясь одним ударом сломать нового противника.

Он успел увидеть только со страшной быстротой летящий навстречу ствол дерева.

Борька тем временем подсечкой швырнул последнего оранга наземь и, падая на него, проломил грудину выставленным локтем.

— Жив? — Игорь подхватил лежащий на гальке у ручья РПП друга.

— Помяли немного, — Борька кашлянул, покрутил шеей. — Цел... Думал — все, придавят.

— Угу, — Игорь в подскоке переломил шею раненому орангу — спокойно и беспощадно. — Сволочи, засаду устроили... Пошли-ка обратно в лагерь, да побыстрее. На холме как-то спокойнее...

... — А вот интересно, — раздумчиво сказал Борька, присаживаясь на седло со своим завтраком, — как там наш Степка? Не спалился?

Лес спрятал горы, которые Женька видел с вертолета. Мальчишки ехали дном прозрачно-зеленого океана...

...— Ну и тогда Бахмачев захватил и расстрелял местных функционеров сепаратистских организаций, а с ними — региональных руководителей корпораций, а потом объявил мобилизацию. У Штатов уже почти не было боезарядов, они начали вторжение с баз на Кавказе.

— Да, тебе экзамен по истории не страшен, — Женька, устроив ногу на седле, положил левую руку на колено и вел отрывочную съемку комбрасом. — Можно прямо подумать, что ты их всех видел — Бахмачева, Романова...

— Романова я не видел, — уточнил Степка. Женька захохотал:

— А Бахмачева видел?!

Степка рассмеялся тоже и похлопал запрядавшего ушами коня по сильной шее. Признался:

— Не видел... Послушай, а вот война в... наше время — как она вообще выглядит? Как в стерео?

— Чудной ты, — хмыкнул Женька, — как будто правда в музее жил... А на музейную крысу не похож ничуть.

— Ну... просто я этим никогда не интересовался. Так как?

— Ну, в стерео верно вообще-то... Нам на занятиях показывали учебные имитаторы, преподаватели говорят, что там все точно. Бомбежки, высадка десантов... Но вообще-то, — добавил Женька, — у нас не рекомендуется высаживать десанты, когда враг достаточно силен и развит — очень велики потери. И мы, и англосаксы применяем блокаду и стараемся по частям разбить флот врага. А вот фоморы в ту войну пытались решить дело именно десантами, как будто мы дикари — ну и проиграли... Нет, ты правда не смотрел учебные виртуалки?

— Не приходилось. Мне они вообще не нравятся — так, заменитель жизни.

— Не скажи, — возразил Женька, — как познавательные они очень полезны. На какой-нибудь Луне откуда, например, взять экскурсию в джунгли по какой-нибудь там биологии? Там виртуалка не заменима. Конечно, бывают больные, которые в нее вживаются — и хана, но таких капля в море, а полная виртуальность вообще запрещена... Смотри, как красиво.

Вдоль берега реки двигалось большое стадо оленей. На другом берегу, возле заводи, копошились несколько болотных кабанов; на мелководье, распростерши серповидные крылья, замерли зелено-красные длинноногие птицы. Выше по течению берег резко поднимался, и из естественного каменного желоба, проложенного водой в глыбе серого гранита, срывался в речушку небольшой прозрачный водопадик.

— Очень, — согласился Степка. — Вон те свиньи — это болотные кабаны?

— Угу... А птицы — серпокрылы. В колонии их не осталось почти, только в заповедниках и на латифундии генерал-губернатора... Вот бы тут хутор взять — вон там, где водопад. В граните можно вырезать подвалы...

— Ставь, кто мешает? — удивился Степка. Женька вздохнул:

— Я бы поставил. Для себя и для Лизки. Но понимаешь, не умею я на земле хозяйствовать. Мне прямая дорога к лесничим, как Борьке... Степ, твоя девчонка погибла?

— Да, — Степка не сводил глаз с птиц. — Она тоже была кадетом. Женька помолчал и спросил:

— Где? Извини, что лезу...

— Ничего... Ее убили на Нова-Гоби, — Степка мысленно попросил прощения у Динки, назвав планету, про которую успел немало почитать и посмотреть.

— Я не знаю, как бы я жил, если бы с Лизкой что-нибудь случилось, — признался Женька. — Мне и представить трудно.

— А ты и не представляй, — посоветовал Степка, погнав коня вниз, к воде, сказав через плечо: — Вон там брод, смотри, как рябит.

Женька пустил коня следом, и вода заплескалась не выше середины конских ног. Левее в прозрачном омуте стояли против течения и лениво шевелили хвостами большие карпы.

— Вот это рыбка, — заметил Женька, — Может, подбить? — он вложил в подствольник патрон с картечью, но Степка остановил его:

— Погоди, постой. По реке звук далеко слышно.

— А то я не знаю, — Женька посмотрел на товарища. — Кого боимся?

— Да так... — Степка смутился. — Что-то мне не по себе стало. Чушь, наверное... Ладно, на обед будет рыба.

— Не-ет, погоди, правда... — теперь уже насторожился Женька. — Давай-ка на берег, оп, о-опп!

На берегу он спешил. Степка тоже соскочил наземь, встал между двумя конями, намотав поводья на кулак и держа в правой руке ИПП. Женька молча и бесшумно канул в кусты, держа оружие наперевес.

Он вернулся буквально через минуту, принял повод и только после этого тихо сказал:

— Нет никого. Но были. Полчаса назад, не больше. Сидели тут, рядом. Вабиска, с оружием, сколько — не понять, но много, — он вспрыгнул в седло. — Поехали-ка отсюда к чертовой матери... Хотя, похоже, они пришли со стороны гор.

— Оттуда, куда мы едем? — уточнил Степка, тоже садясь на коня. — Это уже интересно. Нас ищут?

— Не знаю, — признался Женька. — Заберем чуть в сторону. Не хочу я с ними встречаться.

3

Здоровенные и высоченные деревья начали встречаться около полудня. С них густо свисали лианы, образуя плотную сеть, достаточную по размерам и густоте, чтобы в ней запутался всадник с конем.

— Не знаю таких деревьев, — признался Борька. — На востоке таких нет.

— Ископаемые какие-нибудь, — заметил Игорь. — Но я палеоботанику плохо знаю.

— А я-то лесничий! — с досадой ответил Борька. — Не лесотехник, конечно, как Женёк, но все-таки... а вот не знаю — и все тут. Похоже на лепидодендроны... Посмотри, какие роскошные лианы... о, глянь!

Какие-то непонятные животные — невероятно быстро! — мелькнули среди деревьев, мальчишки даже не успели их толком рассмотреть.

— Я и не снял даже, — засмеялся Игорь. — А вон еще!

На этот раз они разглядели загадочных существ подробно. Животные чем-то напоминали страусов или кенгуру, не поймешь — покрытых короткой светло-шоколадной шерстью. Парочка этих существ остановилась среди деревьев метрах в ста от мальчишек, обмениваясь высоким попискиванием и словно позируя для Борькиной съемки.

— Не, я точно таких не знаю, — подытожил он. — Можем даже их сами назвать. Предлагай.

— Ничего оригинального в голову не лезет, — признался Игорь. — Потом назовем, — он махнул рукой и крикнул: — Кшш!

Симпатичных животных как ветром сдуло. Может быть — тем самым, который буквально из ниоткуда сорвался в следующие мгновения — ураганной силы удар пригнул даже мощные деревья, чьи кроны загудели, словно органные трубы под руками опытного мастера. Кони затанцевали, закидывая головы с безумно закаченными глазами — вполнебавихрь гнал густо-черную тучу с невероятно четко очерченным, словно тушью обведенным, краем. Туча со страшной скоростью пожирала синеву; первый удар грома расколол воздух, почти совпадая с ветвистой белой молнией, рухнувшей в лес — земля содрогнулась. Полуминуты не прошло, как стало почти темно, и на мальчишек и коней под канонаду

грома, немолчную и торжествующую, свалился водопад теплой, пахнущей травами, словно хороший душ, воды. Она слепила и пригнала к молниеносно вскипевшей черно-бело-пузырчатыми потоками земле.

— Я видел такие ливни! — прокричал Борька, сгибаясь в седле. — Стой, стой, стой, Раскидай! Но южнее! Смотри, как здорово!

— Ничего не вижу! — криком отозвался Игорь. Ему почему-то хотелось хохотать во всю глотку, и он засмеялся, запрокидывая голову и глотая воду широко открытым ртом, почти захлебываясь. — Сколько воды!

Ветер утих мгновенно, утащив с собой тучу — и так же мгновенно выключился и дождь, оставив после себя усилившуюся влажную духоту и дрожкие испарения, поднимающиеся от земли. Мальчишки вымокли насквозь, но почти тут же вспотели и, соскочив наземь, начали раздеваться, выжимая одежду и раскладывая ее на успокоившихся конях — седлах и крупах. Борька, прищурившись, сделал осторожный шаг в сторону и стряхнул на Игоря целый водопад с веток кустарника, возле которого стоял юный дворянин — тот аж заплясал в грязи и, повернувшись к покатывающемуся от смеха другу, поинтересовался:

— А по шее?

— А давай, — Борька выставил перед собой руки, пригнулся. — Только без кулаков.

Как и все казаки, Борька виртуозно владел любым холодным и огнестрельным оружием, но свысока относился к рукопашному бою, ограничиваясь обязательной школьной программой. Игорь напротив — был в этом отношении отлично подготовлен и удивился, видя, что его друг принял стойку, характерную для немецкой народной борьбы.

— Кто тебя учил рингкампу? — поинтересовался Игорь, становясь в классическую стойку.

— Ребята-германцы...

— Ну, сейчас ты у меня тут всю грязь вспашешь, — пообещал Игорь. — И не жалуйся...

— Оп! — Борька шлепнул Игоря по плечу и, скользнув под его руку, обхватил соперника сбоку поперек туловища, уперев голову под мышку и мешая Игорю провести свой захват. Мальчишки сопели и пыхтели, одерживая смех — они боролись даже не в шутку, а ради нахлынувшей придури. Наконец Игорь убедительно доказал превосходство классического стиля над архаичным рингкампом — он швырнул Борьку через плечо в наиболее грязное место и поинтересовался, упершись ладонями в колени:

— Кустик над тобой потрясти?

Борька сел, окрестив ноги, взглянул на Игоря снизу вверх... и, внезапным быстрым движением схватив его за щиколотки, дернул на себя. С негодующим воплем наследник дворянского рода Муромцевых уселся в грязь:

— Ах ты, ублюдок!!!

— Очень может быть, — весело согласился Борьке, — но, во всяком случае, теперь ты сидишь в той же грязи, что и я.

Секунду казалось, что Игорь вот-вот рассердится на самом деле. Но вместо этого он улыбнулся и заметил:

— Что ж, тут не так уж плохо. Но мне кажется — все-таки надо встать, помыться, одеться и ехать дальше, — он поднялся на ноги, задумался и сказал: — Я такую грозу видел... нет, если честно, я такой грозы не видел вообще.

— Погодники говорят, что южнее грозы еще даже сильнее, — Борька влез в кусты, как в стоячую ванну. — Ой, холодная!

Игорь помылся по соседству. Небо окончательно очистилось, словно его метлой размели от туч, солнце жарило с неослабевающей силой, превращая лес в парилку. Мальчишки какое-то время вели коней в поводу, чтобы не стереть им седлами мокрые спины. Ручей, журчание которого они слышали перед ливнем, вздулся и ревел, превратившись в настоящую реку.

— Это схлынет скоро, — Борька подобрал на берегу несколько галек, бросил одну, другую, третью, прислушиваясь и вглядываясь. — А сейчас метра два будет, не пройдем.

— Брод поищем, — предложил Борьке Игорь. Тот засмеялся:

— Нет тут брода. Подождем, — он поковырял носком сапога землю, присел, доставая засапожник, разрыхлил ее возле какого-то кустика и выдернул несколько диких редек. — Хочешь?

— Давай, — Игорь наклонился, прополоскал редьку в воде и задумчиво ею захрустел. — Надо сегодня что-нибудь подстрелить.

— Иррузайца, например, — добавил Борька.

4

Сухо шурша, рясы яшгайанов мели пол. Они вдвоем шли впереди и придавали Уигши-Уого куда больше уверенности, чем металлически топающие позади офицеры личной охраны. Тем более, что были это НЕПРОСТЫЕ яшгайаны... Главе Крылатого Совета с трудом удавалось сдерживать нервную дрожь — он надеялся, что его волнение не очень заметно. Хотя — что можно скрыть от слуги Змея? Нет, бояться нельзя. Да и не надо — Друзья рядом, они защитят от врага, перед которым бессильно земное оружие.

Но дрожь Уигши-Уого была вызвана не только тем, что он боялся. Пожалуй даже — не столько. Похоже было, что Птица слышала его неистовые молитвы. Кажется — удастся если не отвлечь, то сильно отсрочить гибель ревнителей единственной веры.

Глава Совета шел на встречу с РУССКИМ, известившим его через Друзей, живших под личинами яшгайанов, о желании помочь...

...При виде летающей машины остановились все. Белокожий, сидевший в открытой двери, поднялся на ноги и скрестил на груди руки. Он был высокий, в травянистого цвета одежде и вроде бы безоружный.

— Дальше я пойду сам, — сказал Уигши-Уого. Он обязан был это сказать и твердо повторил в ответ на испуганное движение начальника охраны: — Я пойду сам. Один. Ждите.

Русский двинулся навстречу, но остановился, пройдя несколько шагов. Поклонился — одной головой, скорее просто кивнул. У него были неприятные глаза — живые, как ртуть, изменчивые, с белой и серой полосами вокруг пульсирующего зрачка. И волосы цвета дорожной пыли в жаркий день — по всей голове, как у обольщающих демонов с фресок. Но заговорил он первым, заговорил на родном языке Уигши-Уого, вполне вежливо и правильно:

— Разрешите представиться — Карев Ольгерд Денисович, глава совета директоров Объединенной Космической Компании в системе Полызмея. Я имею честь говорить с господином Уигши-Уого, главой Крылатого Совета Иррузая?

— Да, — Уигши-Уого сделал жест согласия, потом кивнул — как это делали белолицые, соглашаясь с собеседником. — Мне сообщили, что вы настойчиво искали встречи. Вот он я. Что вы хотели мне сказать... Оли-Геуро?

— Я хотел не сказать, а предложить, господин Уигши-Уого, — русский улыбнулся. — Спасение. Или отсрочку вашей гибели, по крайней мере.

Главе Совета сделалось не по себе — белолицый угадал его мысли. Уигши-Уого едва устоял перед соблазном нанести наглому, высокомерному пришельцу мысленный удар. Вместо этого он плотнее запахнулся в плащ и сухо ответил:

— Я готов слушать.

— Вы погибнете в ближайшие несколько лет, — сказал русский, и Уигши-Уого вскинулся от холодной бесцеремонности его тона. — Они, — кивок в сторону яшгайанов, — вас не спасут. Не станут ради вас открыто ссориться с Землей... вы понимаете, О ЧЁМ и О КОМ я... — яшгайаны остались неподвижны. — Генерал-губернатор вас добьет; он человек весьма упорный.

— Я это уже понял, — процедил Уигши-Уого. Как ни в чем не бывало белолицый продолжал:

— Но мы можем оттянуть сроки вашей гибели — а время меняет многое; как знать — может быть, и ваши судьбы оно изменит к лучшему? В обмен на сотрудничество мы требуем одного — открыть для наших торговых экспедиций территории Иррузая и Аллогуна.

— Вот как... — Уигши-Уого с трудом сдержал гнев. С тех пор, как Иппа превратилась в союзника пришельцев, а занимаемые ими районы поползли во все стороны, как злая опухоль, дела с торговлей и так шли неважно. А согласие на прозвучавшее сейчас предложение — он понимал это! — вообще поставит под контроль белых всю торговлю. Это же рабство! Этого не требовали от вабиска даже Друзья... Но облечь свой гнев в слова Уигши-Уого не успел.

— Мы можем договориться, — невозмутимо продолжал русский. — Мы понимаем цену торговли. А генерал-губернатор не понимает и не поймет никогда — он потомственный дворянин высшей пробы. С ним вы не договоритесь, он вас уничтожит и сожжет ваши города, как сжег Кухлон.

Слова били, как молот. Уигши-Уого испытал приступ отчаянья — он знал, что пришелец говорит правду. Но прозвучало в словах русского и еще что-то... что-то, не сразу понятое главой Совета. И лишь через несколько мгновений он сообразил: ненависть.

Говоривший ненавидел своих соплеменников.

"Они могут уничтожить сами себя, — голос одного из Друзей прозвучал в мозгу Уигши-Уого. — Пусть он поможет тебе и спасет твой народ, его веру... а там мы поможем тебе в другом — расправиться с ним самим и теми, кто его послал."

— Что же вы можете сделать? — отрывисто спросил Уигши-Уого. Белолицый зачем-то двинул плечами, словно ему жала одежда:

— Кое-что... Видите ли, последние несколько веков нашей страной правит тупое, косное и фанатичное стадо, называющее себя дворянством. Оно срослось с государственными структурами и частью корпорации... э... купечества. С другой стороны — есть мы, свободные корпорации. Между нами... — он столкнул два кулака так, что они издали отчетливый стук. — Они мешают свободной торговле, развитию рынка и вообще развитию человечества. Они опутали жизнь множеством нелепых запретов. Мы с удовольствием свалим одного из представителей дворянства — а если это произойдет со скандалом, то мы получим редчайший шанс поставить на место генерал-губернатора нашего человека.

— Вы говорите — «мы», — осторожно начал Уигши-Уого. — Вы не один? За вами стоит сильная группа людей?

— Да, — коротко ответил белолицый, и глава Совета понял: ложь. Группа-то, вернее, есть наверняка. Но никакой особой силы за ними нет и они боятся своих правителей. Однако — и ненавидят, а ненависть большая сила... да и потом: тот, кто сорвался в пропасть, ловит рукой летучую паутинку. И кто может сказать, велики или малы возможности стоящего перед Уигши-Уого русского? Даже одиночка может обладать немалой властью...

— Вы настаиваете на контроле за торговлей? — уточнил, поразмыслив, Уигши-Уого.

— Нет-нет, — покачал головой белый. — Вы не поняли. На проценте от транспортировки грузов с юга — раз. На возможности открытия своих факторий в ваших городах — два. На безопасности перемещения наших людей — три. И это все.

— Все, — повторил Уигши-Уого. — А что ждет нас?

— В первую очередь — прекращение нашей экспансии на север. Это ведь уже не плохо, так?

"Так," — согласился про себя Уигши-Уого. Но вслух спокойно поинтересовался:

— А дальше?

— Дальше? — русский оскалил зубы — не ровную полосу, подобно вабиска, а с ярко выраженными клыками, как у хищника. — Дальше — вассалитет. Как у Ваббама, Мори-Аори или Суггама.

— Я не ослышался? — Уигши-Уого стал еще прямее, а белый оскалился еще шире:

— На другой чаше весов — вера и жизнь вашего народа... Видите ли — это вам кажется, что вы — центр мироздания. На самом деле — вы лишь небольшое слабо развитое государство на отдаленной почти неосвоенной планете, важной для нас лишь потому, — его глаза перетекли в сторону неподвижных фигур в одеяниях яшгайанов. — что тут проходит граница... с кое-кем. Вы ведь уже обороняетесь, а вас еще не трогали на государственном уровне, по полной программе...

— Хорошо, — согласился Уигши-Уого. — Итак: что вы можете предложить?

5

Два часа Зигфрид искал, тычась в берег речки, место для подъема. Он несколько раз пытался влезть на откос, но тот нигде не был меньше 60 градусов, и лесоход снова и снова сползал в речку обратно, поднимая мутные волны. Самотаск перерезал здоровенное дерево, как кусок масла и тоже не помог.

— Все, не знаю, где выезд, — германский мальчишка оставил управление. Замок двигателя; стало слышно, как в бронированный борт плещет вода. Девчонки, наклонившиеся над плечами Зигфрида, мрачно созерцали развороченный гусеницами склон. — Ну что, фроляйннен? Надо рыть дорогу, — с этими словами он полез на место оператора, бросив: — Лиззи, садись, поведешь, как я скажу. Давай понемногу вперед.

Мощный навесной ковш врубился в породу берега, отбрасывая ее в реку. Лесоход равнял гусеницами образующийся скат, постепенно поднимаясь и одновременно углубляясь в берег. Несколько раз попадались толстые древесные корни — Зигфрид пускал в ход дисковую пилу, с легкостью рассекавшую даже камень.

— Зиг, там какие-то пустоты, — заметила Катька, сидевшая возле экранов локации. — Вот тут, тут, тут... совсем близко. Это похоже на пещеры, мы их сейчас вскроем... осторожнее, биологические объекты!!!

Ковш лесохода с легкостью вскрыл довольно высокий, уходящий куда-то в глубины откоса, туннель, по которому шмыгали в глубину серые тени. Оттуда, из темноты, вылетели несколько стрел и ударились в лобовую броню. Катька со смешком включила ревун — иссушающий мозг вопль, скорее всего, загнал неизвестных шахтеров в самые глубины подземелья.

— Очень удобно, — похвалил Зигфрид, — тут мы прямо по коридору наверх выкарабкаемся.

— Думаю, мы о себе в этих местах хорошую память оставим, — заметила Катька. — Глядишь, еще и сказки сочинят — про большое чудовище из реки!

* * *

Через открытые люки было видно ясное звездное небо между кронами деревьев. Оттуда тянуло свежим ночным воздухом и было слышно, как Зигфрид ходит по броне, напевает что-то и постукивает подковками своих горных ботинок о металл. От этих звуков девчонкам, сидевшим на кроватях, становилось почему-то очень уютно и как-то тепло, возникало ощущение полной защищенности, словно ты дома.

Катька уже улеглась, натянув простыню до подбородка и закинув руки под голову. Лиза, сидя на своей кровати со скрещенными ногами, расчесывала волосы.

В лесу что-то о треске рухнуло — и еще что-то долго хрустело, побряхтывало и стучало. Лизка подняла голову. Катя протянула руку к своему ТКЗ-70, заткнутому под подушку. Но Зигфрид наверху сперва чихнул, потом прошел куда-то в корму и притих, только еле слышно насвистывал.

— Писает, — прошептала Катька, и девчонки захихикали; чем дальше — тем больше, затыкая рты ладонями и шикая друг на друга, словно для них было открытием, что мальчишки это делают. Потом Лизка уже серьезно сказала:

— Как они там, наши ребята?

— Скучают по нас, но не очень, — решила Катька. — Они же как полувзрослые щенки, а вокруг столько интересного. Да еще и лапы заплетаются.

Они снова захихикали. Зигфрид наверху щелкал металлом — что-то делал с оружием. Лизка заметила:

— Ну нет, Игорь вовсе не такой уж щенок... Он симпатичный, правда? Я таких раньше не видела — смуглый, волосы темные, а глаза — как сапфиры.

— Интересный, — согласилась Катька. — И это да, у него лапы не заплетаются. Он их сам кому хочешь заплетет в косичку. Только Борька все равно лучше... Ох, — неожиданно вздохнула она, — ну лишь бы с ними ничего не случилось там! Мы-то под броней, а они нет.

— Девчонки, вы легли? — спросил Зигфрид сверху.

— погоди! — Лизка поспешно забралась под простыню. — Все, закрывай!

Зигфрид соскочил вниз и зашлюзовал дверь. Потом выключил внешние микрофоны. Слышно было, как он сел на свою койку и начал раздеваться.

— Связь почему-то плохая, — сказал он, — и чем дальше, тем хуже. По идее, трансляция всю планету охватывает, а я не могу столицу поймать.

— Наверное, что-то в горах, к которым мы движемся, — предположила Лизка. — Хотя я карты спектроопределителя смотрела, ничего особенного там пока не заметно.

— Ладно, давайте спать, — вздохнул Зигфрид, укладываясь на койку. — Завтра разберемся поподробнее, а пока — спокойной ночи.

В лесоходке стало тихо, только за переборкой похрапывали кони, да в рубке тоненько пересвистывались сигналы приборов.

Экипаж спал.

6

Подъем начался около трех часов, и к шести часам Женька и Степка выбрались на высшую точку лесистого плато, откуда вновь начинался спуск — к невидимой отсюда дельте большой реки у подножья гор. Тут было ветрено и жарко, деревья, выросшие на гребне, кренились в одну сторону причудливой косой гребенкой.

Мальчишки рассматривали в бинокли лесное пространство впереди, пытаясь высмотреть следы туземцев. Но в лесу это было трудновато.

— Все-таки это интересно — про Рейнджеров, — Степка опустил бинокль. — Значит, ночью я попал в прокол?

— И тебе повезло, — подтвердил Женька. — С проколами не стоит контактировать. У нас на Сумерле пропадает не так уж много людей, и, как правило, этому находятся логичные объяснения, но как минимум четыре человека пропали именно в проколах. Никто не знает, куда они попали — и ни один из них нигде больше не объявился. Говорят, — Женька тоже опустил бинокль, — что место стабильного прокола есть во дворцовом комплексе генерал-губернаторов, но это, скорей всего, только слухи. Кстати, еще вот что интересно. Сами по себе города Рейнджеров — не такая уж редкость, их на некоторых планетах даже по нескольку бывает. Но такое впечатление, что этих Рейнджеров абсолютно не колебало, какие дела творятся на планетах в целом. За пределами городов — ни единого артефакта. Даже линий связи или дорог нет. А сами города или начисто разрушены — или аккуратно покинуты. Нигде не видно, чтобы они бежали в спешке... Давай-ка еще посмотрим.

Уже молча они еще несколько минут оглядывали лес, пока наконец Женька не опустил бинокль окончательно, вздохнув:

— Если там кто где и есть — ничего не заметно.

— Мне что-то не по себе, — неожиданно признался Степка. — Как будто за нами кто-то наблюдает.

— Что? — Женька встрепенулся, включил в сканере режим активного поиска и повел рукой по широкой дуге. — Да нет... или нет — да.

Это он сказал, снимая с плеча ИПП и глядя вверх, где на высоте примерно ста метров плавала над мальчиками ширококрылая птица — похоже, орел. Женька вскинул ИжС-52 и выстрелил. Огненный комок не долетел до земли.

— Яшгайаны могут устанавливать мысленную связь с животными и птицами, — пояснил он Степке, укладывая оружие стволом на плечо. — Так что за нами и правда наблюдали, а теперь точно знают, где мы и кто мы.

Степка молча снял с предохранителя свой ИПП, и они, понукая коней, зарысили вниз по склону...

...На этот раз ехали почти до темноты, то шагом, то рысью. Связь с Игорем и Борькой была плохой, с лесоходом — вопреки всякой логике, ближе ведь! — вообще почти никакой, все плыло и хрипело какими-то пугающими голосами, изображение растекалось цветными пятнами.

— Я бы не стал разводить костер не ночевку, — негромко заметил Степка, когда сеанс связи был с грехом пополам отработан.

— Сканеры же есть, — возразил Женька. Но тут же сам себя поправил: — Да, если зажмут, куковать нам в окружении, пока еда или заряды не кончатся, никого не докричишься... Поедем, пока не стемнеет. Так?

Степка энергично закивал. Потом опросил:

— С чего бы им за нами так следить? Неужели из чистой подлости?

— А что, иррузайцы — они такие, — не отрицал Женька. Они долго ехали молча, лишь иногда пристукивали коней каблуками. Потом Степка вновь напал разговор:

— А вот за этими горами, за Меридианом — там что? Неизвестно?

— Да почему неизвестно? — Женька пожал плечами. — Карты даже есть, аэрокосмическая съемка... Там полосой к северу леса, а южнее — степи, большущие, тут у нас нет таких. А за степями — болота до самого океана... Говорят, на западном побережье через пару лет тоже колонисты высадятся, пойдем навстречу друг другу...

— Они впереди, — сказал Стёпка, вынимая ноги из стремян — так спокойно, что Женька не сразу понял, что к чему. Но потом, бросив один взгляд на сканер, выругался и остановил коня.

— Три... семь... десять. Десять штук в засаде. Они нас едва ли видят. Объедем.

— Ладно, — Степка снова вставил носки ног в стремяна. — Забираем направо, стрелять будет удобней, если что.

Но уже через несколько минут выяснилось, что справа объехать засаду не удастся — там начиналось болото, превращавшееся в длинное озеро с топкими берегами.

— Будем туда-сюда шляться — точно заметят. — Женька поглаживал морду коня. — Тогда драки не миновать.

— Слушай, — Степка посмотрел на него, — а давай пробьемся. Ну их к черту.

— А ты знаешь, что им нужно? — возразил Женька. — Может, они только и ждут, чтобы мы себя обнаружили. Хотя... — он задумался. — Давай. Только не пробиваться. Нападем и возьмем языка. Остальных — в гроб.

— По-тихому, — в руке Степки оказалась полевка.

— Точно, — согласился Женька, соскальзывая с коня. — Пошли работать...

...Напасть совсем внезапно не удалось — вабиска, жители лесов, сами отлично ориентировались, и Степка, переползавший первым от дерева к дереву, почти наткнулся на одного из них. Держа в одной руке топор, а в другой — пистолет, тот стоял за толстым стволом, вглядываясь и вслушиваясь; он только не ожидал, что человек будет ползти,

поэтому не успел отреагировать — Степка, вскочив, вогнал полевку по самую рукоять под ребра снизу вверх, одним сильным и точным движением. Он ощутил, как тело вабиска сотрясла длинная тяжелая судорога, и тот рухнул ничком, сам снимаясь с клинка. Однако со всех сторон, открыто перекликаясь, уже бежали другие.

Женька возник сбоку. Тесак в его руке мелькнул широким полукружьем и почти отсек одному из нападавших голову. Стёпка припал на колено — прямо над его плечом пролетел топор — и подрубил, как дерево, ногу одного из вабиска, рассек ему в падении правое плечо и уклонился сам еще от одного топора, на этот раз — зажатого в руке. Слышно было, как засмеялся Женька. Степка еще раз точно всадил полевку, но тесак в чем-то завяз, и мальчишка поспешно отскочил, кулаком ударил по глазу надвинувшегося вабиска. Тот охнул совсем по-человечески, отмахиваясь топором — и Степка точным ударом полевки завалил и его, уклонившись от следующего удара.

Драться болите было не с кем. Степка еще стоял в боевой позиции; Женька всаживал тесак в землю, стирая с него кровь.

— Я одного не до смерти подрубил, — сообщил Степка.

— Я тоже, — засмеялся Женька. — Сейчас посмотрим, какой из них разговорчивей...

7

В развалинах царило нестерпимое пекло. Алый Уррках занимал полнеба, похожий на свежую рану. Все плыло, дрожало и корчилось в полуденном мареве, усиленном жаром от оплавленных, горящих развалин. Равномерно ухала артиллерия, ее залпы перемежались длинным громким шипением — скиутты посылали вдоль улиц хлысты оранжевого пламени, свивавшегося в желтые, быстро тающие в раскаленном воздухе, спирали, и видно было, как вспыхивает и течет, застывая бурыми лужицами, камень.

Майор Легарэ умирал в остатках какой-то комнаты, на подстеленных полотнищах разборной палатки. Его вытащили из-под огнемета, но от прежнего майора Легарэ в этом оплавленном теле не осталось даже голоса — уже полчаса он не приходил в себя, трясся в забытии и чужим языком твердил: "Холодно, холодно, холодно...".

Врачей или хотя бы фельдшеров в батальоне не осталось, но Джен Нэррин понимала сама, что это подбирается к майору посреди инопланетного пекла смерть.

Она сидела возле него не потому, что это было нужно. Просто не хватало сил бросить его — такого красивого, молодого офицера. Вовсе не черный обрубок, пахнувший чем-то страшным, а именно Жана Легарэ — того, кто выступал у них в школе... После того выступления подкласса девчонок записались добровольцами.

И она.

Джен посмотрела сквозь щель на улицу. Одна коробка бронемашин еще вишнево светилась, другие давно остыли и стояли черными гробами. Неподалеку из кучи угля высывались черные ветки... но она знала, что это за куча и что за ветки.

От 219-го батальона не осталось и десятой части. И по-прежнему перегораживала путь линия обороны скиуттов.

— Сержант Нэррин.

Ей показалось, что она ослышалась. Но потом Джен бросилась к лежащему на грубой ткани телу, нагнулась:

— Я слушаю, господин майор, — «Жан», добавила она одними губами.

Изо рта Легарэ текла кровь. Глаз у него не было, смотреть ему в лицо было страшно, но Джен не содрогнулась, когда черная ветка (его рука!!!) нашла и охватила ее запястье поверх гибкой брассарды.

— Если через час, — майор говорил прежним своим голосом, — если через час линия обороны здесь ни будет прорвана — к завтрашнему утру около Кхрриа-Хорк будут лежать пять тысяч трупов. Бригаде конец, — Джен кивнула, забыв, что майор не может видеть. —

Сержант Нэррин. Вы — старшая по званию среди оставшихся. Через сорок минут наш флаг должен быть над опорным пунктом. Сорок минут. Иначе все зря. Иначе, — он вдруг приподнялся, и кровь потекла из трещин в корке, покрывавшей смесь его кожи с остатками формы и снаряжения, — я прокляну вас оттуда, сержант.

— У нас осталось сто пятьдесят детей, господин майор, — ответила Джен очень спокойно, чтобы не закричать, не взвыть, как скиутты. Они были так, видя, как горят наступающие земляне. А он готова была взвыть от отчаянья... — Я старшая, а мне всего восемнадцать.

— Не имеет... значения... — Легарэ начал задыхаться. — Сорок минут... или бойня для бригады... опорный пункт... долг, сержант...

— Хорошо, — Джен снова кивнула, забывшись. — Через сорок минут наш флаг будет там, господин майор.

— Долг... честь, слава... Земля... только вперед... — Легарэ выгнулся и отчетливо сказал: — Мама.

Джен поняла, что он умер.

Поднимаясь, она закинула краем полотнища обугленное тело. Невидяще посмотрела на свой шлем, лежащий рядом. С силой пнула его, на ходу подобрала «абакан» со штыком и подствольником — и вышла прочь...

...Траншея представляла собой просто подвальный коридор со снятым потолком. Тут тесно, плечом к плечу, сидели оставшиеся в живых бойцы 219-го — оружие между колен, шлем на стволе. Возле пулеметов и тяжелых винтовок, выставленных в импровизированные бойницы, дежурили несколько человек.

На Джен повернулись сто с лишним лиц — одинаковых, закопченных, со смешными пятнами от очков вокруг испуганных и усталых глаз. Она мало кого помнила по именам — пополнения гибли так быстро, что люди не успевали стать своими. Но сержант Нэррин знала, что среди этих полутораста пацанов нет никого старше ее. А вот младше шестнадцати — больше половины.

Бойцы молчали. Первым задал вопрос семнадцатилетний Игорь Муромцев — оторвался от прицела, подошел и тихо опросил:

— Что с ним?

По нынешним меркам Муромцев мог считаться ветераном и опытным бойцом. Джен ответила — не для него, для всех:

— Майор Легарэ умер.

Короткое, почти неуловимое, но испуганное движение прошло по траншее. Потом кто-то тонко спросил — с отчаяньем:

— А... что же теперь?!

Джен подошла к одной из бойниц. Со стороны скиуттов выпрыгнули и закипели на улице два огненных хлыста. Воздух дрожал над развалинами, над сожженной техникой, над обугленными и полуобугленными трупами. Совсем недалеко лежал оплавленный шлем. Девушка долго смотрела на него, пока не расплылось изображение — тогда она поняла, что плачет и, подождав, пока высохнут слезы, повернулась к остальным.

— Готовьтесь к атаке, — приказала она спокойно.

Она опасалась протестующих криков, отказов. Но все произошло ещё страшнее. Никто не двинулся с места. Все плотнее прижались друг к другу и к камню. У Игоря лицо сделалось таким, словно он раскусил лимон.

— Ребята, надо, — тихо, но внятно сказала она. — Бригада погибнет, если мы не возьмем укрепления. Понимаете — бригада погибнет, пять тысяч человек. Вставайте же, ну? — не приказала, а попросила она.

Все оставались неподвижны, только косились в сторону бойниц, за которыми очередной огненный вихрь пожирал развалины. Джен поняла, что они боятся. Настолько ярким было зрелище горящих людей, много раз виденное за последнее время, что

представить себя на их месте было легче легкого. И никто не хотел умирать, как они.

Джен прошла по траншее; те, мимо кого она проходила, притискивались к камню плотнее, словно боялись, что она станет их хватать и выбрасывать наружу, под огонь.

— Они не пойдут, — еле слышно сказал Игорь, подходя в обнимку со своей снайперкой. Джен бросала на него короткий взгляд:

— А ты?

Он оценивающе посмотрел на улицу. Пожал плечами;

— Бессмысленно. Метров тридцать пробежим — и все.

— Твой отец, кажется, погиб два года назад? — спросила Джен. Игорь понял ее и усмехнулся углом рта:

— Смерть — это не месть.

Она прошла к выходу из траншеи. Остановилась возле рыжего парнишки — лет 15, с усилием вспомнила его имя — Лэри. Джен еще ничего не сказала, а рыжий уже сжался в комок, глядя на нее огромными синими глазами.

— Лэри, надо, — со всеми доступными ей силами убеждения произнесла Джен почти ласково, надеясь на чудо: сдвинешь одного — пойдут и другие. — Ну понимаешь... надо, — она окинула взглядом траншею, повысила голос: — Ну мальчишки же. Ну, я понимаю все. Но НАДО. Наши ведь погибнут... Лэри...

Она осеклась — рыжий вдруг заплакал. Сначала тихо, просто роняя слёзы на обтянутые пятнистой синтетикой коленки, потом — навзрыд, сотрясаясь от плача — и в рыданиях прорвалось отчаянное и откровенное:

— Н-не-е... пппойду-у... не ммогу-у... — и наконец — самое откровенное, вой, не крик солдата, а вой смертельно перепуганного ребёнка: — Стра-а-ашно-о-о!!!

Траншея заволновалась. Джен заморгала растерянно, наклонилась к рыжему, но тот, бросив «абакан», отшатнулся от нее, закрываясь руками и сжимаясь в комок — и девушка выпрямилась. Сама глотая слезы, закричала сорванно и бессвязно:

— Ну же, мальчишки!.. Ну, я знаю, что... да — страшно!.. Надо, мальчишки!.. Ребята — надо, надо же, ну — плачь не плачь — пошли!

Они — не шли. Нет, они не были трусами, и она это знала. Просто есть вещи, которые превышают человеческие возможности — например встать, сделать полсотни шагов и заживо сгореть в высокотемпературном пламени. И главное — заранее знать, что сгоришь. Солдат идет в бой, надеясь, что убьют не его, а другого. На верную смерть людей словами не поднять. Тогда она выхватила «гюрзу» из открытой набедренной кобуры и, потрясая ею, закричала, перемещая речь русским матом, которому ее научили мальчишки — не эти, но такие же, давно почти все лежащие мертвыми среди развалин Сельговии:

— А ну встать! Застрелю! Трусы! Вперед! Вперед, подонки, предатели!

— Стреляй лучше ты, — сказал кто-то тихо, но она услышала. И поняла — не пойдут. Она их не заставит.

Почему-то от этой мысли стало ясно-ясно перед глазами, а все вокруг как-то отдалилось. Она огляделась и, чувствуя, как закипает на непослушных губах сладкая вязкая пена, а голова куда-то уплывает, чужим голосом сказала;

— Значит, боитесь? — ее пальцы сняли «абакан» с предохранителя, потом переставили переводчик на автоматический огонь. — Ладно. Тогда я сама. Одна.

Она проскочила мимо окаменевшего Игоря (кажется, он рванулся следом, крикнув: "Стой, Женька, дура!!!") и выбросила послушное тело наружу...

...Прихлынувшие к бойницам ребята молча смотрели, как она бежит и стреляет.

Скиутты сожгли ее в пятидесяти шагах от траншеи. Все видели, как Джен сделала в огненном вихре еще несколько шагов, продолжая стрелять, молча — а потом упала вниз, не сгибаясь и не останавливаясь.

Уже обугленной костью.

Тихо-тихо было в траншее.

Да. Словами на смерть людей не поднять.

Игорь подошел к лестнице, опустил очки. Потом повернулся и сказал хрипло:

— Все, кто не гад — за мной...

...Оказывается, через огонь можно пробежать... Скиутт — огромный, в угловатой броне — стреляет раз, другой, двое падают горящими лохмотьями... скиутт отбрасывает оружие, взмахивает правой лапой в когтистой перчатке отшвыривает чье-то окровавленное тело... но рыжий Лэри подкатывается сзади ему под ноги, еще кто-то из пацанов с налета бьет в грудь, заваливает, цепляется за когтистую лапу, наваливаются спереди сразу трое, растягивают гиганта за все четыре — и Игорь, прыгнув сверху, со страшным матом вонзает нож в щель брони на горле — раз, другой, третий...

...Угол большого зала. На замусоренном полу — вперемешку мертвые люди и скиутты, оружие, кровь. Семеро скиуттов притиснулись к стене и друг к другу, выставив когтистые перчатки — последнее оружие ближнего боя, шерсть на всех слиплась от своей и чужой крови. Они хрипло, рычаще дышат — трое настоящие гиганты, четверо — ростом со взрослого человека, тоже подростки, последние резервы почти так же, как и Земля, перенапрягшейся в страшной войне планеты. Один скулит, поджав левую лапу к груди и тесно прижавшись к прикрывшему его собой взрослому.

Напротив — полсотни мальчишек, в ожогах и крови, в пыли и копоти, с выставленным оружием. Со свистом рвется возбужденное, яростное дыхание. Сквозь строй проталкивается Игорь и подходит почти вплотную к скиуттам. У него обгорело лицо слева, правая рука — в крови. Он говорит, не заботясь, поймут ли его:

— Сдавайтесь. Только дернетесь — мы вас в клочья голыми руками порвем.

Тишина, лишь скулит раненый, да похоже дышат те и другие. И вдруг один из скиуттов становится на колени. Откидывается на спину (кто-то из остальных плачуще взрывает). Выпрямляет ноги. И закрывает морду скрещенными лапами.

Поза сдачи.

И ложатся остальные... Только один — подросток — вдруг отчаянно лает-хрипит, прыгает в сторону и перерывает себе горло когтями, сползает по стене, заливаясь кровью.

Остальные — сдаются. Впервые — сдаются людям. Горстке мальчишек...

Ноги больше не держат Игоря. Голова гудит, как колокол, голова раскалывается...

...Проснуться не получилось. Сон сменился и, хотя Игорь активно старался из него выкарабкаться, у него это не выходило и он обмирал, ощущая, как ледяные цепкие пальцы забираются к нему в мозг — вползают в уши и тянутся, а блеклые большие глаза, глядящие прямо в лицо, не дают придти в себя. С трудом опустив ментальную заслонку, он все-таки просыпался, дико озираясь, будил Борьку, и тот в конце концов обругал Игоря и лягнул его ногой. Похоже, что кто-то — или что-то — пытался — или пыталось — добраться именно до Игоря, забравшись в его сны — он предпочел бы и дальше видеть бои на Сельговии. Последний кошмар был самым чудовищным — из леса выбежало паукообразное существо со злым человеческим лицом и, вспрыгнув на грудь Игоря, начало прогрызать ее, одновременно глядя в лицо мальчишки все теми же блеклыми глазами.

На этот раз Игорь проснулся от конского храпа — жеребцы рвались с привязей к людям. Проснулся одновременно с Борькой — было светло, и первое, что Игорь воспринял, был крик друга.

Сперва он думал, что все еще спит, потому что паукообразный монстр величиной с хорошего пони, намеревавшиеся сверзиться ему на грудь с толстенной нити, мог принадлежать только сну. Но все-таки Игорь откатился в сторону, выхватывая свой карманный пистолет с термитом. Борька, стоя на коленях, ахнул по пауку — раз, другой, третий — из РПП, промахиваясь то ли спросонья, то ли от обалдения; чудовище с писком полезло обратно, вверх. Но тут как раз выстрелил Игорь — и старинная пулька калибра 6,35

сделала свое дело. Головогрудь паука взорвалась изнутри, и чудище мокро хрястнулось-таки оземь. Мальчишки большими глазами смотрели друг на друга через неподвижную тушу.

— Доброе утро, — сказал Борька:

— Ага, — согласился Игорь. — Тебе ничего не снилось? — Борька помотал чубом, сдул его с носа. — Ага, — повторил Игорь глубокомысленно. — Ну и гнусь... Этого как назовем?

— А это не арахнид, — Борька присел на корточки. — Педипальпов нет. И ног десять. О, жвала... Это какая-то многоножка, а на паука только похожа, даром что нить выпускает...

Игорь, достав из ножен полевку (тряхнуло — он ей забивал скиутта и помнил это!), подошел к мертвой твари, попробовал нить и, убедившись, что она не липкая, легко отсек невесомый шелковистый кусок.

— Что-то такое я подозревал... — пробормотал он. — Вот и разгадка тканей из Иппы... Давай-ка ее заснимем, Борь, это хорошая находка. Я такую нить — ткань из нее — видел в Иппе, столице Ваббама, Дзюба еще сказал, что не знает, из чего вабиска ее делают. Вот из чего. Можно ферму по разведению открывать.

— Откроем, — пообещал Борька зачем-то...

...К десяти часам утра местность сделалась совершенно непроезжей, превратилась в какие-то дикие джунгли, орущие сотнями голосов. Свет почти не пробивался сквозь сомкнувшиеся многоярусной крышей кроны. Земля мокла, — кони шли по теплой грязи.

— Фонит, — вдруг оказал молчавший последние два часа Игорь. — Два рентгена в час.

— Что фонит? — не понял Борька.

— Да все, — Игорь повел вокруг. — И чем ближе мы к дельте реки — тем выше радиация. Вот и причина такой пышной растительности и того, что связь плохая.

— В Голубых Песках около двухсот в час, — вспомнил Борька. — Лучевую болезнь там схватывают все, да и на границах селиться не стоит. Ты ведь радиацию держишь?

— До двухсот рентген в час как раз и держу, — ответил Игорь. — А тебе...

— А мне придется жрать полирадиофаг, — вздохнул Борька. — Да ладно... Как ты думаешь, откуда радиация, где ее источник?

— В горах, — уверенно ответил Игорь. — Залежи радиоактивных руд, скорее всего — урановых. Уранинита, например. Уран-238, уран-235... Все это добро вымывается подземными водами — и в реки. Но такой уровень радиации, как — здесь, только благоприятен для живых организмов, можешь не тратить таблетки... Радиоактивные руды, это интересно...

— Не вижу ничего интересно, — отмахнулся Борька, — полны Пески этого счастья...

— Ты не геолог, — возразил Игорь. — Я жду не дождусь, когда мы доберемся до гор.

— А вот дальше мы, похоже, не поедem, — Борька, соскочив наземь, шнырял между стволами. — Вот черт, погоже мы все-таки лишку забрали к югу... Если тут поставить струнник, то можно будет отлично разводить фрукты, но пока — как же топко!

— Меня смущает одна вещь, — Игорь вытер лицо кисеей, свисающей с тульи его шляпы. — Где караванные тропы? Где торговые фактории? Где, наконец, местные жители? Впечатление такое, что вабиска здешних мест и не посещают...

— Может, и не посещают, — Борька вернулся к своему Раскидаю и гладил его по крупу. — Германцы на запад далеко забираются, вот и перерезали им все пути... Или они теперь за Меридианом товары возят.

— Да вот они, их товары! — Игорь махнул рукой. — Древесина, металлы в горах, ткани! Понимаешь, в чем дело — эта река, которая впереди, она и есть главный источник всех иррузайских богатств! Она — и радиоактивные залежи в горах, из-за которых тут такое буйство жизни!.. Я ни за что не поверю, чтобы иррузайцы просто вот так все бросили. Так где же они, я вас спрашиваю?!

Борька изобразил задумчивость и пожал плечами:

— А ты что думаешь?

— Они про нас знают, — ответил Игорь. — Вот, послушай, что мне снилось...

Он пересказал свои кошмары (только их, не первую часть снов).

— Может, они попрятались, потому что нас испугались? — самонадеянно и нахально предположил Борька.

— Я не жалею, что мы сюда забрались, — Игорь его слов будто и не услышал. — Но если бы я сейчас принимал решение — я бы не делил экспедицию. Их тут полно. Они вокруг нас.

— Ты что, боишься? — удивился Борька.

— Я? — высокомерно спросил Игорь. — Боюсь. Я боюсь, что у колонии просто не хватит людей — освоить все эти пространства. Тут нужно тысяч десять, не меньше. И так — мы в лучшем случае получим третий фронт вдобавок к тем, что на севере. А в худшем — распылим свои силы и профукаем достигнутое. Может быть, они даже этого и добиваются, — добавил Игорь задумчиво. — Знаешь, Боря Утесов, друг мой чубатый — мне кажется, иррузайцы то ли сами раскусили, то ли кто им подсказал одну нашу главную черточку — неу...

— ...емное любопытство, — закончил Борька. — Да?

— Да, — кивнул Игорь. — И они могли решить закормить кота сметаной — пусть русские подавятся большим куском. И мы вправду способны подавиться... способны были бы. Но я, — Игорь положил ладонь, покрытую грязными разводами, на кобуру РАПа, — я верю в генерал-губернатора. Поэтому я веду эту экспедицию. И буду ее вести.

— Знаешь, — Борька вдруг рассмеялся, негромко, но искренне, — чудно это все-таки.

— Ты о чем? — Игорь невольно улыбнулся в ответ.

— Да так... Я два года назад, еще когда жил на севере, познакомился с парнем с Нова-Гоби, он у нас гостил. Ну, разговаривали... Он рассказывал про свою планету. Я тогда просто слушал, интересно же было. А сейчас... Вот есть где-то на Нова-Гоби губерния Чернопалатинская. В ней — Колодезный уезд. Рядом — вассальная орда кочует, а с ней кочует капитан Тодоров, отец того мальчишки... Тебе что-нибудь это говорит — Чернопалатинская, Колодезный?

— Нет, — Игорь продолжал улыбаться. — Я понимаю, к чему ты клонишь. Тому парню тоже было просто интересно, а слова «Прибойная», «Чернолесье» ему тоже ничего не говорили.

— Ну, Прибоя и Чернолесья тогда еще не было, — уточнил Борька, — но в принципе — верно. Планеты... планеты, планеты — и на каждой проблемы и проблемы. И люди каждой планеты работают, воюют, нас, сопляков воспитывают — и так мало знают друг о друге!

— А вот тут ты не прав, Борь, — тихо возразил Игорь. — Это только кажется, что каждый варится в собственном соку. А на самом деле это скорей сборный компот, где ягод много, все разные, а вкус один. И Империя у нас одна, и маленькие проблемы маленьких поселков — или большие, вроде того же Иррузая — это только часть большого дела. Экспансии. Ты читал Ханги, "Закономерности развития европеоидной расы"?

— А как же, — оскорбился Борька, — этому же в школе учат. Теория поглощения пространства...

— Вот-вот... Пока экспансия осуществляется — индекс нарастания энтропии равен нулю. Те, кто вывел эту формулу, — Игорь черкнул размашисто рукой по воздуху, и на миг вспыхнули золотистые знаки:

Экс. = Бесконечность ego Энт.=0

— они были великие люди. Они это выстрадали, а мы только пользуемся... И не так уж важно, чтобы о нас знали по всей Вселенной. Давай-ка попробуем, Борь, проехать подальше — вот и будет наш вклад...

— Значит, яшгайаны, — Женька обгладывал птичью ножку, придерживая локтем ИПП. — Вот черт.

— Кто такие яшгайаны? — Степка, догрызая крылышко, ходил среди трупов. — Про них говорят, говорят...

— Секта, — пожал плечами Женька. — Отрицают любой прогресс... да, фигня. Игоря вон они пытались убить и вообще... Многие даже говорят, что яшгайаны на самом деле и управляют Иррузаем и Аллогуном. Вот ещё и засаду на нас устроили. База у них тут, блин...

— Игорю сообщить бы, — Степка уселся на древесный корень.

— Связи нет, — напомнил Женька. Мальчишки посмотрели друг на друга. Женька поднял бровь. Степка пожал плечами и, сняв с ремня ручную гранату, подкинул ее в руке.

— Я в целом не против, — ответил он на невысказанное, но красноречивое предложение Женьки...

...Пленные под пыткой рассказали, что ими руководили трое яшгайанов, которые находятся не так уж далеко, "на базе", как определил Женька. Задачей засады было не нападать на русских, а только выслеживать их и позже навести пограничников, более подготовленных и гораздо лучше вооруженных. Указали они и пути к базе, и ориентиры...

...— Вот что, — Женька проверил ИПП. — Яшгайаны умеют чувствовать врага, как наши дворяне. По этому блокируйся, как на школьных занятиях.

— М-м-м... ага, — промычал Степка, мысленно выругавшись. Он уже знал, что такое «блокироваться» — прием психотехники, позволяющий создать на месте своего сознания «пустоту»: нет меня, пусто тут — и все. Степка обладал организованным умом и упорно тренировался с Игорем — лучшего тренера, чем выпускник лицея, и представить нельзя — но в реальной боевой обстановке еще не делал этого и заволновался. Да и вообще стало не по себе — Степка вспомнил, как тот же Игорь раскалывал на расстоянии взмахом ладони пластиковые подносы, подбрасывал в воздух гантели, лежащие в другом конце комнаты, открывал, не прикасаясь к ним, двери, валил с ног любое животное движением пальцев и сгибал монетки, становившиеся при этом горячими, как из печки.

— А помнишь, — пришло ему в голову, — Игорь говорил, что этих яшгайанов так просто не убьешь...

— Да, они некротическая форма жизни, — подтвердил Женька, — их только серебро берет... Посмотри, там, в запаске, гранаты к подствольнику с серебряной картечью — Игорь постарался.

Они перезарядили «печки» спецгранатами...

...Лошадей оставили в небольшом, наглухо заросшем распадке. Кони не подпускают к себе никого чужого и сохраняют снаряжение. Под недоуменным взглядом Степки Женька разделся до пояса, разулся и аккуратно, но быстро и ловко раскрасился гримом из маленькой коробочки. Подмигнул Степке:

— Это меня так отец учил.

— Он же пожарный, — вспомнил Степка.

— Ну и что? Он и охотник. Между прочим, так и правда удобнее.

— Ну уж нет, — помотал головой Степка, — я не бушмен, спасибо большое.

— Бушмены кто такие? — без интереса спросил Женька. — Ладно, пошли.

Они выбрались на край распадка и долго лежали, вглядываясь и вслушиваясь. Пока что ориентиры, полученные от пленных, совпадали — меж двух отлогих холмов, на которых деревья редели, тек ручей. На его берегу, за этими холмами, и должна была находиться «база». Наконец Женька сказал:

— Начало неплохое... Смотри, часовые по обоим холмам — двое там и там. Видишь?

— Теперь вижу. Стоят за подлеском совершенно неподвижно. Двоих слева я беру на

себя, двоих справа — ты?

— Угу, — согласился Женька. — Без шума...

Степка еще успел восхититься, как беззвучно канул Женька в заросли. Он сам в своей "прошлой жизни" не раз подкрадывался вплотную к весьма осторожным противникам, но чтоб двигаться — так, нужно было вырасти на природе, среди лесов.

Степка вздохнул и — тоже, кстати, очень тихо, зря он хаял себя — двинулся в сторону, доставая полевку. Для него было приятным открытием, что эти отличные лезвия до сих пор тут выпускаются — абсолютно такие же, как это, с которым он очнулся на столе в гараже Борьки.

Он полз, отталкиваясь ногами — от бедра, не особо заботясь о скрытности, потому что от часовых его отделяли кусты. Подобравшись к зарослям вплотную, он поднялся на ноги и двинулся дальше легкой побегой. В голову пришло почему-то виденное не так уж давно — Игорь шагает туда-сюда, как по мостику, по натянутой между двух пеньков тонкой бумажной ленте...

До вабиска оставалось несколько шагов — их хохлатые головы маячили над кустами впереди. Правок рукой, перекинув полевку в левую, Степка вытащил тесак и, собравшись, прыгнул. Как учили, вкладывая в бросок массу тела и скорость прыжка.

Он раскрыл голову вабиска, на которого обрушился, до груди и, оставив тесак в труп, перекатился через плечо, вскакивая с фехтовальным выпадом в грудь повернувшегося к нему второму часовому — полёвка вошла точно, уложив того на месте.

Все заняло около двух секунд — от момента броска до того, как Степка оказался стоящим над двумя трупами. Он извлек оба клинка из тел и помахал ими туда, где появилась фигура Женьки, махавшего в ответ.

Мальчишки встретились на берегу ручья.

— Не пикнули, — негромко сказал Женька. Левая руна у него была густо забрызгана все той же бледной кровью, — Готовь пушку, — он сам перебросил в руки ИПП.

Они пробрались зарослями вдоль ручья, то и дело останавливаясь и поводя сканерами, туда, где холмы и ручей исчезали в лесу. На берегу стояло типичное жилище вабиска — с привязанными у грубо ошкуренного бревна гуххами. Возле нее слонялись еще трое часовых, с ружьями, и, как раз когда мальчишки выбрались на позицию, из дома вышла еще парочка — явно офицеры. Их голоса отчетливо, но неразборчиво доносились до Степки и Женьки.

— Добросишь? — тихо спросил Женька. Степка посмотрел на него. Женька прошипел: — Контролируй мысли! — в самом деле, оба офицера обеспокоенно закрутили головами. — Добросишь?

— Я на полсотни метров бросаю, — не обижаясь, так же шепотом ответил Степка, — а тут меньше.

— Когда я появлюсь вон у того угла — бросай гранату, — с этими словами Женька вновь растворился в зелени. Степка аккуратно разогнул усики гранатной чеки и подвытянул ее. У этой современной несерьезно-легкой модели готовые осколки и летели-то всего на десять метров — не сравнить со старой доброй «лимонкой». Степка и взял-то ее только потому что привык носить на снаряжении гранаты... Он прятал эти мысли за черным фоном блокировки — "ничего".

А вон и Женька... Степан поднялся в рост — прятаться не имело смысла — уже замахиваясь.

Вабиска увидели его. Но ничего сделать не успели — Степка побежал сразу за броском и, когда граната разорвалась, преодолел уже половину отделявшего его от врагов расстояния — те поднимали ружья. Он забрал чуть в сторону, потому что сразу после взрыва Женька, вывернувшись из-за угла хижины, вломился в дверь.

Оба офицера, синхронно взмахнув руками и выронив оружие, рухнули на траву. Один из часовых высоко подпрыгнул и, прогнувшись в воздухе, повалился тоже. Другой упал и, визжа, колотя себя ладонями по голове, покатился кубарем. Третий только пригнулся и остался стоять, тряся головой. Степка, на бегу перехватывая ИПП, слышал, как внутри

хижины быстро стреляет Женька — тиу, тиу, тиу! Не стараясь даже целиться, Степка дважды выстрелил в грудь оставшемуся на ногах, дважды — в того, который катался по земле — и буквально нос к носу столкнулся с вывалившимся из окна яшгайаном. Капюшон его рясы был сорван... и Степка застыл. То, что он увидел, не было вабиска — не вполне человеческим, но уже привычным существом. Лишенная подбородка и шеи голова, казалось, растет прямо из широких плеч. Рот походил на перевернутую букву П, поднимающуюся к единственному удлинённому влево-вправо иссиня-черному глазу с белым зрачком. По сторонам от этой «буквы» пульсировали диафрагмоподобные отверстия. Красноватая кожа не имела волос. Степка застыл, пораженный видом яшгайана — и тут же почувствовал, как немеют губы. Чтобы нажать на спуск ИПП, пришлось приложить невероятное физическое усилие — еще миг, и мальчишка стал бы безвольной куклой. Но гранатомет харкнул в упор, вгоняя серебряную картечь в этот ходячий кошмар — и дымящееся тело вполне реально стукнулось о стену, сползая по ней наземь. Очнувшегося Степку пробрала длинная дрожь — ему стало страшно.

— Жень, ты тут?! — заорал он просто чтобы услышать свой голос.

Дверь выпала совсем — на этот раз наружу. Появился Женька — он держал оружие под мышкой. Взгляд парня блуждал, в правой руке он сжимал тесак. Столкнувшись глазами со Степкой, Женька криво усмехнулся и пояснил:

— На одном был шлем... Двоих яшгайанов я кончил, и офицера, ты своих тоже уделал?

Мальчишки секунду смотрели друг на друга молча, потом — обнялись, похлопав каждый другого по спине.

— Что ж, с тобой можно иметь дело, — заметил Женька. — Ты в самом деле отлично бросаешь гранаты.

— Лучше смотри, кто тут есть, — и Степка отступил в сторону, открывая лежащее под стеной тело.

— Фомор! — выдохнул Женька.

9

— Барин, Кадет... Барин, Кадет, я Дом, я Дом, отвечайте, Барин, Кадет, отвечайте, отвечайте... мальчишки, ну что вы молчите?!

— Ничего? — Зигфрид нагнулся через каткино плечо. Та переключила систему на прием и махнула рукой:

— Все, мы без связи. Совсем ничего нет.

— Послушай, — Лизка не отрывалась от управления, — я тут подумала — а если переключиться на радиосвязь? На чистую радио, вдруг проходит? У нас же есть радиоаварийка...

— Попробую, — кивнула Катка. — А vedi не получится, что будет? Без связи как-то не по себе...

— Коли не получится — будем плакать, — буркнула Лизка, а Зигфрид как можно беззаботнее отозвался:

— Да, брось ты, за нами сразу с нескольких спутников следят. Не средневековье... Ну как?

— Не получается? — Катка тем не менее продолжала попытки. Лесоход пересекал заросшую молодым березняком ложбинку. Зигфрид оглянулся через плечо — ему показалось, что в спальнике что-то упало.

Поэтому он так и не смог позже вспомнить, что случилось. Просто Лизка истошно закричала, а его бросило спиной вперед на пульт — и в темноту...

..."Вии... Вии... Вии..." — стонал сигнал аварийки. Призрачный сиреневый свет запасных ламп плавал по рубке лесохода.

Земля? Да, земля во всех стеклах — похоже, машина носом в земле.

Зигфрид лежал поверх пульта. Страшно болело левое плечо. А это что? Кровь... Пальцы Зигфрида наткнулись на обломок рычага — он пропорол плечо насквозь. Так... До чего раздражает это мигание... Девчонки?!

Он повернул голову. Вот они. Катька лежала согнутая в дугу, голова между колен, совсем недалеко, у углу пульта. Лизка, постанывая, пыталась карабкаться по полу, превратившемуся в стену. Из носа у нее текла кровь, черная в свете ламп.

— Ты куда собралась? — поинтересовался Зигфрид, стараясь не шевелиться. Лизка обернулась, всхлипнула:

— Ты живой?! Кони... они...

— Там гироскопический подвес, — напомнил Зигфрид, — ничего с ними не случится. Катьке помощи.

— Что с тобой? — вгляделась девчонка. — Что у тебя с плечом??

— Ничего, — терпеливо отозвался Зигфрид, — помощи Катьке, — и одним рывком снял себя с обломка, подавив крик. Зажмурил глаза, зажал рану; в ушах шумело, в темноте медленно вращались огненные круги. Когда мальчишка открыл глаза — Лизка бинтовала ему плечо, а Катька, сидя на корточках, крутила шеей и всматривалась в экраны, по временам пытаясь их реанимировать.

— Больно? — руки Лизки действовали быстро и ловко, словно бы независимо от самой девчонки, которая шмыгала носом, потому что кровь у нее еще шла.

— Уже не очень, — Зигфрид сел удобнее. — Где мы, девчонки? Я ничего не понял.

— Я тоже, — призналась Катька. — Меня ударило об аппарат связи... и сейчас ничего не работает.

— Это потому что ты невероятно твердолобая, — Зигфрид покосился на руки Лизки. — Я не умру от потери крови?

— От трепливости ты умрешь, — сердито сказала та. — Мы куда-то провалились. Но я тоже не поняла, куда, просто ухнули, и все... Ну вот. Подвигай рукой.

— Спасибо, Лиззи, — Зигфрид поднялся на ноги. — Так... Посмотрим.

— Мне страшно, — неожиданно призналась Катька. — Это ловушка? Или что?

— Сейчас все узнаем, — уверенно (хотя он и не ощущал настоящей уверенности) обнадежил Зигфрид. — Хватит страдать, фроляйнен. Совсем ничего не работает?

— Совсем, — подтвердила Катька.

— Бери тестер и займись проверкой, — приказал Зигфрид. — Лизи, ты садись к пульту.

— Подожди, а ты что собираешься делать? — Катька подозрительно посмотрела на мальчишку, который полез по «стене» вверх. Зигфрид оглянулся через здоровое плечо:

— Всего лишь выйти наружу, красавица.

— Ты?! — возмутилась Катька. — Лучше я? — Зигфрид поднял брови. — Не гримасничай, я серьезно! Прекрати играть в благородство, ты же ранен?

— Даже раненый, я остаюсь мужчиной, — невозмутимо ответил Зигфрид, — а вы — девушки. Игра тут ни при чем.

— Зиг, не смей! — крикнула Катька.

— Не ори, — попросил германец и улыбнулся. — Девчонки, ну ничего же опасного нет. Мы скорее всего просто под землю провалились, в каверну. Я посмотрю, как и что, может быть, выберусь сразу наверх. Вот. Связь будем держать через браслеты, — он подмигнул. — Ну что вы, девчонки? Ничего там страшного нет. Вы займитесь ремонтом, а я скоро. Лиззи, говори со мной.

...Через верхний люк выйти не удалось — его не получалось открыть, и Зигфрид с опаской подумал, цел ли вертолет. Когда он пробирался через «хвост» (кони в своей люльке и в самом деле плеватьски плевали на происходящее) — зажегся свет, и германец с облегчением ощутил, как откликнулась на разные голоса ожившая машина.

— Живем, — пробормотал он на родном языке и спросил: — Что там было?

— Шунт разорвало в первом блоке, — голос Катьки зазвучал удовлетворенно. — Сейчас все в норме...

— Зиг, мы в какой-то пещере, — вклинилась Лизка. — Большая, свежая совсем... даже яма, а не пещера. Зиг, это ловушка, не выходи.

Зигфрид остановился в задумчивости. Спросил:

— Проектор вращается?

— Нет, — после короткого молчания огорченно ответила Лизка.

— Я выйду через погрузочный люк, — отозвался Зигфрид. — Надо, девчонки, мы ведь даже не видим, куда откапываться.

— Подожди, Зиг, — попросила Катька. Через несколько секунд она появилась, карабкаясь снизу и таща в левой руке переноску активированного света, а в правой — свой ТКЗ-94. — Я сяду в люке и не спорь, — сказала она таким тоном, что Зиг и в самом деле не стал спорить, только вырубил свет в грузовом отсеке, чтобы их фигуры не «светились» в проеме. Они посидели в темноте, потом Зигфрид осторожно разблокировал замок и распахнул дверь, а Катька включила переноску, полоснув мощным лучом вокруг, словно это был старинный огнемет. Зигфрид выбрался наружу и присел на наклонной плите брони, держа свой РПП наизготовку. Катька оседлала край люка, поводя то лучом, то стволом плазмомета.

"Индрик" не упал — он сполз в дыру. Те, кто выкопал эту пещерищу — с дьявольской точностью и хитростью! — не рассчитали. Лесоход должен был упасть камнем, отвесно — в этом случае находившихся в нем людей наверняка швырнуло бы о броню так, что они не остались бы в живых. Но своей непредставимой для лесовиков тяжестью чудовище продавило край ловушки и не упало, а съехало по очень крутому откосу, воткнувшись в землю носом и обрушив на себя несколько тонн ее. Все закрепленные грузы были целы, и переноска оказалась не так уж нужна — в дыру наверху лился свет.

— Я спрыгну, — Зигфрид примерился, — а ты принеси аварийную лестницу и закрепи ее тут.

Катька кивнула, пристроила переноску на краю люка и соскочила внутрь. Зигфрид сделал то же, только наружу и, присев, вслушался, держа ИПП наизготовку.

Тихо. Только наверху шумел лес. Потом щелкнули магнитные присоски, и сверху съехала лестница.

— Держи, — сказала Катька. — Ну что?

— Ничего, пусто, — Зигфрид осторожно выпрямился, поводя оружием. — Откопаемся, куда мы денемся... Сдадим назад и будем рыть... — он хотел добавить что-то еще, но замолк, напряженно вглядываясь вверх. Ему показалось, что там возникло какое-то шевеление.

— Катрин, осторожнее, — предупредил он спокойно, — голову не поднимай...

Она — умница — даже не моргнула глазом, продолжая смотреть на него. Наверху же выдвинулась хохлатая голова, потом — туловище по пояс; рука поднимала длинный пистолет для выстрела в спину девчонки.

Зигфрид выстрелил дважды — промазал, но вабиска дернулся, а Катька, пружинисто перекатившись назад через плечо и встав на колено, первым же выстрелом срезала его. Сверху послышались отрывистые выкрики, грохнуло несколько дымных выстрелов, полетели охотничьи копья — одно, скользнув над плечом Зигфрида, вонзилось в землю у ноги.

Наверху стало тихо,

— Давай сюда! — крикнула Катька. — Зиг, скорей!

Сверху с плеском и жирным хлюпаньем полилась резко пахнущая темная жидкость — масло! Его лили со всех сторон несколькими потоками, оно с тяжелыми брызгами разбивалось о броню и с чмоканьем падало на землю.

— В люк! — заорал Зигфрид, вскакивая на лестницу. — Они нас сейчас подожгут!

— Сюда! — Катька протянула руку и с неожиданной силой подтянула мальчишку на

броню. Их окатило маслом. Отплевываясь, Катька свалилась в люк как раз в тот миг, когда вниз полетели, кувyrкаясь и треща искрами, факелы. Зигфрид упал следом и, навалившись на рычаг всем телом, захлопнул двери перед самой стеной катящегося огня. Потом — поскользнулся в масле и слетел вниз, спиной ударившись в дверь спальника.

— Успел, — сказал он, улыбаясь перемазанным лицом. — Сколько эта пакость развивает температуры?

— Ну уж не пять тысяч, — Катька, припадая на ногу, осторожно слезла вниз

— Я колено ушибла.

— Да что там у вас?! — срывала голос Лизка. — Отвечайте же!

— Вабиска, Лиз! — отозвалась Катька. — Мы идем...

— Будем выкапываться, — добавил Зигфрид, — только помоемся сперва...

10

— Все, — Игорь потянул коня за узду, помогая ему выбраться на мелкое место, — дальше нельзя. Только на шагателе, даже лесоход не пройдет. Борька сплюнул в грязь и махнул рукой:

— Возвращаемся. Пойдем параллельно реке, ну и в дельте встретимся с Зигом и девчонками.

— Как мы рандеву-то им назначим? — Игорь запрыгнул на седло и сел там боком. — Связи нет, придется методом тыка...

— Придется, — согласился Борька. — Ну, мы с Раскидаем на это готовы, правда, Раскидай? — он потрепал конские уши, и Раскидай положил голову на плечо хозяину. — Знаешь что, Игорь? — Борька тоже вспрыгнул на седло, как на стул, — есть хорошая идея. Ты слушаешь?

— Угу, — кивнул Игорь. В ветвях, огромных деревьев странными голосами перекликались невидимые птицы. Неподалеку кто-то с хряском ломился через кусты, круша заодно невысокие деревца. — Я слушаю, — повторил Игорь.

— Почему бы тебе не взять латифундию? Тут или севернее... Вот честное слово, к тебе — пошел бы первым, хоть мы, казаки, в латифундиях почти никогда не селимся. И еще нашлось бы много желающих. Даже у нас в станице.

— Я думал об этом, Борь, — негромко отозвался Игорь. — Это, если честно, заманчивая мысль... Сам себе хозяин. Экстерриториальность, внутреннее право, охранная дружина, нарезки и хутора... учил я это, даже зачеты по принципам управления сдавал, помнится...

— Ну и?.. — Борька выжидающе посмотрел на него.

— Как ты думаешь, вот Дзюба — мог он создать на месте губернии латифундию? — поинтересовался Игорь.

— Мог, — уверенно ответил Борька.

— Но не создал, верно? А почему?

— Не знаю, — признался Борька.

— А потому, что есть нечто большее, чем латифундия, чем своя воля и свои желания... Я ничего плохого не хочу оказать о латифундистах, но я-то — не латифундист. Мы, Муромцевы, вот уже несколько веков служим Зимнему Дворцу, а не себе. Это не всегда было выгодно, но всегда — почетно, а что может быть выше чести? "Тэмпора мутантур — сэмпер идем", знаешь как переводится? "Времена меняются — мы прежние", Борь. Поэтому мне мало латифундии — мне нужно величие Империи, и я ему служу. — Игорь вдруг улыбнулся и полюбопытствовал: — Я доходчиво объяснил?

— Вполне, — вздохнул Борька. — Значит, будущим летом ты улетишь?

— Улечу, — кивнул Игорь,

— Жалко, — в сторону оказал Борька. — Ну что, едем на северо-запад?

— Едем, — согласился Игорь, садясь в седле уже нормально.

* * *

Интерлюдия: прощай, позабудь... 25

*Прощай, позабудь — и не обессудь.
А письма сожги, как мост.
Да будет мужественным твой путь,
Да будет он прям и прост!
Да будет во тьме для тебя гореть
Звездная мишура,
Да будет надежда ладони греть
У твоего костра.
Да будут метели, снега и дожди.
Да бешеный рев огня.
Да будет удач у тебя впереди
Больше, чем у меня.
Да будет могуч и прекрасен бой,
Кипящий в твоей груди.
Я счастлив за тех, которым с тобой,
Может быть, по пути!
Прощай, позабудь, — и не обессудь...*

* * *

Огромный панцирь крокозабра — пустой и гулкий — был похож на каску из стерео про старые войны. Он лежал возле самой тропы — Игорь сперва даже не понял, что это такое. Еще и потому, что внимание мальчишки привлекла сама тропа. Это была не звериная тропка — тоннель в зарослях — а именно тропа-дорога, широкая, утоптанная, с аккуратно сведенным по бокам кустарником.

— Наконец-то, — заявил Борька. — Вот тебе и караванная тропа, о которой ты мечтал.

— Мечтал, — согласился Игорь, стукнув носком сапога по панцирю. — А это что, вместо постоянного двора? "Привал странников"?

— Скорее — указатель, — Борька, нагнувшись, провел пальцем по выцарапанным на роговых шестигранниках знакам. — Тут, если я правильно понял, указаны расстояния до разных объектов. До городов, станций — все такое.

Игорь сделал коротенькую запись комбрасом, соскочил наземь и, нагнувшись, заглянул в отверстие для шеи.

— Давно лежит, ничем не пахнет уже... До чего же здоровые бывают эти твари, это же просто дом... ого!

— Что? — Борька наклонился. Игорь светил внутрь и отвечал:

— Тут товары... Металл в слитках, рулоны какие-то, тюки... Это еще и склад, — он подался «кормой» назад и, отряхивая колени, покачал головой: — Очень удобно.

— Сожжем? — предложил Борька.

— Зачем? — пожал плечами Игорь. — Все будет наше. Не сегодня — так завтра.

— Да-а... — Борька вскинулся и даже привстал в стремях. — Похоже, нам и дальше везет, Игорь.

— Да, я чувствую, — Игорь вскочил в седло, — они близко. Это и правда — везет.

Они отъехали в сторону, за стену кустов, готовя оружие. Борька устроился на седле по-казачьи, легко держа равновесие. Игорь положил ИПП на правое бедро, левую руку держа между ушей коня.

Караван появился через несколько минут. Впереди ехали верховые на гуххах — не меньше десятка, два офицера. Потом виднелись запряженные быками повозки, на облучках тоже сидели вабиска с оружием, но не военные.

— Большой обоз, — шепнул Борька.

— Не отпускать же, — серьезно отозвался Игорь, упирая в бедро приклад и кладя руку на спуск подствольника. — Ну-ка, как это вы делаете... — он вибрирующе засвистел — так, что животные в караване заметались — и одно за другой выпустил все пять термобарических гранат.

Центр колонны охватило пламя, за клубившееся горбатым огненным валом. Страшно закричали, глуша вопли вабиска, оказавшиеся на периферии удара и покалеченные взрывной волной животные. Уплотнившийся воздух рвал кусты, швыряя их в деревья, с которых вихрем полетели листья. Игорь уже стрелял, и Борька тоже открыл огонь — ИПП перебивали друг друга свистящими звуками. Игорь, не отрывая оружия от плеча, левой рукой сменил магазин, стреляя уже в глубину колонны — там опомнились и начали разбегаться. Борьке тоже поменял магазин.

За спинами мальчишек лопнул снаряд ручной мортиры. Игорь оглянулся, бросил ИПП в чехол и, выхватив РАП и тесак, пришпорил коня:

— Оопп! — и вылетел на тропу вихрем. Уцелевший офицер с двумя всадниками, бросился навстречу, отводя копьё для удара. У двоих других были ружья, и Игорь снял их на скаку — левого и правого, но в офицера стрелять не стал. Вместо этого Борька, тронувший коня вперед, услышал, как его друг со смехом выкрикнул-пропел:

*И, как жаждущий напиться,
Боя я с тобой хочу!*

Вабиска, вскинув гухха на дыбы, что-то отрывисто выкрикнул и бросился в галоп. Игорь скакал навстречу, держа тесак поднятым над головой в правой руке. Борька ахнул картечью по двум пешим, целившимся из арбалетов с облучка повозки в спину друга, налетел, ударом приклада, как палицей, добил оставшегося на ногах раненого, выстрелил еще раз, дальше, развернул коня... Игорь и офицер как раз столкнулись, тесак мальчишки неловко врубился в древко копья сразу за втулкой, вабиска выбил оружие у русского но вынужден был выпустить и свое копьё. Игорь левой рукой перехватил запястье офицера, метнувшегося за тесаком, правой нанес два быстрых прямых удара в лицо, мгновенно залившееся кровью. Вабиска зашатался, конь Игоря ударил грудью гухха, опрокинул его, а Игорь выволок всадника из седла и с силой швырнул наземь — головой вниз, Борьке даже показалось, что он услышал, как хрустнула шея, — а Игорь, наклонившись, быстрым и точным движением подхватил тесак, переломив копьё.

В сущности, нападать больше стало не на кого — многие успели разбежаться, кто не успел — лежал на тропке или обочинах. Повозки стояли так и смяты, их побросали все. Мальчишки поехали шагом вдоль учиненного ими неслабого разгрома, лениво дозаряжая оружие — Игорь вдруг обратил внимание, что Борька потирает висок — снова и снова, сам этого, кажется, не замечая.

— Ты что? — быстро просил он. Борька, сведя брови, удивленно посмотрел на него, но тут же брови уехали вверх, и он поспешно и тихо объяснил:

— Яшгайан... Я теперь понял, тут яшгайан где-то.

— И он прячется от нас, — Игорь движением затвора загнал в ствол гранату, дозарядил

подствольник, — Приятно видеть... Где ты, сволочь, выходи!

Борька вдруг побледнел, уронил оружие, закачавшееся на ремне, и сдвинул ладонями виски, застонав:

— И-и-и-и... ггорь...

Даже тренированный парень не смог «удержать» внезапно обрушившуюся на него ментальную атаку. Игорь закрутился в седле, пытаясь понять, откуда она произведена, одновременно «оттолкнув» атакующего и пробуя его «захватить» — не получилось. Борька громко дыша открытым ртом, покачивался в седле. Игорь даже поддержал друга левой рукой, убрал ИПП и достал кластерник. Сейчас он ощущал яшгайана очень отчетливо — так ощущаешь зверя, который ходит вокруг огня твоей стоянки. Впрочем, яшгайан был скорее прячущимся зверем — он боялся и призывал своих рабов на помощь. Но они тоже боялись — русских, и куда больше, чем его. Научились бояться.

— Сиди тут, следи, — Игорь ткнул коня каблуками, причмокнул: — Давай вперед, малыш. Конь дрожал всей кожей, закатывал глаза, взмок и шел вперед лишь потому, что Игорь сейчас напрямую управлял им, как машиной. Раскидай Борьки, пригнув голову к груди, всхрапывал и перебирал ногами.

Брошенные повозки. Несколько горели, опрокинутые. Игорь безошибочно протянул руку к одной из них — полог сорвало, словно ударом палки наотмашь и вмяло вовнутрь. Игорь подъехал ближе, глядя на шевелящиеся полог, и выдернул из торчащей из-под него руки арбалет, одновременно обросив ткань в сторону.

Меньше всего он ожидал увидеть на лесной, дороге в глуши Сумерлы ЭТО. Нет, он почти был уверен, что ОНИ тут есть... но не вот так же...

Фомор смотрел на человека своим единственным глазом, сжавшись в комок в углу роскошной повозки. Капюшон яшгайанского одеяния свалился с его жутковатой головы. Длинные ладони (сколько у него пальцев — Игорь не мог вспомнить и не получалось разглядеть) полуприкрывали лицо.

— Вы убили моего отца и мою мать, — без патетики и не заботясь о том, поймет ли его фомор, сказал Игорь и ногой прижал его к обитой толстой материей стенке повозки. Он почему-то не мог воспринимать фомора, как разумное существо — не из-за вида, нет, в Галактике имелись и более странные формы разумной жизни. Почему-то ещё...

Кластерник коротко, упруго щелкнул, и фомор перестал жить.

— У меня чуть голова не лопнула, — буркнул Борька, подъезжая ближе. — Спасибо тебе... Игорь, ты чего? — почти с испугом спросил он, трогая согнувшегося над конской шеей друга за плечо.

— Нет, ничего, — Игорь выпрямился. Лицо его было спокойным.

11

Олень был немного не такой породы, как в колонии — с более короткой шерстью светлого оттенка, рога расходились направленными вперед тройными венцами. Да и покрупнее он был... Степка отстал. Женька даже не заметил этого, азартно преследуя оленя с охотничьим дротиком в руке.

Мальчишка настиг оленя, как в былые времена — в прыжке через ручей, прямо в воздухе точным броском вогнав оружие под лопатку животному. Олень замертво рухнул на траву, рядом с ним тут же соскочил Женька с засапожником в руке — прыгнул на спину оленю, рывком за рога откинул голову и длинным полосующим ударом перерезал горло. Свистнула кровь, олень завалился вбок, и Женька, вогнав нож в землю, подставил под струю из артерии ладони, сложенные ковшиком, напился. Только потом, достав трос, начал подтягивать труп на толстенный сук дуба, чтобы как следует спустить кровь.

Когда Степка выехал на место окончания охоты, Женька уже ловко снимал шкуру с добычи, сбросив куртку и рубашку.

— Долго едешь! — сверкнул он улыбкой. — Доставай пакеты и помогай.
— Черт бы тебя подрал, — Степка соскочил наземь. — Я чуть шею себе не свихнул, пока скакал.

— Да разве это скачка? — удивился Женька, локтем вытирая со лба пот. — Дротик вытащи, будь другом. Я лопатку пробил.

— Сейчас, — проворчал Степка, вылезая из куртки. — Это ведь олень?

— Был, сейчас это мсяо. То есть мясо... Давай, работай.

В четыре руки и два лезвия мальчишки оголили скелет почти полностью.

— Во, смотри, — Женька указал окровавленным засапожником в сторону кустов, — ждут.

Степка обернулся и невольно дернулся к коням за оружием — те, впрочем, стояли совершенно спокойно, хотя возле кустов сидел, чуть склонив на бок лобастую голову, крупный волк — серый с рыжей подпалиной на груди.

— Да ты чего? — Женька удержал Степку. — Это свой... — мальчишка чуть оскалился и к удивлению товарища... заговорил! Да, заговорил по-волчьи, если так можно сказать. Волк слушал похрипыванье и тихое подвывание внимательно, потом — лег на живот и уложил голову на вытянутые лапы. Прикрыл глаза, по временам пуская из-под век янтарные искры.

— Это что, по-волчьи? — Степка не сводил глаз с хищника.

— Волки не умеют разговаривать, — улыбнулся Женька, возвращаясь к разделке. — Но сигнальные коды у них есть, как и у всех животных, а я же зоопсихолог... Мы оставим ему все, что не заберем сами. У него логово, волчица и щенки.

— А можно его... — Степка сглотнул, — погладить? — вместо ответа Женька погладил его по голове и спросил дернувшегося в сторону Степку:

— Нравится?

— Понял, — кивнул тот. — Ну тогда передай ему, что все эти остатки и от меня тоже, ага?

— Он знает, — заверил Женька. — Давай заканчивать, а то, чего доброго, сейчас еще кто сюда пожалует...

...Они отмылись в ручье. В розовые облачка крови, распускавшейся в воде, тыкались треугольными мордами небольшие юркие рыбки — им, очевидно, не нравилось, и они поспешно плыли прочь. Волк неспешно перебрался ближе к останкам оленя и обнюхивал их — в нескольких шагах от совершенно спокойных коней.

— Их он не тронет, — ответил Женька на беспокойный взгляд Степана. — Ты пойми, волки — они очень-очень умные. И мы для них — друзья. Даже где-то старшие братья, — он задумался и признал: — А где-то и младшие. Ну что, — он несколько раз булькнул в ручье ладонью и предложил: — Поворачиваем на запад. Пора уже и с нашими соединяться!

* * *

— Дымом пахнет, — Женька упер приклад в колено. — Это не костер, это жилища.

Степка тоже ощущал запах, но для него это был просто запах горящего дерева. Однако, он поверил Женьке на слово и, как почти тут же выяснилось, правильно сделал. Кони прошли грудью сквозь кустарник на опушке вырубki и практически наткнулись на нескольких детей вабиска, замерших с вязанками хвороста на спинах. Миг — и, побросав вязанки, те с отрывистыми криками метнулись через вырубку туда, где над зелеными холмиками обычных для лесных, племен полуземлянок поднимались дымки и ходили старшие. Вернее — уже не ходили, а все стояли, глядя на подъезжающих шагом белых мальчишек. Потом со страшным шумом бросились в стороны, словно испуганные животные, скрываясь в жилищах, входы в которые начали изнутри задвигать тяжелые колоды — и

селение словно вымерло.

Степка соскочил наземь первым и прошелся между холмиками, то вороша ногой кучу хвороста, то приподнимая стволы ИПП какие-то листья в грубого плетения корзинах.

— Это же салат? — окликнул он Женьку, поднимая один лист и запихивая его в рот. — Точняк, настоящий салат! Свежий, но мелкий какой-то!

— Дикий, — объяснил Женька, подходя. — А вот, смотри. Это правда интересно.

На его ладони лежали два диска глубокого голубоватого цвета с нанесенными значками местного алфавита, каждый диск — величиной с червонец.

— Что это? — Степка с любопытством взял один из дисков. — Камень?

— Нефрит, — Женька подбросил второй диск на ладони. — У нас в школьном музее есть такие... Это квитанции на услуги.

— А? — не понял Степка.

— Такие квитанции иррузайцы выдают, когда забирают товары. А на следующий год караван приходит уже с их товарами, и можно эти диски обменять на заказанное, — Женька взял диски у Степки и положил оба на место. — Ладно, попробуем их вытащить.

— На кой черт? — поморщился Степка. — Поехали.

— Э, нет, — Женька замотал головой. — Ты что-то не понимаешь, Степ. Мы же не просто так тут ездим, ради собственного удовольствия. Нам нужны вассалы, иначе чего с этой планетой возиться? Вот и попробуем установить контакт.

— Ты знаешь их язык? — поинтересовался Степка, молчаливо признав правоту Женьки.

— Не очень, — беззаботно ответил тот. — Да это и не важно. Ты только пушку держи наготове, а то они от страха здорово начудить могут.

Степка кивнул и встал, упревая приклад ИПП в бок. А Женька, забросив оружие за спину, начал расхаживать между холмиками полуземлянок, потом — отошел к коням и уселся около них. Достал пачку сухарей, бросил один Степке, вторым захрустел сам, ловя крошки в ладонь. Сквозь хруст предложил:

— Давай, что ли, мясо пожарим? Доставай вырезку.

Степке подошел к вьюкам, вытащил трензели из конских ртов. Женька, нагнувшись, начал раздувать костер, возле которого сидел, подбрасывая хворост. Его товарищ тем временем нарезал мясо толстыми ровными кусками и, посвистывая, посолил, а потом устроил на пододвинутом к огню плоском камне — очевидно, у местных вабиска он тоже служил этой цели.

— Они не обидятся, если мы позаимствуем у них немного салата? — риторически опросил Степка, локтем отодвигая ИПП за спину. — Сухари еще доставай.

Женька, как более опытный в контактах с вабиска, краем глаза уже заметил, что в двух или трех жилищах входные колоды чуть-чуть отодвинулись и оттуда поблескивают глаза. Конечно, тут не видели русских, но наверняка слышали рассказы иррузайцев и пришли в ужас при одном виде белолицых. Однако, те не спешили разрушать селение громом и молнией, не рвались никого убивать и даже ничего не брали, кроме съедобных листьев, которых полно в лесу. И жарили они самое обычное мясо на обыкновенном, не грохочущем, огне. Конечно, их белые лица пугали, но вообще-то они вели себя так же, как сами вабиска и были похожи на них сложением...

...Степка, продолжая посвистывать, поворачивал мясо палочкой. Женька разложил на обертке сухари и, подмигнув товарищу, покосился в сторону ближайшей полуземлянки.

Двое вабиска, слегка пригнувшись и направив в сторону пришельцев копыя, стояли возле входа.

— Больше полпути прошли, — пробормотал Игорь. — Да, и намного больше, — он сложил авиакарту и, задрав лицо вверх, крикнул: — Что там?!

Наверху — в кроне здорового дерева, какой-то мутации бука — шуршало и хрустели. Игорь, прикрыв глаза ладонью от падающих оттуда листьев, веточек и кусочков коры, терпеливо ждал. Наконец, Борька спрыгнул вниз — сиганул с высоты почти двухэтажного дома, придержав на груди бинокль.

— Километров за пятьдесят отсюда по нашему курсу на холм поднимается просека, — Борька улыбнулся: — Это наши, Игорян. Отсюда не понять, давно они прошли, или как, далеко, но... это наши, а значит... — Борька швырнул вверх бинокль, засмеялся и, подпрыгнув, поймал его. — Я скоро увижу Катьку — увваааау-у!!!

— Это точно просека? — Игорь ткнул друга в плечо. — Э-эй, эй! Ау! Или дорога вабиска?

— Просека, просека, — Борька крутнул бинокль на ремне. — Мы их нагоним. Теперь точно нагоним. Вопрос времени.

— Как бы еще связаться с Женькой и Степкой, — Игорь почесал переносицу. — И поскорей бы к горам. Мне интересно, что там.

Борька никак не мог успокоиться. Он жонглировал своими вещами, убирая их, выжимал за ствол в вытянутой руке оба ИПП — свой и Игоря, хлопнул Раскидал по крупу, и когда тот удивленно покосился на хозяина — со смехом звонко поцеловал коня в нос. Игорь, уже сидя в седле, снисходительно наблюдал за слегка спятившим от предвкушения встречи другом.

— Душевнобольной, — изрек он с высоты.

— Ты просто не понимаешь, — Борька глуповато улыбнулся. — Столько всего умеешь разного, а этого просто не понимаешь. Поймешь, когда...

— Когда у меня будет девушка, я это уже уяснил, — кивнул Игорь. — Но, боюсь, тут мне ничего толком не светит. Мы, дворяне...

— Черт побери, — простонал Борька. — Ладно, поехали!..

...В этот день они так и не добрались до «просеки». А перед самым ночлегом пошел дождь — не такой бурный, как южнее, но зато долгий. Мальчишки поспешно растянули куски термопленки, «склеив» их краями и, забравшись под навес, принялись за сухари и оставшееся от завтрака холодное жареное мясо. Кони пофыркивали и переступали рядом — они против дождя ничего не имели. Мальчишки вообще-то тоже, тем более, что холодно им не было. Они улеглись под навесом, устроив головы, на седлах и начали переговариваться, постепенно все больше и больше заплетаясь языками. Борька уснул первым, а Игорь еще какое-то время слушал, как дождь шуршит по навесу, да в лесу уныло кричит птица. Вспомнился, вдруг дом в Верном, лица отца и мамы — и на какой-то миг все-все вокруг стало неожиданно отвратительным и чужим. Только на миг — Игорь прогнал это ощущение и заставил себя уснуть.

* * *

Через два часа после подъема они выбрались на просеку.

Да, тут прошел лесоход, сомнений не оставалось. К сожалению, дождь не оставил и другого — возможности понять — когда, да ребята и не очень пытались.

Игорь обратил внимание, что Борька каким-то странным взглядом смотрит туда, откуда шел лесоход. Ощувив на себе взгляд друга, Борька вздохнул и пояснил:

— Смотрю, и как-то спокойней. Вот представь себе — в конце этой просеки наш дом. Далеко, я знаю, но все-таки — если вот сейчас поехать, то доберешься до него. Рано или поздно, но доберешься. Понимаешь? Успокаивает, словно его можно вон прямо увидеть в конце этой просеки.

— Я понимаю, — серьезно кивнул Игорь. — Да, это странно... и приятно. В самом деле.

Они поехали шагом. Ехать по просеке было не ахти — лесоход начисто уничтожил подлесок, но древесные стволы, их обломки и пеньки, превращали дорогу в полосу для скачки с препятствиями, подготовленную спятившим работником ипподрома. Приходилось тщательно следить, чтобы кони не поломали ноги — это было бы страшней страшного. В результате мальчишки свернули в лес и двинулись параллельно просеке. Тут, впрочем, тоже лежали упавшие деревья. Лес то редел, то вновь сгущался так, что колени чиркали о стволы. На прогалинах росла высокая жесткая трава, в которой прыгали крупные насекомые — похожие на кузнечиков, но ярко-алые. Припекало, но душно не было — дождь, похоже, к счастью, не собирался возвращаться.

— Нагоним, — оптимистично сказал Игорь. Борька кивнул, потом неожиданно поинтересовался:

— Знаешь, кем бы я хотел стать, если бы по своему желанию мог родиться заново?

— Ну и кем? — спросил Игорь.

— Тобой, — коротко ответил Борька и добавил потом: — Не думай, не потому, что ты дворянин.

Игорь молча хлопнул его по спине.

Кони перешагивали или перескакивали упавшие стволы; двигались не быстрее пешехода. Это начинало крепенько надоедать.

— Вот так начинаешь жалеть, что на тебя не нападают, — вздохнул Борька и, поднявшись на стременах, завопил: — Хэ-э-э-эй!!! Выходи на честный бой, сколько вас есть — все на левую руку!

— По-моему, тут нет никого, — иронично заметил Игорь, шпоря коня. — Хоп, хоп... Черт, я хотел бы перевалить через горы и сам поглядеть, что там — сам, а не через спутники!

— Кто мешает? — удивился Борька. — Хоть сейчас. В смысле — когда доберемся.

— М? — удивился Игорь. — А ты пойдешь со мной?

— Пойду, — легко, но серьезно согласился Борька. Игорь посмотрел ему в глаза; взгляды мальчишек скрестились, как шпаги в руках друзей.

— Ты так веришь мне?

— Не в этом дело, — возразил Борька. — Я верю в тебя.

— Борь, — Игорь вдруг сузил глаза, — а почему бы тебе не попробовать выслужить дворянство? Это можно. Не так легко, но можно.

— Я казак, — гордо ответил Борька. Игорь не стал продолжать разговор, а вместо этого вновь перешел на полушутливый тон:

— Ладно, с горами мы подождем, и по эту сторону дел хватит — взять вашу эту пустыню радиоактивную или болота на севере — совсем неисследованные районы... Знаешь, мне будет не хватать Сумерлы.

— Когда уедешь, — понимающе сказал Борька. — Слушай, это тебе так обязательно? Высшее образование можно и у нас получить. Или тебя так уж тянет в ваши знаменитые вузы?

— Ты не понимаешь, — мягко ответил Игорь, про себя попросив у Борьки прощения за то, что не объясняет, куда его на самом деле «тянет». — Ты с такой иронией говоришь, а не понимаешь... Эти ВУЗы — хотя бы Петроградский — совершенно особый мир. Я уж не говорю о том, какую работу там можно делать. Мне хочется учиться там вовсе не потому, что у вас тут хуже преподают... Ты читал "Я кормлю оленей" Колемина?

— Я такого даже не слышал, — признался Борька.

— Он чуть-чуть элитарный, но в вашей библиотеке есть, точно. Вот у него про Петроградский университет написано хорошо. Правда — двадцать лет назад, но там ничего не меняется.

— А про что он еще писал? — поинтересовался Борька.

— "Клуб "Умывалка"" — это не про студентов, а про лицеистов — из Минска...

«Поднебесье» — очень тяжелый роман, напряженный, об инженерах..."...кто сколько может" — это...

— Погоди, постой! — вскинулся Борька. — Это как мальчишки-туристы побирались в космопорту на Сторкаде, чтобы спасти от ареста одного своего местного друга-сторка?! А я же это читал, только автора забыл! Классная книжка!

— Да, это та повесть, — согласился Игорь. — Хоп, хоп, хоп, вперед! Смотри речушка какая-то. Может, назвать в честь твоей Катюшки?

— Ну вот еще, — презрительно отозвался Борька. — В честь Катки я назову самую большую горную вершину. И попрошу Лизку нарисовать ее портрет на фоне этой вершины...

— Лизка рисует? — поразился Игорь.

— И очень хорошо, но сама это считает ерундой, редко кому показывает, хотя, по моему, не хуже моего брата выходит... Тебя она уже наверняка изобразила.

— Надо будет попросить показать, — решил Игорь.

13

— Ты торгуешься, как в средние века, — со смехом сказал Женька.

— Я читал про Хейердала, — Степка подбросил на ладони золотой браслет грубойковки. — Как он менялся на тихоокеанских островах.

— Хейердал? — Женька потер висок. — Что-то... А, мореплаватель. Помню... Пер... Тук...

— Тур, — уточнил Степка. — А эта штука дорого стоит?

— Довольно дорого, — определил Женька, — можно в станице продать.

— Не, я лучше его вообще себе оставлю, — решил Степка, — на память.

— Ты вернешься на Землю с Игорем? — поинтересовался Женька, шпоря коня.

— Да, — коротко откликнулся Степка. Женька покосился на него, удивленный тоном ответа, а тот продолжал как ни в чем не бывало: — А иррузайцы у них в селении не такие уж частые гости. Но все равно напугали местных русскими.

— А разве мы не страшные? — серьезно спросил Женька. — Это ты, Степыч, не задумывался, потому что сам такой же. Мы для вабиска — сперва что-то вроде стихийного бедствия. Мы же их жизнь ломаем на корню. К лучшему, но ломаем. Иррузайцы их грабят, а все равно они понятней, потому что только берут, а учить ничему не пытаются.

— Я об этом не думал, — признался Степка. — Но вообще-то на Земле было то же самое. Все, кто сталкивался с европейцами, им сопротивлялись, хотя те учили, лечили, защищали... И негры, и индусы, и китайцы...

— Никогда не видел живого негра или китайца, только в книжках, — Женька пожал плечами. — А ты?

— Я видел китайцев, — сказал, как отрезал, Степка и заговорил о другом: — Интересно, они не наведут на наш след иррузайцев? Кажется, они от нашего визита слегка обалдели...

— Наведут — перестреляем, — беззаботно отозвался Женька.

Мальчишки проехали ручьем, переливавшимся ниже через гранитные, вставшие дыбом, плиты; перед каждой — небольшое озерцо-заводь с прозрачной теплой водой.

— Давай искупаемся, — остановил коня Степка, — я что-то пропотел.

— Давай, — не стал возражать Женька, — тут вон почти ванны. Курорт.

— Сочи, — согласился Степка, соскакивая наземь и захлестывая узду за ветви кустов.

— А? — не понял Женька, делая то же самое.

— Сочи... ну, курорт такой на юге, — пояснил Степка. — Мы там... э... отдыхал я там. Два раза.

Мальчишки разделись и бухнулись в самую большую заводь, где можно было даже

поплавать. Вода и правда оказалась теплой, она пахла — чуть-чуть — цвелью, как любая стоячая вода. Потом Женька перебрался в небольшую каменную ванну и разлегся, там, устроив голову и руки на краях, а Степка шлепнулся на живот на каменной плите сбоку от Женьки.

— Обсохнем и дальше поедem, — пробубнил Женька, закрывая глаза. Степка дотянулся и толкнул его рукой:

— Ты так уснешь.

— А?.. — Женька, похоже, уже уснул. — Не... Ты только меня почаще толкай.

— Вот еще, — буркнул Степка, — я сам спать хочу...

Это было последнее, что прозвучало у ручейка. Кони тоже задремали стоя, и на ближайший час воцарилась полная тишина. В смысле — отсутствие человеческих звуков.

Первым проснулся Женька — очевидно, спать в воде все-таки было прохладненько. Он удивленно огляделся, моргая, заплескался, потягиваясь, потом зевнул и сказал:

— Придремали... Степ! — он брызнул на безмятежно спящего товарища водой. — Подъем!

— У-уу-уыххха-а-ау-уух-х! — издал неопределённо-жуткий звук Степан и перевалился на спину. — Мы все-таки уснули.

— Меткое замечание, — Женька выбрался из воды и шлепнулся на камни — обсохнуть. — Давай собираться.

— Это ты так собираешься, — ядовито заметил Степка. — Что-то мы разленились... Ой, какое барахло горячее!

Мальчишки неторопливо оделись, отвязали и напоили коней, а потом влезли в седла...

...Узкая прогалина уводила в сырость — наверху смыкались уже не кроны деревьев, а торчащие из склонов корни. Копыта чавкали, по грязи, но вскоре прогалина открылась на широкий луг, за которым снова начинался лес. Над лугом в прозрачном небе плавали ширококрылые птицы.

— О черт, — выдохнул Женька, останавливая коня. — Вот и шпионы...

— Ладно, поедem, — предложил Степка. — А то они не знают и так, что мы здесь.

— Может, и правильно, — согласился Женька, шпоря коня. — Нно!

Птицы — большие орлы — снизились, сужая круги. Мальчишки чувствовали себя, как под прицелом камер слежения.

— Дядька рассказывал — хуже нет, когда за тобой все время следят, — понизил голос Женька. Степка поинтересовался:

— А откуда он знает?

— Ему десять лет назад, когда война с фоморами была, исполнилось тринадцать, — сказал Женька. — Он сейчас двигателю, уже сто лет дома не был. Ну а вот тогда родители — мои дед с бабкой, ты их знаешь — ему как раз в честь этой даты подарили путешествие на Океаниду. А корабль, на котором он летел, перехватил рейдер фоморов — просто так, на дороге попался. Большинство пассажиров, конечно, убили, потому что все сопротивлялись. А дядю Сергея оглушило взрывом, очнулся — а он уже в плену. Вообще детей не принято брать в плен, такого со времен Первой Галактической не случалось, но тогда все кувыром вообще было, а так даже сторки, если им попадается наш ребенок, его обязательно возвращают. Но фоморы... — Женька покрутил головой и вздохнул. — Запихали его на какую-то Луну на нейтральной территории, под купол. Безвоздушный шарик у красного солнца... Бежать нельзя — скафандров нет ни у кого. Блок — сорок пять мальчишек и девчонок до шестнадцати лет, наших, земных, сколько-то Союзников разных, тоже несовершеннолетние. У каждого закуток — кубик два на два на два метра. Выход — только по команде, на кормежку два раза в день, в туалет три раза, мыться раз в неделю, час в день прогулки в общем зале. Никакого общения. И эксперименты. Разные. Почти половина от них умерла. Дядя рассказывал — запихнут голого в камеру и начинают давление уменьшать... или увеличивать. А сами стоят за стеклом, уставятся своим одним глазом каждый — и нате

— наблюдают... Они же о нас ничего не знали, вот и добывали сведения таким способом. Так вот там в каждой камере прибор был — перевернешься с боку на бок, а он следом. Противно так...

— Сколько же он там пробыл? — тихо спросил Степка.

— Почти полгода, до конца войны.

— Это ж лучше умереть... — Степка передернулся.

— Он несколько раз пытался, — серьезно ответил Женька. — Вешался один раз, другой раз себе вены перегрыз... Да все та же система... Откачивали. А потом — инъекции — накачают так, что рукой или ногой шевельнуть трудно.

— А как же он спасся?

— Да никак, их спасли. Десант выбросили... Слушай, давай-ка поскорее этот луг перемахнем. Не нравятся мне наблюдатели над головами.

14

— Вот оно, это место.

Лесоход стоял на краю крутого спуска, а впереди и внизу расстился сочно-зеленый лесной ковер, прорезанный нитками рек и речушек. Южнее, в туманной дымке, они сливались в мощную, медленно текущую реку.

— Дошли, — Лизка, опустив планшет с картой, расширенными глазами смотрела на открывшуюся им картину. — Как много потоков, и зелень такая яркая.

— Много потоков? — Катька подняла камеру. — Так и назовем — Многоструйная... Правда, красиво.

— А вон и горы, — Зигфрид указал рукой. Пики, постепенно выраставшие на горизонте, сейчас казались совсем близкими и нависающими над головами. — Их-то как назовем? Третий Меридиан — неинтересно...

— Придумаем, когда доберемся, — отозвалась Лизка. — Нам еще ребят тут ждать... Ох, не случилось бы чего с ними! И как раньше люди жили без связи — месяцы, годы? Тут неделю не выдержишь!

— Да ничего с ними не случится, — бессердечно сказал Зигфрид, — не бойтесь, девчонки.

— Он не понимает! — фыркнула Катька. И, повесив аппарат на ремень, прижала ко рту руки: — Бо-рис-ка-а!!!

— Чего орешь, тут я, — раздался сзади насмешливый голос.

Все обернулись. Игорь и Борька — грязные, улыбающиеся и довольные собой — сидели в седлах у кормы лесохода...

... — А Степка с Женькой разве не с вами? — Зигфрид с насмешкой наблюдал, как Катька любовно отправляет в методично открывающийся рот Борьки кусочки мяса и картошки. Игорь, стоя посреди спальника, ожесточенно вытирал мокрую после душа голову. Лизка с печальным видом перебирала привезенные мальчишками записи и голографии, то ли сортируя, то ли перемешивая их.

— У нас связи нет, — Игорь присел к столу. — Будем их тут ждать, спуск удобный, они сюда должны подойти. И еще попробуем связаться... Слушайте, дайте поесть, наконец!

Лизка вздохнула и начала «сервировать». Зигфрид включил экран на курсовые камеры.

— Мы решили назвать это место Многоструйная, — объяснил германец. — А вот горы пока не придумали.

— Зубастые горы, — решил Игорь, бросив один взгляд на экран.

Глава 7 Красный гранит

*У мужчины не бывает слёз -
Это память капает из глаз...*
Солдатская песня.

1

Вечером на лесоходке вопреки всякой секретности включался ревун с проблесковыми маячками. Унылый и мощный вой был слышен на многие десятки километров, огни видны почти так же далеко. Правда, во время сигнализации приходилось прятаться под броней — звук был непереносимым.

Третьи сутки Женька и Степан не появлялись и не выходили на связь. Собственно, последнее было бы затруднительно — она по-прежнему работала из рук вон плохо, Игорь собирался мастерить эквалайзер. Лизка ходила, как в воду опущенная и, хотя не плакала, похоже, находилась близко к этому. Катюха эгоистично не обращала на нее внимания. Они с Борькой все свободное время просиживали на носу лесохода, разглядывали долину и строили между поцелуями предположения о том, что ждет экспедицию впереди: Борька — с точки зрения лесничего, Катька — с точки зрения генетика.

С точки зрения Игоря это было все равно что складывать цвет с длиной. Но, похоже, эти двое находили удовольствие просто в факте общения.

Если честно, Многоструйная долине и горы за ней очень сильно дразнили воображение юного начальника экспедиции. Пользуясь мощнейшей оптикой лесохода, превращавшей полтора километра в три с половиной, он разглядывал подолгу склоны и прорезавшие их ущелья, венцы из вечнозаснеженных скал и голубое сияние глетчеров. Иногда к нему присоединялся Зигфрид и, глядя во второй бинокляр, негромко читал германские баллады. Однажды он сказал:

— Вернусь — предложу отселить часть наших сюда. Желающие найдутся.

— А радиация? — спросил Игорь.

— А мы на нее положим. Скрамасакс, — невозмутимо ответил Зигфрид. — Германца радиацией не возьмешь... А это что?!

— Что такое? — быстро спросил Игорь. — Что увидел?!

— Странно, — немного напряженно ответил Зигфрид, не отрываясь от аппарата. — Мне показалось, что я вижу замок.

— А? — не понял Игорь.

— Замок, — Зигфрид вертел шарнир. — Странно так... Посмотрел и вижу трехбашенный замок. А сейчас нет, — разочарованно отстранился он.

Игорь молча вгляделся. Он знал, что природа часто шутит такие шутки — особенно если человек боится что-то увидеть или наоборот — очень хочет. Но знал так же, что бывает и наоборот — человек (и не человек) маскирует сделанное им под творения природы. На какой-то миг и ему показалось что он видит трехбашенную твердыню — но уже в следующий миг Игорь признался себе, что себя же и обманул: это была просто тройная скала, смахивавшая на трезубец.

— Ничего нет, — разочарованно отстранился он от аппарата, повторяя движение Зигфрида. Мальчишки уныло посмотрели друг на друга. Зигфрид улыбнулся. Игорь подмигнул:

— Хочется найти новую Черную Цепь?²⁶

Зигфрид не успел ответить — из кормового отсека послышался вопль Лизки:

²⁶ Двойная цепь башен из черного камня, поставленная неизвестной цивилизацией по берегам Большого Канала на Марсе.

— При-е-ха-ли-и-и!!!

* * *

Со все еще мокрыми после душа волосами, улыбающиеся, Степка и Женька сидели за столом и ели печенья, поливая их взбитыми сливками и запивая молоком. Лизка, устроившись напротив Женьки, неотрывно не него смотрела.

Игорь при этом не присутствовал. Он опробовал свои эквалайзер — и связь прорезалась неожиданно великолепная. Игорь включил факс и видео на перегонку добытых материалов, а сам вышел на генерал-губернатора.

Довженко-Змай выглядел усталым и умеренно обрадовался визиту. После взаимного обмена приветствиями он тут же деловито спросил, как впечатление Игоря от увиденных земель.

— Отличные места, — сообщил Игорь. — Если поставить струнники и проложить кое-где обычные дороги, то они примут без проблем до полусотни тысяч человек. И никому не будет тесно.

— Может быть, ты мне найдешь эти пятьдесят тысяч? — задумчиво полюбопытствовал генерал-губернатор. — Ладно... Скажу по секрету — людей-то я, пожалуй, найду, — Игорь поднял бровь. — А ты как думал? — сделал тот же жест генерал-губернатор. — Указ об экономическом развитии подмахнул и этим ограничился? Нет, его выполнять надо. Иначе меня оппозиция в покое не оставит. Да и ты тоже. А за вами всеми приглядывать — глаза разбегутся.

— У тебя этих глаз много, — заметил Игорь. Довженко-Змай не возразил, а сказал вместо этого:

— На развитие колонии нужны деньги, и деньги немалые. У нас в бюджете профицит, но этого плюсового баланса даже на две новые губернии не хватит, министерство финансов на голую романтику не возьмешь. Частных инвесторов — тоже.

— А Русская Колониальная Компания? — поинтересовался Игорь живо. — Ты же им концессию на пустыню отдал, не ужели не помогут в благодарность?

— Дают пятнадцать миллионов рублей, — понизил голос генерал-губернатор. — А нужно минимум вдвое больше. Ну, сколько-то дадут переселенческие кооперативы, сколько-то — частные фонды колониального развития... Все равно — нужно будет еще миллионов пять. Их мне дашь ты.

— Я? — спокойно полюбопытствовал Игорь. — У меня, конечно, есть деньги. Но мало. Да и те больше частью от Дзюбы...

— Ты уверен в том, что говорил о радиоактивных материалах в горах? — спросил генерал-губернатор.

— Уранинит, 238-й, 235-й уран, — подтвердил Игорь. — Я сомневался, но сейчас изучил образцы. Точно.

— Вот под это дело министерство финансов недостающее даст, — убедительно объяснил генерал-губернатор. — Если привезешь образцы и хороший отчет.

— Так, — Игорь сел удобнее. — Любопытно. Значит, Империи и ее всемогущему представителю пригодятся детсадовцы на прогулке? А знаешь — я, пожалуй, откажусь. Из вредности. Я гуляю, и все тут.

— Да пожалуйста, — таким же тоном ответил Довженко-Змай. — Из Фелькишер Ланд севернее тебя к тем же горам приближается поисковый германский отряд. Они этим и займутся. Гуляй спокойно, деточка.

— По прикладной психологии у тебя, конечно, было «отлично», — задумчиво определил Игорь.

— И по прикладной, и по прикладной, — согласился Довженко-Змай. — Так я в надежде на отчет?

— Будет, — пообещал Игорь. — Кстати, не в службу, а по службе — перешли мне снимки этого района, к которому мы приближаемся. Обычные и спектральные.

— Минут через десять принимай, — и генерал-губернатор отключился.

2

Этим вечером — четвертым — в лесоходе собрался совет. Все люки были задраены, вся аппаратура, кроме дежурной — выключена. Игорь веером разложил на столе снимки — поверх наскоро составленной Лизкой карты.

— Мы перейдем Многоструйную в ее северной части, — Игорь провел пальцем, — перевалим отроги Зубастых Гор, спустимся с них и пойдем напрямик на восток. Выйдем прямо к Чернолесью где-то в начале серпента.

— А «индрик» через горы пройдет? — усомнился Женька.

— Найдем место, где пройдет. Эти вот отроги не очень высокие и крутые, — указал Игорь.

— По-моему, тут нечего возразить, — повела плечами Катька. Остальные закивали.

— Значит, завтра начинаем спуск, — Игорь потянулся. — Надеюсь, все у всех готово. Личные вещи, матчасть, кони, оружие? — в ответ раздалось многоголосое утвердительное бурчание. — Ну, так в шесть подъем, поедем и выезжаем.

— Поедим и поедем, — срифмовал Зигфрид, зевая. — Спать пошли, что ли?

* * *

Игорь не мог заснуть. Вполне можно было бы себе приказать, но не хотелось. Он лежал с закрытыми глазами и неспешно прокручивал в мозгу создаваемые им самим фантастические сюжеты — разноцветная живая мозаика колыхалась перед мысленным взором Игоря, за закрытыми веками, словно сияющий занавес. Игорь, как и все выпускники лицеев, легко играл с этими видениями — это помогало. Но если ждешь чего-то...

...Игорь открыл глаза. Он уловил еле слышный шум — наверху, на броне лесохода. В открытые люки светилось ночное небо. Да, там, наверху, оставались Женька и Лизка. Их голоса, что ли? Или не голоса? Да, не голоса, а...

Игорь почувствовал, как у него начинают теплеть, а потом загораются щеки, уши и все лицо. Смуглый, он не краснел, а бурел. Впрочем, в темноте никто не видит. А звуки означали только одно — там, наверху, мальчишке и девчонке, открывшим для себя эту сторону любви, очень-очень хорошо сейчас вместе...

...По меркам некоторым звездных рас земляне были весьма распушенными существами. Девчонки преспокойно блокировались и вступали в первый сексуальный контакт в 13–15 лет, а то и раньше. С мальчишками было то же самое... В периоды обострения отношений на землян выливали немало грязи именно по этому поводу. Но в полемическом запале обвинители — не замечала другого — что на Земле нет сирот при живых родителях и прерванных беременностей, нет браков по принуждению и половых извращений, а уж если девушка с кем-то ложится — то можно с вероятностью 90 процентов быть уверенным, что это ее будущий муж. Даже если сейчас им по 15 лет...

...Теоретически Игорь знал весь процесс. И, оповести он кого-нибудь, что в 15 лет все еще девственник — этот кто-нибудь, тот же Борька, очень удивился бы. Подобно всем дворянам не в первом поколении, он сочетал в себе преданность Империи с почти полным равнодушием к личным удобствам к индивидуальному быту, практически с рождения

считая, что смысл жизни — в служении Родине, поиске приключений и познании нового. Нет, знал он и то, что когда-нибудь будет семья, будут дети, как иначе?! Но ни о какой любви не думал никогда, разве что немного завидовал чувству, которое было между отцом и мамой — редкости у дворян.

А вот сейчас он, испытывая стыд за то, что подслушивает то, что нельзя слушать — он вдруг позавидовал Женке.

И приказал себе уснуть.

* * *

Спуск проходил медленно и, чем можно было ожидать. Пришлось попарно двигаться верхом впереди, разведывая путь. Все остальные сидели в носу лесохода, непрерывно вглядываясь в склон холма, в ход пускали аппаратуру, несколько раз поднимали вертолет. Это предельно выматывало — Игорь в конце концов поделил своих на две смены: двое едут впереди, один ведет машину, трое отдыхают, Ленка — все время в «вертушке». Лесоход полз медленней пешехода, при всей его проходимости и массе машину мотало и подбрасывало на валунах, и сломанных деревьях. Пришлось всем пристегнуться наплотно ремнями.

Зеленое море внизу постепенно становилось ближе, а обзор по горизонту сокращался. Казалось, что на самом деле погнушаешься в воду.

Потеряли почти два часа, пробивая ход через каменную глыбу — громадину, начисто перекрывшую путь. Аккумулятор плазмы пришлось ставить на астроподзарядку. Потом — буквально через десять минут — со склона сорвалась лавина камней. Борька с Каткой, ехавшие впереди, едва успели спрятаться за корпусом «индрика», который коротко ухал от попадания летящих со скоростью пущенной из лука стрелы глыб. Еще страшней были мелкие осколки — они откалывались от глыб при столкновениях и летели рикошетами, взвизгивая, словно пули. И почти так же опасны были... Один из них вдребезги разнес дальномер на артиллерийской башенке. Несколько — прошли металлизированный чехол, закрывавший вертолет и моторку. Еще что-то долго сыпалось, стучало, шуршало, грохало и поскрипывало — Игорь при каждом таком звуке коротко вздрагивал, не снимая руки с гиросистемы. Отточенным чутьем он понял то, чего не понимали остальные — у камнепада могло хватить силы перевернуть, опрокинуть лесоход, уволочь с собой...

Очень нескоро он смог позволить себе вздохнуть как обычно. И по связи скомандовал: — Продолжаем спуск! Осторожнее...

И снова — медленное сползание. Игоря заменил Зигфрид — удалось немного поспать, а проснувшись — перекусить. К счастью, самая трудная часть спуска осталась позади — лесоход шел между пышно-зеленых деревьев долины. Живность кишмя кишела тут — из-под гусениц что-то порскало, с ветки на ветку перелетало, за деревьями перемещалось... Весь экипаж снова собрался в лесоходе, с интересом посматривая вокруг.

— Радиация, — отметил Борька, — и неслабая.

— Да ничего страшного, — возразил Игорь. — Народ активней будет... Все. Тормозим.

3

Заворочавшись во сне, Игорь едва не свалился с кровати и, опершись на пол рукой, проснулся. Все вокруг еще спали, только каткина кровать пустовала. Насквозь через люк светило утреннее небо.

Зевая и натываясь на углы, Игорь выбрался на броню. Катка сипела на носу, обхватив руками колени и смотрела на восходящий Полызмей.

— Доброе утро, — Игорь встал рядом, потянулся. Девчонка кивнула, потом поднялась

на ноги:

— А я давно встала, — сообщила она. — Сижу любуюсь — до чего красиво... Слушай, если уж и ты поднялся, будь другом — сделай кофе, а я завтраком займусь...

...— И правда — красотища кругом, — оцениваяще сказал Женька, сидя со скрещенными ногами на корме лесохода и окидывая окрестности взглядом хозяина. — Только скучно. Приключений мало.

— Слушай! — вдруг возмутился Игорь, толкая его в бок. — Если тебе мало всего, что уже было — то чего нам ожидать в будущем?!

— Удивительных чудес и происшествий, — серьезно отозвался Женька.

— О нет, — так же серьезно выдохнула Лизка. Зигфрид перегнулся в люк, извлек гитару и хлопнул по ней. Без слов. Женька протянул руку:

— Дай-ка мне...

— Погоди, — попросил Степка, перехватывая инструмент. — Вот, послушайте-ка... — он что-то помурлыкал, перебрал струны и вдруг запел печально, покачивая головой и глядя куда-то невидящими глазами:

— *Мой конь притомился, 27*
Стоптались мои баишаки...
Куда же мне ехать —
Скажите мне, будьте добры?..
— Вдоль синей реки, моя радость, вдоль синей реки.
До красной горы, моя радость, до красной горы...
— А где те река и гора —
Притомился мой конь...
Скажите пожалуйста,
Как мне проехать туда?..
— На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь.
Езжай на огонь, моя радость — найдеши без труда...

— Вот, — он вздохнул. — Не знаю, что-то в голову пришло. У нас ее любили.

— Дай мне, — Женька все-таки вытребовал себе гитару. — А вот наша, местная... Борь, девчонки — подпевайте!

Не жди меня, не жди — я уйду с утра — 28
Туда, где ветер вновь лавину стронул,
Где за рекой встает гора,
А за горой — река,
И снова горы, и зеленый лес на склонах...
Прости меня, прости — я снова не приду,
В который раз поедут все прахом сроки...
Не обнимай меня — меня обнимет дуб,
Обнимет тенью дуб,
А для тебя — вот, только эти строки.
И знаешь что, вот что — быть может, не вернусь,
И где прервался след — друзья тебе не скажут...
Забудь меня скорей — и пусть,

27 Стихи Б.Окуджавы.

28 Стихи автора книги.

И только-то, и пусть...

...А смерть — плевать, тут уж как карта ляжет.

Игорь поднялся, подошёл к корме и встал там, скрестив руки, задумчивым взглядом окидывая горизонт. Степка, встав рядом с ним, посмотрел туда же и тихонько спросил:

— Игорь, ты чего?

— На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь, — так же тихо отозвался Игорь, не отводя глаз от леса. — На ясный огонь... Поехали, Степ.

* * *

Нос лесохода погрузился в воду, и машина остановилась. Впереди на всем видимом пространстве ничего не было, кроме воды и красивых лесистых островков, натканных густо, как чаинки в хорошем чае.

— Похоже на Черную Чашу у берегов, — определил Борька. — Только тут зелени больше. Игорь, как мы — обождем, или напрямик?

— Да напрямик, — беззаботно предложил Игорь, — нам что суша, что вода...

*— Мы в такие шагали дали,²⁹
Что не очень-то и дойдешь,
Мы в засаде годами ждали,
Невзирая на снег и дождь,
Мы в воде ледяной не плачем
И в огне почти не горим...
Мы — охотники за удачей,
Птицей цвета ультрамарин!*

— проорал изнутри Женька, и лесовод солидно и неотвратимо двинулся в воду. Волны разбежались от носа двумя пологими горбами, разбиваясь об островки и коряжины. Выбравшийся наружу Степка, гордо задрав нос, прикрепил к стволу скорострелки, глядевшему в небо, имперский флажок и постоял возле него в позе Петра Великого, наблюдающего за спуском на воду кораблей Балтфлота. Потом наверх снова выбрались все — кроме ведущего «индрик» Женьки и Лизки, которой Женька был нужен для душевного равновесия. Мальчишки и Катька уселись вдоль борта и с интересом наблюдали плывущую мимо панораму, по временам включая запись в комбрасах. Катька снимала камерой.

— Тут полно рыбы, — заметил Борька. — Ого, смотрите!

В десятке метров от лесохода под прозрачной водой скользило, плавно и бесконечно извиваясь, тело гигантской змеи. Хвост и голова видны не были.

— Ничего себе... — признал Степка. — Анаконда!

— Нет, это местная мутация, — определил Игорь.

— А это какая мутация? — Зигфрид поднялся в рост. — Да смотрите же, что, не видите?!

Все завертели головами.

— Да вниз, вниз смотрите! — Зигфрид плюхнулся на живот и, свесившись, вытянул руку вниз, к воде.

— Ёлки зеленые, мы плывем над дорогой! — вырвалось у Игоря.

Это было правдой. Под лесоходом тянулась широкая и прямая белая дорога. Ее затягивали облачка мути, поднятые машиной в движении, но муть тут же сносило в сторону

²⁹ Стихи А. Макаревича.

— очевидно, каким-то подводным течением. Минуты две все пятеро не поднимались с животов, созерцая это. Потом, по-прежнему не вставая, Игорь сказал: — Знаете, на что это похоже? — он сел, скрестив ноги. — На Карибский пролив. Ну знаете, там когда-то Мексика была... Вот так же — на мелководье видны дороги. Или еще чище: дорога на остров из моря выходит, а на другом конце острова снова под воду...

Игорь хотел ещё что-то сказать, но Зигфрид, опять поднявшиеся на ноги, вдруг выкрикнул:

— Это же город!!!

4

Этот город не походил на тот, что у границ колонии. Тот все еще ждал хозяев и хранил их голоса в надежде на возвращение прошлого.

А это были развалины. Сумрачные и печальные, между которых и в которых росли тонкие, но раскидистые и пышные деревья. Воду вдоль стен и древесных стволов покрывала пленка красной ряски с потрясающе красивыми золотисто-синими цветами (напомнившими Игорю гербы шведских автономий), но девчонки молчали — это было все равно что брать в подарок цветы с могил. Лопнувшими струнами изгибались над руинами мосты.

И молчание. Тяжелое, глушившее звук двигателя лесохода.

НА СВЕТЕ НЕТ НИЧЕГО ВЕЧНОГО говорили руины. *ВЗГЛЯНИТЕ НА НАС, ГОРДЫЕ ЛЮДИ. ПОДУМАЙТЕ О СЛАВЕ НАШИХ СОЗДАТЕЛЕЙ, ВЛАДЕВШИХ ГАЛАКТИКОЙ. ГДЕ ОНИ? ГДЕ ИХ ИМПЕРИЯ? И ЧЕМ ВЫ ЛУЧШЕ ИХ? ВЫ ТОЖЕИЯ? И ЧЕМ ВЫ ЛУЧШЕ ИХ? ВЫ ТО—УЙДЁТЕ, И САМИ ПЛОДЫ ВАШИХ ДЕЛ, КОТОРЫЕ ВЫ ПОЛАГАЕТЕ ВЕЧНЫМИ, СТАНУТ РУИНАМИ, В КОТОРЫХ УМРЕТ САМЫЙ СЛЕД ПАМЯТИ О ВАС...*

— Мне страшно, мальчики, — вдруг прошептала Катька, тиская свой РПП. — Они все еще здесь. Они умерли, но не совсем. Им больно, много тысяч лет больно, и они кричат...

Борька обнял ее за плечи и притянул к себе. Степка и Зигфрид тревожно озирались, явно чувствуя себя не в своей тарелке. И только Игорь понял, что имеет в виду более восприимчивая, чем мальчишки Катька. Его самого буквально скорчило изнутри от количества некротического поля, законсервированного на брошенных улицах. Да, тут умирали. Многие погибли — и их смерть была ужасной...

Игорь моргнул, ему почудилось среди развалин движение. Но тут же стало ясно — нет, вовсе не почудилось. Со страшной быстротой развалины менялись. Ушла вода, исчезли одни и возникли другие деревья. Дома приобрели вид свежеразрушенных, их охватило пламя. «Индрик» оказался в центре горящего города! По улицам бежали люди... нет, Рейнджеры, Игорь узнал их лица, но не спокойные и невозмутимые, как на памятниках, а охваченные ужасом, который, как ни странно, делал эти лица более человеческими. Бежали женщины, дети; мужчин было мало, они держались позади, отстреливаясь из какого-то оружия вроде РАПов от множества закованных в броню существ, потоками мчавшихся по улицам на таких же бронированных, но явно живых тварях. Над пылающим городом висели незнакомые корабли, похожие на стилизованные лилии — они извергали пламя совершенно безнаказанно.

— Игорь, что это?! — закричал Степка.

— Хронопрокол! — ответил Женька снизу. — Приборы с ума сошли! Надо убираться отсюда!

— Да что же это! — заорал Борька, выхватывая РПП. — Посмотрите же, что они делают, гады такие!!!

Прямо к лесоходу мчались мальчишка и девчонка лет по 10–12. Им помогала бежать женщина в широком развевающемся платье, а эти существа уже настигали, рубя длинными изогнутыми клинками (?) тех, кто бежал позади, затаптывая их, еще живых...

Борька с воинственным кличем выстрелил вверх голов спасающихся; дети и женщина пробежали сквозь лесоход.

Чудовищная картина исчезла.

* * *

Мягкие шаги офицера заставили Уигши-Уого поднять голову. Пограничник, остановившись возле кресла, почтительно поклонился:

— Донесение с юга, отец. От... — он сделал многозначительную паузу.

— Я слушаю, — глава Совета вытянул по столу руки — длинные, мускулистые, с сухими узловатыми пальцами. — Вести хорошие?

— Да, отец... Эти нечестивые щенки вошли в Утонувший Город. Теперь они не вернутся — помешает любопытство, которым прокляла их род Птица. А там их всех ждет гибель.

— Хорошо-о... — Уигши-Уого удовлетворенно убрал, руки и позволил себе кивнуть чуть-чуть. — Передай нашим друзьям, что я очень прошу — пусть они убьют всех, но сохранят жизнь Муромцеву, — он закрыл глаза и сладостно произнес: — В нашем благословенном городе его ждут долгие дни мучений — самых страшных, какими только вооружила нас наша вера для смирения слуг Пещерного Змея...

Отсалютовав, офицер так же бесшумно вышел, а Уигши-Уого позволил себе вновь кивнуть удовлетворенно. Скоро, очень скоро этот наглый мальчишка будет в его руках. А у страшного Довженко-Змая, если не подведет тот купчишка-предатель, хватит своих забот. Он же, Уигши-Уого, объединит силы Иррузая и Аллогуна, заставит присоединиться колеблющиеся государства Запада и снова отбросит белокожих за Вторые, а то и за Первые горы, на самое побережье... или вообще утопит их в соленых водах. Как наяву, Уигши-Уого, увидел ряды кольев с насаженными на них головами, пылающие селения пришельцев и отступников-вабиска (а об этих он позаботится ОСОБО...), груды трупов вдоль дорогой и простершуюся на Востоке тень Крылатой. Он заставит их захлебнуться собственной кровью. Каждого, кто попадется в его руки, он казнит такой смертью, что от их криков рухнут стены их же домов. Он сошлет их жен в южные болота, в грязный, вонючий ад. Он отправит их выроdkов на север, работать на ледяных полях, в холодных пещерах....

Так будет, потому что он, Уигши-Уого, лишь смиренно исполняет волю Крылатой.

А Муромцев... Муромцев будет жить долго-долго... И его проклятая улыбка, которая преследует Уигши-Уого в кошмарах, исчезнет с губ, её сменят мольбы сперва о пощаде... потом о смерти... и лишь когда он охрипнет от мольбы — лишь тогда его убьют... убьют, не очень спеша, понемногу...

Глава Крылатого Совета довольно кивнул в ответ на свои мысли.

* * *

Гат оборонялся отчаянно. Понтонные мосты разбрасывало несколько раз подряд — вторгшиеся в новообразованный Ливийский Залив воды Средиземки не могли успокоиться лет тридцать, слишком глобальными были тектонические сдвиги. В конце концов, штормовые группы обошли залив по отвесным голым скалам и обрушились на голову бандам практически с неба. Дул страшный ветер, раздувал пожары, нес с собой массу мелкого песка. По небу сплошным строем летели, клубясь, облака; иногда в их крутящемся жутком движении безумным глазом проглядывала яркая синева, напоминая всем, что на земле — день...

Франко-бельгийская бригада "Леон де Грелль" погибла на окраинах Гата почти полностью — бандиты были хорошо вооружены и сражались с осатанелым мужеством,

понимая, что Чрезвычайный Трибунал не оставит в живых никого из попавших, в плен или сдавшихся, безразлично. Тогда в бой вновь были брошены отряды «витязей» РА и «хускерлов» "Фирда"...

...Под стеной стонали раненые. Стоя прямо над ними, живые стрелки выпускали магазин за магазином, выставив стволы «клеронов» в проломы. Тут же минометчики, одетые в жилеты на голое тело, в бешеном темпе сгружали с прицепов свои stodvadtymillimetrovki.

— Они вообще что-нибудь могут делать молча? — спросил Артем. На него никто не обратил внимания, мы двигались вперед.

Длинная гремучая очередь полоснула по верху стены, и тот взвился серо-белым маревом. Митяй добежал до угла, хлопнулся в пыль, на животе доехал к самому повороту, выставил наружу ствол РПК — плечи его затряслись от выстрелов. Я и Степка сползли почти на четвереньки и в таком положении подбежали к нему — как раз в тот момент, когда Митяй перекатился на спину и закрыл голову руками с пулеметом: по углу врезали так, что он осыпался сухими бесформенными кусками.

— Минарет! — прохрипел он пыльным ртом и, перевернувшись на живот, снова начал стрелять длинными очередями, опустошая двойной стосорокапатронный барабан.

Я осторожно выглянул над его плечом. Остаток минарета был похож на изуродованный кариесом зуб. Тридцать лет назад где-то неподалеку упала одна из ракет, которыми стороны пуляли друг в друга в короткой, но чудовищной по масштабам Третьей Мировой. Почему уцелел этот памятник зодчества — было неясно. Лучше бы и его снесло; из окна со свисающей выбитой решеткой безостановочно строчил и строчил пулемет — судя по звуку, еще НАТОвский BRG-15. Он стоял в глубине комнаты и для пуль был практически неуязвим.

— Не мучайся, — Степка хлопнул Митяя по спине. — Ну-к, Игорян...

Я кивнул и, прислонившись плечом к стене, поднял, пошире расставив ноги, тульский ГМ94. Плавным движением прицелился и выпустил два фугаса — к сожалению, термобариков не осталось.

Из окна полетели куски, рванули дым и огонь, я помчался следом за Степкой, подстегиваемый в спину треском митьковского пулемета.

Дверь мечети была забаррикадирована — Степка на бегу уложил под баррикаду «эргэдэ», и завал разнесло. Он перескочил через дымящиеся обломки и влип в стену; я проскочил мимо него к ведущей вверх лестнице и очередью калаша прошил бегом спускавшегося по ней автоматчика — тот неловко перевалился через тонкие перила и рухнул вниз одновременно со своим оружием — у него тоже был калаш, но старый.

— Сдавайтесь, если есть кто! — крикнул Степка вверх и пустил вдоль лестницы три коротких очереди. — Сдавайтесь, суки!

Я, подняв голову и ствол автомата, начал осторожно подниматься. На деревянных балках — примерно на трёх человеческих роста от пола — висел комок окровавленного тряпья; очевидно все, что осталось от сброшенного вниз взрывами гранат бандита. Я не сводил глаз с площадки и, невольно сглатывая, поднимался ступенька за ступенькой... и выстрелил раньше, чем понял сам, что же заметил. Через балюстраду перевесилось, судорожно дергаясь, тело, но граната, выпущенная убитым из пальцев, коротко, увесисто чиркнула о каменный пол. Я упал на спину, Степка пнул гранату в дверь и откатился под стену — взрыв, между стен и этажей тонко запели осколки, один чиркнул меня по шлему.

Мы уже вдвоем продолжали подниматься лестницей. Степка, удерживая «калашников» одной рукой, другой ощупывал прозрачные рожки магазинов в жилете. Я прыжком выскочил на площадку, рыскнул стволом, потом вынул из кармашка «лимонку» и, показав ее Степке, — тот кивнул — выдернул зубами кольцо, отпустил рычаг, задержал гранату на пару секунд в руке... перебросил вверх, присел, а сразу за взрывом рванул с низкого старта по лестнице.

Бандит, зажав уши руками и открыв рот, стоял, привалившись к стене — я ударил его коленом в пах, торцом приклада в затылок, тот зарылся лицом в пыль. Около опрокинутого пулемета лежали два или три трупа, стоял, целясь из пистолета, живой бандит — совсем молодой, он что-то выкрикнул, но выстрелить не успел — вынырнувший сбоку Степка выстрелил раньше — очередью от живота. Бандит повернулся вокруг себя, выстрелил в окно и рухнул на пулемет. Я бросился к окну, выхватывая из кармана флажок на пружинной антенне-куликовке, поспешно выставил наружу. Не поворачиваясь, бросил:

— Стёп, один живой, вон он.

— Вижу, — Степка толкнул ногой оглушенного мной. Бандит застонал, пошевелился; Степка уже не толкнул, а ударил, приговаривая: — Поднимайся, скот, поднимайся... ну?!

Тот сел, потом — начал выпрямляться, перебирая руками по стене и испуганно глядя на оружие в руках Степки; парнишка не старше нас, с растерянным грязным лицом — европеец или американец. Тут их было много среди бандосов — остатки тех, кого вышибли с севера восемь-десять лет назад.

— Не убивайте, — попросил он, и я пораженно повернулся. Степка присвистнул:

— Ты русский?!

Тот хлопнул глазами, провел рукой под носом и тихо ответил:

— Да... русский...

— И с ними? — продолжал спрашивать Степка.

— Меня заставили, — прошептал он. — Я не хотел... меня заставили... — Степка молчал и только поглаживал магазин автомата. — Мы ждали... отец... он хотел вернуться на север, но боялся... они нас заставили, заставили... Я не виноват, меня били... я не хотел... — его голос сел, парнишка как-то посерел лицом, хотя на этом лице и так уже лежал слой пыли.

— Русский — и с ними, — словно не слыша его, задумчиво-задумчиво сказал Степка. — Ну что ж...

Мальчишка шарахнулся к стене и распластался по ней, словно хотел в нее войти и с ней слиться — он все понял еще раньше меня, потому что я-то просто смотрел удивленно и переваривал факт такой встречи — уже, наверное, лет десять русские не воевали с русскими, с тех пор, как с территории России выбили последние банды, и они растворились где-то на просторах юга. А он — понял, и закричал, истошно, не сводя с моего лучшего друга расширенны, распытых глаз:

— Я не хотел! Меня заставили! Пацаны! — он давился ужасом, как горячей кашей. — Я не хотел!!!

— Я это слышал уже, — устало оборвал его Степка. Парень на миг замолк, потом дернулся всем телом и рухнул на колени, словно ему подрубили ноги, сказав — даже не закричав, а просто сказав:

— Не убивай. Пощади. Пощади. Я искуплю. Я все сделаю.

Он глотал и глотал какой-то комок, и на шее под грязной кожей пульсировали артерии. И смотрел на Степку с умоляющей покорностью...

— Ты предал нас, — ответил тот. — И их готов предать. А потом снова предашь нас... Зачем ты такой нужен? Кому?

— Я хочу жить, — парнишка на коленях пополз к Стёпке. — Я очень хочу жить, я хочу жить, я очень хочу жить, да пойми же ты... — и вдруг закричал снова, истошно и визгливо, разом залившись слезами: — Не надо! Не убивай меня! Я хочу жить, я на все согласен... не у-би-ва-а-ай!!! Я все, что хочешь...

— Я ничего от тебя не хочу, — устало сказал Степка, — кроме того, чтобы ты перестал быть.

И тогда парень умолк и, закрыв лицо ладонями, осел, весь дрожа и всхлипывая.

— Убери руки, — приказал Степка. Тот затряс головой, взяв ими по лицу. Стёпка скривился, и я увидел, как ему непередаваемо противно — но голос моего друга остался скучным и спокойным: — Убери руки. Ну, слышишь? Убери, хоть умрешь, как человек, раз уж жил, как предатель.

— Да я не жи-и-ил! — простонал парнишка, не убирая рук. — Я не жил совсем! Ну пойми же меня! Пойми!

— Не хочу я тебя понимать, — ответил Степка. — Руки убери, а? Мне же противно так стрелять.

Парень не отнимал ладоней от лица. И тогда, скривившись, Степка выстрелил прямо в дрожащие: серые руки.

Словно алой кистью махнули по стене.

И в это алое шмякнуло убитого — развороченным затылком.

Ствол АК-103 дымился...

...В центр Гата мы прорвались на «гусарах» утыканных пулеметами, как еж — колючками, прошли высохшим каналом и поднялись на его склон лебедками-самотасками. Не меньше сорока машин с «витязями» ринулись по улицам к действующему аэродрому, поливая все вокруг лавинами огня из всего бортового и личного оружия. На аэродроме, где стояло не меньше полусотни легких машин и вертолетов, воцарился ад — все взрывалось, выбрасывая фонтаны полыхающего низкосортного керосина, взлетевшие разрывало на куски в воздухе... Потом разом рванули (от чьей-то дурной лихости, керосин, пусть и фиговый, и нам самим пригодился бы) два огромных склада с горючим.

Наш с Ярославом и Лешкой «гусар» затормозил у приземистого здания вроде ангара. Славка, развернув «утес», вынес внутрь дверь вместе с куском стены, и мы все трое прямо с машины попрыгали внутрь.

Очевидно, несколько бандюг стояли в момент атаки прямо за дверью — глупые, наивные дети пустыни... Пятидесятиграммовые бронебойные пульки летели со скоростью 840 м/с — так и не успевших в нас выстрелить бандитов разнесло в куски и разбросало по полу большого помещения, у дальней стены которого наверх, на второй этаж, вела решетчатая лестница. Вдоль той же стены, под лестницей, стояли два или три обшарпанных грузовика, а на самой лестнице — двое с автоматами. Я выстелил из ГП — на месте двери над лестницей образовалась дыра, один из автоматчиков, кувыркаясь в полете, рухнул в грузовик, пробив тент, второй — свалился на пятую точку, бросил оружие и тонко, визгливо завопил что-то, выставив трясущиеся руки. Лешка прошел его очередь, легко перескочил, упершись рукой в перила, катящееся навстречу тело — и еще в воздухе метнул в пролом эргэдеху, разорвавшуюся где-то внутри с металлическим эхом. Славка обогнал Лёху, проскочил, пригнувшись, в дверь — и завопил. Причина его крика мне стала ясна тут же — за дверью, казалось, не было пола. А на самом деле большущее помещение было разделено решетками на два уровня, а уровни, в свою очередь — на множество мелких клетушек. По центру на обоих ярусах шли коридорчики — в начале одного такого мы и оказались.

— Тюрьма, что ли? — выдохнул Славка. Он родился на северо-востоке России и даже краем не застал, в отличие от нас с Лешкой, отечественного беспредела, хотя и воевал отлично. Мы переглянулись. Я по наитию вытянул, руку, указывая на дверь напротив, в конце коридорчика:

— Туда!

В клетушках было чисто, но... запах! ЗАПАХ, страшный и знакомый, никакой дезинфекцией неистребимый, ставший частью моей памяти, хотя я и недолго ощущал его...

Мы пробежали по решетке. Славка, на бегу прыжков взвившись в воздух, высадил дверь вместе с косяком сдвоенным ударом ног.

Комнатка выглядела типичным присутственным местом — или, как говорят западники, офисом. Стол со старой аппаратурой — ещё довоенного выпуска — сканер, принтер, ксерокс, коробки с бумагой. Работающий компьютер, за ним — повернувшийся в сторону двери пузатенький человечек, одетый в белое, в очочках с золотой оправой. На стене напротив входа — большой, яркий, не вяжущийся с миром вокруг плакат: на коленях стоят голые дети лет 4-14, в ошейниках.

Рев Славки — не крик, рев какой-то запредельный:

— Сидеть, скот!!!

Выстрел его автомата — одиночный, страшно громкий, дикий вой толстячка, слетевшего со стула и прижимающего к животу разорванную попаданием с такого расстояния надвое ладонь — потянулся куда-то не туда...

— Так, — вбил слово, как гвоздь, Лешка, — насквозь знакомые дела. Оптовая база работоторговцев.

Держа автомат правой, он боком присел за компьютер. Славка наступил толстой подошвой ботинка на морду толстячку, прижал его к поду. А я смотрел только на плакат и видел не его, а забойную камеру, до которой мне оставалось две очереди, когда отцовские бойцы взяли штурмом полевой лагерь налетчиков на Крестовском перевале, где меня продержали восемь дней. У Лёшки тоже было что-то похожее — его схватили при налете на станицу недалеко от только начавшего отстраиваться Константинополя и угнали аж в Аравию, откуда он через полгода бежал вместе с еще одним русским, своим ровесником, и шведом постарше...

Пальцы Лешки быстро бегали по клавиатуре. Толстяк не отрываясь следил за ним масляными от ужаса глазами и со всхлипами дышал перекошенным ртом. "Кап-кап-кап..." — стучала по металлическому полу кровь.

— Вот, — сказал Лешка. По экрану, повинуясь щелчкам пробела, сменяя друг друга в спокойном, ровном темпе побежали странички электронного досье.

Мы все смотрели на экран. Не отрываясь.

Дети, подростки. Мальчики, девочки в том же возрасте, что и на плакате. Две фотографии: лицо крупным планом и обнаженная фигура в рост спереди и сзади. Но в этом ни капли разврата — просто нужно показать товар лицом. Вот они — лица. Испуганные, ожесточенные, отчаявшиеся, ненавидящие, отупевшие, умоляющие.

Было какое-то прошлое. Была какая-то жизнь где-то на только-только начавшей оживать Земле. Потом остался только товар. Развлечение и мясо для джунглей Южной Америки и Центральной Африки, куда мы ещё не добрались и где грызутся друг с другом, сходят с ума, готовят набег десятка «государств» — тех же банд, только название другое...

Ни имен, ни фамилий. Национальность. Возраст. Пол. Рост. Вес. Физические дефекты и состояние здоровья вообще... Всё записано на английском почему-то...

И цена — обменная. Топливо, наркотики, оружие... А ниже — чаще всего — отметка «продан» /"a"/.

Все.

Лица под пальцами Лешки сменяли друг друга... сменяли... сменяли... Вот они слились в калейдоскоп. И выскочила цифра 5000.

Круглая. Поражающая своей завершенной конечностью.

Клик-клик.

"Не проданы — 211 единиц." Число, месяц, год. Старые, я никак не могу понять, когда это...

— Это вчера, — Лешка достал из коробки чистую дискету, бросил ее в сторону, вытащил лазерный диск — довоенный. Вставил в блок, начал перекачивать. — Это вчера, — он повернулся к толстячку. — Ты кто, сволочь?

— Он не местный, — Славка ткнул поднявшегося на колени толстячка стволом в макушку. — Ты не местный?

— Я... я... — тот икнул. — Я немец... Арон Штайн... пощадите, прошу, меня заставили...

— Немец, жирная сволочь! — Славка ткнул его стволом в плечо, и Штайн взвизгнул, содрогнувшись всем телом, из-под очков у него текли мутные слезы, искривленный рот дрожал. — Немцев ты тоже продавал? Торговал своими, да, сука?! Торговал?!

— Откуда дети? — спросил я, нагибаясь. Я не грозил, не повышал голоса, но Штайн почему-то засипел, отстраняясь от меня — Славка ударил его коленом в спину:

— Говори, когда командир звена спрашивает!

— Их привозили... после налетов... со всего севера... — захлебываясь словами, заговорил толстяк. — Но я — я нет, я только вел счета, я финансист!

— Где забойная камера? — спросил я, и Славка с изумлением покосился на меня, но лицо толстячка окрасилось таким ужасом, что я даже усмехнулся: — Где камера?

— Внизу, в подсобке... там цех... — он дрожал весь, дрожал, как кусок студня. Я вспомнил, как нам бросали еду — мне и Никитке, с которым меня похитили... а мы не ели, потому что знали, что это. И еще вспомнил, что Никитка был убит за полчаса до меня, и его матери и младшей сестре привезли разделанные останки.

— Паёк получал? — спросил я. Штайн открыл рот и с отчетливым звуком обгадился. — Где те, кого не успели обменять или убить? Вот эти двести одиннадцать — где они?

— Я... я... я...

Левой рукой я не глядя принял у Лешки коробку о диском и засунул ее в разгрузку, за магазины. Правой — достал «пернач» и нацелил его в лоб стоящему на коленях "финансисту":

— Где дети?

— Их увезли! Вчера! — в ужасе завопил Штайн. — Их увезли на юг, самолетом!

— Опоздали, — сказал Лешка.

— Тут рядом "Гетц фон Берлихинген", бригада германская, — вспомнил Славка. — Давайте его туда отвезем и немцам отдадим. Они его жопой на пулеметный ствол натянут и...

— Подыхай! — крикнул я, и Славка еле успел обскочить в сторону — выпущенная в упор экспансивная пуля подняла Штайна с колен, а я продолжал жать на спуск, и пистолет выплевывал пули, а я — слова: — Подыхай! Подыхай! Подыхай! Подыхай! Подыхай! Подыхай, подыхай, подыхай, подыхай!..

Изрешеченное, брызжущее кровью тело «финансиста» врезалось в аккумулятор и боком свалилось на пол. Последняя — восемнадцатая — пуля со щелчком прошибла экран компьютера, тот погас и, подпрыгнув, взорвался.

— Баба с возу — и волки сыты, — заметил Славка, сачимая меня за плечи. Я не чувствовал губ и никак не мог убрать пистолет в кобуру — так тряслись руки. — Соберись, пошли, ещё не конец.

Лёшка выходил последним. Сделав пару шагов, он быстро повернулся и швырнул в комнату зажигательный патрон...

...Лесоход чуть покачивался. Достаточно большого сухого пяточка найти не удалось, и поступили просто — полностью задраившись, остались на плаву.

— А чего так душно? — спросил в темноту Игорь.

— А кто его знает, — отозвался Борька. — Ты чего так орёшь?

— Я орал? — с трудом сообразил Игорь.

— Ересь какую-то — подыхай, подыхай... Да я все равно не спал, правда жарко... Пошли в рубку, посидим.

Мальчишки перебрались в рубку. Борька притащил с собой два пакета лимонного сока, они вытянули соломинки и уселись в креслах, задрав босые ноги на пульт. Игорь пяткой нажал снятие затемнения.

Над заболоченными островками плясали огоньки. Вода отсвечивала серебром и алым. Что-то здоровенное плавно и бесшумно скользило невдалеке над ее поверхностью.

— Съёмка ведётся? — спросил Игорь. Борька кивнул. Потянул сок и сообщил:

— А живность местная шевелится... Вот что значит — неподвижно стоим, никого не пугаем...

— Борь, — окликнул его Игорь, — а почему ты начал стрелять в призраков? Испугался, что мы "провалимся"?

— Ты же знаешь, что нет, — без обиды ответил Борька. — Казаки с детьми и бабами не

воюют. Как увидел... короче, ты понял.

— Понял, — подтвердил Игорь дружелюбно. А Борька задумчиво продолжал:

— На стольких планетах жили, а потом пропали куда-то — и все... Я ещё подумал, а если и мы когда-нибудь... вот так?

— Мои мысли, — вздохнул Игорь. — Вообще-то знаешь — примеров великих империй, погибших от каких-то причин, полно в истории всех планет... Да вот, — оживился он вдруг, — года четыре назад у нас был бал. У нас — это в Верном. Мне тогда всего одиннадцать было... Приехал один наш родственник, офицер пластунов, молодой совсем. Приехал с дамой, а прямо там что-то поссорились — тихо, но капитально, она уехала, а он остался... но я не об этом. Мы с ним заговорили. Вообще я для него, конечно, сопляк был, но ему, кажется, так плохо стало, что лишь бы с кем поговорить. Он два года жил на Тайге, с тамошними охотниками. И ему там один священник такую теорию выстроил — а он мне пересказал, ну а уж я запомнил... Так вот. Нет вечных государств. Рано или поздно каждое натывается на более сильного и беспощадного врага — ну, как это было с Третьим Рейхом или США, если нашу историю вспомнить. Или они просто видоизменяются до неузнаваемости, как это случилось с Римской Империей или СССР. Но, сказал тот священник, есть вечные идеи. Добро, мужество, верность, честность, справедливость, любознательность... Носители меняются — идеи нет.

— Подожди, — Борька помотал головой, — мне это все равно не нравится. Значит, мы все можем измениться, предать те самые идеи, о которых ты говоришь?!

— Да понимаешь, — Игорь повозился в кресле, — я и сам не очень в этом разобрался... Но исторический же опыт показывает... Знаешь, может быть, эти самые идеи и подводят. Добро становится высокомерием, мужество — беспощадностью, верность — слепотой, справедливость — безразличием, честность — бездушием, любознательность — бесцеремонностью... Не сразу, конечно. Процесс растягивается на века.

— Понять бы, когда он начинается, — Борька допил сок, — и в зародыше придавить.

— А это и не кончалось, — вдруг печально оказал Игорь. — Вот на Земле, в России — думаешь, там нет бездушных, ленивых, подлых? Есть. Очень-очень мало, но есть — и сейчас им легче, чем было лет... ну, два века назад. Тогда их давили. А сейчас махнули рукой — мол, сами вымрут от общего настроения жизни. А они не вымирают. Живут и даже где-то процветают... Может, с них наша гибель и начнется.

— А я? А ты? — напружиненно спросил Борька. — Мы не в счет? Нас же большинство, подавляющее большинство? Нет, Игорь, — Борька решительно покачал головой. — У меня будут дети, и у тебя. И мы их воспитаем, как воспитывали нас. Тогда, может быть, мы станем исключением из правила. Иначе получается, что моему пра-пра зря выхлестнуло осколками глаза на Первой Галактической, когда ему еще и восемнадцати не было. И дядя Роман зря своей кровью захлебнулся, когда ему легкие разорвало на «Разящем». И твои отец и мама... Разве ТАКОЕ бывает зря, Игорь?

Игорь отчетливо вспомнил свой сон. И твердо сказал:

— Нет. Не бывает, Борь. Ты прав, — потом протянул Борьке пакет с остатками сока. — Ты вернул мне веру в человечество и можешь за это допить мой сок.

— Давай, — охотно согласился Борька и присосался к пакету. Игорь развалился удобнее и задумчиво рассматривал пейзаж за остеклением. Потом небрежно поинтересовался:

— Ты спал с Катькой?

Борька поперхнулся. Откашлялся и допил сок со смущенным видом. Кашлянул опять, уже просто так.

— Угу. Да, то есть, — и встревожился: — А что?

— Да ничего, — Игорь вздохнул, потом засмеялся и признался: — Я тебе завидую.

— Из-за этого? — спросил Борька и очень серьезно возразил: — Неправильно, Игорь. Это, конечно, здорово, правильно, ну, про что ты, то есть... — он сбился и признался: — ОЧЕНЬ здорово, если честно. Но все равно. Суть не в этом. Суть, Игорёк, в том, что я ее

люблю, а она — меня. В этом, а не в физическом контакте... И давай про это не будем больше, не очень удобно. Ты мне друг, но...

— Понял, извини, — Игорь поднял ладонь. — Что-то я заболтался. Или, как Степка скажет, затрепался.

— Ты что с ним делать будешь? — поинтересовался Борька. — С собой возьмешь?

— Не могу я, — вздохнул Игорь. — Вот хочу его на латифундию к генерал-губернатору сосватать. Там ему легче будет адаптироваться, полузамкнутый военизированный социум... Документы я подготовлю, настоящие, причём.

— Он, по-моему, уже адаптировался, — заметил Борька. — Дирижаблями увлекся...

— Так пусть учится и водит! — предложил Игорь с легким раздражением. — Вон, Ревякин помог бы. Нет, он ко мне прилип.

— Не надо так, — покачал головой Борька. — Ты его из небытия в прямом смысле слова вытащил, чего же ты хочешь...

— Ладно, потом решим... — Игорь помолчал и неожиданно сказал: — Мне тут не нравится. Так красиво казалось, а сейчас... — он призадумался и признался: — А сейчас страшно.

— Тебе? — поразился Борька, даже ноги скинул с пульты.

— Ну, не страшно, — поправился Игорь. — Не по себе... Ты когда на горы смотрел — ты ничего странного не видел?

— Замок, что ли? — хмыкнул Борька. — Мне Зиг рассказывал... Буйное германское воображение.

— А это тоже? — кивнул наружу Игорь

Перед ними был канал. Над облицованными сверкающими плитами берегами склонялись водопадами пышные деревья. По каналу медленно плыла длинная узкая лодка, по бортам которой, покачиваясь на резных стойках, горели ажурные фонари. Через секунду все это растаяло.

— Не залететь бы нам туда, — буркнул Борька, — а то будет у нашей экспедиции очень оригинальный конец... Ну, я, пожалуй, спать пойду. Да и ты бы ложился.

— Лягу, — пообещал Игорь, но остался сидеть задумчиво. Борька ушел; Игорь сидел довольно долго, потом медленно, словно бы нехотя, включил связь и вышел на Довженко-Змая.

— Что случилось? — с легким недовольством спросил генерал-губернатор. — У меня встреча с директорами компаний, извини.

— Один вопрос. — Игорь наклонился к экрану. — Это правда, что у тебя во дворце есть стабильный хронопрокол?

Глаза генерал-губернатора нехорошо сузились, став похожими на лезвия ножей, лицо окаменело. Потом он выдохнул и прикрыл лицо ладонью. На пальце сверкнул тяжелый гербовый перстень.

— Извини, — с трудом сказал он и убрал руку. — Мне показала этот... это место девушка, которую я любил. Я туда не хожу и не люблю вспоминать.

— Ты не пробовал... — начал Игорь, но Довженко-Змай перебил его:

— Один раз. Еще с ней. Бравировал. ОНИ меня видели, а я их начал даже слышать. Буквально несколько секунд — как вспышка, — генерал-губернатор снова закрыл лицо рукой и глуховато сказал: — Не смей больше спрашивать, иначе я тебя убью.

— Ты ведь ходишь туда, — упрямо сказал Игорь. И с трудом выдержал взгляд, страшный — таким и впрямь убивают... — Я хочу узнать, Сергей. Мне очень нужно, правда.

— Спрашивай, — отрезал генерал-губернатор. — И проваливай.

— ЭТО... ну, проколы. Они связаны с яшгайанами?

Довженко-Змай моргнул, его глаза стали искренне удивленными:

— Нет, конечно... С чего? Если хочешь, возьми монографию, она недавно вышла. Войко... э... Драганов написал. "Систематика и темы сумерлианских проколов в хронопространство Рейнджеров." Это к яшгайанам имеет отношение не более, чем восход и

закат... У тебя все?

И, не дожидаясь ответа, отключился.

Игорь медленно протянул руку и тоже отключил связь. Он еще долго сидел в кресле, то вглядываясь в темноту, то обшаривая окрестности ментальным "щупом".

Его не оставляло ощущение, что впереди ждет большая опасность.

5

Оказалось, что заночевали они не так уж далеко от сухого места, и лесоход весь день шел по роскошным лесам, оставлявшим впечатление большого заброшенного парка, кишящего живностью. Гнетущее ощущение, навеянное затопленным городом, постепенно покидало всех.

Кроме Игоря. Для него наоборот — росло напряжение. Немного отпустило только вечером, когда поужинали, убрали за собой, погасили костер и взобрались обратно — на машинный верх.

Катька спустилась вниз — слышно было, как она включила связь и заглушила ее, очевидно, усевшись в не ушниках отрабатывать сеанс. Остальные разлеглись на крыше лесохода. Молчали, задумчиво смотрели в небо и слушали звуки ночной жизни, по временам вздыхая. Звезды светили особенно ярко, плыл между них огонек орбитального терминала, а левее — огни рейсового...

— Стратолет до Озерного, — лениво сказал Женька. Борька развернулся, сел и решил:

— Пойду вниз...

Но спуститься не успел — послышался шум, стук, и наружу, как пробка из бутылки, вылетела Катька. Борька отшатнулся и сел, едва успев опереться руками:

— Ты чего?!

— Подожди! — отмахнулась она. — Ой, ребята, Лизка! Ой, что я услышала!

Все повскакали.

— Что, что?!

— Война?! С кем?!

— Катюх, не бормочи, говори!

— Ой, — в очередной раз сказала Катька, уж совершенно непохоже на себя, — только что новости передавали — какой-то корабль скиуттов, я не запомнила, какой — встретил недалеко от освоенных территорий "Челленджер"!

Наступило молчание. Все моргали ошеломленно, только Степка просто ничего не понимал и переводил взгляд с одного на другого.

— Да ну, ерунда, — неуверенно разродился Игорь. — Хотя... Пустой?

— Да не пустой, в том-то и дело! — завопила Катька, полностью вылезая из люка...

...Когда окончились Серые Войны, резко поредевшее и сильно поумневшее человечество довольно быстро освоило Солнечную Систему, выяснив, что пригодных для жизни планет в ней не существует. Проекты геизации некоторых из них вышли удачными, но долгосрочными... а главное, человечество неудержимо тосковало по звездам, до которых не могло добраться.

Тогда родились несколько амбициозных и ошеломляющих проектов, к числу которых относился "Челленджер".

Летом 35 года Промежутка (так позже стали называть время между окончанием Серых Войн и Галактической Эрой) с англосаксонского космодрома в поясе астероидов к звезде Альграб, дельте Ворона, стартовал фотонный звездолет «Челленджер» с экипажем из сорока человек. Грандиозный проект был рассчитан на полвека полета с околосветовой скоростью, большую часть этого времени астронавты должны были провести в криостатах, посменно дежуря. Англосаксы как бы заранее ставили себя в приоритетное положение по отношению к

русским, как покорители звезд, превращаясь в первую астродержаву Земли. На осуществление проекта были брошены лучшие силы, а «Челленджер» для своего времени был превосходным кораблем.

Неплохо начинавшийся проект оборвался через три месяца вместе со связью. Ученым осталось лишь строить предположения, что же случилось с "Бросающим вызов".

Через полгода практически та же судьба постигла русский «Рейд» и второй английский корабль — "Стар хоум", осуществлявший принцип самовоспроизводящегося социума: на нем летели больше трех тысяч человек. После этого человечество скрепя сердце отказалось от игр с космосом, начало искать иные пути и нашло их. Новые корабли искали пропажу, снаряжались даже специальные экспедиции, но всем было ясно, что это просто дань мужеству первопроходцев. Дальний космос никогда не отдавал свои жертвы. Если с кораблем прервалась связь — он погиб. Это правило было непреложно даже сейчас, через два с лишним века после тех событий.

Но через эти два с лишним века «Челленджер» возвращался...

...После полутора часов, проведенных в молчании и неподвижности у экрана связи, все оставались такими же неподвижными и молчаливыми, даже когда Игорь отключил аппарат. В тишине Лизка вдруг зашмыгала носом и тонко сказала:

— Жалко их... Восемь человек осталось, и видели, почти все покалеченные...

— Жалко?! — возмутился Борька. — Да они герои! На такой лоханке... — он затряс головой. — Но ДВА ВЕКА! Двести сорок пять лет, вы слышали, двести сорок пять, как же так?!

— Тебе объяснили, — степенно отозвался Зигфрид. — Попадание в свертку. По этому древнему Эйнштейну. У нас — два с половиной века, у них — два года. А космос огромен, не удивительно, что их никто не встретил.

— А не слышал их никто, потому что ни чистым радио, ни чистым теле давно никто не пользуется и не принимает, конечно... — Женька что-то еще хотел сказать о проблемах космической связи, но вместо этого замотал головой, как Борька. — Не представляю!

— Они летели к Альграбу, — Игорь встал и ладонями уперся в потолок, словно хотел поднять его, как люк. — Они готовы были отдать этому всю свою жизнь. Хорошо, долетели — для них! — за два года. Но Пространство отняло у них их открытие, их жертву...

— Альграб — семнадцать планет, около века назад англосаксы застолбили там свои Луны — две, — тихо сказала Катька. — Могли, кстати, найти следы высадки, но просто не искали. Слишком невероятно...

— Да, — Игорь скривился. — Я нескладно сейчас говорю, мне не говорится как-то... — он смущенно махнул рукой и умолк.

— Сохранило им молодость и отняло цель, — так же тихо, но очень внятно сказала Катька.

Игорь кивнул:

— Да, спасибо...

— Они все равно совершили подвиг, — упрямо возразил Борька. Игорь кивнул:

— Никто и не спорит. ТУТ не о чем просто спорить, Борь. Я о том, каково им теперь. Мы-то порхаем по Галактике, как мотыльки с цветка на цветок. Я бы лично и два-то года в этой жестянке не выдержал. А они были согласны на полвека!

— Ничего не понимаю, запутался, — тихо-тихо, так, что слышал только Игорь, шепнул Степка.

— А я бы согласился, — вдруг сказал Женька. — Если бы знал, что это правда нужно людям. Согласился бы. Неужели мы слабее тех, кто был тогда?!

Все помолчали. Лизка вздохнула:

— Вылечат их, конечно... А вокруг — новый мир! — о та вдруг засмеялась. — Вот они удивятся!

— А может, и нет, — возразила Катька. — Скажут: "Мы за это и воевали!"

Теперь посмеялись все. Зигфрид задумчиво произнес:

— Значит, могут вернуться «Рейд»... "Стар хоум"...

— Наверное, могут, — согласился Игорь и фыркнул: — Им теперь только в отшельники куда-нибудь в глушь — иначе офигеют от внимания!.. Черт! — он треснул кулаком по коленке. — Они старше нас на пять-шесть лет! Не воспринимается как-то даже...

— Как они там, у Альграба, на таком корабле сесть-то решились, — вспомнил передачу и поежился Женька. Борька возразил:

— Они садились на катерах, один погиб.

— А, да, я забыл уже... Эх, вот бы в Канаду сгонять! — исторг Женька почти трагический вопль. — Увидеться!!! Сняться!!!

— Обняться, — добавил Игорь серьезно. — Остынь. У англосаксов и так проблемы, им и без тебя тяжело, а если уж еще и ты у них появишься, так вообще феодальная раздробленность может наступить...

6

Ветер колыхал теплое разнотравье, стекая с пологих склонов. Небольшое стадо бизонов шло неподалеку по грудь в шевелящейся зелени — до лесовода доносилось их пофыркивание, запах. Картина умиротворяла и настраивала на прочный аграрный лад.

Но семеро друзей смотрели поверх этой картины, стоя на крыше лесохода. Смотрели внимательно и с интересом.

— Да, — сказал Игорь, — а еще говорят про германские фантазии.

— Кто говорит? — рассеянно спросил Зигфрид. Игорь не ответил.

Зрелище впечатляло. Руки неизвестных мастеров превратили скалу-трезубец в оптическую шутку. Даже с близкого расстояния нужно было делать над собой усилие, чтобы видеть то, чем скала была на самом деле — горной крепостью, запиравшее то самое ущелье, которым экспедиция собиралась идти дальше.

— Крепость Рейнджеров, — замороженно сказал Борька. — Неужели мимо пройдем?

— Нет, мимо мы не пройдем точно, — ответил Игорь со страной интонацией, опираясь на кобуру РАПа так, словно это была единственная поддержка в его жизни. — Жень, поднимай вертушку, обследуй крепость поближе. Я поведу. Зиг — в орудийную башню. Борь — к скорострелке. Степ — к проходческому лазеру.

— А мы?! — за себя и за подругу возмутилась Ленка.

— Готовить обед, — отрезал Игорь так, что девчонки не посмели сказать ни слова. — Жень, я провожу тебя, с машиной помогу...

...— Чего-то опасаясь? — спросил Женька, вода включенным тестером вдоль хвоста вертолета.

— Не то слово, — Игорь соскочил с лесенки и отряхнул ладони. — Помнишь, как мы чуть-чуть не разбились над Сааском? Когда остановился двигатель нашего с Борькой вертолета?

— Ты думаешь... — Женька смерил взглядом крепость. — Думаешь, там яшгайаны?

— Там есть что-то очень нехорошее, — убежденно ответил Игорь. — Будь осторожен и внимателен. Не потеряй контроль за собой.

— Так, может, вообще обойти это место? — Женька застегнул ремни краг.

— М-м? — Игорь вопросительно посмотрел на него.

— Шутка, — согласился Женька. — Ладно, давай вниз и дождитесь моего сигнала. Я включу связь...

...— Боевая готовность на местах.

— Готов оружие.

— Готов скорострелка.

— Готов лазер.

— Готов обед! — с невероятным ядом отозвалась Катька из-за спины Игоря.

— В чем все-таки дело?!

— У меня есть опасения, что эта крепость — одновременно приманка и засада, — исчерпывающе объяснил Игорь. — И если найдется хоть один желающий ее обойти — мы немедленно отправляемся назад.

Молчание превратилось в недоуменное. Очевидно, такая мысль никому не приходила в голову.

Что не могло не радовать.

На экране плыло передаваемое Женькой изображение. Выщербленная дорога — снизу она была не видна, пряталась в скальном распадке — поднималась вверх довольно полого. Ее окружали столбы с навершиями в виде похожих на лилию цветков. Вертолет летел как раз в этот ущелье, узком и прямом, как стрела.

— Смотрите, — слышался голос Женьки. — Вон там смотрите. Показываю!

— Ого! — вырвалось у Игоря. Дорога на протяжении почти километра была взломана. Создавалось впечатление, что камень кипел — шесть или семь огромных лунок заполняла похожая на застывшую лаву пузырчатая масса. Что-то похожее показывали в фильмах о последствиях мощных плазменных ударов с орбиты. — Тут применяли энергетическое оружие? Ничего, проедем... Покажи-ка замок, Жень.

— По-моему, он заброшен, — Женька показал ряды небольших стрельчатых бойниц, скальные выступы, умело превращенные в контрфорсы, лестницу — только для пешего подъема — ловко встроенную в неровности камня и казавшуюся их продолжением. — Проезда я вообще не вижу. Могло и завалить... А вот пещеры.

Черные зевы — несколько и на разных уровнях — виднелась у подножья скалы, из которой вырастал замок. Женька завис возле них — почти вплотную

— Осторожнее, — попросила Лизка. — Жень, ну пожалуйста, осторожнее, подальше!

— Все нормально, — отозвался Женька. — Не похоже, чтобы тут кто-то был... Я поднимаюсь выше.

Поплыли стены — трещиноватой мощный камень.

— Он разобьется, — шептала Лизка, — он безо всяких яшгайанов разобьется, снесет себе винты о скалу... Игорь, да скажи ты ему!

— Женька, отведи машину, — приказал Игорь, — дай общий план. А то я вижу только, как от твоих винтов трава треплется.

Склон отдалился, давая панораму.

— Подойдем ближе, вплотную к лестнице, — сказал Игорь, — и попробуем найти проход для машины. Заодно исследуем эту махину.

— Пещеры? — загорелись глаза у Катки. — Чур, я исследую пещеры!

— Жень, мы начинаем движение, — не обращая внимания на ее «заявку», сообщил Игорь. — Пошли! — и он двинул «индрик» вперед. — Давай обратно, Жень. Девчонки, обед разносите, на ходу поедем!

Лесоход вошёл в ущелье, оказавшееся по сравнению с ним довольно тесным — почти задевая бортами столбы. Появился Женька — он посадил вертолет так, что никто и не заметил.

— Дела для меня нет? — он уселся на место оператора рядом с Игорем и поставил на колени стакан с квасом и открытую упаковку салата.

— Отдыхай, — посоветовал ему Игорь. — Или нет, стоп. Сядь за меня. Я пойду свою снарягу посмотрю.

Игорь забрался в спальник и, открыв шкаф начал проверять геологическое снаряжение. Вот вечные вещи; молоток, например... Полевой спектроопределитель с кассетами... Елки?!

— Кто паковал прибор?! — крикнул Игорь.

— Да ты, кто же, — ответил Борька сверху. — А что?

— Ничего, — буркнул Игорь смущенно, созерцая спектроопределитель. Вместо профессиональной камеры «Паркфилд» производства Англо-Саксонской Империи, имеющей выборочную распластовку, глубину промера в пятьсот метров и круговой обзор с секторным вычленением, он каким-то образом сунул в укладку оформленный под «Паркфилд» отечественный «Глаз-2М» — модель для пионеров, с автоматикой распластовки, стометровой глубиной и направленным сектором. — Природой доказано, — пробормотал Игорь, — что даже если начать собираться за год — все равно что-нибудь обязательно забудешь... Так, ну и как мне?.. Проще со свечкой по пещерам лазить, маните ли меньше и не так тяжело... Жень! — крикнул он. — Ты води, а я тут поработаю!

Он достал инструменты и, вскрыв корпус аппарата, углубился в работу...

...Через полчаса корпус соответствовал содержанию. Игорь зачеркнул эмблему, название и задумчиво изобразил фирменные знаки «Паркфилда», подумав, что теперь его вполне можно обвинить в изготовлении подделок и незаконном использовании чужих торговых марок. Конечно, при полнопрофильной эксплуатации через пять-шесть часов потечет экран.

Ладно.

— Мы доехали, или нет?! — крикнул он, поднимаясь на ноги и потягиваясь.

— Почти! — ответил Женька. — Держитесь все, приехали к воронкам!

— Погодите, я сейчас! — с этими словами Игорь выскочил наверх и оперся на пульт сбоку от Женьки. — Вот, теперь можно дальше.

7

— Нет, я все-таки в горы не полезу, — Стёпка вздохнул и помотал головой. — Можете считать меня трусом, но горы не для меня.

— Ну и отлично, — ответил Игорь. — Значит, так. В замок полезем я, Борька и Зигфрид. Остальные будут тут с машиной и исследуют пещеры. Через три дня в это же время мы вернемся, — он подождал, ожидая возражений, но никто не открывал рта. Лица у всех были серьёзные. — Наша задача — не поиск артефактов. Замок, дорога, город — сами по себе артефакты. Наша задача — геологоразведка. Поиск радиоактивных материалов.

— И все? — тихо спросил Борька. Игорь пожал плечами:

— Ну...

— Игорек, это обидно, в конце концов, — сказал Борька. — Как будто мы не русские, а какие-то дикари из местных, которых носильщиками наняли. Ты чего-то темнишь.

— Ладно, — Игорь потер подбородок, — простите... Дело в том, что нам, скорее всего, устроили засаду.

— Удивил, — тихо заметил Зигфрид. А Стёпка, с зевком потянувшись, небрежно добавил:

— Было бы странно, не попытайся они нас прикончить именно здесь — место очень выгодное, — и, помолчав, добавил, — Игорь Вячеславович Муромцев, дворянин Империи.

— Это еще не все, — Игорь помолчал. — Дело в том, что засаду нам устроили фоморы. На голографиях, которые мне прислал генерал-губернатор, можно различить следы посадки межпланетного катера. И это не наш катер. У меня с фоморами счеты. И если...

— Хватит, — махнул рукой Женька. — Ясно же все. Это наша планета, в конце концов. А от фоморов я удирал один раз — когда меньше был. Да и то меня не спросили.

— Ну, если все ясно, то вот еще что, — Игорь начал паковать рюкзак. — Для тех, кто остается: лесоход без присмотра не покидать, по одному нигде не появляться и друг от друга не отходить. Хоть наручниками приковывайтесь!

— Ну, если, скажем, Женек к Лизке прикуется, — задумчиво сказал Стёпка, — это еще туда-сюда. Даже где-то возбуждает. А если ко мне? Не поймут нас местные умы.

Ответом ему было недоуменное молчание. Степка душераздирающе вздохнул:

— Это шутка такая была. Смеяться надо было после слова «а»... Господи, куда я попал...

— Держите связь постоянно включенной, — продолжал Игорь. — И с нами, и с «центром»! В пещеры далеко не ползайте.

— Они, скорей всего, смыкаются с замковыми коридорами нижнего уровня, — предположила Катька. — Лично я бы так строила.

— Все равно не ползаете, — приказал Игорь. — Наша геологически-развлекательная экспедиция плавно переходит в серьезную военную операцию, которая будет иметь... — он задумался. — Короче, вы понимаете.

— А давайте развалим этот артефакт, — Женька указал на замок, — из пушки. У нас вполне хватит снарядов.

— Такую красоту?! — взвилась Катька.

— Подождите, ребята, — сказал Игорь. — И развалить можем. И тихо обойти — как-нибудь. И вернуться, наконец, а сюда вызвать звено истребителей с терминала, благо — повод есть. Но понимаете, дело в том, что это вызов МНЕ. Я хочу войти в этот замок — и выйти. Победителем. Я, а не пушка. Я, — он с улыбкой покосился на Степку, — Игорь Вячеславович Муромцев, дворянин Империи, чьих отца и мать убили те, кто прячется в этом замке. Я никому не приказываю и никого не прошу. Но ведь вы точно сказали — мы все русские. Сейчас за нами наверняка наблюдают. И ждут. И я не хочу, чтобы они зря ждали. Не люблю обманывать ожиданий.

— Так ты хочешь драться? — весело мотнул чубом Борька. — Вот в чем дело?

— Да, — отрезал Игорь. Подумал и добавил: — Может быть, я эгоист. Но я хочу драки. А полезные ископаемые — вторым планом.

* * *

Темнота лежала у арочного входа в первый зал — четко, без перехода, без полутеней. Тут — свет. Тут — темнота.

Было тихо-тихо. Даже ветер умер.

Мальчишки стояли у этой границы, и Игорь вдруг вспомнил линию терминатора на Меркурии. Такую же четкую, как здесь. Что вспоминали Борька и Зигфрид — осталось неизвестным.

— Пошли? — Игорь оглянулся на остальных.

— Иди, — хмыкнул Зигфрид.

— Боишься? — уточнил Борька. Зигфрид повел плечами:

— А ты?

— Я первый пойду, — тихо сказал Игорь и шагнул в темноту, держа ИПП наперевес. Борис и Зигфрид синхронно шагнули следом, надвигая очки...

Оказалось, что внутри... светло. Ну, не совсем, но не так темно-непроглядно, как казалось снаружи. Свет падал из ниш под высоким потолком.

— Световоды, — определил Игорь. — Мастера все-таки были... Хотя бы здесь и везде так.

— Ты же в темноте видишь, — приглушенно сказал Борька.

— Не в полной же... Ну что, включаем режимы съемки на постоянную и идем искать?

— Неприятности, — добавил Зигфрид. — Самое тошное — долго искать неприятности. Я предпочитаю, чтобы они сами нас находили.

Игорь искоса посмотрел на него. Германец, обычно немногословный, разговорился. Значит — нервничает. Не боится. Вряд ли он вообще способен бояться.

Нервничает.

Может быть, все это просто пустышка. Никого тут нет...

...Что это?!

...В первую секунду — невероятно большое для него время! — Игорь подумал, что на него прыгнули и сбили с ног, а он, падая, сильно приложился затылком. Это было невозможно, однако ничего другого в голову просто не приходило — ощущения полностью соответствовали ощущениям человека, который загремел на каменный пол "всем прикладом" (хотя вот уже лет семь, не меньше, никому не удавалось заставить Игоря упасть мертвым грузом, не говоря уж о том, чтобы наброситься на него неожиданно!) Во вторую секунду он понял, что по-прежнему стоит на ногах, и друзья рядом. А в третью вся эта картина с бешеной, тошнотворной скоростью понеслась куда-то между воющих серебристых смерчей, кружившихся в вальсе — и мальчишка вдруг увидел прямо перед собой звездную бездну космоса.

Игорь издал слабый вскрик... но почти тут же понял, что от этой бездны его отделяет прозрачное остекление боевой рубки. Он знал, что это боевая рубка, вот только по сторонам не получалось посмотреть совсем, и звуки слышались странные, а глаза работали как-то...

Не глаза — ГЛАЗ.

Игорь смотрел глазом фомора.

И видел бой.

Слева, медленно уходя из сектора обзора, фейерверочно горела и распадалась на куски большая станция — не корабль, а именно станция. Прямо в лоб заходил небольшой корабль, похожий на гибрид жуки и ласточки — стремительный, пульсирующий огнями. Еще два приближались правее, один над другим и чуть впереди.

Игорь узнал их.

В атаку шли три корвета типа «Бора» Императорского Военно-Космического Флота.

"Что это? — отстранение подумал Игорь. — Где я?" И тут же понял, что он просто смотрит чужой памятью — такие фокусы изучали в лицее... вот только никогда еще память не была СТОЛЬ чужой и... ВРАЖДЕБНОЙ. Игорь ощупал страх, азарт, ненависть того, чьим глазом видел бой — это было противоестественно, но сами чувства ничем не отличались от чувств человека, встретившего врага.

Хотя — нет. В человеке не могло быть одного чувства — презрительного ужаса, перекрывавшего все остальное. Фомор боялся не за себя. Он был в ужасе от мысли, что какие-то ничтожные существа, по меркам его расы только вчера сделавшие шаг от животных, осмелились... НАПАСТЬ! Они угрожали ему и его кораблю — страшно подумать! — СМЕРТЬЮ!

Этого не могло быть.

Все вокруг содрогнулось, накренилось. "Попадание," — понял Игорь. Один корвет исчез из поля зрения, два других заложили синхронный разворот, отсекая огромный корабль (Игорь странным образом знал, что корабль огромен) от горящей станции, снова бросились в атаку, жалея беспощадными огнями, но вместо того, чтобы уйти в стороны, вновь развернулись, прикрывая собой беспомощные руины...

Вновь свирепый удар, свист, рев... Это третий! Он выскочил откуда-то снизу, закрутился бочкой, словно переполненный радостью, прошел так близко, что Игорь увидел на его борту стилизовано-кириллическое:

БУРЯ

Корабль отца.

Глазами своего врага, врага землян, Игорь видел последний бой отцовского корвета возле станции, на которой погибла его, Игоря, мать.

Мальчик хотел закричать, но не мог. Тогда он свирепо «задергался», силясь выскочить из ментальных силков, владевших его разумом.

Тщетно. Тот, кто «держал» его, был невероятно силен.

Корветы вновь ринулись в атаку... и один из них — не отцовский — в бронзовой беззвучной вспышке завалился на левый борт, по кускам теряя крыло и обшивку, рванулся по дуге вверх и в сторону... «Буря» прикрыл его, и на какой-то миг Игорь увидел за прозрачным окном широкий овалный нос фоморианского линкора — и вспухающие на нем красные раны: отцовский корвет вел шквальный огонь из всего бортового оружия, атакуя в лоб.

"Папа!!! — закричал Игорь. — Папа, назад! Уходи влево! У..."

Нос корвета расцвел звездчатым цветком, похожим на махровую астру, которые так любила мама. Когда вспышка угасла, Игорь увидел падающий корабль — его корпус был расколот на треть длины, боевой рубки не существовало, ходовой — тоже, рубка управления была вскрыта, как консервная банка и медленно источала огонь и воздух.

"Папа," — уже спокойно подумал Игорь...

..."Надеюсь, ты видел все хорошо, человек, — голос не имел интонаций, как и все «голоса» незнакомых Игорю лично разумных существ; «голоса» знакомых подсознание «окрашивало» привычными интонациями и особенностями. — Это было довольно давно. Тогда я командовал кораблем. Как видишь, мне уже доводилось убивать твоих соотечественников — и весьма успешно."

"Весьма, — «сказал» Игорь, сам удивляясь своему спокойствию. — Я не знаю, кто ты, хотя знаю, что ты здесь делаешь. А меня зовут Игорь Муромцев. Кораблем, который ты сбил, командовал мой отец. Станция, которую ты поджег — там погибла моя мать. Галактика огромна, но чудеса все-таки бывают. Я бы сказал, что сейчас произошло чудо. Я все равно собирался найти тебя и убить, потому что таков был мой долг перед Родиной. Но сейчас — сейчас все по-другому..."

"Я буду рад до конца прервать ваш род, — с неожиданной церемонностью «отозвался» фомор. — Ты прав, враг мой, это чудо."

"Я убью тебя, мразь, — «ответил» Игорь. Вслух он ни за что не сказал бы таких слов врагу, потому что это было недостойно дворянина... — но в мыслях мы искренней, чем на словах. — Готовься, потому что меня никто не остановит. Я иду..."

...— Игорь, ты что, умер?!?!"

Голос Борьки был настоящим — и испуганным. Игорь моргнул, заново привыкая к мысли, что он жив и видит то, что на самом деле вокруг него, а не жуткую картину нескольколетней давности.

— Со мной все в порядке, — ответил он, отметив радостно, что собственный голос ему подчиняется. — Я просто только что видел... кое-что очень важное... и я... — он посмотрел на своих друзей и, улыбнувшись им, вдруг громко и напористо затянул чистым, звонким голосом, хорошо поставленным на лицейских уроках пения:

— *Затянут дымом небосвод, ³⁰
На рубежах коварный враг.
Нас вновь труба зовет в поход,
Бойцы печатают свой шаг!
И гордо реет русский флаг,
Пусть дрожит коварный враг!*

Борька и Зигфрид удивленно и весело воззрились на Игоря. Они знали, конечно, "Русский марш", под который ходили в атаки «витязи», когда освобождали Землю от нечисти... но не очень понимали, с чего вдруг Игорь вспомнил эту песню. А он продолжал

распевать, бросая слова в темноту проходов, словно гранаты:

*— Нам не страшны огонь и смерть
И банды подлые иуд!
Сверкнет, как молния, наш меч —
В атаку РУССКИЕ идут!
Наш путь нелегок и тернист —
Сыграй атаку нам, горнист!*

Тогда они подхватили — сперва Борька, а потом Зигфрид, который все-таки был германцем и вспоминал немного о другом...

*— Благослови, Россия-Мать,
Своих сынов на ратный труд!
Над нами Бог, Святая Рать —
В атаку РУССКИЕ идут!
И побежит коварный враг,
Когда взвоется русский стяг!*

— Наверху, — Игорь вытянул руку, другой поднимая свой ИПП. — Там.

Мрачный зал плавно поднимался, как съезд в подземном гараже. В дальнем его конце четкое овальное пятно света падало на нижние ступени лестницы — широкие и длинные, без перил.

— Что ты видел? — спросил Зигфрид, вскидывая в плечу плазмомёт.

— Оранги, — сказал Игорь. — И их кто-то прячет. Я самым краешком зацепил. Ну — вот и неприятности... Смотреть в оба. Пошли.

Слева и справа — чуть впереди, стволы, в стороны — шагали Борька и Зигфрид. Между ними и чуть сзади, стволом вперед — Игорь, потому что он один мог контролировать тыл, не глядя назад.

На лестнице опять почудилось движение. Точнее — не почудилось, нет. Просто было оно очень быстрым.

— Ждут, — выдохнул Борька, и Игорь увидел, как он плавно и быстро открыл правый подсумок с магазинами.

— Внимание, ребята, — Игорь удобней перехватил ИПП. — Сейчас они атакуют.

Шум стал явственным. Полуразумные обезьяны то ли уже не считали нужным скрываться, то ли не могли сдержат ненависти к пришельцам, подогретой ментальным науськиванием. Лязгал металл, полутьма наверху лестницы колыхалась...

— Йууххх! — послышался ухающий крик, и оранги хлынули вниз, моментально делаясь видимыми — почти невозможно «закрывать» движущуюся и полную яростью толпу. Рыжешерстные оранги хлынули вниз во всю ширину лестницы — большущие, как ни странно — вооруженные тесакими с широкими лезвиями грубойковки, они быстро и ловко скатывались по ступеням, словно шарик ругути...

— Беглый огонь фронтом! — крикнул Игорь, шагнул вперед, в один ряд с друзьями.

Орангов было множество — их поток скатывался по лестнице приливным валом, грозившим захлестнуть крохотный строй. Но предки этих мальчиков бороздили межзвездные океаны и открывали новые миры уже несколько веков. И даже до этого, когда их домом была одна-единственная далекая планета на окраине Галактики, именно звезды указывали их пращурам дороги в путях на все стороны света, по лесам, степям и океанам — в то время, как многотитульные царьки именовали себя "потрясателями неба" и "властелинами всего, что есть и чего нет", владея узкими полосками загаженной земли вдоль сонных рек, забитыми нищими духом народцами.

Человека, которого ведут звезды, победить нельзя...

...Первые выстрелы прогремели в упор. Подствольники были заряжены картечью и буквально вырывали куски вражеского строя. Игорь не понял, в какой момент оранги отхлынули — знал только, что у него как раз кончился магазин, и он успел вставить новый. Но стрелять было не в кого; мальчишки поспешно перезаряжали или дозаряжали оружие.

— Пять... семнадцать... двадцать семь... — считал Борька останки, хотя временами трудно было понять, что перед ними — одно тело или обугленные куски двух-трех. Зигфрид усмехнулся одной стороной рта:

— Да считать-то надо не тех, которых прикончили, а тех, которые остались... Что-то как-то глупо они на нас навалились. Не кажется?

— Разведка боем, — Игорь вставил в магазин последнюю гранату. — А точнее — просто пугали.

— Игорь, — осторожно начал Борька, — ты не думай, что я боюсь... но если их тут тысячи... а у фоморов настоящее оружие... У тебя есть план, или мы просто играем в былинных витязей?

Зигфрид фыркнул и, издав гортанный вопль, бросился к лестнице, метнув впереди себя ручную гранату. Игорь успел перехватить его — часть лестницы бесшумно повернулась на невидимых петлях и ухнула вниз — так откидывается крышка люка.

— Тебе что, жить надоело? — поинтересовался Игорь, встряхнув германца. — Так бы и сказал — я б тебя пристрелил, хоть помер бы не искалеченным. — Неужели это Рейнджеры придумали? — Борька приблизился к провалу, отвесней шахтой уходившему в сухую черноту. — Э-гей...

— Ээй... ээй... ээй... — отозвалось эхо.

— Нет, — Игорь коснулся ладонью края провала. — Это не очень давно сделано... Теперь твой вопрос, Борь. У меня есть план. Да. Это нападение было предупреждением. Известием, что о нас знают и гостеприимно ждут. А тем, кто нас ждет, важно, чтобы по крайней мере я добрался к ним живым. Я им вообще нужен живым. Меня скорей всего пропустят до самого конца. А вот вас будут стараться убить. Поэтому, — Игорь поправил ремень, — мне кажется, вам лучше будет вернуться и ждать.

— Ждать чего? — напряженно спросил Борька.

— Ну... — Игорь пожал плечами и улыбнулся. — Пока я вернусь. А если не вернусь — разносите этот памятник архитектуры из пушки.

Зигфрид вдруг засмеялся. Коротко — и резко оборвал смех. Борька зажал под мышкой ИПП и, достав две связки строительной взрывчатки, разместил их на плечевых ремнях. Потом тоже улыбнулся и положил ладонь на плечо Игоря:

— И пусть потом кто-нибудь скажет, что мы не верили!

И подмигнул.

8

— Давай я с тобой пойду вместо девчонок, — Степка внимательно смотрел, как Женька проверяет обоймы к РПП.

— Ты же гор не любишь, — поднял голову Женька.

— Ну... — Степка погладил ИПП. — Это же не совсем горы. Тут невысоко... А в пещерах вообще...

— Не, Степ, ты не обижайся, — Женька соскочил с кровати. — Девчонки знают, как себя вести в горах и пещерах, а ты, похоже, нет?

— Нет, — признался Степка. — Ладно, хорошо, я понимаю и буду ждать... Думаешь, все это ловушка?

— Да, — Женька вздохнул. — Я почти готов был предложить повернуть, веришь?

— Верю, — помедлив, кивнул Степка. — Но Игорь не повернул бы. Ни за что. Это я в

нем хорошо успел понять.

— Мальчишки, вы готовы? — окликнула сверху Лизка и пристукнула в броню прикладом.

— Готовы? — Женька направился к лестнице, но, повернувшись, добавил: — Жди нас, Степ. Мы вернемся.

* * *

Альпинистское снаряжение не пригодилось — к пещерам обнаружилась тропка, когда-то бывшая лестницей. Да и сами пещеры еще носили над входами следы арок.

— Красотища! — задравший голову Женька в сбитой на ухо мятой фуражке и задранными на нее очками ночного видения был похож на героя военных фильмов. Лизка отметила это и поцеловала его в шею; Женька немедленно переключился на поцелуи, а Катька, вспыхнув чернейшей завистью, завопила:

— Мы идем?! — и воинственно повела стволом "ижевки".

— Умс... дем, — согласился Женька, с трудом оторвавшись от поцелуев. — Пошли.

Они оглянулись на лесоход. На крыше машины стоял, уперев руки в ствол пушки, Степан. Он смотрел вверх, сюда...

...Периодически Женька включал то фонарь, то спектроопределитель. Фонило, и здорово — лишку даже, но все трое перед выходом наглотались таблеток до боли в позвоночнике. Шагавшая последней Катька вела съемку. Лизка фиксировала навигатором пройденный путь.

— Это не пещеры, — сказал Женька, скользнув лучом фонарика по стенам и потолку. — Смотрите, это залы. По-моему — хозяйственного назначения. Логично ведь — всякие там зернохранилища и оружейные под крепостью... Странно, что тут могли обосноваться вабиска — обычно они шарахаются от мест, где Рейнджеры жили...

— Да тут не вабиска обосновались, — буркнула Лизка и вздрогнула: — Уух!

Довольно долго шли молча — вдоль появившегося из-под стены ручья, журчавшего у самых ног. В ручье важно плавали толстые белые рыбы.

— Радиация, — задумчиво сказал Женька и провел спектроопределителем вдоль стены. — Я не геолог, девушки, но по-моему эта скала целиком состоит из этого. Как его?

— Уранинит, — подсказала Катька. — Смотри, и правда спектр совпадает! Это открытие!

— Предсказанное, — важно дополнила Лизка. — Игорь про это сразу твердил, как только из рейда вернулся.

— Руку, сударыня! — согласился Женька. Лизка подала ему руку, и они плавно заскользили по берегу ручейка в вальсе. Катька, смеясь, хлопала в ладони:

— Вольту! — крикнула она. — Ну, Лиз, нас что, зря на эстетике учили?!

— Вольта! — объявила Лизка, останавливаясь и принимая позицию для этого старинного и красивого английского танца. Женька развел руками и поклонился:

— Увы... Не умею. Вприсядку могу.

— Тогда пошли дальше, — предложила Катька. — А вольте мы этого недоразвитого потом научим. И остальных, если захотят.

— Игорь наверняка умеет, — вздохнул Женька. — Он вообще все умеет.

— Кажется, да, — согласилась Катька.

* * *

Игорь легко перешагнул через скатившееся по крутой лесенке тело и следующим

выстрелом снял вабиска с ружьем на верхней ступеньке. Опустил РАП и засмеялся.

— Не очень смешно, — Борька гадливо вытирал заляпанный мозгами и кровью приклад ИПП о труп с раскроенным черепом. Зигфрид отдувался, положив на плечо скрамасакс и прижав локоть к резаной ране во весь левый бок.

— Большая удача, что мы сюда заглянули, — заметил он без тени юмора.

— Покажи бок, — Игорь задрал не нем куртку, раздвинул рану — Зигфрид потянул воздух сквозь зубы. Через рану блестели ребра. — Спокойно, тихо, — Игорь свел рану и зажал ее. — Постой на месте... Вот и все.

Мальчишки стояли в центре зала — цилиндрического, с частой цепью дверей, ведущих в радиальные коридоры — из одного такого они вышли. Над каждым коридором стоял, опираясь на меч, воин в шлеме с широким наносьем — расставленные ноги опирались на арку над входом, острие меча — тоже. Из центра зала вверх, в пол, уходила лестница — четырехсторонняя, парадная. На полу из серых гранитных плит тут и там валялись трупы вабиска и двух фоморов, вооруженных энергетическими пистолетами, которыми они так и не успели воспользоваться.

— Осталось четыре гранаты, — Игорь покосился на Борьку. — Ты, кстати, настоящий разрушитель. Кто тебя просил швырять взрывчатку в зал со статуями? И так справились бы, вручную...

— Поднимаемся? — Зигфрид потыкал в ступени скрамасаксом. — Где этот, который тебя где-то там ждет, ты говорил?

— Где? — Игорь не сводил глаз с верха лестницы. — Да вот он, ребята.

9

В подземное озеро далеко вдавался каменный причал. Холодная спокойная вода казалась продолжением черного песка.

— Как неудобно, — повела плечами Катька. Но Лизка возразила подруге:

— А по-моему, тут было красиво... Смотри, вон там везде горели факела, — она указала на ряды столбов по берегу — некоторые из них покосились, другие вообще отсутствовали, но ясно было, что тут горели огни. — Наверное, тут плавали на лодках...

— Сожалею, — вздохнул Женька, бросавший в озеро камешки, — но все было гораздо прозаичнее. Отсюда брали воду для замка. Вон трубы, — он покосился на разочарованные лица девчонок и добавил: — Но вообще-то тут и плавать вполне можно...

— Очень сильная радиация, — сказала Катька. — Тут лучше не задерживаться.

— А вы тут и не задержитесь, — сказал голос сзади. По-русски, но с сильным акцентом.

* * *

Степан не находил себе места. Он и в самом деле не любил горы и вообще высоту, но вообще-то тренировался в альпинизме, без этого никак... И сейчас жалел, что не пошел с Женькой и девчонками.

Может, еще не поздно? Но машину не бросишь... Степка попинал бронированную стенку и посвистел. Потом сделал себе бутерброд, откусил, пожевал и выбросил остаток наружу. Скривился, вышел, разыскал остаток и заставил себя доесть — не хватало бросаться едой! Снова прошелся по лесоходу, поговорил с лошадьми и поймал себя на том, что проверяет свое снаряжение.

Со стороны замка слышались стрельба и — по временам — взрывы. Кое-где из окон в такие моменты вырывался дым. Судя по всему, Игорь, Борька и Зигфрид успешно продвигались к известной Игорю цели. А вот у пещер царили тишина и спокойствие. Женька

и две девчонки...

Раньше — ТОГДА — Степка называл бы ненормальными тех, кто втроем открыто отправился бы во вражеское логово. Но этот мир его загипнотизировал — здешние обитатели были сильными и слегка беспечными от своей силы. Сейчас Степка думал, как ТОГДАШНИЙ — и видел, что допустил опасную глупость, отпустив Женьку.

— Черт! — громко сказал вслух он и уже решительно взялся за снаряжение.

* * *

Это походило на сцену из фильма. Яшгайанов было около дюжины. Они спускались по всем четырем лестницам — высокие, в своих рясах с капюшонами, молчаливые — и расходились по кругу, закрывая собой двери. Мальчишки, озираясь, встали спиной к спине возле одной из лестниц. На верхних ступенях осталось по одному яшгайану.

— Блокируйтесь, — быстро скомандовал Игорь. — Подствольники с серебром!

Но Борька, резко покраснев — до черноты — выронил оружие и на ногах-то держался явным усилием воли. Зигфрид вцепился левой рукой себе в лоб, из уголков рта стекала слюна. Игорь и сам ощущал чудовищное ментальное давление, заполнявшее зал почти вещественной массой.

Первым его желанием было «распахнуть» ментальную защиту, прикрыв от атаки своих друзей. Но вместо этого Игорь выхватил кластерник и, как на стрельбище, начал вгонять коротко посвистывающие серебряные диски в бесплотные тени у дверных проемов.

Будто странные бесшумные птицы, яшгайаны, бросились вперед, молча обнажая ятаганы. Игорь еще одним выстрелом снял противника на лестнице — Борька и Зигфрид рухнули на ступеньку, тяжело переводя дух, но Игорь не успел схватиться ни с кем из врагов; его друзья выросли рядом — шатающиеся — и готовые к бою.

— Серебро, их берет только серебро! — крикнул Игорь, отражая быстрые, как молния, удары. В левой руке у него возник нож, — Серебро!

Мальчишки пятились вверх по лестнице. Ее ширина не давала возможности держаться в ряд — двое сражались, третий за их спинами переводил дух и контролировал тыл.

— Закажу себе серебряный клинок! — смеялся Зигфрид. — Вот так! Зо!Зо! О-опп! — грохнул подствольник. — Борь, как там, сзади?!

— Хвост пока не висит, — сообщил Борька. — Сколько их там еще?

— Меньше, чем было, — ответил Зигфрид и едва не упал от своего же удара — яшгайан пригнулся, и его сбил Игорь. — О, еще меньше!

— Меняй, — Игорь пропустил Борьку. — Я гляну, что там, наверху.

Осторожным шагом, прикрыв голову и шею согнутой рукой, он начал красться наверх. Зигфрид за его спиной веселился вовсю, распевая какую-то маршевую несурезицу на родном немецком.

Верхняя площадка лестницы поднималась из круглого отверстия в полу маленького зала, узкий мостик с нее вел прямо к большим металлическим дверям, укрепленным узорными засовами и петлями. Это было все, что успел рассмотреть Игорь, потому что по нему ударили сразу из двух лучевиков.

Он выкатился из-под обстрела по мостику, сближаясь с врагами и выхватывая РАП — ИПП уронил. Это были фоморы — безо всяких дурацких капюшонов и ряс, в рубчатой золотистой форме, в зеркальных шлемах, как из учебных фильмов, двое. Они вели огонь по мальчишке от дверей, по-человечески стоя на одном колене и положив свои плавно изогнутые, не похожие на земное оружие лучевики на руку стволом.

Игорь оказался слишком быстр для них — кроме того, такой быстроты они, похоже, не ожидали. Еще в перекате мальчишка начал стрелять — неприцельно, веером, и один из фоморов закричал переливчатым голосом, странно походя на голос хорошего оперного певца, заваливаясь на бок. Игорь добил его выстрелом в шлем, вскочил, пригнулся,

задохнувшись от жара — лучевик второго фомора стоял уже на полном рассеивании. Прежде чем тот снизил прицел, чтобы зажарить юркого землянина, Игорь влепил ему один заряд в живот, второй — в лицо, третий — в грудь и четвертый — в правое плечо (или то место, где было плечо у землян).

На пол рухнули обгорелые ошметки.

— Оба сюда! — рявкнул Игорь, свешиваясь в проем.

— Мы тут, собственно, закончили, — Зигфрид появился снизу. — Только и разговора, что яшгайаны, а так и глянуть не на что.

— А у кого слюни через уши капали? — подколот Игорь. — Давайте скорее, мы, похоже, пришли.

Мальчишки поднялись на верх лестницы, осматриваясь и держа оружие наготове.

— Мы войдем туда первыми, — предложил Зигфрид, — и глянем, что там. По-моему, там никого нет.

10

Цепочка вабиска с ружьями наперевес, нацеленными на Женьку и девчонок, перегораживала причал. Стоявший с левого края офицер-пограничник — его шлем дополняла полумаска — приказал по-русски все с тем же акцентом:

— Бросьте оружие.

— Интересно, — процедила Катька, — почему не сработали сканеры?

— Радиация, — ответил Женька. Все трое медлили, хотя ни реакция, ни огневое превосходство не могли спасти от залпа из дюжины крупнокалиберных ружей практически в упор. Лизка зашептала:

— Если начнем стрелять... — но Женька прервал ее:

— ...то мы убьем полдюжины, а остальные убьют нас. Вот что, девчонки — вы прыгайте в озеро и плывите, а я...

— ...стану героем посмертно, — теперь Лизка прервала его. — Нет уж, обойдешься.

Катька остановившимися глазами смерила вабиска, закусил губу и плавным незаметным движением сняла ИПП с предохранителя — бок Женьки закрывал ее правую руку от врагов.

— ЛО-Ж-И-И-ИСЬ!!! — заорал кто-то за спинами вабиска и засвистел по-казачьи. Женька и обе девчонки, не размышляя, рухнули ничком. Огромную пещеру озарили пронзительные вспышки плазмы. Затрепал плавающий камень, кислый запах, заставлявший сглатывать, поплыл над водой и причалом.

— Я подумал-подумал — и решил, что могу пригодиться, — сказал Стёпка отпихивая ногой дымящиеся шкварки.

* * *

Хрипло дыша, Борька выволок на себе из дверей Зигфрида. Германец надрывно кашлял, лицо у него посинело, как от удушья.

— Не ходи туда, — сказал Борька, плюясь какой-то зеленой гадостью. — Там какая-то сволочь... похоже, еще один фомор. Я еле успел вытащить... не ходи, — он тоже закашлялся и сел беспомощно под стену, почти уронив Зигфрида.

— Это ОН, — сказал Игорь, перестав обращать внимание на друзей. И, сделав шаг к двери, остановился перед ней.

Холодный огонь разбежался из мозга по телу, заискрился, играя, в кончиках пальцев. Борька, худо-бедно отдышавшийся, с изумлением услышал словно издали идущие слова — невнятные, их как будто и не Игорь произносил, хотя у него шевелились губы...

Потом Борька увидел, как кованые дверные створки, к которым Игорь и не прикасался, прогнулись, сорвались с лопнувших чугунных засовов и с грохотом влетели внутрь зала. Игорь шагнул следом.

* * *

Интерлюдия: песня из х/ф "Не бойся, я с тобой!"

*Я один свой путь пройду
И похвал ничьих не жду,
Но прошу коль не понять,
Так запомнить,
Что свой долг перед собой,
Что зовут еще судьбой,
Должен я любой ценой, но исполнить!
Не одну прощу вину,
Лишь измену — не умею!
Никого за взгляд иной
Не виню!
Только если изменю
Сам себя — и сам себе я —
Что тогда я на земле
Изменяю?!
Я давно понять успел —
Белый свет не слишком бел,
А смирился я с ним таким —
Станет черен!
Но пока таков я есть —
Я кому-то нужен здесь,
А иной — сам себе
Я никчем!
Взглядом ночи, а не дня
Жизнь встречает здесь меня
И не каждому она
Улыбнется...
Человеком стать решишь —
Человечней станет жизнь,
Человечество с тебя
И начнется!*

* * *

В высоком черном зале окон не было — свет отраженными потоками падал из больших зеркал полированного камня — и чернел. Да, свет чернел — это именно так и выглядело. Жутковато, что и говорить. Чок... чок... чок... Зато разносило по залу бьющиеся в почти невидимые стены звуки шагов мальчика. Он ощущал присутствие врага — как ощущают огонь, не видя его. А потом впереди появилась высокая фигура в яшгайанском плаще. Она словно бы плыла над полом, шевеля в такт невидимым шагам посохом, похожим на трезубец — и остановилась в скрещении двух лучей. Под капюшоном стыла темнота.

"Сейчас ты умрешь, — размеренно и равнодушно ввинтилась в мозг Игоря похожая на ледяной бурав мысль, — Меня просили доставить тебя живым, но я не откажу себе в удовольствии прервать твои дни лично."

Игорь молча встал в "стойку воина", не сводя глаз с пустоты под капюшоном. И тогда фомор метнул в него две бурлящие реки пламени — сорвавшуюся с пальцев биоплазму, похожую на выстрел из старинных огнеметов. Пламя раскололось и стекло на камень, вскипевший длинным шрамом — Игорь подставил руки ладонями вперед. Фомор сделал то же самое, и они застыли — мальчик и темный призрак, друг против друга, совершенно неподвижно и молча. Потянулись минуты, настигавшие друг друга, словно катящиеся морские волны. На лбу и висках Игоря вздулись вены, по щекам стекал пот. Но и посох фомора мелко дрожал.

Первым не выдержал именно фомор. С шипящим воплем он метнулся вперед невообразимым прыжком, его посох ошетинился тремя клинками, и в воздухе сплелась огненная паутина, рухнувшая на Игоря, словно ловчая сеть. Мальчишка выкатился из-под этой сети, грозившей порезать его на поджаристые квадратики, ударил фомора по ногам лезвием силового поля — бесполезно, зато это дало ему время вскочить.

Посох в длинных руках врага вращался пропеллером, оставляя огненный след-диск. Игорь не боялся трехзубого клинка, но посох еще и помогал концентрировать энергию... Не переставая защищаться — ментально и физически — он спокойно и быстро искал способ «достать» врага. И, кстати, пока не видел такого.

Фомор, не переставая передвигаться и крутить посох, начал произносить какие-то невнятные слова, скрежещущие и длинные. У Игоря появилось страшное ощущение — словно из-под капюшона прямо ему в душу смотрят ледяные глаза — не один глаз фомора, даже не два человеческих или вабиска, а много-много. Такие глаза, наверное, у смерти...

Мальчишка поспешно полоснул воздух древней рунической лигатурой — "я есть", потом выстроил ряд защитных рун, как учили его по методике Гvido фон Листа.³¹ Фомор откатнулся, сбившись, умолк и перестал вращать посох. Но почти тут же, подняв руки, начал произносить еще какие-то слова, гулко отозвавшиеся за спиной Игоря — только за спиной, в остальном зале эхо молчало. Очевидно, что-то должно было произойти и... и не произошло, хотя Игорь напрягся в ожидании. Фомор, похоже, тоже удивился — даже шагнул назад, не покачнулся, а именно шагнул, и жест, которым он вскинул, посох, напоминал вполне человеческий жест защиты.

"Это все, что ты умеешь?" — спросил Игорь и сделал шаг... Еще шаг, и еще, заставляя врага отступать дальше и дальше. Вместо отдельных, ясных мыслей в ответ его окатил ураган бешенства — Игорь ощутил, как судорожно вздрогнула толща пола. Ситуация выходила патовой. Правильно поставленную защиту ментально пробить невозможно — но для активных ответных действий свою защиту необходимо снять. А то, что он, Игорь, как ментальный боец слабее фомора — это ясно.

Он достал кластерник. Но оружие просто не срабатывало — Игорь ощутил, как выросла и окрепла уверенность фомора. Мальчишку это не особенно взволновало — он хорошо знал, что такое технокинез и как можно «заморозить» почти любой прибор, такое умели даже здешние яшгайаны, под которых маскировались фоморианские агенты. С его стороны это был скорее отвлекающий маневр — выпустив кластерник из руки, он сбросил защиту и нанес биоэнергетический удар. Фомора отшвырнуло, но он удержался на ногах и взмахнул посохом.

Удар пришелся по касательной — Игоря спасла реакция. Однако его бросило, развернув юлой, на пол, перевернуло и протащило назад. Прежде чем он успел собраться, фомор навис над ним, и один из клинков посоха располосовал правое плечо Игоря — а целил

³¹ Гvido фон Лист (1848–1919 г.г.) — германский историк, философ, филолог и оккультист, исследователь волшебных свойств рун. В пространственно-временной реальности романа на его исследованиях базируется часть подготовки земной элиты — в плане ментальных воздействий.

фомор в горло! Игорь, уже не мудрствуя, буквально подбросил фомора в воздух сдвоенным ударом ног в живот — из человека такой пинок, пожалуй, вышиб бы дух, потому что был не слабее удара лошадиным копытом. Но фомор только отлетел к стене и, тяжело влипнув в нее с отчетливым стуком, выронил посох. Игорь вскочил, перехватывая кластерник, и выпустил во врага целый веер серебряных дисков. Не попал — тот распластался черной тенью по полу, подхватил посох — и...

...и Игорь раздавил ему голову — или что там было под капюшоном — концентрированным ударом, а потом всадил во вскочившее тело остатки серебра. На этот раз — точно.

— Вот и все, — Игорь длинно сплюнул и не удивился, увидев, что слюна смешана с кровью. Явный перенапряг, и сильный. Он отплюнулся снова и почувствовал, что падает, падает, падает — удивительно было, как далеко оказалось до пола...

...Кто-то поддержал его под руку. Игорь вскинул голову и увидел отца. В точности такого, каким запомнил его с последнего раза — в мундире Флота, и ощущение отцовских пальцев на локте было явственным и реальным. Отец улыбался — не весело, но одобрительно и ласково.

— Папа! — вырвалось у Игоря, он хотел сам взяться за отцовскую руку, но капитан-лейтенант Муромцев покачал головой и сделал несколько шагов назад, где вдруг распахнулся золотистый прямоугольник, похожий на дверь. Игорь увидел, как откуда-то сбоку к отцу подошла женщина, молодая и красивая — и узнал мать. Она тоже улыбалась и кивнула сыну, но, когда он бросился вперед, протянула к сыну ладонь и покачала головой так же, как отец. Мужчина обнял женщину, та склонила голову ему на плечо и, не сводя глаз с застывшего на месте мальчишки, он начали отступать в свет — дальше и дальше, растворяясь в нем...

.... — Очнулся, — Борька улыбался. — Зигфрид, он глазки открыл. А глазки у нас такие пьяненькие-е...

Игорь попытался сесть, но это не получилось — все тело вопило, чтобы его оставили в покое. Понаблюдав за телодвижениями Игоря, Борька неожиданно спросил:

— Помнишь, я как-то сказал, что хочу быть тобой?

— Угу, — вяло буркнул Игорь. Борька сел рядом и покачал головой;

— Забудь.

11

В чашах факелов, опоясывавших зал частей лентой, горело настоящее пламя — яркое, ало-золотое. Вокруг большого каменного стола, занимавшего весь центр зала, в креслах с высокими спинками и широкими подлокотниками, сидели около полусотни человек, в основном одетых в мундиры разных родов войск. В центре стола голубовато светился шар выключенного стереоэкрана; возле него высился увенчанный прямой золотой ладонью алый штандарт с золотой свастикой. Все слушали молодого широкоплечего генерал-полковника в форме Объединенного Флота, который один не сидел за столом, а стоял под одним из факелов.

— Сейчас, после почти двадцати лет тяжелейшей войны, в которой мы одерживали победы и терпели поражения, которую вели с напряжением всех сил, на алтарь которой положили десятки миллионов молодых жизней, огромное количество крайне необходимых Земле материальных ресурсов, всю нашу веру и волю к победе, всю нашу научную мощь — так вот, сейчас мы на грани краха. Да, краха! — он повысил голос, перекрывая начавшийся легкий шум. — Всем вам известно, что несколько лет назад альянс Чужих против нас стал

реальностью — они отринули свои разногласия ради победы над нами, и их мощь выросла в разы. Вы все так же знаете, что мы до сих пор отстаем технически. Если раньше нам удавалось одерживать победы сперва за счет внезапности, потом — используя старые счета врагов между собой, то вот уже несколько лет мы более не можем на это рассчитывать — и терпим поражение за поражением. Те из нас, которые уже были готовы нас поддержать, вновь заняли выжидательную позицию — и я не могу их винить. Чужих больше. Их оружие и корабли лучше. У них достаточно решимости, чтобы вести эту войну. Они хорошо с нами познакомились и понимают; если нас не остановить сейчас, то мы уничтожим их миропорядок — даже не по злой воле, а просто потому, что для нас в нем нет места. В сложившихся условиях... — он выдержал паузу. — В сложившихся условиях Военный Комитет Большого Круга Объединенной Земли, который я возглавляю волею Их Императорских Величеств Императоров Русской и Англо-Саксонской Империй, пошел на заключение перемирия... — он поднял руку, глуша уже не шум, а начавшийся яростный рев. — Не мира, а перемирия, товарищи, которое поможет нам оценить ситуацию и принять решение... Мы отброшены фактически в границы Солнечной Системы. За ее пределами в наших руках только Надежда и две Луны. Если мы отдадим Надежду — мы лишимся нефти, а с нею — пластмасс и горючего, все еще необходимого для наземной техники. Ресурсы нефти и вообще полезных ископаемых на Земле минимальны... Кроме того, на Надежде находятся миллионы беженцев, которых нам просто не на чем эвакуировать. Защищаться нам тоже нечем. Второй, Четвертый, Пятый, Шестой и Седьмой флоты уничтожены практически полностью, у нас нет никаких сведений об их остатках, мы даже не знаем, есть ли эти остатки. Первый флот имеет едва сорок процентов списочной численности. Регулярная армия находится в плачевном состоянии — мы считаем убитыми, искалеченными, попавшими в плен и пропавшими без вести до восьмидесяти процентов ее состава, мы даже не знаем точной цифры наших потерь за последние полтора года. На Сельговии собираются десанты Чужих. Оттуда одиннадцать дней броска до Надежды. Десантного броска, не боевого даже. Это знаем мы, и Чужие это знают тоже. В этих условиях, — голос генерал-полковника звякнул металлом, — у нас остаются два выхода. Первый выход — КАПИТУЛЯЦИЯ.

Люди с бледными лицами повскакали с мест. При свете факелов они казались оскаленными животными, загнанными в угол, но от того лишь более опасными и разъяренными. И русские, и англосаксы, и представители автономий словно разучились говорить — они рычали и выли. Оратор вскинул руки:

— Тише, товарищи! Тише! Мы встречались с делегацией Чужих. Условия капитуляции таковы. Мы остаемся лишь в пределах Солнечной Системы. Уничтожаем весь военный флот кроме сторожевых кораблей. Все космические перевозки для наших нужд вне пределов Солнечной Системы переходят к Чужим. Мы распускаем армию, оставляем лишь силы внутренней безопасности с легкой техникой и стрелковым оружием. Наблюдатели Чужих получают контроль над производством. И наконец... — генерал-полковник перевел дух, сжал и разжал кулаки. — Мы даем заложников. Десять миллионов заложников — по выбору Чужих, которых они разместят на своих планетах.

Опираясь локтем и грудью на стол, белобрысый молодой швед крикнул, не вставая:

— У меня двое сыновей! Если Круг согласится... если только... я убью их и жену своими руками, а потом покончу с собой!

— Нас растерзают наши же люди, если узнают, что мы поставили подписи под документами, отдающими в рабство миллионы землян!

— Они возьмут детей! Вы понимаете — ДЕТЕЙ, как бандиты Безвременья!

Рослый англичанин в мундире генерал-майора десантников, положив на гранит стола ладони, поднялся в рост. Верхнюю часть его лица скрывала повязка. Голосом невыразительным и резким он сказал:

— Я проклинал тот день, когда лишился глаз. Но если будет принято решение о капитуляции — я тот день благословлю, потому, что не увижу этого... Вы говорили о двух

выходах. И сказали, что это первый. Каков второй?

— Второй — это ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА, — генерал-полковник обвел зал взглядом, и стало совсем тихо. Англичанин опустился на место. — Это значит, что придется призвать пятнадцатилетних и разрешить вступать добровольцами в армию тринадцатилетним. Надо будет разрешить вступление в действующую армию женщинам. Нам придется отменить не только отпуска, но и выходные, и праздники, снова увеличить рабочий день — уже до двенадцати часов. Мы вынуждены будем на треть сократить пайки, ввести трудовую повинность для десятилетних и вернуть на работу пенсионеров, пенсии которых придется урезать до минимума. Придется остановить практически все гражданское транспортное сообщение. Подача тепла и света снова будет сокращена, а она и так на пределе. В результате не десять миллионов окажутся в рабстве, — а умрут в боях ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ. Погибнут в новых боях вдобавок к тем, кто уже погиб. Наш народ вправе просто отказаться делать все это. После двадцати лет разговоров о скорой победе предложить им ТАКОЕ... — он покачал головой и продолжал: — Мы их правители, но мы и их слуги. И мы обязаны сначала спросить людей Земли, а потом — решать самим, — он показал на экран компьютера. — По распоряжению моего коллеги из Социального Комитета вот уже два дня по месту жительства всем гражданам обеих Империй и всех автономий раздают одноразовые «сигналки» с двумя кнопками, нажатие которых фиксируется Центральным Информаторием. К этому моменту их получили практически все земляне старше тринадцати лет... — он вытер лоб рукой. — Красная кнопка — тотальная война. Зеленая — капитуляция. Товарищи, сейчас я дам сигнал, и экран начнет фиксировать ответы. Нижний правый угол — война, нижний левый — капитуляция. Прошу внимания. Я... — он склонился над столом, помедлил, выложил на его поверхность тяжелый армейский пистолет «гюрза». — Если голосование подтвердит решений о капитуляции... я не считаю себя вправе, поскольку наш курс... и прошу всех в этом случае последовать моему примеру. Я отдаю приказ о начале.

Он коснулся основания голографического экрана, и в его углах вспыхнули первые цифры. Вокруг стола пробежало движение — на его холодную поверхность люди спокойно и решительно выкладывали оружие.

Алые цифры в правом углу слились в кровавое сияние. В левом — медленно ползли. Постепенно — никто не сказал бы, сколько времени прошло — движение слева остановилось совсем; справа — еще продолжалось, но уже было видно десятизначное алое число — и жалкие пять зеленых цифр.

— Голосование проведено, — тихо, но очень громко в молчании зала Большого Круга сказал генерал-полковник. Его лицо вдруг дрогнуло и исказилось, превращаясь в страшную маску — Люди Земли отказались быть рабами! Они сказали своё слово! Что скажем им мы, правители Земли? Хотите ли вы капитуляции?!?!?!?

— Нет... нет, никогда!!! — завыл зал, вскипая волной.

— Тогда — тотальная война!!! — оратор вскинул руки, и пламя факелов заметалось огненными крыльями.

— Да... да, война!!! — послышался рев, слитный и мощный.

— Мы поставим на карту все! Если мы возьмем Сельговию, то запасов, накопленных Чужими для десантных армий, нам хватит на год войны — и жизни! За этот год мы восстановим и нарастим силы! Мы ударим снова и снова! Мы будем бить — пока не победим или не погибнем все до единого!!! Юрий!

В зал чеканным шагом вошел, отсалютовав Большому Кругу, широкоплечий подросток, одетый в мундир Селенжинского Императорского Лицея. Не надо было присматриваться внимательно, чтобы заметить сходство между ним и генерал-полковником. Подросток под пристальными взглядами вновь затихших людей обогнул стол и подошел к генералу.

— Да, отец, — его ясный голос эхом отразился от стен.

— Товарищи, вы все знаете, что моей дочери десять, а младшему сыну — пять лет, —

генерал-полковник положил ладонь на узкий витой погон лицейского мундира. — Юре четырнадцать. Сегодня мы приняли ужасное, бесчеловечное решение, и я, ответственный за него, не имею права уходить от этой ответственности. Юрий, ты сегодня же оставишь лицей и вступишь в первую же формирующуюся для десанта на Сельговину часть.

— Да, отец, — спокойно ответил мальчик. В его взгляде, брошенном на отца, были только любовь и бесконечная вера.

— Скорее всего, сынок, ты погибнешь. Ради Земли. Ради ее будущего. Ты понимаешь?

— Я понимаю, отец. Я готов, — так же спокойно сказал мальчик. И посмотрел на людей вокруг стола. — Я бы только хотел просить присутствующих последовать примеру моего отца. Тех, у кого есть сыновья подходящего возраста.

12

Костер горел у кормы лесохода. Все только что пообедали. Переносной экран, на котором крутили документальные кадры более чем двухвековой давности, отключили, унесли внутрь. Борька катал по траве пустую бутылку из-под кагора, который взяли с собой именно в расчете на то, что День Поминовения придется отмечать в походе. Настроение было отличное, но сейчас, после хроники и тоста, обычного в таких случаях: "Так мы будем чтить наших павших!" — немного задумчивое. Кроме того, вся компания очень устала за весьма бурный день, закончившийся с одной стороны удачей (вражеское гнездо было разгромлено, а молниеносная экспедиция Игоря в нижние пещеры подтвердила его предположения в плане геологии), а с другой стороны — разочарованием (они обнаружили катер, но при попытке проникнуть внутрь произошел взрыв с практически полной аннигиляцией аппарата, едва не стоивший изыскателям жизни... впрочем, ведшаяся съемка подтверждала, что катер фоморианский).

— Только все это бессмысленно, — вдруг сказал Женька. — Наши все равно ничего фоморам предъявить не смогут. У нас же даже дипломатических отношений толком нет.

— Не бессмысленно, — ответил Игорь, почти весь вечер молчавший.

— Нет, я понимаю, ты про своих родителей, — кивнул Женька. — Я очень рад, что ты за них отомстил, я в плане политики.

— А пошла она в сторону Веги, — Игорь потянулся, вызвав общий смех. Окинул остальных взглядом. Возле огня сидели друзья — настоящие друзья, без подмеса, и он, поддавшись неожиданно нахлынувшему чувству, продолжал: — А знаете, я ведь мать и отца видел сегодня...

...— У меня два года назад было сотрясение мозга после бокса, — без насмешки сказал Женька, дослушав. — Мне после него неделю голоса слышались. А уж после твоих приключений...

Лизка ткнула его локтем в бок и состроила зверскую рожу. Но Игорь ни капли не обиделся, только покачал головой:

— Не знаю...

— И знать нечего, — Зигфрид стукнул по откатившемуся в сторону угольку палочкой, превратив его в быстрый рой золотистых искр. — Ты Женьку не слушай. У нас дома записи хранятся, вроде архива... даже еще с раннего средневековья. Вот один мой пра-прадед воевал во время Галактической...

— Удивил, — заметил Женька. Лизка снова пихнула его локтем:

— Дай послушать.

— Так вот, — Зигфрид повертел палочкой в огне, на ее конце распустился огненный бутон. — Как раз тогда, после Большого Голосования, и было ему пятнадцать. На Сельговии он как раз цел остался, даже не поцарапало, а вот потом, на одной орбитальной базе джагганской, его контузило. И не только мозги, а вообще всего. Он как будто с высоты

неудачно упал — ну, вы знаете, как это бывает: все обмерло, только не прошло, а... — германец бросил палочку в пламя. — Он еще подумал: "Я что, убит? — а потом: — Да нет, раз думаю — значит, живой, наверное..." — и глаза открыл. И вроде лежит он возле какой-то тропинки, кругом туман неподвижный, а между камней трава растет, хилая, серая какая-то. А он сам — цел, даже ни царапинки. Он обалдел, конечно, но... так, не очень. Там, в записи, он говорил: как будто ему лошадиную лозу успокоительного всадили. Сонный такой стал. Поднялся и пошел этой тропинкой, долго шел, несколько раз садился, отдыхал, а потом вдруг раз — и видит озеро. В котловине... Склоны такой высокой густой травой заросли, а в самой середине — круглое озерцо, вода прозрачная и тумана нет. Он разделся, поплавал, на траве полежал, потом смотрит — а рядом люди стоят, довольно много, мальчишки и девчонки, его возраста, постарше, помладше... Стоят и смотрят — молча, но спокойно, доброжелательно. Одеты кто во что... И одна девчонка говорит: "Здравствуй. Ты солдат?" Ну, он не удивился совсем, отвечает: "Да, солдат. А где я?" А ему говорят: "Ты, наверное, умер. Ну вспомни." Он начал вспоминать и говорит: "Наверное, да." И совсем после этих слов успокоился. Остался там жить... Он вроде совсем не помнил, как и где спал, что ел и вообще... Только что плавал много, играл с младшими, разговаривал — правда, не запомнил, о чем... А потом вдруг раз — и очнулся на койке в госпитале, он, оказывается, два месяца в коме пролежал.

— Опять-таки, — гнул свое Женька, — после ранений, особенно если с головой связано, еще и не такое привидеться может.

— Вообще-то ты, Жень, прав... и не прав, — возразил Игорь. — На свете еще и не такое бывает, и никто толком не может сказать, чего больше в необъяснимых событиях: видений или странной реальности. До сих пор никто, например, не знает, что случается с энергетической составляющей человеческой личности после смерти... Я сам вот такое видал... — он лег у огня поудобнее. — Это тем летом было, когда... когда мои родители погибли. Мы были в Амазонии, жили одно время в кемпинге на берегу Амазонского пролива, и с нами соседние номера занимали англосаксы из одной их публичной школы, мы с ними несколько раз в футбол играли. Вот у них был парень один, мой ровесник, Джонни де Феррьер... Так вот, там кемпинг такой — похож на две наложенные друг на друга серединками подковы, а концы — в разные стороны, и в этих концах — номера, а в середине — разная развлекаловка. Ну, мы как-то нарушали режим — Денис Карташов — это который мне «тулу-баранников» подарил, — Максим Обручев, его летом на экзамене убили, не повезло, да... Витька Сердюков и я. Уже полночь было, а мы сидим, треплемся о разном и на гитаре потихоньку играем... — Катька засмеялась, Игорь улыбнулся тоже и кивнул: — Угу, потихоньку, правда... Потом есть захотели. Покачались на ножке стула, и я пошел за бутербродами в автоматы, там стояли бесплатные. А что, уже поздно, все спят, свет только в магистральных коридорах... Вижу — по параллельному коридору топают этот самый Джонни. Мы им как раз два матча в тот день продули. Ну, думаю — сейчас догоню, домотаюсь и подеремся, все-таки сатисфакция, — теперь засмеялись уже все, понимающе и весело, Поворачиваю за угол, а он открывает дверь, оттуда свет. Я думал, это его номер. Но он почему-то дверь не закрыл, я и подошел. А за дверью — озеро — берег озера, тростники, вечер. Не ночь, а вечер с закатом, да и озеро совсем не тропическое. Я уж не говорю, что там, за дверью, и тропического быть не могло — обычные номера. Просто. И Джонни этот раздевается и начинает в этом озере плавать.

— Ничего себе... — вырвалось у Борьки. Игорь согласился:

— Угу, и я так подумал. Не скажу, что испугался, но поразился — это точно. Едва хватило соображения назад сдать и вернуться в комнату.

— Ну и как ты это объясняешь? — спросил Женька. Игорь пожал плечами:

— Да никак, в том-то все и дело. Но точно знаю, что контужен я не был и сознания не терял. Просто не все можно объяснить. Пока не все, — Игорь вытянул указательный палец правой руки, согнул резко — и упаковка шоколада прыгнула в его ладонь из пальцев Женьки.

Но съесть трофей Игорю было не суждено, из люка лесохода послышался сигнал вызова личного канала, мальчишка швырнул шоколад обратно и кинулся на звук.

На экране было, однако, совершенно незнакомое лицо молодого мужчины. Игорю оно ничего не говорило. Мужчина сидел в рабочем кабинете, за окном был день.

— Господин Муромцев, сударь, здравствуйте! — ослепительно улыбнулся незнакомец. — Разрешите представиться: Дробизов, Павел Павлович, журналист "Земли и воли".

— Здравствуйте, — Игорь кивнул. — Как вы оказались на моем личном канале?

— Это мелочи, сударь, — Дробизов продолжал улыбаться. — Мне очень приятно видеть вас в такой обстановке — так сказать, первооткрывателя...

— Я вас слушаю, — прервал его Игорь. — Именно слушаю, но пока что ничего не слышу.

— Деловой подход! — казалось, что зубов у Дробизова больше полусотни. Я бы хотел, так сказать, узнать из первоисточника о целях вашей экспедиции. Правда ли, что генерал-губернатор готовит удар по силам оппозиции с этой целью послал вас разведать территории, на которые можно будет пригласить наиболее консервативно настроенных переселенцев с Балкан и из Азиатской России? Правда ли, что его агенты на Земле уже распространяют материалы, имеющие целью подготовить будущих колонистов к мысли об ожидающей их войне с независимыми вабиска Севера? Кто финансирует вашу экспедицию? Как вы...

— Если вы еще раз, — выделяя каждое слово, прервал его Игорь, не сводя глаз с экрана, — позволите себе вмешаться в мои дела, вас объявят пропавшим без вести при невыясненных обстоятельствах, — он переключил на передачу и вызвал Дзюбу. Ярослав Ярославович откликнулся неожиданно быстро — со стройки в Прибое.

— Добрый вечер, — кивнул он. — Судя по твоему лицу, сейчас будет буря.

— Ярослав Ярославович, — со сдерживаемой яростью заговорил Игорь, навалившись локтем на панель управления, — я требую, чтобы вы немедленно сняли с занимаемой должности техника 3-го класса Веронику Михайловну Майскую. На мой личный канал связи с господином генерал-губернатором влез без мыла некий Дробизов, журналист "Земли и воли", задал кучу назойливых вопросов...

— Ну, это мелочи, — флегматично ответил Дзюба. — Кто-то похитил из сети аппарата генерал-губернатора карты земель за Черной Чашей, до самых границ Иррузая, нанес на них поддельные обозначения и выдал за планы ведения боевых действий, которые, якобы, предполагается возобновить. Карты напечатали в "Земле и воле" и нескольких поселковых изданиях, контролируемых сторонниками прогрессивистов.

— Замените код моего канала, — устало сказал Игорь. — Сегодня был тяжелый день... Да, еще. Я прошу вас сообщить Сергею Константиновичу следующее... — Игорь сосредоточился и медленно выговорил: — Я нашел то, что не обходимо для нормального развития ваших экономических программ... нет, не я, а мы — мы нашли. И добавьте, что мы возвращаемся.

Дзюба несколько секунд молча смотрел в лицо Игоря. Потом сказал — как будто самому себе:

— Я иногда пугаюсь мысли, что мог бы и не оказаться на том рейсе... Что тогда было бы?

— То же самое, Ярослав Ярославович, — Игорь встал. — Честное слово — то же самое, я уверен. Всего хорошего, мы ложимся спать.

— Устали? — губернатор вдруг очень тепло и по-домашнему улыбнулся.

— Ничего, — признался Игорь. И улыбнулся в ответ, как улыбается обычный мальчик.

Игорь, не отрываясь, смотрел на этот снег, весь напрягшись — и вслушивался.

— Пристрелили якоря, — сказал Борька, входя и отряхиваясь. — Ветер чудовищный. Тащит.

— Где Зиг? — не поворачиваясь, спросил Игорь.

— Здесь, — послышался голос, на который он тут же обернулся. Зигфрида поддерживал Степка, сзади с решительным видом протискивалась Катька с аптечкой. — Я вернулся. Порадовать не могу.

Германец не говорил, а давил слова не своим голосом, словно ему было тяжело шевелить губами. На левой стороне его лица снег не таял — держался плотной искристой маской. Зигфрид шумно упал на сиденье и выставил ноги в заплеванных снегом огромных унтах, что-то промычал. Лизка охнула:

— Да он же поморозился!.. Ну-ка, отойдите все! — она отстранила ребят и, встав рядом с Зигфридом, занялась его лицом.

— Тропинки нет, — косноязычно доложил тот, с трудом разлепляя глаз. — Вернее — есть, но пешеходка, даже кони не пройдут. Дальше, на перевале, ветер такой, что с ног валит. Надо возвращаться.

— Ну-ка, не говори пока ничего, — решительно приказала Лизка. — А то все это с тебя слезать будет потом.

— Как возвращаться?! — закричал Женька. — Как возвращаться, ты что?! Игорь, скажи!..

Игорь покусывал уголок губы, потом неохотно ответил:

— Зигфрид германец, горец... Если он сказал — "тропинки нет", значит — нет.

— Чини скорее, Лизхен. — попросил Зигфрид, — я еще схожу посмотрю.

— Никуда не пойдёшь, — Лизка решительно выставила вперед подбородок. — Иначе останешься без половины морды.

— Да ладно... — Зигфрид улыбнулся, а Лизка щелкнула его в лоб:

— Не смей!

— Ты никуда не пойдешь, — беспрекословным тоном сказал Игорь. — Сходил, хватит... Ладно. Принимаю решение. Сходим еще по разу каждый, кроме Зига и девчонок, на полчаса. Попробуем еще найти тропу.

— Попробуйте перебраться через гранитную плиту, — снова подал голос Зигфрид. — Я не смог, сил не хватило. А вы прямиком идите туда, если что и есть, то там. Сразу туда идите, не тычтесь никуда, а то тоже ослабеете.

— Да сразу пойдем, — Женька успокаивающе хлопнул его по плечу ладонью, — давай отдыхай. Ну что, я первый?

— Почему это ты? — толкнул друга в бок Борька. — Лучше я.

— Лучше, хуже... — Игорь отмахнулся. — Жень, проверь вертушку.

— Что ее... Понял, сделаю.

— Ты, Борь — батареи.

— Угу, а ты пойдешь, — добавил Борька. — Хитро.

— Я проверю связь, — невозмутимо добавил Игорь. — Пойдет Степка, я — вторым. Если ничего не найдем за два часа — возвращаемся... Пойдешь? — он посмотрел на Степана. Тот кивнул:

— Конечно. Сейчас...

...— Связь через комбрас, — Игорь пожал руку Степке, и тот, улыбнувшись, натянул на лицо маску и надел трехпалую перчатку, став немного похожим на медвежонка. — Если увидишь, что можно пройти, ставь маячок. Но не рвись. Поймешь, что непроходняк — плюнь.

— Я в маске, — весело ответил Степка, потопал унтами. — Открывай — а-а! — и вывалился в буран...

...Такого Степка в жизни своей не испытывал и не думал, что такое может быть. Когда он вышел из-за корпуса лесохода, ему показалось, что ветер — это что-то очень плотное и активно сопротивляющееся. Он мешал двигаться, и Степка с неожиданным испугом понял — идти просто не получается. Ветер был сильнее его крепкого, тренированного тела.

— Фу, черт, — выдохнул он и услышал голос Игоря:

— Что такое?

— Ты же связь проверяешь, — самообладание вернулось к Степке, он чуть шагнул назад и взялся рукой за броню.

— Как раз и проверяю, — согласился Игорь. И понизил голос: — Согни корпус. Как в клинче при боксе.

— Да я уже понял, — тоже негромко ответил Степка. "А сперва испугался," — мысленно добавил он и смутился, когда Игорь добавил:

— Это бывает... Давай иди. И помни — все, что ты комбрасом «видишь», вижу и я. И пока я вижу только снег...

...Ветер и правда словно начал скользить поверху, по спине. Степка повозился с замками голенищ — подошвы унтов превратились в широкие снегоступы, идти сделалось легче. Тропинку, которую пробил Зигфрид, конечно, замело начисто, но выставленные им вешки давали из-под снега четкий сигнал, отражавшийся на экране комбраса цепочкой алых точек. Зеленая стрелочка, ползшая от вешки к вешке, и была — он, Степка.

В небольшом, похожем на трубу ущелье, ветер был так, что становилось страшно от одного звука. Выход перекрывал косой, хищно изогнувший свой верх сугроб, очень похожий на приготовившегося к прыжку белого зверя. Внизу в нем сохранилось углубление — тут прошел Зиг. Степка достал тесак, но оказалось, что снег все еще рыхлый и легко сыпется.

За звероподобным сугробом вешки кончились, и Стёпка не мог винить германца за это. Тропинка вела и дальше — узкая, больше похожая на прилепленный к стене карниз. Тут ветер не мешал, а помогал — прижимал к камню. Но Зигфрид был прав — даже кони тут не пройдут. Однако, левее начинался гранитный откос — примерно в 40 градусов, гладкий, словно специально обработанный. Обработали его так ветер и снег — хотя на этой каменной плите снега не было, она блестела, как лед. Степка остановился, примериваясь. Да, лесоход может лазером выплавить тут подъем. Но сначала нужно посмотреть, что там, дальше.

— Вот она, эта плита, — Степка повел рукой. — Попробую на нее подняться.

— Подожди, ты же не альпинист, — голос Игоря сделался тревожным. — Я сейчас приду к тебе!

— Да не надо, — возразил Степка. — Тут ничего сложного. Я просто посмотрю, есть ли дальше спуск. Если есть, то тут мы, я думаю, прорежемся.

Он убрал снегоступы и, "выпустив когти" на подошвах, попробовал поверхность. Так и есть — ее покрывал тончайший слой льда, помогавший держаться. Наклоняясь на ветер, мальчишка прочно ставил ноги, свесив руки почти до колен. Временами «кошки» скрежетали об отшлифованный гранит подо льдом.

Из-за бурана гранитная плита казалась меньше, чем была на самом деле. Степка карабкался уже дольше, чем рассчитывал, но неожиданно для самого себя выбрался на острый, похожий на нож, гребень. Дальше шел спуск — еще более крутой, чем подъем, но короткий, а слева мальчишка увидел удобное место. Там, где кончалась гранитная плита, различался относительно пологий склон — неизвестно, каким он будет дальше, но тут он выглядел вполне приемлемо.

— Ребята! — возбужденно сказал Степка. — Я нашел спуск, сейчас гляну!

— Осторожнее! — окликнул его Игорь, но Степка уже спускался, тормозя шипами. Он не видел никакой опасности.

Степка действительно не был альпинистом и не знал, насколько коварен может быть лед в горах. Массы его накапливаются веками, обретают твердость камня и могут выдержать посадку космического катера... а потом вдруг подламываются от севшей на край птички, и

десятки, а то и сотни тонн бесшумно и молниеносно уходят в пропасти. В этом плане Третий Меридиан — Зубастые Горы — ничуть не отличался от любых других гор...

Весь карниз, казавшийся Степке продолжением гранитной глыбы, как раз и состоял из льда.

Мальчишке еще почудилось за воем и свистом бурана, как что-то треснуло — так лопается броня, это чудовищно громкий "щелк!". Степка обернулся — и понял, что падает.

Не один падает, а вместе с частью скалы.

Если бы Степка прыгнул — надежный край был еще очень близко! — то сдвинувшаяся снежная масса смела бы его, вогнала под лед и перемешала с ним. Но в эти секунды его мозг работал холодно и быстро. Мальчишка не сделал ни одного движения, проваливаясь, как памятник — неподвижно, и со стороны казалось, что он окаменел от страха. На самом деле он все рассчитал и даже успел крикнуть по связи. "Проваливаюсь! "А в следующий миг вся масса рухнула на склон полусотней метров ниже — и Степка «поплыл», помня только об одном: держаться сверху снего-ледяного потока, со все возрастающей скоростью устремлявшегося вниз, в долину...

14

— Далеко не уходи, слышишь? — голос отца из комбраса был строгим, но не особенно, поэтому Клотти весело кивнула и пообещала:

— Я быстро. Пошла!

— погоди, — отец на экране посмотрел через плечо. — Слушай, дочка, загляни вот сюда, — появилась карта, — там утром лавина сошла, а у нас бормотание какое-то слышалось. Как бы не из наших кто попал...

— Наши? — Клотти свела густые светлые брови. — Откуда тут?

— Экспедиция Муромцева уже близко должна быть, — сообщил отец. — А связь плохая. Ты посмотри.

— Гляну, — пообещала Клотти. — Пошла я, говорю.

Она легко взбежала на пологую каменную глыбу и оглянулась на оставшиеся позади палатки лагеря, кольцом окружавшие три лесохода, над которыми вяло мотался флаг Фелькишер Ланд. Девчонка засмеялась — просто так, потому что день был хороший, настроение хорошее, небо прозрачное — и вообще...

Она пристукнула о носок узкого сапога с отворотом прикладом тридцатииз рядного «тула-дроботов» — высокая, крепкая германская девчонка, одетая, как одеваются парни, даже со скрамасаксом на поясе; на распущенных светлых волосах ловко сидело кепи.

Бросив еще один взгляд на лагерь, Клотти ловко — с поворотом в воздухе — прыгнула с камня и бесшумным, размашистым шагом углубилась в чащу...

...В трех километрах от лагеря несколько волков перебежали дорогу — Клотти лихо свистнула, ускорила шаг, ориентируясь по карте. Первый след лавины встретился ей довольно скоро — узкий язык, смаху подрезав вековые деревья, разнес и перетер их в щепу, оставив в лесу просеку, засыпанную плотно слежавшимся снегом, из которого тут и там торчали зеленовато-стеклянные глыбы льда, в которых горело тусклое отражение солнца. Вяло мертвым холодом, девчонка поспешила перебежать белую полосу. Где-то близко ревел ручей — наверное, его перепрудило, и вода теперь пробивала себе путь через преграду.

Через полминуты Клотти увидела этот ручей, но не обратила на него внимания.

На другом его берегу замерли трое верховых вабиска. До них было не меньше шестидесяти метров. Привстав в стременах, все трое рассматривали что-то в воде — Клотти отсюда не могла разобрать, что именно, но зато видела, что эти вабиска — иррузайцы, а значит — враги.

Бесшумно упав на колено, девчонка сдернула с плеча висевший стволом вниз ИПП. Ее слегка залихорадило, она начала озиаться, вовсе не собираясь стрелять — иррузайцев могло быть и не трое, а много больше. Но уже через миг все изменилось — Клотти поняла, что с таким вниманием разглядывают верховые.

В ручье — на полсотни метров выше по течению — у берега лежал человек. Непонятно, кто — но точно землянин. А иррузайцы тронулись по берегу как раз в его сторону!

Уже не задумываясь, Клотти положила ствол ИПП в развилку ветви и выстрелила.

Передний вабиска пригнулся, двое других завертелись в седлах. Клотти поспешно выстрелила еще дважды, один раз — удачно, левый крайний во вспышке вылетел из седла в ручей, подняв тучу брызг и пара. Двое оставшихся, развернув гуххов, помчались через кусты галопом. Клотти еще дважды выстрелила вслед, но от волнения промазала, да и не очень старалась попасть, если честно — тут же забыв о вабиска, девчонка опрометью бросилась вниз — сперва берегом ручья, потом — по воде, туда, где лежал человек.

Неизвестному повезло — он лежал лицом вверх, иначе наверняка захлебнулся бы. Это оказался точно землянин в намокшей зимней одежде, маске и очках, снаряжение с него сорвало (это было видно по вырванным из ремней креплениям), только русский полевой нож остался в ножнах на поясе.

Забросив ИПП за спину, Клотти с усилием выволокла человека на берег, сняла очки и маску, отбросила капюшон.

Это оказался мальчишка — примерно ее лет. Явно русский, типичный — с мягким лицом, чуть курносый, русый, с высоким лбом и гладкими скулами. Клотти поспешно расстегнула на нем вымокшую одежду, нащупала пульс. Сердце билось, а когда девчонка подняла голову от груди спасенного, то наткнулась на его взгляд — вполне осмысленный и чуть удивленный...

...Странно. Светловолосая девчонка в серо-зеленом кепи смотрела на него и что-то говорила, но в ушах у Степки все еще скрежетал и осыпало лед, шуршал снег — он в отчаянье потряс головой и сказал:

— Не слышу я ничего.

Девчонка чуть отстранилась — загорелая, брови вразлет, густые, над большими голубыми глазами в длинных, неожиданно темных, ресницах, широковатый, пухлый рот... Красивая. Германка, наверное.

В ушах что-то словно бы лопнуло, стало горячо, а звуки вернулись.

— Слышу, — с удовлетворением сказал Степка. И запоздало изумился — откуда тут девчонка?! — Ты призрак? Ты мне кажешься, да?

— Я Клотти Фрайер, — слегка сердито ответила она, — и наш лагерь недалеко отсюда. Мы экспедиция и охотники, пришли из Нойе Аахена... А ты из экспедиции Муромцева?

— Да, — Степка с усилием сел. — Наши наверху, в горах. Я искал дорогу, меня унесло лавиной. Сам виноват, неосторожно шагнул.

— Тебе повезло, и не один раз, — заметила Клотти. — Пока ты тут лежал, до тебя добирались вабиска.

— А добралась ты, — Степка выдохнул. — Я Степан... Степка Рощин. Здравствуй, Клотти Фрайер.

Он не сводил глаз с лица девчонки.

Конец первой книги

Приложения

Вооруженные силы и общественные отношения

Читатель, конечно, обратил внимание, что общество Земли, описанное в книге, крайне военизированное. Это отражение позиции автора — я был волен лепить, мир по своим критериям. А я считаю, что нормально для каждого в отдельности человека может действовать лишь военизированно-кастовое общество — оно обеспечит высочайший уровень бытовой безопасности, соблюдение немногих, но разумных законов, воспитание подрастающего поколения в уважении к морали и любви, к Отечеству. При этом умерли привычные нам «демократия» и «права человека» — вещи, являющиеся причиной кризиса современной цивилизации и потакающие животным инстинктам толпы. Тот, кто читал книгу «между строк», мог заметить, что в этом обществе существуют телесные наказания для детей, нет системы разделения властей и адвокатуры, отсутствует конституция и высшие выборные органы (вроде Думы) — они назначаются обладающим абсолютной властью Императором, а граждане Империи могут выбирать лишь власть непосредственную: атаманов станиц, городских голов и т. д.; вдобавок к этому, правящий класс обладает парапсихологическими способностями, недоступными для «простых смертных». Проще говоря, с точки зрения испорченного современностью среднего человека — это ужасное тоталитарное общество-пирамида, где права личности сплошь и рядом попираются в угоду интересам государства. Отсюда и культ силы и армии, характерный для подобных обществ.

Я не собираюсь оправдываться, потому что все это именно так и есть. Другое дело — так ли это плохо? В описанном мною обществе практически отсутствует преступность, а принцип «все продается и покупается» вытеснен из сознания человека, так как система воспитания позволяет искоренять эгоистичные побуждения индивидуумов. Перегородка между кастами может быть легко преодолена — хватило бы мужества, упорства и таланта, а вместе с ними — силы доказать, что для тебя личное меньше общего. Культ силы, героизма и войны напрямую связан с тем, что Земля находится в окружении в значительной степени недружелюбных цивилизаций, а так же с тем, что в обществе господствует осознание факта: именно военный является высшим выражением служения Отечеству и самоотречения ради общего дела.

При этом, как ни странно, всеобщей воинской обязанности: в этом обществе будущего не существует. Регулярные вооруженные силы — космофлот, наземные войска, флот и военно-воздушные силы — комплектуются добровольцами, что не представляет трудностей, так как престиж армии доходит до обожания. Войска носят старые наименования, изменившие суть в контексте времени:

— **кирасиры:** бронечасты, оснащенные тяжелыми танками прорыва и предназначенные для сокрушения обороны противника;

— **драгуны:**

а) мобильные часты, оснащенные машинами огневой поддержки и предназначенные для непосредственного взаимодействия с пехотой;

б) классическая кавалерия, входящая в состав охраны латифундий дворян-землевладельцев;

— гусары: мобильные часты разведки;

— уланы: мобильные часты, предназначенные для глубинных рейдов;

— **пластуны:** императорский спецназ;

— **штурмовики:** десантно-штурмовые часты;

— **тяжелая (панцирная) пехота**, предназначенная для активных боевых действий против высокотехнических войск любого противника;

— **гренадеры:** бойцы частей огневой поддержки — артиллерии, ракетных частей и т. д.;

— **егеря:**

а) легкая пехота;

в) пехотные отряды из состава охраны латифундия дворян-землевладельцев.

Но при этом с военной службой так или иначе связаны практически все мужчины чуть ли не с 13 лет, так как в Империи действуют следующие организации:

а) **Гражданские Корпуса** — организованные по военным образцам формирования: строители, пожарные, инженеры, лесничие и многие другие, со своей формой, званиями и т. д.;

б) **Добровольное Общество Содействия Армии и Флоту (ДОСАФ)**, состоящее из:

— Народного Ополчения — созданных по территориальному принципу отрядов мужчин в возрасте от 16 лет, не занятых на государственной службе. Наиболее подготовленные части русского НО — казачество и германские егеря, но и остальные им немногим уступают;

— юнармии — отрядов пионеров старших возрастов (13–15 лет).

Женщины к военной службе привлекаются только в Гражданских Корпусах на тыловых должностях. Это вполне обусловленная дискриминация, так как участие в бою необратимо калечит психику женщины — матери, природой созданной давать, а не отнимать жизнь. Недаром так болезненно все героини книги вспоминают годы Галактической Войны, когда Земля ради спасения цивилизации вынуждена была разрешить участвовать в боях женщинам. Не следует думать, что женщины и девушки будущего беззащитны — отнюдь, но распространенная сейчас практика привлечения их (под маркой «обеспечения равных прав») к участию в массовом убийстве, каковым в любом случае является война, в будущем моей книги показалась бы преступной и страшной.

О возрастной градации

1. **До 5 лет** ребёнок считается полной собственностью родителей.

2. **С 5 лет** у государства появляются на ребёнка права (не обязанности, а именно ПРАВА!) по обучению и воспитанию. Дети дворянства именно с этого возраста воспитываются в лицеях.

3. **С 13 лет** ребёнок получает частичные права совершеннолетнего:

— постоянное ношение личного оружия;

— личная свобода передвижения в пределах Земли без контроля взрослых (для лицеистов с момента выпуска);

— право участвовать в локальных боевых действиях (для мальчиков).

4. **С 16 лет** приобретаются следующие права:

— полная свобода передвижения;

— право голоса при выборе местных властей (для всего населения) и решения глобальных вопросов (для дворянства);

— свобода от телесных наказаний;

— возможность завязать брачные узы;

— для дворянства — ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО (возможность в критических ситуациях распоряжаться жизнями людей, любыми техникой, имуществом и пр., но при условии полной единоличной ответственности за результат своих действий).

Транспортные средства

Космические корабли

Линкор — военный КК с экипажем до двухсот человек и длиной до трехсот метров. Основная задача линкоров — подавление сопротивления врага в космических боях, иногда

— орбитальные удары.

Крейсер — военный КК с экипажем до ста человек и длиной до двухсот метров. Основная задача крейсеров — подавление сопротивления врага в космических боях, охрана конвоев и дальние рейды.

Авианосец — военный КК с экипажем до полутора тысяч человек и длиной до километра. Основная задача авианосцев — охрана конвоев и орбитальные удары (посредством истребителей).

Эсминец — военный КК с экипажем до семидесяти человек и длиной до полутораста метров. Основная задача эсминцев — охрана конвоев и орбит обитаемых планет.

Фрегат — военный КК с экипажем до полусотни человек и длиной до ста метров. Основная задача фрегатов — охрана конвоев.

Корвет — военный КК с экипажем до тридцати человек и длиной до семидесяти метров. Основная задача корветов — охрана орбит обитаемых планет.

Истребитель — малоразмерный КК малого радиуса действия, базирующийся на авианосцах и терминалах-базах, с экипажем 2–3 человека. Основная задача истребителей — охрана конвоев (с авианосцев) и орбитальные удары, иногда — атаки КК врага в космических боях.

Рейдер:

а) исследовательский корабль;

б) легкий крейсер с усиленным вооружением.

Лайнер — комфортабельный КК для пассажирских перевозок.

Планетолёт (шаттл) — общее название КК, не использующихся для межзвездных перелетов. Могут быть самого разного назначения.

Планетарный транспорт

Стратолет — самолет, совершающий полеты с выходом в стратосферу.

Экраноплан — общее название большого семейства машин (джипы, электромобили, десантные суда (ДЭК), многое другое) использующих принцип воздушной подушки и оснащенных "вечными двигателями" искусственного вихря. В книге — основное средство передвижения на поверхности планет.

Струнник — основной вид общественного транспорта; поезд,двигающийся со скоростью до 300 км/ч направляющим-тросам, одновременно являющимся передатчиками электроэнергии.

Помимо этого, в описанной выше пространственно-временной реальности существуют по-прежнему «обычные» самолеты, вертолеты, морские суда, пере движение которых, впрочем, основано на работе совершенно иных, чем сейчас, механизмов.

Вооружение (упоминающееся в тексте)

Ручной автоматический плазмомет (РАП)

Личное оружие офицеров и солдат некоторых специальностей. Рассчитано на ведение как одиночного, так и автоматического огня. Комплектуется приставным прикладом-кобурой. В тексте упоминаются модели:

ТБ-98 Тула—Баранников

Вес (кг) 0,8

Длина (мм) 222

Дальность стрельбы, (м) 200

Калибр, (мм) 5

Скорострельность (выстр/мин) 120

Магазин, (зарядов) 30

Энфильд-Лайтнинг (Англо-Саксонская Империя)

Вес (кг) 0,72

Длина (мм) 210

Дальность стрельбы, (м) 200

Калибр, (мм) 4,85

Скорострельность (выстр/мин) 90

Магазин, (зарядов) 24

Ручной полуавтоматическим плазмомет (РПП)

Личное оружие офицеров. Рассчитано на видение только одиночного огня. РПП старых моделей широко используются ополченцами и просто частными лицами.

ТМ-94 Тула-Михайлов

Вес (кг) 0,59

Длина (мм) 200

Дальность стрельбы, (м) 70

Калибр, (мм) 4,5

Скорострельность (выстр/мин) 30

Магазин, (зарядов) 20

ТКЗ-70 Тула-Костров-Замятин

Вес (кг) 0,6

Длина (мм) 192

Дальность стрельбы, (м) 50

Калибр, (мм) 4,5

Скорострельность (выстр/мин) 26

Магазин, (зарядов) 18

Индивидуальный автоматический плазмомет (ИАП)

Основное оружие армии. Рассчитано на ведение одиночного и автоматического огня, а так же огня фиксированными очередями. Комплектуется прицелами, подствольными гранатометами и даже штыками разных моделей.

ИжК-88 Ижевск-Коновалов

Вес (кг) 3

Длина (мм) 826

Дальность стрельбы, (м) 1000

Калибр, (мм) 6

Скорострельность (выстр/мин) 140

Магазин, (зарядов) 45

Индивидуальный полуавтоматический плазмомет (ИПП)

Основное оружие некоторых категорий военнослужащих, ополченцев и гражданских лиц.

Рассчитано на ведение только одиночного огня, Комплектуется прицелами, подствольными гранатометами и штыками разных моделей.

ИжС-52 Ижевск-Семёнов

Вес (кг) 2

Длина (мм) 916

Дальность стрельбы, (м) 1000

Калибр, (мм) 6

Скорострельность (выстр/мин) 70

Магазин, (зарядов) 40

ТД-81 Тула-Дроботов

Вес (кг) 2,1

Длина (мм) 904

Дальность стрельбы, (м) 1000

Калибр, (мм) 6

Скорострельность (выстр/мин) 50

Магазин, (зарядов) 30

Групповой автоматический плазмомёт (ГАП)

Аналог пулемета XX века — оружие огневой поддержки на поле боя, рассчитанное на ведение одиночного и автоматического огня. Комплектуется прицелами, сошками, треногой, штоком для монтирования ГАП на технику.

ТЛ/пм-89 Тула-Лебедев повышенной мощности

Вес (кг) 8

Длина (мм) 1106

Дальность стрельбы, (м) видимость

Калибр, (мм) 10

Скорострельность (выстр/мин) 200

Магазин, (зарядов) 200

ТК-60 Тула-Киреев

Вес (кг) 6,1

Длина (мм) 1124

Дальность стрельбы, (м) видимость

Калибр, (мм) 10

Скорострельность (выстр/мин) 120

Магазин, (зарядов) 100

Электромагнитная винтовка (ЭМВ)

Оружие для особо точной стрельбы на большие дальности и борьбы с техникой, защищенной энергоэкранами, аналог ПТР и снайперских винтовок XX века, принцип действия которой основан на электромагнитном ускорении

"Булат"

Скорость пули 3000 м/с

Вес (кг) 6

Длина (мм) 1096

Дальность стрельбы, (м) 2500

Калибр, (мм) 20

Скорострельность (выстр/мин) 15

Магазин, (зарядов) 15

Полуавтоматический гранатомет

Оружие огневой поддержки на поле боя, рассчитанное на ведение одиночного огня. Принцип действия — пневматический. Комплектуется прицелом. Гранаты имеют разнообразное снаряжение боевой части.

"Бич"

Скорость гранаты 100 м/с

Вес (кг) 4

Длина (мм) 700

Дальность стрельбы, (м) 500

Калибр, (мм) 25

Скорострельность (выстр/мин) 36

Магазин, (зарядов) 12

Автоматический гранатомет

Практически аналог АГС-ов XX века за исключением принципа действия — электромагнитного ускорения. Модели в тексте не упоминаются.

Реактивная граната

Практически аналог одноразовых РПГ XX века за исключением разнообразного снаряжения боевой части, и принципа действия — использования жидкого метательного вещества. Модели в тексте не упоминаются.

Подствольный гранатомет

Практически аналог подствольных гранатометов XX века.

Печка (помповый)

Вес (кг) 0,2

Длина (мм) 256

Дальность стрельбы, (м) 400

Калибр, (мм) 15

Скорострельность (выстр/мин) 15

Магазин, (зарядов) 5

Пищаль (однорядный)

Вес (кг) 0,12

Длина (мм) 231

Дальность стрельбы, (м) 300

Калибр, (мм) 30

Скорострельность (выстр/мин) 8

Магазин, (зарядов) — Ротор

Картечица

Общее название разнокалиберного оружия с вращающимся блоком стволов, принцип действия которого основан на электромагнитном ускорении. Образцы разнятся — от ручных до монтирующихся на технике. Ведет огонь высокоскоростной картечью.

Метла (4 ствола)

Скорость картечи 2000 м/с

Вес (кг) 7

Длина (мм) 994

Дальность стрельбы, (м) 1500

Калибр, (мм) 10

Скорострельность (выстр/мин) 2000

Магазин, (зарядов) 120 (по 6 6-мм картечин)

Охотничий дробовик

Действующее на жидких метательных веществах полуавтоматическое охотничье оружие, использующее пули, картечь или дробь в зависимости от снаряжения патрон, используется чаще всего промысловиками-охотниками. Модели в тексте не упоминаются.

Кластерник

Карманный пистолет, стреляющий маленькими дисками при помощи механического взвода мощной пружины при нажатиях на курок. Модели в тексте не упоминаются.

Ракета

В контексте произведения — предназначенное для борьбы с вражеской техникой и полевыми укреплениями оружие, запускаемое с легкой наплечной установки. Имеет различное снаряжение боеголовки и блок искусственного интеллекта для самонаведения. Модели в тексте не упоминаются.

Киберстрелок

Небольшая шагающая платформа, управляемая искусственным интеллектом и оснащаемая различными видами оружия. Предназначена для поддержки пехоты в бою. Модели в тексте не упоминаются

Космические корабли и некоторая другая техника русской империи

Универсальный поисковый корабль ООСЕИВК типа "Кутузов".

Класс: универсальный боевой корабль

Длина: 80 м,

ширина: 50 м,

высота корпуса: 20 м.

Вес: не опубликован

Экипаж: от 3 человек

Двигатели: три двигателя свертки пространства, пригодные для полета в атмосфере в режиме антигравитации.

Защита: силовой щит, вероятностный щит, временинверсное поле.

Вооружение: импульсный лазер 100МДж, до 20 выстрелов по разным целям в секунду, излучатель искажений мерности пространства.

Автономность: 300 человеко/суток в стандартной комплектации.

Корабль разработан в 30-х годах ГЭ, его необычное по конструкции вооружение делает его серьезным противником для целых эскадр вражеских кораблей. Высокая точность наведения управления двигателями позволяет этому кораблю выходить в обычное пространство не только в открытом космосе, но и внутри больших помещений других кораблей или в атмосфере планет, что применимо для высадки десантов, захвата вражеских военачальников, миссий спасения и других специальных операций.

Точных данных по количеству построенных кораблей нет, но вероятно, что их очень немного, так как стоимость постройки из-за сложности конструкции чрезвычайно велика.

Надо заметить, что низкая автономность этого класса кораблей не имеет большого значения, так как использование резонансного эффекта свертки обеспечивает даже межгалактические полеты в течение нескольких часов по бортовому времени.

Форма корабля в виде вытянутого треугольника с закругленными углами облегчает его маскировку после посадки.

Тяжелый танк ТТ-9 "Витязь"

Класс: тяжелый танк

Производился: 9-32 год Галактической Эры.

Вес: 92 тонны

Экипаж: 4 человека.

Бронирование: титановый сплав, нейтрализующий экран маскировки (общепринятая система, создающая экран, блокирующий действие радаров и инфракрасных детекторов).

Двигатель: термоядерный микрореактор.

Вооружение: 1 x 175-миллиметровое автоматическое электромагнитное орудие, 100 снарядов, 2 x 6-ствольные турельные плазмометы.

Скорость: 50 километров в час.

Автономность: в кислородной атмосфере — не ограничена, в бескислородной — 100

часов.

Последний танк, принятый на вооружение Империи. Проектирование машины началось в 4 году Галактической Эры, как средство замены огромного парка устаревших танков — Т-90 и Т-11 — состоявших на вооружении после Первой Галактической войны.

С самого начала проектирование этой машины шло под ощущением ее полной ненужности ввиду полного господства Имперского космофлота. Танк создавался на Минском танковом заводе, и разработка его шла медленно. Только в 9 году ГЭ первый образец танка покинул заводские стапеля.

Создание танка велось в рамках программы по созданию машины, способной вести боевые действия как на Земле, так и на поверхности Лун, поэтому с самого начала танк проектировался герметичным, способным поддерживать двойной комплект экипажа. Использование термоядерного реактора сделало танк неограниченно автономным на Земле и позволило установить мощное 175-миллиметровое электромагнитное автоматическое орудие, стреляющее самонаводящимися снарядами.

Предполагалось произвести более 150.000 таких машин, но фактическая ликвидация угрозы со стороны инопланетных рас привела к тому, что военные утратили интерес к машине. В результате, Имперскими танковыми заводами было построено 10.000 таких машин. Более 9.000 из них были направлены в колонии.

После прекращения выпуска танка в 32 году ГЭ, военные Империи объявили, что более не рассматривают проекты гусеничной техники. Тем не менее, танки ТТ-9 до сих пор состоят на вооружении планетарных оборонительных сил, наводя животный ужас на туземцев.

Крейсер "Пластун".

Класс: тяжелый крейсер.

Длина: 327 метров.

Ширина: 98 метров.

Высота: 101 метр.

Вес: 104.000 тонн.

Экипаж: 108 человек.

Защита: силовой щит емкостью 18 гигаджоулей.

Двигатели: 5 х маршевые термоядерные, 1 х двигатель свертки пространства.

Вооружение:

- 2 х 2 тяжелых плазменных орудия,
- 4 х 1 тяжелое электромагнитное орудие,
- 8 х роторные плазмометы ПРО,
- 8 х установки тяжелых ракет,
- 2 х 4 установки зенитных ракет

Автономность: 15 месяцев

Ангар: 20 истребителей или 8 штурмовых челноков.

Первый массовый тяжелый космический корабль Русской Империи. Большая часть этих крейсеров была построена в 86-121 годах Имперской Эры, тем самым проявив завидное долголетие. Они создавались как ответ на линейные корабли Англосаксонской империи класса «Хенгист» и составили основу сил Имперских ВКС.

В основу крейсера был положен приоритет артиллерийского вооружения над ракетным. Но в отличии от Англосаксонской, Русская Империя рассматривала эти корабли одновременно и как носители тяжелого ракетного вооружения, установив на них 8 перезаряжающихся пусковых установок. Тяжелые ракеты «Рапира» представляли собой немалую опасность для других кораблей, хотя из-за исключительно оптического наведения их эффективность была сомнительна. Но ВКС планировало применять эти ракеты для разгрома линейных флотов Англосаксонской Империи, используя атомные боеголовки.

Первоначально на крейсерах базировались легкие космические истребители. Но приемлемый тяжелый штурмовик так и не был создан, поэтому в Первой Галактической

войне корабли были модернизированы для несения вместо истребителей 8 штурмовых челноков.

Но в целом, боевая эффективность крейсеров осталась сомнительной. Появление аннигиляционного орудия потребовало постройки корабля, способного их нести. Крейсер не имел потенциала модернизации, из-за очень «плотной» схемы с массивными реакторами. В результате, эти корабли были сняты с вооружения. Большая часть крейсеров — более 40 кораблей — законсервированы в доках на территории Лунной Базы Имперских ВКС, и лишь несколько кораблей находятся на вооружении колоний.

Линкор "Слава".

Класс: линкор

Длина: 410 метров.

Ширина: 140 метров.

Высота: 150 метров.

Вес: 394.000 тонн.

Экипаж: 238 человек.

Защита: силовой щит емкостью 320 гигаджоулей.

Двигатели:

— 9 х маршевые термоядерные,

— 2 х двигатели свертки пространства.

Вооружение:

— 7 х 2 тяжелых аннигиляционных орудий,

— 12 х 2 тяжелых роторных плазмометов системы ПРО,

— 1 х 4 тяжелые ракетные установки,

— 2 х 4 зенитные ракетные установки.

Автономность: 18 месяцев.

Ангар: 1 атмосферный челнок, 10 истребителей.

Линкор создавался как первый корабль Империи, способный нести тяжелые аннигиляционные орудия, огневая мощь которых позволяла поражать корабли противника с огромной эффективностью. Совершенствование систем нейтрализации и улучшение тяжелой артиллерии окончательно положили конец ракетным перестрелкам на большой дистанции — теперь корабли могли обнаруживать друг друга только оптически. Возрождение артиллерийских перестрелок, и огромная разрушительная мощь аннигиляционных орудий линкоров Чужих требовала корабля, способного эффективно противостоять объединенному флоту инопланетных рас.

Первый линкор класса «Слава» был построен в 40 году ГЭ. Он целиком отражал особенности современной тактики и дизайна, во многом заимствованного от «Императора» — массивные, громоздкие надстройки гиганта, высокая рулевая рубка напоминали о линкорах прошлого, сходявшихся в артиллерийских баталиях.

С самого начала «Слава» планировалась как лидер соединений и флагман. Ее системы управления были очень развиты. Как и все корабли Империи, линкор нес тяжелые ракеты. В имперской тактике они занимали немаловажное место как планетарное оружие возмездия.

Линкоры «Слава» представляли собой более чем достойный ответ на линкоры Чужих, но их стоимость полностью блокировала массовое производство. В результате, постройка этих кораблей была прекращена в пользу линкоров «Победа». Всего на вооружении ВКС состоит 4 "Славы".

Малый линкор "Победа".

Класс: малый линкор.

Длина: 300 метров.

Ширина: 110 метров.

Высота: 82 метра.

Вес: 112.000 тонн.

Экипаж: 198 человек.

Защита: силовой щит емкостью 32 гигаджоуля.

Двигатели:

— 5 х маршевые термоядерные,

— 4 х двигатели свертки пространства.

Вооружение:

— 1 х 1 тяжелое аннигиляционное орудие,

— 4 х 2 легких аннигиляционных орудия,

— 14 х 2 тяжелых роторных плазмометов системы ПРО,

— 2 х 4 тяжелые ракетные установки.

Автономность: 18 месяцев.

Ангар: 1 атмосферный челнок, 4 истребителя.

Из-за колоссальной стоимости линкоров класса «Слава», Имперский Генеральный Штаб начал разработку нового корабля, стоимость которого не превышала бы 40 % их стоимости, но который имел бы сопоставимую огневую мощь. «Слава» еще находилась на стапелях, когда началось проектирование малого линкора "Победа".

Новый корабль стал основным линкором Имперского Флота. «Победа» была меньше «Славы», но зато значительно быстрее. Малые размеры корабля не позволили установить на нем мощные защитные поля, но его артиллерийская мощь впечатляла — «Победы» могли противостоять огромным линкорам фоморов. Хотя огневая мощь «Победы» была в основном артиллерийской, корабль получил мощное ракетное вооружение.

Авиация линкора состояла из 4 истребителей «Буран». Так как Первая Галактическая показала необходимость усиления оборонительного вооружения из-за угрозы атаки ракетами с больших дистанций, корабль получил дополнительное зенитное вооружение. Всего Имперский Флот имеет 47 линкоров класса "Победа".

Транспортный корабль "Урал".

Класс: транспортный корабль.

Длина: 201 метр.

Ширина: 180 метров.

Высота: 98 метров.

Вес: 89.000 тонн.

Экипаж: 20 человек.

Защита: силовой щит емкостью 10 гигаджоулей.

Двигатели:

— 5 х маршевые термоядерные,

— 4 х двигатели свертки пространства.

Вооружение:

— 4 х тяжелые роторные плазмометы системы ПРО,

— 1 х 8 зенитные ракетные установки.

Ангар:

— 1 атмосферный челнок,

— до 8 истребителей (в варианте авианосца).

"Урал" создавался как корабль снабжения, способный обслуживать в открытом Космосе крейсера ВКС — доставлять топливо, оружие и истребители. Этот корабль был построен для придания автономности эскадрам и составил основу сил снабжения Имперских ВКС. Его полная нагрузка составляла 40.000 тонн, которые он мог передать любому военному кораблю. Всего было построено более 100 транспортов.

Собственное вооружение корабля оборонительное. Предполагалось его применение только как эскадренного транспорта, но после переоборудования грузового трюма в ангар он сам мог использовать перевозимые истребители.

Штурмовые мониторы типа "Вулкан".

Масса 60 000 тонн. Скорость в обычном пространстве: 10 км/с (больше ему и не надо).

Штатное вооружение: 50 ракет «Рапира» с разделяющейся 10-головой ЯБЧ, по 100 кт на каждую «голову», масса ракеты 100 тонн, скорость 50 км/с, скорость маневрирующей боеголовки 1 км/с. Часть боеголовок является рентгеновскими лазерами. До 100 орбитальных 10-тонных бомб как с обычной, так и с ЯБЧ (двигатель схода с орбиты в комплекте). 10 импульсных лазеров мощностью 1 ГВт, 50 скорострельных лазеров мощностью 10 МВт.

Экипаж: 60 человек.

Предназначен для прорыва вражеской ПКО и планетарной бомбардировки. Может выполнять функции корабля ПРО в составе эскадры.

В строю имеется 40 мониторов.

Рейдеры типа "Алтай".

40 000 тонн, скорость 2000 км/с.

Штатное вооружение: 10 ракет «Рапира», 10 орбитальных бомб, лазерное вооружение идентично "Вулкану".

Экипаж: 40 человек, призовой взвод в 50 человек.

Предназначен для рейдовых действий и захвата кораблей противника.

В строю имеется 64 штуки.

Эсминцы типа "Пионер".

20 000 тонн, скорость 500 км/с.

Вооружение: лазеры 5 x 1 ГВт, 30 x 10 МВт.

Экипаж 20 человек.

Предназначен для рейдовых и разведывательных действий против слабо защищенных объектов.

В строю 193 единиц.

Кроме того, Империя имеет около тысячи транспортных кораблей разных серий, в том числе и весьма старые, но все еще вполне пригодные к употреблению. Оборона планет основана на автоматических орбитальных платформах и ракетах планетарного базирования.